

Н. М. Шанский

ЛЕКСИКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. М. ШАНСКИЙ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

*Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности
«Русский язык и литература»*

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1972

ОТ АВТОРА

Настоящая книга представляет собой исправленное издание учебного пособия, вышедшего под тем же названием в 1964 г. В книге в соответствии с ныне действующей программой для педагогических институтов излагаются наиболее важные вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Последнее обстоятельство объясняется тем, что фразеология наряду с лексикой образуют единую целостную систему языковых единиц, объединенных не только функциональным тождеством и генетическим родством, но также и в известной степени способами образования.

Изложение материала носит объяснительный, а не критико-библиографический характер. Познакомиться и с иными точками зрения на тот или иной вопрос студенты могут по литературе, данной в конце каждого раздела.

Шанский Н. М.

Ш 21 Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов пед. ин-тов. Изд. 2-е, испр., М., «Просвещение», 1972.

368 с.

7-1-2
12-72

ВВЕДЕНИЕ В ЛЕКСИКОЛОГИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Предмет и задачи лексикологии русского языка

Лексикология представляет собой раздел науки о языке, изучающий словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии. Отдел лексикологии в курсе современного русского языка освещает современную словарную систему нашей речи, историческая лексикология русского языка — ее формирование и обогащение в связи с историей русского народа.

Объектом изучения в лексикологии являются прежде всего слова. Слова, как известно, подвергаются изучению также в морфологии и словообразовании. Однако если в морфологии и словообразовании слова оказываются средством для изучения грамматического строя и словообразовательных моделей и правил языка, то в лексикологии слова изучаются для познания самих слов, словарного состава языка как такового.

Так, например, в слове *вздор* для морфологии будет важным то, что оно относится к разряду неодушевленных имен существительных, имеет грамматическую категорию падежа, является словом мужского рода, не обладает, как и все абстрактные существительные в их основном значении, множественным числом, способно определяться прилагательным, которое в таком случае будет согласовываться с ним в роде, числе и падеже, и т. д.

Для словообразования в этом слове будет важным тот факт, что оно является словом с непроемной основой, образовано от глагола *вздирать* при помощи безаффиксного способа словообразования, в связи с изменением значения испытало процесс опрощения и т. д.

Что же касается лексикологии, то для нее в слове *вздор* будет важным, что это слово синонимично

в определенной степени словам *нелепость, чепуха, бессмыслица, бред, чушь, ахиня* и т. д., в стилистическом отношении является разговорно-фамильярным, по происхождению исконно русским, в процессе своего бытования расширило сферу своего употребления (первоначально оно было профессионализмом) и резко изменило свое значение (раньше оно обозначало «стружки, отходы, мусор») и т. д.

В лексикологии в соответствии с этим слова изучаются с точки зрения: 1) их смыслового значения, 2) места в общей системе лексики, 3) происхождения, 4) употребляемости, 5) сферы применения в процессе общения и 6) их экспрессивно-стилистического характера.

В особом разделе лексикологии, который называется фразеологией, с этих же точек зрения, а также с точки зрения степени слияния их частей, лексического состава и структуры подвергаются изучению и фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, представляющие собой целостные воспроизводимые единицы (ср. *поставить на ноги, нож острый, разбить на голову, как сыр в масле, остаться с носом, избиение младенцев* и т. д.).

Так как лексика в том или ином языке является не простой суммой слов, а определенной системой соотносительных и взаимосвязанных фактов, то лексикология предстает перед нами наукой не об отдельных словах, а о лексической системе языка в целом.

Если сказанного для определения границ лексикологии, с одной стороны, и словообразования и морфологии, с другой, вполне достаточно, то остается не совсем ясным, в каком отношении друг к другу находятся этимология и историческая лексикология. Как уже отмечалось, историческая лексикология изучает историю лексической системы, т. е. историю слов как определенных словарных единиц с тем или иным значением, экспрессивно-стилистическими свойствами, сферой употребления и т. д. Предметом ее изучения является изменение семантики слова, передвижение слова из одной сферы употребления в другую, появление у него новых стилистических свойств или эмоциональной окраски, трансформация соотносительных связей с другими словами и пр.

Что касается этимологии, то она составляет лишь часть исторической лексикологии и занимается только

происхождением слова. Ее задачи ограничиваются освещением лишь того, как возникло слово в данном языке. Дальнейшая судьба слова в этом языке изучается уже в исторической лексикологии.

Знакомство с лексической системой русского языка позволяет нам глубоко проникнуть в сложную и разнообразную жизнь русских слов. Оно позволяет узнать основные типы лексических значений русских слов и их структурно-семантические разряды, иметь представление о наиболее важных стилистических пластах слов, узнать их происхождение.

Изучая словарный состав русского языка, мы узнаем, например, что слова находятся между собой в синонимических и антонимических отношениях (*чудесный* — *очаровательный*, *везде* — *нигде*), что многие ранее существовавшие в русском языке слова исчезли из него (*сеть* — *гость*, *коварь* — *кузнец*, *вей* — *ветер*; ср.: *посетить*, *коварство*, *суховей*), во многих из них изменилось значение (*наглый* обозначало раньше «внезапный», *прозябать* обозначало раньше «произрастать»), а также характер или сфера употребления (слово *шуя* раньше могло употребляться и как нарицательное в значении «левая», слово *цапля* раньше было диалектизмом), что среди употребляемых нами слов есть и исконно русские, и заимствованные, есть такие, которые являются межстилевыми, и такие, которые употребляются лишь в определенном стиле речи, и т. д.

Таким образом, лексикология в качестве раздела курса современного русского языка дает прежде всего синхронную характеристику лексики как системы.

Это позволяет не только познакомиться с основными теоретическими вопросами лексикологии, но и во многом способствует овладению нормами литературного словоупотребления. Последнее имеет большое значение для каждого, кто изучает современный русский язык, особенно, конечно, для будущего учителя-словесника. Знание литературных норм словоупотребления позволяет избежать многочисленных и разнообразных ошибок, встречающихся в речевой практике, дает возможность правильно и четко, ярко и доходчиво выражать свои мысли.

В качестве примеров нарушения лексических норм литературной речи можно привести несколько отрывков из

произведений наших поэтов. В одном из стихотворений Волженина находим: «Приходи *вечор*, любимый», хотя слово *вечор* имеет значение «вчера вечером». В стихотворении Левитанского встречаем: «Листва неслышно опадает *оземь*», хотя наречие *оземь* имеет значение «об землю». В поэме Яковлева «Петрушка» читаем: «Древко́ (sic!)¹ могучее он сжал И поднял выше знамя», хотя прилагательное *могучий* как синоним слова *мощный, сильный, могущественный* определять слово *древко* не может.

В первом случае наблюдается нарушение семантических норм (слову *вечор* приписывается значение «вечером», которого оно не имеет), во втором и третьем — перед нами ошибка лексико-синтаксического характера (слова *древко, оземь* сочетаются авторами с такими словами — *могучее, опадает*, — которые с ними соединяться не могут).

Ошибки в словоупотреблении возникают не только из-за незнания значений слова или их связей с другими словами, но и в силу того, что не учитываются их экспрессивно-стилистические качества, сфера применения, речевой контекст и т. п.

Так, является ошибкой употребление варианта *осьмнадцатый* вместо *восемнадцатый* в поэме «Зоя» М. Алигер: «Травы просыпались ото сна, Все шумнее делалась погода, И стояла поздняя весна Твоего *осьмнадцатого* года». Лексико-фонетический архаизм *осьмнадцатый*, как устаревший факт, не может в настоящее время употребляться безразлично, вне каких-либо стилистических целей. Его можно употреблять сейчас лишь в качестве элемента, играющего определенную экспрессивно-выразительную роль (об этом см. ниже, стр. 154 и сл.).

Отклонением от норм литературной речи (ведущим к непониманию читателем высказываемой мысли) является также употребление А. Прокофьевым в авторской речи слова *погода* в диалектном значении «непогода, ненастье, дождь»: «Что весной на родине? *Погода*. Волны неумолчно в берег бьют».

В качестве примеров нарушения фразеологических норм литературной речи можно привести следующие:

За всех, рожденных с искрой божьей,
Чтоб век тянуть упряжку рабью,

¹ Правильное произношение *дрéвко*, а не *древко́*.

За всех, кто мог бы, да не сможет,
Я проклинала долю бабью.

(И. Снегова, Мне снился сон,
«Литературная газета», 30 июля 1959 г.)

Кроме прививок населению, большое значение в профилактике играет уничтожение грызунов (газета «Призыв», 29 июля 1958 г.)¹.

В первом случае в угоду версификационным целям общенародное фразеологическое единство *тянуть лямку* заменяется индивидуально-авторским сочетанием *тянуть упряжку*, хотя упряжка — это «несколько лошадей, собак, оленей и т. п., запряженных одной упряжью», или это «то же, что и упряжь, т. е. совокупность приспособлений и предметов для запряжки», и, значит, «тянуть упряжку» невозможно. Во втором случае перед нами грубая ошибка, появившаяся в результате контаминации двух различных, но близких по смыслу и строению фразеологических оборотов *играть роль* и *иметь значение*.

Отмеченные и подобные им неоправданные нарушения лексических и фразеологических норм не следует, конечно, смешивать с творческой переработкой общенародных языковых средств в определенных стилистических, художественно-выразительных целях (об этом см. ниже, § 72).

Из приведенных примеров ясно, что теоретическое изучение в лексикологии современной русской словарной системы позволяет познать ее законы и правила и дает одновременно возможность усвоить основные нормы литературного употребления слов.

Из литературы по общим вопросам лексикологии русского языка см.: О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957; Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, «Просвещение», М., 1965; Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, Учпедгиз, М., 1953; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, ч. I, изд. МГУ, 1962; А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, «Просвещение», М., 1965; А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, изд. МГУ, 1957; А. В. Калинин, Лексика русского языка, изд. МГУ, 1966; Х. Касарес, Введение в современную лексикографию, ИЛ, М., 1958; К. А. Левковская, Теория

¹ Предложение взято из книги «Правильность русской речи», изд. АН СССР, М., 1962, стр. 76.

слова, «Высшая школа», М., 1962; «Лексика современного русского литературного языка», «Наука», М., 1968; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, «Просвещение», М., 1968; А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956; Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-х годов XIX в., М.—Л., 1965; М. Д. Степанова, Методы синхронного анализа лексики, «Высшая школа», М., 1968; Н. М. Шанский, В мире слов, «Просвещение», М., 1971; Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, Учпедгиз, М., 1964; Д. Н. Шмелев, Лексика. В сб.: «Слово и образ», М., 1964; Д. Н. Шмелев, О третьем измерении лексики, «Русский язык в школе», 1971, № 2; Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», вып. 3, 1940.

Л Е К С И К А

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 2. Слово как основная единица русского языка

Подобно всякому другому языку, русский язык, как средство общения, является языком слов. Из слов, выступающих отдельно или в качестве компонентов фразеологических оборотов, формируются при помощи грамматических правил и законов предложения. Словами в языке обозначаются конкретные предметы и отвлеченные понятия, выражаются человеческие эмоции и воля, выражаются «общие категории бытийных отношений»¹, определяется модальность высказывания и т. д. Тем самым слово, и это совершенно несомненно, выступает в качестве основной единицы языка, определяющей его особый характер среди других семиотических систем.

Об этом определено и недвусмысленно, отмечая трудности определения понятия слова, говорил даже Ф. де Соссюр, которому приписывают иногда сомнения в реальности слова: «...Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка»².

Однако, несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, несмотря на яркие признаки, ему присущие, оно с трудом поддается определению. Это в первую очередь объясняется многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения (ср.: *стол, доброжелательность, писать, черный; диван-кровать, пятьсот; при, так как, лишь, вероятно; брысь! ох!; дескать, вон, светает* и т. п.). Именно

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 30.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, Соцэкгиз, М., 1933, стр. 111.

поэтому прежде всего в лингвистике нет до сих пор ни исчерпывающего определения слова, хотя определить его (с разных точек зрения и с различных лингво-идеологических позиций) пытались очень многие, ни подробного описания его специфических свойств.

Наиболее серьезными общими недостатками существующих определений слова является их односторонность и неопределенность. Первый недостаток связан со стремлением определить слово, опираясь на одно будто бы наиболее существенное и само по себе достаточное свойство (изолируемость, т. е. способность употребляться самостоятельно, в виде отдельного предложения¹, грамматическая оформленность и структурная цельнооформленность², фразеологичность³ и т. д.), второй — с попыткой в краткой формулировке определения обойти наблюдающиеся «исключения»⁴.

Дать правильное определение слова можно только в том случае, если в нем будут органически отражены все основные дифференциальные признаки слова, достаточные для отграничения его от других лингвистических единиц.

Весьма важным в связи с решением вопроса о сущности слова является учет не только различных переходных явлений, но и того обстоятельства, что «переходным» — в ряду других единиц языка — будет и само слово.

Кроме того, следует учитывать также и то, что различные слова могут быть словами в разной степени. Это на первый взгляд парадоксальное положение не только правильно по существу (ибо в русском языке существует несколько резко отличающихся друг от друга типов слов), но и очень важно методологически (ибо требует не «открытия» в действительности не существующего одного, самого по себе достаточного специфического свой-

¹ Ср. определения слова Л. В. Щербой, Е. Д. Поливановым, Х. Суитом, Э. Сепиром и другими.

² См.: А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). «Вопросы истории и теории языка», изд. АН СССР, М., 1952.

³ См.: М. В. П а н о в, О слове как единице языка, «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, 1956.

⁴ Ср. определения слова В. М. Жирмунским в его статье «О границах слова» («Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 3), К. А. Левковской в книге «Теория слова» («Высшая школа», М., 1962, стр. 66) и др.

ства слова, а установления возможного максимума характерных для него отдельных дифференциальных признаков).

В качестве классических, наиболее вербальных по своей сути слов выступают такие образования, которые обладают всем установленным максимумом различительных черт. В качестве слов, несмотря на отсутствие у них ряда присущих классическим словам признаков, в таком случае будут выступать такие образования, для которых окажется характерным предельный «демаркационный» минимум. Естественно, что указанный минимум будет представлять собой — для разных типов слов — величину переменную, однако как определенную совокупность признаков совершенно несвойственную другим лингвистическим единицам.

Основными признаками слова как лингвистической единицы в целом (во всей своей совокупности свойственными лишь классическим словам) являются следующие: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвуударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность, 6) постоянство звучания и значения, 7) воспроизводимость, 8) цельность и единооформленность, 9) преимущественное употребление в сочетаниях слов, 10) изолируемость, 11) номинативность, 12) фразеологичность.

Предельный минимум признаков, характерных для слова, составляют фонетическая оформленность, семантическая валентность, недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость, причем под недвуударностью понимается невозможность слова (если оно не безударно) иметь более одного основного ударения.

От фонем и моделей слово отличается двухмерностью, поскольку в своей исходной форме оно всегда выступает как органическое единство звучания и значения.

От словосочетаний (в том числе и от устойчивых словосочетаний, т. е. фразеологизмов) слова обязательно дифференцируются акцентологически: они или безударны, или имеют лишь одно основное ударение.

От морфем слова отграничиваются прежде всего своей лексико-грамматической отнесенностью.

От предложно-падежных сочетаний слова в первую очередь отличаются своей непроницаемостью.

Одним из основных свойств существующих в языке слов является их воспроизводимость, заключающаяся в том, что они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы, извлекаются из памяти или какого-либо речевого контекста в виде единого структурно-семантического целого. Однако этот признак сам по себе нельзя считать достаточным для дифференциации слов от других лингвистических единиц: 1) воспроизводимость характерна также для морфем и фразеологических оборотов и, более того, даже для предложений, коль скоро они по своему составу совпадают со словом или фразеологическим оборотом, 2) в процессе речи могут возникать слова, представляющие собой не воспроизводимые, а творимые морфемосочетания.

Нередко, определяя слова как основную единицу языка и в связи с этим пытаюсь установить четкие признаки, отграничивающие его от других языковых единиц, указывают на номинативную функцию слова.

В таких случаях не учитывается, однако, многообразие лексико-грамматических типов слов. Дело в том, что не все слова обладают одинаковыми функциями. Во-первых, имеются слова, назывной функцией не обладающие. Такими являются, например, слова служебные, которыми, собственно говоря, как и морфемами, выражаются понятия. Во-вторых, есть слова, в лексико-грамматической структуре которых назывная функция сливается с коммуникативной (слова типа *светает, да, жаль* и т. п. и называют, и сообщают). Кроме того, номинативная функция в известной степени характерна также и для словосочетаний и предложений.

Некоторыми исследователями русского языка в качестве основного свойства слова указывается фразеологичность. Такое качество действительно присуще многим словам, однако далеко не всем. Многие разряды слов обладают такими лексическими значениями, которые целиком выводятся из значений, составляющих эти слова морфем, и никакой «фразеологичности» не содержат.

Такими, например, качествами обладают многие слова на *-ость*, большинство отглагольных существительных, образованных с помощью суффикса *-ние (-ение)*, значительная часть наречий на *-и*, основная часть отыменных глаголов на *-ить* и т. д.

Кроме того, несвободная связь между частями в такой же степени присуща и большей части фразеологических оборотов. Поэтому свойство фразеологичности также не может быть признано основным признаком для слова.

В 1952 г. в статье «К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»)» А. И. Смирницкий выдвинул в качестве «наиболее существенного и самого по себе достаточного признака слова» его оформленность (в отличие от морфемы) и цельнооформленность (в отличие от словосочетания) ¹.

Однако и этот структурно-грамматический по своей сущности критерий сам по себе не дает желаемых результатов.

Понимая под оформленностью как дифференциальным признаком слова в отличие от морфемы его приспособленность к функционированию в связной речи, т. е. не только его изменяемость, но и его неизменяемость, А. И. Смирницкий не раскрывает, однако, в чем конкретно проявляется оформленность неизменяемых слов (например, предлогов и частиц) от неоформленности этимологически родственных и семантически «похожих» на них морфем.

Последнее вполне понятно, так как «оформленность» подобных слов ничем не отличается от «неоформленности» морфем. Противоречивость выдвинутого положения чувствует и А. И. Смирницкий, в результате чего служебные слова признаются им словами уже на основе иного «признака»: они «не соединены с какими-либо другими единицами настолько тесно, чтобы их необходимо было признать частями тех слов, в состав которых входят эти другие единицы» ², и выделяются не как таковые, а отрицательно, косвенно, остаточно, «вследствие прямой, положительной выделяемости соединяемых с ними слов» ³. Так, вместо одного, общего для всех слов свойства

¹ Эта попытка А. И. Смирницкого представляет собой дальнейшее развитие положений, выдвинутых еще И. А. Бодуэном де Куртенэ в его работе «Введение в языковедение» (1908, стр. 56); см. также: М. В. П а н о в, О слове как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, 1956, стр. 137.

² А. И. С м и р н и ц к и й, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). «Вопросы истории и теории языка», изд. АН СССР, М., 1952, стр. 192.

³ Т а м ж е, стр. 193.

оформленности, появляются два — оформленность для одних и остаточная выделяемость для других. Одни слова обособляются сами по себе, в силу своей оформленности, другие — «в результате выделения других слов»¹.

Как видим, при характеристике служебных слов, вместо признака, характеризующего их как слова языковой системы, А. И. Смирницкий предлагает уже способ, с помощью которого их можно выделить лишь как лексические единицы в речевом потоке. Заметим, что предлагаемый способ «остаточного» выделения неоформленных слов сам по себе не помогает в установлении границ между словами в случаях типа *написать, поднести, малоупотребительный, незачет, прабабушка, сверхмощный, радиопостановка* и т. д. (ведь остаточной выделяемостью можно наделить здесь также и морфемы *на, под, мало, не, пра, сверх, радио* и пр.).

Отграничивая слово от словосочетания, А. И. Смирницкий как наиболее существенный и сам по себе достаточный признак слова, отличающий его от словосочетания, называет цельнооформленность или цельность оформления, понимая под ним, собственно говоря, единооформленность².

Указанное свойство действительно является для большинства слов наиболее существенным, однако все же далеко не всеобщим и, следовательно, также само по себе недостаточно. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить слова типа *синий-синий, диван-кровать, пятьсот* и т. д., являющиеся словами и в то же время обладающие двуоформленностью (ср. *синего-синего, (к) дивану-кровати, пятистам* и др.).

Таким образом, важнейшими признаками слова, собственными всем лексическим единицам, являются иные, именно те, которые в совокупности возможны лишь у слов (фонетическая оформленность и семантическая валентность, недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость).

Остановимся — насколько здесь это необходимо — на

¹ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). «Вопросы истории и теории языка», изд. АН СССР, М., 1952, стр. 194.

² См.: А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, Изд. лит. на иностр. яз., М., 1956, стр. 34.

некоторых из названных выше признаков слова как основной лингвистической единицы. Прежде всего для слова, выступающего в качестве семы в такой специфической знаковой системе, какой является язык, характерна фонетическая оформленность¹. Этим оно отличается от модели. Слово, коль скоро оно таким является, представляет собой всегда определенное звучание, состоящее как минимум из одной фонемы. Однофонемных слов в русском языке очень немного: кроме названий существующих в нем фонем и шести букв (*а, и, о, у, э, ы*), сюда относятся: *а* (союз), *а* (частица), *а* (междометие), *и* (союз), *и* (частица), *и* (междометие), *о* (междометие), *у* (междометие), *у* (предлог), *э* (междометие), а также предлоги *о, в, к, с* (в определенных случаях могущие выступать как двуфонемные — *об, во, ко, со*). Могут выступать как однофонемные также слова *б* (частица), *ж* (частица), *ж* (союз), *ль* (частица), в своем основном виде употребляющиеся как двуфонемные. Все остальные слова являются теми или иными звуковыми комплексами.

Единственный случай отсутствия фонетической оформленности в русском языке наблюдается в обозначении одной из форм связки, в других формах выступающей как материально выраженная (ср. *Отец — учитель, Отец был учителем, Отец будет учителем*).

В таком случае выделяемость материально не выраженной (ее называют нулевой) связки в качестве значимой единицы языка, реальность существования ее как лингвистического факта осознается на фоне однородных по своей функции и употреблению материально выраженных образований (см. пример выше). Об этом писал еще А. М. Пешковский².

Характерная для слова фонетическая оформленность выражается в том, что любая лексическая единица (если она не представляет собой окончательно не усвоенное иноязычное слово или созданный без учета орфоэпических норм неологизм³) всегда выступает как «звуковое структурное единство, соответствующее фонологическим

¹ А также, естественно, и графическая, если данный язык имеет, помимо устной формы, письменную.

² См.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, Учпедгиз, 1956, стр. 257.

³ Об этом см. далее, стр. 158 и сл.

нормам данной языковой системы»¹, для русских слов — фонологическим нормам русского языка.

Справедливо, что вообще «слово не допускает точного фонетического определения...»², однако не менее верно и то, что применительно к тому или иному языку оно может быть с фонетической точки зрения описано достаточно полно и детально³.

Подчеркнем, что дело идет здесь именно о характеристике слова как определенного фонетического целого, а не о выделении его конкретной формы в речевом потоке на основе кульминативной и делиминативной функций звука (для русского языка сравнительно легкого⁴).

Не останавливаясь подробно на всех фонетических признаках русского слова, отметим лишь такую характерную особенность его фонетической оформленности, какой является недвуударность, так как именно это свойство является дифференциальным и позволяет четко различать смежные явления лексики и фразеологии. Слово в отличие от фразеологического оборота всегда выступает или как безударное, или как имеющее одно основное ударение. Если перед нами какая-либо единица (пусть даже семантически и грамматически не расчлененная и единая), имеющая два основных ударения, то это заведомо не слово, а более сложное образование: фразеологический оборот или свободное сочетание слов.

Однако акцентологические особенности русской лексической единицы (как, между прочим, и все другие ее фонетические признаки, почему они и не разбираются) не являются различительными, когда мы рассматриваем слово рядом с такими явлениями, как морфема и предложно-падежное сочетание. Здесь оказываются действен-

¹ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 31.

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 157.

³ По отношению к русскому языку это является пока делом будущего, так как русское слово в его звуковом аспекте изучалось слабо.

⁴ Об этом см.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 36, 299—325; М. В. Панов, О разграничительных сигналах в языке, «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 3—19; А. Н. Гвоздев, О пределах действия звуковых закономерностей в русском языке, «Ученые записки Куйбышевского пединститута», вып. 9, 1948, стр. 153—159.

ными иными признаками, так как и морфемы и предложно-падежные сочетания акцентологически от слов могут ничем не отличаться.

Не менее важным является другое свойство слова — его семантическая валентность. В языке нет ни одного слова, не имеющего значения. Всякое слово — это не только определенное звучание, но и то или иное значение. Именно закрепленным речевой практикой говорящего коллектива единством звучания и значения, отмечавшимся в его определении издавна, слово и отличается от фонемы, незначимой единицы языка, выступающей в качестве звука, способного независимо от положения по отношению к другим звукам различать звуковую оболочку слов и морфем.

Правда, характер значения у разных слов может быть самый различный, однако слова всегда значимы, в то время как фонемы не менее последовательно выступают как «единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка...»¹.

«Фонема приобретает то или иное значение только в том случае, когда она выступает в качестве звучания слова»² или (добавим мы. — *Н. Ш.*) в качестве звучания морфемы. Именно поэтому является неверным вывод Г. Кронассера о том, что фонемы могут обладать аффективной значимостью³.

Отмеченные признаки слова — его фонетическая оформленность и семантическая валентность, — отграничивая его от фонемы и моделей, не являются, как уже указывалось, такими, с помощью которых можно было бы распознать, что является словом, а что — морфемой. Для этого приходится прибегать к поискам иных критериев. Существенное различие между фонемой и словом в общем осознается сейчас четко и определено. Это объясняется тем, что звуки речи в отличие от морфем,

¹ Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 15.

² К. А. Левковская, Теория слова, изд. «Высшая школа», М., 1963, стр. 101.

³ См.: Н. Кронассер, Handbuch der Semasiologie, Heidelberg, 1952, стр. 23, 160—168.

слов и т. д. не являются единицами языка в подлинном смысле слова потому, что они не имеют собственного значения и представляют собой односторонние единицы. Именно поэтому, между прочим, является совершенно неправильным механический перенос методов изучения фонологической системы языка на другие языковые уровни языка (в частности, на слово), тот недифференцированный «изоморфизм» в изучении различных сторон языковой структуры, который так характерен для структурализма как определенного идеологического направления в языкознании.

В свое время Г. Данилов в статье «Понятие слова и предмет лексикологии» в качестве признаков, отличающих слово от морфемы, указывал следующие: «а) слова, имея самостоятельный общественный смысл, употребляются и отдельно, части же слов отдельно употребляться не могут; б) слова имеют собственное и притом одно ударение, а части слова обычно его не имеют; в) в конце слова можно сделать паузу, а в середине слова нельзя»¹.

В качестве дифференцирующего свойства слова первый из названных Г. Даниловым признаков выдвигается и А. И. Смирницким: «Целое слово отличается от части слова определенной смысловой законченностью, которой части слова не обладают: последняя потому и выступает именно как только часть слова, что ей недостает этой законченности, являющейся как бы предварительным условием для грамматического соединения данной единицы с другими»². Между тем совершенно ясно, что названные «демаркаторы» таковыми на самом деле не являются.

Прежде всего неясно, что следует понимать под «самостоятельным общественным смыслом» «или определенной смысловой законченностью». Ведь и морфемам как значимым единицам языка свойственна функция означения, и, следовательно, для них также характерен свой самостоятельный смысл (он может быть лишь обществен-

¹ Г. Данилов, Понятие слова и предмет лексикологии, «Русский язык в советской школе», 1929, № 3, стр. 51.

² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»), «Вопросы истории и теории языка», изд. АН СССР, М., 1952, стр. 188.

ным!), а значит, и «определенная смысловая законченность»¹.

Об отсутствии какой-либо принципиальной разницы в семантике между словом и морфемой ярко свидетельствуют факты как синонимии слов и морфем (ср. *забросить за шкаф*, *специалист по Китаю* и *китаист*, *мясо лосося* и *лососина* и т. д.), так и употребления морфем в качестве слов².

Кстати, последние факты указывают на действительно дифференцирующий слово и морфему признак — наличие у первого и отсутствие у второй лексико-грамматической отнесенности.

Не являются убедительными и фонетические различия, выдвинутые Г. Даниловым. Им не учитывается ни различное акцентологическое оформление слов, могущих быть как ударными, так и безударными, ни внешний характер паузирования по отношению к лексическому членению речи (очень часто в конце слова паузу сделать так же невозможно, как и в середине).

О мнимой дифференциальности соответствующих критериев при разграничении слова и морфемы писал уже А. М. Пешковский (см. статью «Понятие отдельного слова». Сборник статей, Госиздат, Л. — М., 1925, стр. 123—128).

В качестве одного из наиболее ярких свойств слова в отличие от морфемы называется обычно способность первого «более или менее свободно перемещаться в пределах предложения»³, в то время как морфемам свойственно в слове закрепленное местоположение⁴.

¹ Ср. замечание В. В. Виноградова: «В высказывании *Надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица речи» («Русский язык», Учпедгиз, М., 1947, стр. 9).

² Ср. примеры, приводимые В. В. Виноградовым («Русский язык», Учпедгиз, М., 1947, стр. 11): „Например, у Белинского: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других «манов». В русском переводе (Н. А. Шишмаревой) романа Ч. Диккенса «Наш общий друг»: «Насколько ему известно, он вовсе не расположен к централизации и вообще к какой бы то ни было «ации» (ч. I, 1896, стр. 39). Ср. у В. И. Ленина: «мерещится пугало... бакунизма, ткачевизма и прочих странных измов»“.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 10.

⁴ Там же.

Отмеченное наблюдение в целом правильно, однако критерием для разграничения слова от морфемы оно быть не может. И это объясняется не тем, что 1) «способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках»¹, 2) иногда способностью передвигаться внутри сложных слов обладают как будто и морфемы², а тем, что здесь сравниваются не те единицы, которые в данный момент дифференцируются (а именно — слово и предложение, а не слово и морфема).

Указанное свойство морфемы и слова никак не позволяет отграничить, например, слово *по* от морфемы *по* (в предложении *Она молча пошла по дороге дальше*), слово *и* от морфемы *и* (в предложении *Пятилитровые бутылки и банки непрерывно наполнялись какой-то жидкостью*) и т. д.

Иначе говоря, оно оказывается совершенно бессильным как различитель именно в тех случаях, когда разграничение слов и морфем бывает особенно трудным, т. е. когда необходимо определить разницу служебных слов и морфем. Ведь и предлоги, и союзы в качестве связочных слов, подобно морфемам, имеют закрепленное местоположение по отношению к связываемым лингвистическим единицам (например, предлог *по* не может стоять после существительного, а всегда ему препозитивен, ср. приставку *по*, также постоянно препозитивную корню; союз *и* не может стоять после или перед соединяемыми словами, а всегда «межсловен», ср. аффикс *и* в прилагательных *пятилитровый*, *семичасовой*, *девятирублевый* и т. д.).

По существу в данном случае следует говорить о другом, а именно принадлежности слова, с одной стороны, и морфемы, с другой, к разным уровням языка, о различном месте и характере их функционирования в качестве лингвистических единиц. Ведь если морфема реализует себя как единица только в слове (в предложении она выступает уже как слово, см. выше, стр. 18), то слово, как правило, употребляется в предложении.

Именно этим обстоятельством и объясняется то свойство слова, отсутствующее у морфемы, которое является

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 10.

² Об этом подробнее см. ниже, стр. 173.

его действительно отличительным признаком — лексико-грамматическая отнесенность.

Морфемы, существуя в качестве далее нечленимого значимого целого в слове, не имеют лексико-грамматической отнесенности. Они выступают как значимые части, лишенные не только свойства какой-либо морфологической оформленности, но и какой бы то ни было прикреплённости к определенному лексико-грамматическому разряду¹. Как части слова морфемы совершенно не способны к синтаксическому употреблению и, будучи использованы в предложении, сразу же превращаются в слова, приобретая яркие и несомненные морфологические черты имени существительного (см. примеры выше).

Между тем никаких особых трудностей при разграничении морфем и лексических единиц, входящих в разряд полнозначных слов (а также междометий и модальных вербов), не возникает. Вопросы и разногласия возникают лишь при дифференциации морфем и служебных слов. Это объясняется тем, что среди слов служебные слова, к которым относятся предлоги, союзы и частицы, занимают особое место². Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Вот почему Потебня называл их «формальными словами», а Фортунатов — «частичными»³. Однако все они все же слова, а не морфемы. Поэтому-то они и пишутся отдельно от других слов⁴.

При анализе проблемы слова более чем каким-либо другим служебным словам уделяли внимания предлогам. Последние, действительно, во многом серьезно отличаются от полнозначных слов.

По своей семантике они «формальны», «их лексическое значение тождественно с грамматическим»⁵.

¹ Иначе говоря, к определенной части речи.

² Об ошибках и неточностях в отнесении — при анализе конкретных языковых фактов — к служебным словам целого ряда морфем см. наши «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии», Учпедгиз, М., 1959, стр. 83—84.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, Учпедгиз, М., стр. 30.

⁴ Заметим, что далеко не все написанное отдельно отражает реальное лексическое членение речи в настоящее время (см. об этом ниже, стр. 179 и сл.).

⁵ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 30.

Многие из них имеют целый ряд совершенно нехарактерных для однозначных слов фонетических свойств (в первую очередь не имеют самостоятельного ударения и «допускают ассимиляцию по звонкости, по законам фонетики несвойственную конечным согласным знаменательных слов»¹).

У них, по существу, отсутствует грамматическая оформленность. Все это сближает их с аффиксальными морфемами. Недаром их называли иногда препозиционными флексиями или глагольными послелогами, и даже «падежными префиксами»², правда, справедливо рассматривая в то же время в ряду слов. Косвенно и отражено (но очень действенно) в отграничении от морфем служебных слов — особенно как раз предлогов — помогает исследователю свойство непроницаемости слова³, являющееся одним из наиболее ярких признаков слова в отличие от предложно-падежных сочетаний, свободных сочетаний слов и отдельных разрядов фразеологических оборотов, семантически равнозначных слову. Слово в русском языке всегда выступает в виде целостной единицы, внутрь которой словесные вставки совершенно невозможны ни в какую-либо его значимую часть, ни между составляющими его морфемами. Правда, В. В. Виноградов считает, что этот признак не является абсолютным и имеет «разную ценность в применении к разным категориям слов и форм слов»⁴. В качестве примеров, демонстрирующих, по мнению В. В. Виноградова, проницаемость некоторых русских слов, им приводятся немногочисленные образования с отрицаниями *не* и *ни* типа *никто* (ср. *ни к кому*), *нездоровится* (ср. *не*

¹ В. М. Жирмунский, О границах слова, «Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 4.

² В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 678.

³ Ведь если слово как морфемное целое непроницаемо, то значимые единицы, между которыми возможны свободные словесные «вставки», являются словами и только словами, но ни в коем случае не морфемами. И наоборот, значимые единицы, между которыми невозможны свободные словесные вставки, отдельными словами не являются, представляя собой или части слова, т. е. морфемы, или части фразеологического оборота.

⁴ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 33.

очень здоровится) и союзы типа *потому что* (ср. *потому . . . , что*) и др.¹.

Однако указанные факты выдвинутого тезиса о проницаемости не подтверждают и, напротив, лишний раз свидетельствуют о том, что свойство непроницаемости представляет собой один из наиболее надежных критериев в отграничении слова от более сложных по своему составу единиц.

Все слова, подобные *никто, нездоровится, потому что* и т. д., в своей исходной форме являются несомненно такими же непроницаемыми, как и остальные (от непроезжих до составных). Проницаемость в них как будто появляется лишь в отдельных парадигматических формах и структурно-генетически соотносительных образованиях, однако и это — проницаемость мнимая.

Совершенно прав В. М. Жирмунский, который, анализируя эти факты, говорит, что никакого «разрыва» слова при этом не происходит², хотя отождествление им отношений *никто — ни о ком* с отношениями *писать — буду писать*³ является абсолютно неоправданным, так как все их сходство заключается лишь в одинаковых функциях вторых членов, выступающих как одна из форм первых членов, представляющих собой исходные местоименный и глагольный «номинативы».

Впечатление проницаемости создается в словах типа *никто, нездоровится, потому что* и т. д. в первую очередь потому, что соответствующие им «разорванные» образования *ни к кому, не очень здоровится, потому . . . , что* и пр. «воспринимаются как непосредственно на базе их созданные, тогда как они с ними «просто сосуществуют»⁴.

¹ См. указ. на стр. 22 статью В. В. Виноградова, стр. 33; его же, «Русский язык», Учпедгиз, М., 1947, стр. 10; «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, ч. 1, М., 1952, стр. 406.

² В. М. Жирмунский, О границах слова, «Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 6.

³ Ср. там же: «Эти примеры являются лишь иллюстрацией исторической зыбкости границ между сложными словами и устойчивыми словосочетаниями... Устойчивое сочетание *ни о ком* является формой слова *никто*, так же как аналитические формы типа *буду писать*, *je vais écrire*, *ich werde schreiben* являются формами глагола *писать* (*écrire*, *schreiben*)».

⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева, «Известия ОРЯС АН», 1907, т. XII, кн. 2, стр. 495.

При интерпретации рассматриваемых фактов как случаев проницаемости русского слова забывают не только о том, что «нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит»¹, но и о том, как и когда соответствующие явления возникли.

Разберем кратко приведенные выше примеры.

Образование *ни к кому* не является падежной формой *никто* (такой является *никому*, выступающая как непроницаемая); оно появилось тогда, когда целостной лексической единицы *никто* еще не существовало, а было два отдельных слова *ни*, *кто*. Не находятся в соотношении исходной и «производной» форм² слово *нездоровится* и устойчивое словосочетание *не очень здоровится*. Дело здесь не только в том, что последнее возникло ранее, нежели в русском языке появился глагол *нездоровится*³, и, следовательно, о его разложении говорить просто антиисторично, но и в том, что эти две единицы несоотносительны целиком и по значению: *не очень здоровится* это совсем не то, что *очень нездоровится*.

Неправильно также видеть «разрыв» словесной структуры в союзах типа *потому что*. Между *потому что* и *потому...*, *что* налицо отношение не различных грамматических форм одного и того же слова, а разных вариантов одного и того же союза, установившихся еще тогда, когда *потому что* не было словом, в первом случае — со смежным, а во втором — с дистантным местоположением «образовавших» их слов.

Слово *потому что*⁴, возникшее на базе смежного местоположения слов *потому* и *что*⁵, является непроницаемым даже тогда, когда оно фонетико-акцентологически проявляет себя как явно составное (в виде *потому, что*). Между *потому* и *что* возможны и необ-

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева, «Известия ОРЯС АН», 1907, т. XII, кн. 2, стр. 495.

² О них см. стр. 29 и сл.

³ Ср. фиксацию слова *здоровится* (*каково здоровится?*) еще у В. Даля («Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, 1955, стр. 676).

⁴ Раздельное написание реального лексического членения речи не отражает, см. стр. 177.

⁵ Ср. эллипсный вариант *потому что — потому*.

ходимы вставки лишь в том случае, если перед нами фразеологизованная синтаксическая конструкция, «упаковочным» материалом которой является устойчивое дистантное соединение *потому... что*.

Что касается приводимого В. М. Жирмунским примера *ни о ком*, то, несмотря на то что он представляет собой, несомненно, форму предложного падежа местоимения *никто*, он также (как и ему подобные, ср. *не о ком*, *кое о ком* и пр.) о проницаемости слов подобного типа не свидетельствует; слово *никто* возникло в результате слияния *ни* и *кто*, включая все его словоформы: *ни* так же срослось с *о ком* и т. п. (в *ни о ком* и пр.), как и с исходной формой *кто* (в *никто*).

Следовательно, никаких исключений, в которых будто бы допустимы словесные вставки внутрь слова, не существует.

Выводы о том, что «это вполне возможно»¹, основаны на недоразумении и обязаны своим появлением неправильному представлению о парадигматических формах слова, неразличению их с различными вариантами образования, первоначально выступавшего как свободное сочетание слов, а также игнорированию различий, существующих между формообразованием и формовоспроизведением.

Свойство непроницаемости характерно абсолютно для всех слов: внутрь слов вставлять слова (и, тем более, сочетания слов) в русском языке нельзя. Этот признак иногда считается дифференциальным признаком, отличающим слово и от морфемы: «Иногда сюда присоединяют морфологический признак — «непроницаемость» слова. Например, в таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другое слово или словосочетание внутрь одного и того же слова»². Однако это не так: свойство непроницаемости слово и морфеме в русском языке не дифференцирует, и последняя в нем так же непроницаема, как и слово.

Для определения сущности слова как определенной лингвистической единицы не меньшее значение, нежели

¹ М. В. П а н о в, О слове как единице языка, «Ученые записки МГПИ», кафедра русского языка, т. IX, вып. 5, 1956, стр. 133—134.

² В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 10.

решение проблемы отдельности слова, имеет также решение вопроса о его тождестве. Важно установить не только то, что такое слово по отношению к другим единицам языка, но и то, где перед нами одно и то же слово, а где разные слова.

Для этого, анализируя «каждое эмпирическое слово в потоке связной речи»¹, мы должны всегда видеть в нем конкретное проявление той или иной «лексической единицы языка, как системы форм и функций, осознаваемой на фоне структуры языка в целом»².

По отношению к русскому языку характеристика в связи с этим двух различных, но тесным образом связанных между собой понятий формы слова (или словоформы) и слова или слова и лексемы была дана В. В. Виноградовым (сначала в работе «Современный русский язык», М., 1938, вып. 1, а затем в статье «О формах слова»).

Заметим, что выдвижение соответствующих положений (в понятиях синтагмы, под которой понималось слово в качестве элемента связной речи, и лексемы в качестве изолированного слова как системы соотносительных и взаимосвязанных друг с другом форм и значений) принадлежит уже Бодуэну де Куртенэ³. И тем не менее понятия формы слова и слова в русской лингвистике постоянно смешивались⁴ (не представляют исключения в этом отношении также лингвисты, которые специально подчеркивали необходимость строгого разграничения этих понятий⁵) и, более того, при анализе конкретного языкового материала далеко не всегда в достаточной степени дифференцируются даже сейчас.

¹ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 33.

² Там же, стр. 34.

³ См. об этом: В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, М., 1950, стр. 185.

⁴ Об этом см.: В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 34—35; М. Калинович, Понятия окремного слова, «Мовознавство», 1935, № 6, стр. 142 и сл.

⁵ См. выше. Ср. также: «С научной точки зрения *иду*, *идешь*, *идет* или *стол*, *стола*, *столу* — безусловно разные слова» (А. М. Пешковский, Наш язык, ч. 2, изд. 2, М., 1925, стр. 32).

Под формой слова В. В. Виноградов понимает «разновидности одного и того же слова, отличающиеся друг от друга элементами морфологического состава или синтаксико-фразеологическими связями и соответствующими побочными значениями и оттенками»¹.

Такая трактовка формы слова, как легко можно заметить, не совпадает с ее парадигматическим толкованием, которое мы находим уже у А. Норейна и И. А. Бодуэна де Куртенэ; она толкуется — вслед за Л. В. Щербой² — В. В. Виноградовым более расширенно³. К формам одного и того же слова он относит уменьшительные и увеличительные образования (*дом — домик — домина*); видовые пары глаголов (*делать — сделать*), причастия и глаголы (*читать — читающий, читавший*) и т. д. и, кроме того, не только грамматические или лексико-грамматические разновидности слова, но и другие.

«Можно и должно различать в структуре слова лексические формы. Сюда прежде всего относятся фономорфологические и этимологические варианты слова»⁴ (в качестве примеров приводятся пары *палатализироваться — палатализоваться, семинар — семинарий, зал — зала, проект — прожект, призрак — призра́к* и т. д.).

Выделяются В. В. Виноградовым также стилистические формы слов (*тождество — тожество, среда — середь, чрез — через* и др.) или лексико-стилистические варианты слова, которые составляют «общелитературные и просторечные его формы или же две областные разновидности слова, соприкоснувшиеся в системе литературного языка»⁵ (*острый — вострый, строгать — стругать* и т. п.).

Наконец, «если понятию формы слова придавать такое расширенное значение..., то можно говорить и о лексико-фразеологических формах слова. То, что

¹ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 35.

² См.: Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1957, стр. 77.

³ Ср.: «В систему форм слова могут входить и такие формы, которые лежат за пределами парадигмы» (В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 36).

⁴ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 41.

традиционно принято называть разными лексическими значениями слова, под иным углом зрения может быть рассматриваемо как лексико-фразеологические формы слова. Лексико-фразеологическая форма слова — это форма, реализующая одно из лексических значений слова и связанная с строго определенными фразеологическими контекстами»¹.

Характеристика В. В. Виноградовым формы слова (словоформы) в отличие от слова (лексемы) — при всей новизне и детальности постановки им данной проблемы — требует в настоящее время определенных уточнений и добавлений.

Прежде всего следует провести четкую линию между такими — недостаточно дифференцированными В. В. Виноградовым — понятиями, какими являются не только слова и формы слова, но и формы слова и варианты слова.

Под формами слова целесообразнее всего понимать только такие его разновидности, которые отличаются между собой лишь парадигматически и относятся как зависимые, вторичные к одной и той же, выступающей в качестве основной, исходной². Все остальные разновидности слова лучше (и, думается, вернее) характеризовать как различные варианты слова³.

Естественно, что разновидностями слова (словоформами и вариантами) являются только такие образования, которые совершенно не отличаются друг от друга в структурном и словообразовательном отношении, т. е. такие, основа которых обязательно состоит из одних и тех же морфем. В отнесении к разновидностям одного и того же слова таких образований, как *палатализироваться* — *палатализовагься*, *семинар* — *семинарий*, *идиоматичный* — *идиоматический*, *лиса* — *лисица*, *хохотунья* — *хохотушка*, *подсолнух* — *подсолнечник*, *очищение* — *очистка*, *девичий* — *девический*, *ослабеть* — *ослабнуть*, *невмочь* — *невмоготу*, *жалко* — *жаль* и т. п., наблюдается неучет именно этого. В действительности, все такого рода образования являются по отношению

¹ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 42—43.

² О ней см. несколько ниже, стр. 29 и сл.

³ О вариантах слова см. ниже, § 6.

друг к другу однокорневыми синонимами, т. е. хотя и родственными, но разными словами¹.

Конечно, при анализе конкретных фактов следует иметь в виду, что соотношения форм одного и того же слова и разных слов в процессе развития русского языка могут меняться, в результате чего «формы слова делаются разными словами (и притом чаще всего — словами разных классов), и, наоборот, разные слова могут стать формами одного слова»². В качестве причин этого выступают как общие изменения в морфологическом и семантическом строе языка, так и специализация технических функций какой-либо отдельной формы или слова³.

Преобразование формы слова в слово, которое иначе можно назвать лексикализацией грамматической формы, представляет собой один из частных случаев морфолого-синтаксического способа словообразования⁴.

«Сближение разных слов или форм разных слов и грамматическое прикрепление их к системе форм одного слова»⁵ представляет собой один из частных случаев процесса грамматикализации (ср. *взять — брать, человек — люди, он — его* и т. п.).

Однако при трактовке того или иного явления в этом плане следует учитывать (не сбрасывая со счетов совершенно факты диахронии) прежде всего показателя системы языка, взятой в синхронном разрезе. В определение слова оказывается необходимым ввод понятия основной (или исходной) формы слова именно потому, что в ряде случаев его зависимые (или производные) формы выступают как формы аналитические.

Следует отметить, что некоторые наши известные лингвисты считают, что все формы слова являются равноправными, в связи с чем относятся к понятию

¹ О мнимых словообразовательных вариантах слова см. также ниже, стр. 63.

² В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 38.

³ Подробнее об этом см.: В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 38—39.

⁴ Примеры и характеристику процесса лексикализации форм слова см. в наших «Очерках по русскому словообразованию и лексикологии» (Учпедгиз, М., 1959, стр. 134—135).

⁵ В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 39.

основной, исходной формы, как к понятию, лишенному языковой реальности. Так, вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ¹, В. В. Виноградов считает, что «даже те формы, которым традиционно присваивается роль представителей всех других грамматических форм слова (например, форма именительного падежа существительного, форма именительного падежа мужского рода имени прилагательного, форма инфинитива), являются лишь элементами или звеньями замкнутого грамматического ряда форм, образующих одно слово»².

Еще более определенно он высказывается по этому поводу в «Грамматике русского языка»: «Именительный падеж — такая же форма, как и все остальные, и только его назывная функция (т. е. назначение служить названием предмета) делает его удобным представителем всей группы форм, которые в целом и составляют единое слово»³.

С такой трактовкой слова как комплекса абсолютно равноправных словоформ полностью согласиться нельзя.

Во всех случаях, если слово имеет несколько форм, одна из них выступает как основная, исходная, а все остальные — как от нее зависимые. Такими основными, исходными формами являются формы именительного падежа в именах, инфинитив в глаголе и т. п.⁴.

¹ Ср.: «Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают, но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* «переходит» в форму *воду*, как и, наоборот, форма *воду* в форму *вода*» (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева, «Известия ОРЯС АН», 1907, т. XII, кн. 2, стр. 495).

² В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944, стр. 36.

³ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. 1, 1952, стр. 15.

⁴ Ср. справедливое замечание по этому поводу О. С. Ахмановой: «Вряд ли можно сомневаться в том, что такие формы, как именительный падеж единственного числа существительного или инфинитив глагола, хотя они, казалось бы, и входят в соответствующие парадигмы на равных правах со всеми другими формами, на самом деле всегда выступают как наиболее обобщенные, наиболее

Их «генеральный» характер по отношению к другим соотносительным с ними формам проявляется в том, что они выступают, во-первых, как номинативные формы, представляющие собой название какого-либо явления действительности¹, а во-вторых, как производящие формы, на базе которых, за редким исключением, только и осуществляется производство новых лексических единиц с помощью морфологического способа словообразования. Кроме того, «генеральный» характер основной, исходной формы слова (и это особенно важно для уяснения сущности слова и формулировки его определения) сказывается также и в том, что в русском языке нет ни одного слова, основная, исходная форма которого была бы аналитической, т. е. состояла бы из двух.

Именно это обстоятельство и позволяет четко определить акцентологические отличия слова от словосочетания и фразеологического оборота, так как в своей исходной форме слово никогда не имеет двух основных ударений².

Учет «генерального» характера исходной, основной формы в ряду других форм слова позволяет легко решить, в частности, проблему таких образований в русском языке, какими являются *буду писать*, *самый хороший* и т. п., ярко демонстрирующих (как и слова типа *диван-кровать*) несостоятельность критерия цельнооформленности для русских слов во всем их структурно-грамматическом многообразии.

Ведь в таких случаях перед нами слова, состоящие не из структурно-грамматически не оформленных морфем, а из двух отдельно оформленных слов.

Ссылка на то, что «слова *буду*, *самый* играют в этих случаях роль морфем», с помощью которой ав-

«лексически свободные», наиболее отвлеченные от того или другого грамматического значения..., иными словами, как наиболее «чистые» представители лексического, «вещественного» значения данного слова» (О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957, стр. 108).

¹ Об этом совершенно правильно, в частности, пишут В. М. Жирмунский в статье «О границах слова» («Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 11) и К. А. Левковская в книге «Теория слова» (изд. «Высшая школа», М., 1963, стр. 190).

² См.: Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 84—87.

торы академической грамматики пытаются снять это противоречие, на самом деле его не снимает, так как морфемное значение присуще в ряде случаев словам и в составе фразеологических оборотов. Дело здесь в другом, и именно в том, что образования *буду писать, самый хороший* и т. п. представляют собой зависимые, «производные» формы, относящиеся к соответствующим основным, исходным формам, выступающим как однословные и только однословные (*писать, хороший* и пр.).

Если суммировать сказанное выше о слове как лингвистической единице, следует прежде всего указать на следующее. Обязательными, характерными абсолютно для всех слов русского языка свойствами является их фонетическая выраженность, семантическая валентность, недвуударность (т. е. безударность или обладание одним основным ударением), лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость. Это позволяет дать рабочее определение слова в такой формулировке: слово — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью.

От фонемы и модели слово четко и определенно отграничивается своей двухмерностью, так как оно представляет собой единство звучания и значения; от предложно-падежных форм — свойством непроницаемости, от морфемы — своей лексико-грамматической отнесенностью, от словосочетаний (в том числе и от фразеологических оборотов) — наличием не более одного основного ударения.

Кроме работ, указанных в сносках ранее, о слове как основной единице языка см. также: О. С. А х м а н о в а, Еще к вопросу о слове как основной единице языка, «Вестник МГУ», 1955, № 1; Р. А. Б у д а г о в, Слово и его значение, изд. ЛГУ, 1947; Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностранные языки в школе», 1952, № 2; «Морфологическая структура слова в языках различных типов» (сборник статей), изд. АН СССР, М. — Л., 1963; А. И. С м и р н и ц к и й, К вопросу о слове (проблема тождества слова). «Труды института языкознания АН СССР», т. 4, 1954; А. И. С м и р н и ц к и й, Лексическое и грамматическое в слове. Сб. «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, М., 1955; Р. О. Ш о р, К вопросу о понятии отдельного слова, «Русский язык в советской школе», 1929, № 5.

§ 3. Основные типы лексических значений русских слов

Наиболее многочисленную группу слов в лексике русского языка, как и всякого другого, образуют такие слова, которые представляют собой обозначения различных явлений объективной действительности (предметы, действия, признаки и т. д.). Их обычно называют самостоятельными или полнозначными словами. С грамматической точки зрения это существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия, слова категории состояния и местоимения.

Основной, наиболее важной и яркой чертой таких слов является их номинативная функция. Эти слова характеризуются тем, что, выступая в качестве лексической единицы, они всегда называют то или иное явление объективной действительности. Так, словом *героизм* называется способность к совершению подвига, словом *карий* — темно-коричневый цвет, словом *му- жать* — процесс становления зрелости и др.

У местоимений, занимающих среди других полно- значных слов особое место, назывная функция имеет специфический характер: они являются собственно не обозначениями, а лишь их указательными заменителями. Самостоятельные слова, таким образом, предстают перед нами всегда как слова, соотнесенные с тем или иным явлением. Эту соотнесенность слова с каким- либо явлением объективной действительности, исторически закрепленную в сознании говорящих, и считают обычно лексическим значением слова. Однако это не совсем так. Соотнесенность слова как лингвистической единицы с определенным внеязыковым фактом является лишь одним из обязательных компонентов лексического значения слова. В последнее входят также и выражение словом понятия, и отнесенность слова к определенному лексико-грамматическому разряду.

Лексическим значением обладают, однако, не все слова. Междометия, служебные и модальные слова, не связанные непосредственно с явлениями объективной действительности и лишенные предметной соотнесенности, его не имеют. Их значения носят совершенно иной характер. Именно поэтому прежде всего они изучаются обычно не в лексикологии, а в грамматике. В лексикологии, как правило, изучаются лишь полнозначные слова.

Вопрос об основных типах лексических значений слов нельзя разбирать, предварительно не уяснив проблемы названия. Предметы и явления называются по тому признаку, который оказывается достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других предметов и явлений. Таким бросающимся в глаза признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. *Кольцо* получило, например, свое название по форме (*коло* — круг), *кукушка* — по характерному для нее крику, *смородина* — по свойственному для нее запаху (*смрад*, древнерусск. *смород* — сильный запах), *ухват*, *шило* — по функции (ср. глаголы *ухватывать*, *шить*), *яровые* — по времени посева (древнерусск. *яро* — весна), *шиповник* — по наличию у кустарника шипов, *рыжик*, *белянка* — по свойственному для этих грибов цвету, *костяника* — по косточкам, имеющимся у этой ягоды, *опенки* — по их «любимому месту обитания» вокруг пней и т. д.

Признак, положенный в основу названия, и служебные морфемы, оформляющие его в слово, не равнозначны, однако, значению, характерному для того или иного слова.

Во-первых, они составляют лишь основу того значения, которое получает потом слово в результате употребления. Признак, положенный в основу названия данного предмета, может характеризовать не только его, но и другие явления объективного мира. Кроме того, он всегда является недостаточно определенным. Реальное же значение слова, напротив, конкретно. Поэтому очень часто ясного представления о действительном значении слова признак, положенный в основу названия, не дает. Например, знание признака, положенного в основу болгарских слов *черница*, *ветрило*, *птичка*, *писец*, *пагуба*, *могилка* (ср. *черный*, *ветер*, *птица*, *писать*, *гибель*, *могила*), не дает нам знания их фактического значения (*черница* — тутовое дерево, ягода этого дерева, *ветрило* — веер, бумажный змей, *птичка* — воробей, *писец* — перо, *пагуба* — потеря, убыток, *могилка* — холмик; в русском языке *черница* — в диалектах «черника», *ветрило* — парус, *птичка* — уменьшительно-ласкательное к *птица*, *писец* — перепис-

чик, *пагуба* — гибель, *могилка* — уменьшительно-ласкательное к *могила*). Ясное представление образа в русских диалектных словах *голянка* и *зеленец* (голый, зеленый) не дает все же возможности твердо сказать, не зная соответствующего говора, что́ они называют (*голянка* — особого типа рукавица, *зеленец* — в разных диалектах — свежий веник, незрелая ягода, островок, поросший камышом или ивняком, и т. д.).

Во вторых, слово, имея то или иное лексическое значение, может быть абсолютно условным названием соответствующих явлений объективной деятельности. Признак, положенный в основу многих слов, в настоящее время уже в них не чувствуется, но от этого они не перестают быть значимыми единицами языка. Например, сейчас уже неясно, почему такое помещение, как *комната*, названо словом *комната*, такое насекомое, как *жук*, названо словом *жук*, такой инструмент, как *долото*, назван словом *долото*, однако каждый говорящий на русском языке четко представляет себе лексические значения слов *комната*, *жук*, *долото*.

Таким образом, в русском языке бывают два рода однозначных слов: 1) немотивированные названия типа *долото* (буквально — то, чем долбят, из * *dolbto*), *жук* (по звуку), *комната* (первоначально — помещение с камином, лат. *caminata*); 2) мотивированные названия типа *ледокол*, *вишневый*, *синить*. Однако и те и другие обязательно имеют какое-либо лексическое значение. Это лексическое значение может быть в слове единственным (слова с такой семантикой называются однозначными или моносемичными: *подоконник*, *ланиты*, *разглагольствовать*, *ветла*, *грач*, *шея*, *рдеть*, *типичный*, *чреватый* и т. д.). Но оно может быть в слове наряду с другим или с другими лексическими значениями (слова с такой семантикой называются многозначными или полисемичными: *знать*, *корень*, *отбить*, *глухой*, *вода* и т. д.). В таком случае одно лексическое значение выступает как основное, исходное значение, а другое или другие как вторичные, производные. Например, в многозначном слове *идти* можно отметить значения: «двигаться ступая» («Смотрю, а брат уже *идет*»), «падать» («Дождь *идет* с самого утра»), «распространяться» («Вот *идет* молва правдива. За морем царевна есть, Что не можно глаз отвести» — Пушкин), «продаваться» («Товар *идет* хо-

рошо»), «вступать в брак» («За меня она идти согласна»), «показываться» («Эта пьеса впервые *идет* на сцене Малого театра»), «быть в действии, работать» («После смазки станок *идет* ровно, без рывков»), «расти» («У пня, разбитого грозой, Смотри, как свежую лозой Навстречу ветра и дождей *Идет* семья живых ветвей» — К о в а л е в). В многозначном слове *голова* легко выделяются значения «часть тела животного и человека» (*понури*ть *голову*), «единица счета скота» (*стадо* *в* *пятьдесят* *голов*), «ум» (*он* — *человек с головой*), «умница» (*он у нас* — *голова*), «передовая часть» (чего-либо) (*голова колонны*), «пищевой продукт в форме шара и конуса» (*голова голландского сыра*), «руководитель, старший» («Братья у него, слышно, ребята шустрые... а все-таки он им *голова*» — И. С. Тургенев) и т. д.

Значение «двигаться ступая» в глаголе *идти* и значение «часть тела животного и человека» в существительном *голова* являются основными, исходными значениями, все остальные — вторичными, возникшими на базе основного, исходного. Следовательно, различный характер слов с семантической точки зрения проявляется прежде всего в том, что наряду с однозначными словами существуют и многозначные, имеющие не одно, а несколько значений.

Многозначность, или полисемия, представляющая одну из основ яркости и выразительности русской лексики, является принадлежностью многих полнозначных слов русского языка. Особенно часто многозначными словами оказываются слова исконно русского характера и длительного употребления: *сердечный* (человек, прием, мышца, тайна, привет, спасибо); *глухой* (старик, голос, переулочек, гласный, ночь, ропот, ворот и т. п.); *дом* (деревянный дом, хлопотать по дому, Дом культуры, весь дом сбежался, Пушкинский дом); *брат* (брат палку, брат тему для диссертации, брат город, брат взятки, брат хитростью, бери вправо, брат высоту, брат на прицел и пр.) и т. д.

Такое свойство, как многозначность, определяет большое значение контекста для слова: вне контекста слово в своем значении определимо лишь приблизительно.

Многозначность слова, выступающая как способность слова синхронически одновременно обладать разными значениями, появляется в силу того, что слово наряду с

обозначением одного явления может служить в качестве названия также и другого явления объективной действительности, если последнее имеет какие-либо общие с названным явлением признаки или свойства.

Явление полисемии слов представляет собой, таким образом, следствие переноса наименования с одного предмета действительности на другой. Такие переносы наименований происходят, во-первых, на основе сходства (по форме, цвету, внутренним свойствам и качествам и т. д.): *рукав* (рваный) — *рукав* (реки), *гнет* (положить под гнет творог) — *гнет* (капиталистический гнет), *крепкая* (веревка) — *крепкая* (дружба) и т. п.; во-вторых, по смежности (временной, пространственной, логической и т. д.): *класс* (светлый класс) — *класс* (способный класс), *тенор* (у него лирический тенор) — *тенор* (выступал известный тенор) и т. д.; в-третьих, по функции: *перо* (гусиное) — *перо* (авторучки), *крыло* (птицы) — *крыло* (самолета) и т. д.

Значительно реже новые значения в словах возникают по сближению эмоционального характера (ср.: *глубокая пропасть* и *пропасть дел* и т. п.) и по сближению звучания и семантики слов (ср.: *сальная свеча* и *сальный анекдот* и др.) ¹.

Однако различие между полнозначными словами русского языка в смысловом отношении не ограничивается тем, что одни слова являются однозначными, а другие многозначными. Слова могут отличаться друг от друга также и самим лексическим значением, его специфическими особенностями и проявлением в слове.

Вслед за акад. В. В. Виноградовым ² можно выделить три основных типа лексических значений русских слов: прямое, или номинативное, значение, фразеологически связанное значение и синтаксически обусловленное значение.

Прямым, или номинативным, значением слова называется такое лексическое значение слова, которое непосредственно связано с отражением явлений объективной действительности. Связи и отношения слов, имеющих прямое, или номинативное, значение, с другими словами соотносительны с теми связями и отношениями,

¹ Подробнее об этом см.: Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, Учпедгиз, М., 1954, стр. 57—75.

² См.: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слов, «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

которые существуют между обозначаемыми ими явлениями.

Связи и отношения слов с прямым, номинативным, значением с другими словами определяются не внутренними законами лексической системы современного русского языка, а предметно-логически. Поэтому слова, имеющие прямое, номинативное, значение, не ограничиваются в своем употреблении определенными, в количественном отношении немногочисленными фразеологическими оборотами — они имеют широкие и разнообразные словесные связи. Имея это в виду, прямое, номинативное, значение называют также свободным.

Такие слова, как, например, *шея*, *длинный*, *дерзить*, имеют прямые, номинативные, значения. Они непосредственно называют: одно — предмет, другое — качество, третье — действие, реально существующие в объективном мире. Сфера употребления их в этом значении с другими словами обусловлена в сущности только предметно-логически, т. е. отношениями самих обозначаемых словами явлений действительности.

Шея как часть человеческого тела, соединяющая голову и туловище, может быть короткой, загорелой, грязной и т. д., ее можно побрить, вымыть и т. д., она может быть у человека, животных и т. д. В соответствии с этим слово *шея* может сочетаться со словами *короткая*, *загорелая*, *грязная*, *побрить*, *вымыть*, *ребенок* (шея ребенка), *гусь* (шея у гуся) и т. д. Но шея не может быть ни мелкой, ни смысловой, она не может быть ни у дома, ни у мысли, поэтому слово *шея* не может сочетаться как определяемое или определяющее ни со словами *смысловая*, *мелкая*, ни со словами *дом*, *мысль*.

То же самое можно отметить относительно слов *дерзить* и *длинный*. Связи с другими словами у них, как у слов с прямым, номинативным, значением, обусловлены предметно-логическими отношениями. Слово *длинный* может соединяться со словами *улица*, *забор*, *платье*, *нос*, *шея* и др., но соединение его со словами *значение*, *щи*, *жалость*, *действительность* и т. п. невозможно. Слово *дерзить* может соединяться со словами *она* (дерзить ей), *мальчик* (мальчик надерзил), *постоянно* (она постоянно дерзит) и т. д. Но оно невозможно в соединении со словами *приготовление*, *исключительность*, *муха*, *фиолетовый*, *вкусно* и т. д.

Иными по своей сути и значительно более узкими будут связи с другими словами у таких слов, как, например, *чревато*, *безысходная*, *отвратить*, *пробудить* и т. д. Это объясняется тем, что перечисленные слова имеют уже не прямое, номинативное, значение, а фразеологически связанное.

Фразеологически связанным значением слова называется такое лексическое значение слова, которое реализуется лишь в устойчивых сочетаниях слов, обусловленных не предметно-логически, а внутренними законами лексической системы современного русского языка¹.

Слова, имеющие фразеологически связанные значения, употребляются в речи лишь с определенными словами и, как правило, в немногочисленных оборотах.

Их связь с называемыми предметами действительности является не прямой, а опосредованной. Лексическое значение такого рода слов становится совершенно определенным лишь при подстановке синонимов (о них см. стр. 51—62) с прямым, номинативным, значением.

В самом деле, названные выше слова (*чревато*, *безысходная*, *отвратить*, *пробудить*) выступают в речи лишь в соединении с определенными словами, обычно в очень немногих, по своей сущности устойчивых сочетаниях. Слово *чревато* неотрывно в настоящее время от слова *последствия* и существует в языке лишь рядом с ним (*чревато последствиями*); слово *безысходная* употребляется сейчас только со словами *тоска*, *скорбь*, *печаль*, *грусть* и *отчаяние*; слово *отвратить* — прежде всего со словами *опасность*, *беда*, *несчастье*, *угроза*; слово *пробудить*, — как правило, со словами *интерес*, *охота*, *желание*, *страсть* и т. д. Связи этих слов с другими словами не являются свободными, обусловленными предметно-логически, как у слов с прямым, номинативным, значением. Они определяются системой современной русской лексики и обуславливаются ее историческим характером.

Например, безысходным, т. е. не имеющим конца, может быть не только тоска, скорбь, печаль, грусть и отчаяние, но и ожидание, разговоры, упреки, песня и т. д. Поэтому, если бы связи слова *безысходный* определялись предметно-логически, оно должно было бы

¹ Подробнее о них см. ниже.

связываться не только со словами *тоска, скорбь, печаль, грусть* и *отчаяние*, но и со словами *любовь, ожидание, разговоры, упреки, песня* и т. д.

Однако слово *безысходный* сцепляется лишь со словами типа *тоска, скорбь, печаль, грусть*. Это значит, что его связи с другими словами определяются не соотношениями, существующими между обозначаемыми явлениями действительности, а выводятся из внутренних закономерностей лексической системы современного русского литературного языка.

Кроме слов, имеющих прямые, номинативные, значения, и слов с фразеологически связанным значением, в русской лексике существует также сравнительно немногочисленная группа слов, обладающая синтаксически обусловленным значением.

Синтаксически обусловленным значением слова называется такое лексическое значение слова, которое реализуется в слове лишь тогда, когда оно выступает в предложении в определенной синтаксической функции. Синтаксически обусловленными значениями будут, например, значение «человек большого ума» у слова *голова* («Он у нас голова»), значение «ротозей» у слова *ворона* («Эх ты, ворона, не заметил, как кошелек украли»), значение «растяпа» у слова *шляпа* («Шляпа! Такой мяч пропустить!»), значение «подлец» у слова *свинья* («Свинья я был ужасная и воображал себе, что я ангел» — Л. Толстой), значение «толстяк» у слова *боров* («Он понять не мог, о чем она могла вести такую одушевленную и длинную беседу с этим жирным боровом» — А. Ф. Писемский), значение «замечательное» у слова *блеск* («Мороженое—блеск!») и т. д.

Указанные значения для этих слов характерны обычно тогда, когда эти слова выступают в предложении в качестве сказуемого. В роли других членов предложения они с такими значениями могут употребляться только анафорически, т. е. в предложении вслед за фразой, в которой они были сказуемыми, причем, как правило, в сопровождении указательного слова (ср. «Ну и осел же твой приятель. Такого осла я еще не видывал»).

Слова с синтаксически обусловленным значением, относящиеся, как вышеназванные, к категории имен существительных (ср. также: *молодец, крошка, медведь, лиса, змея, бред, чудо* и т. д.), представляют собой не ней-

тральные названия явлений действительности, а их экспрессивно-эмоциональные характеристики положительного или отрицательного характера.

Подавляющее большинство русских слов, имеющих фразеологически связанное или синтаксически обусловленное значение, обладает также и прямым, номинативным, значением. Однако не следует думать, что это последнее значение обязательно присуще каждому слову. В лексике современного русского языка существуют и такие слова, в которых наблюдаются или только фразеологически связанные значения (таких довольно много, например *чреватый*, *безысходный*), или только синтаксически обусловленные (такие слова единичны, например *молодѣц*, *объединение*, *загляденье*, *капут*, *шарашка*).

Среди слов, не имеющих свободного значения, следует особо назвать группу слов, которая в языковой системе функционирует в качестве номинативно-коммуникативных единиц. Выступая как слово, одновременно являющееся предложением, такого рода слова (*смеркается*, *жаль*, *безусловно*, *да* и т. п.) обладают только синтаксически-обусловленным значением.

Рассмотренные проблемы (с одной стороны — степень семантической емкости слова, а с другой — характер проявления в слове значения) неразрывно связаны с вопросами разграничения, во-первых, семантических вариантов одного и того же слова и разных слов, а во-вторых, самостоятельных и отдельных слов и слов как определенных компонентов фразеологических оборотов, т. е. с отграничением полисемии от омонимии (об этом см. в следующем параграфе) и лексических единиц от составных частей эквивалентных слову фразеологизмов (об этом см. в разделе о фразеологии).

Из литературы о лексических значениях слова и его разновидностях см.: Н. Н. Амосова, К вопросу о лексическом значении слова, «Вестник ЛГУ», Л., 1957, № 2; Р. А. Будагов, Многозначность слова; «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», № 1, М., 1958; В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5; Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие, Учпедгиз, М., 1956; Б. Н. Головин, О типах лексических значений слов русского языка, «Ученые записки Горьковского университета», вып. 59, 1960; А. Ф. Ефремов, Многозначность слова, «Русский язык в школе», 1957, № 3; В. А. Звегинцев, Семасиология, изд. МГУ, М., 1957; Л. С. Ковтун, О значении слова, «Вопросы языкознания», 1955,

№ 5; Н. Г. Комлев, Компоненты содержательной структуры слова, изд. МГУ, 1969; Е. Р. Курилович, Заметки о значении слова, «Вопросы языкознания», 1955, № 3; Л. А. Новиков, Системные факторы в семантическом развитии языка. В кн.: «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка», Самарканд, 1966; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, X, 1899; А. И. Смирницкий, Значение слова, «Вопросы языкознания», 1955, № 3; Н. В. Черемисина, Условия контекстной реализации индивидуально-авторского значения слова, «Русский язык в школе», 1969, № 3; Д. Н. Шмелев, О типах лексических значений. В кн.: «Проблемы современной филологии». Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, «Наука», 1965.

§ 4. Омонимы

От различных лексических значений многозначного слова следует четко отграничивать слова, находящиеся между собой в омонимических отношениях. Семантическими вариантами одного и того же слова являются только такие образования, которые с точки зрения современного языкового сознания выступают перед нами как родственные, тесно и непосредственно друг с другом связанные значения, из которых одно представляет собой основное, исходное, а другое или другие — вторичные, производные (ср. *бой часов* и *бой* — битое стекло, *переход через Альпы* и *машина остановилась у перехода*, *большая и светлая аудитория* и *внимательная и дружеская аудитория*, *полный стакан* и *полная свобода*, *слушать музыку* и *слушать дело в суде* и т. д.).

Что касается омонимов, то они являются такими одинаковыми по звучанию и написанию словами, значения которых осознаются нами как совершенно не связанные между собой и одно из другого не выводимые (ср. *метр* — 100 сантиметров, *метр* — стихотворный размер и *метр* — учитель, наставник; *повод* — обстоятельство и *повод* — часть конской упряжи; *рак* — животное и *рак* — болезнь, *выдержка* — стойкость и *выдержка* — цитата, *блок* — временное соглашение и *блок* — приспособление для подъема тяжестей, *донести* (от *нести*) и *донести*, соотносительное с *доносить*, *доносчик* и т. д.).

В современном русском литературном языке существует немало одинаково звучащих слов или отдельных их форм, имеющих совершенно различные значения. Нередко все такого рода слова или какие-либо их формы называют омонимами.

Имея в виду это явление, необходимо, однако, подходить дифференцированно к различным фактам, которые здесь могут наблюдаться.

Следует строго отграничивать омонимы от омоформ, а от них — омофоны, а также омографы и паронимы. Омонимами являются такие слова, одинаково звучащие, но имеющие совершенно различные, не выводимые сейчас одно из другого значения, которые совпадают между собой как в звучании, так и на письме во всех (или в ряде) им присущих грамматических формах. Омонимы, следовательно, представляют собой слова одного грамматического класса.

Если такие слова совпадают между собой во всех своих грамматических формах, это полные омонимы (*заставить* — принудить кого-то что-нибудь сделать и *заставить* — загородить, закрыть чем-нибудь поставленным; *ударник* — часть затвора винтовки и *ударник* — передовой рабочий социалистического производства; *кулак* — кисть руки со сжатыми пальцами и *кулак* — богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий чужой труд). Если такие слова совпадают между собой лишь в ряде своих грамматических форм, это неполные омонимы (*лук* — огородное растение и *лук* — старинное оружие для метания стрел; у первого слова множественного числа нет; *засыпать* от *сыпать* и *засыпать* — отходить ко сну; соотносительные формы совершенного вида звучать будут по-разному: *засыпать* и *заснуть*).

Омоформами являются в отличие от омонимов слова как одного и того же, так и разных грамматических классов, совпадающие между собой в звучании всего лишь в отдельных формах (*стих* — стихотворение и *стих* от *стихать*; *пошла* от *пошлая* и *пошла* от *пойти*; *лаком* от *лак* и *лаком* от *лакомый*; *спор* — существительное и *спор* от *спорый*; *лечу* от *лететь* и *лечу* от *лечить*; *три*, *трем* — числительные и *три*, *трем* — формы от глагола *тереть*; *мороженое* — существительное и *мороженое* — прилагательное; *благодаря* — деепричастие от *благодарить* и *благодаря* — предлог; *дуло* — существительное и *дуло* — форма от глагола *дуть* и т. п.).

К омонимам и омоформам примыкают омофоны, представляющие собой слова и формы разного значения, которые произносятся также одинаково, но изображаются на письме в отличие от первых по-разному. Омофоны

могут быть как омонимного характера (*костный* — *кос-ный*, *компания* — *кампания*, *копчик* — *кобчик*, *Роман* — *роман*, *Орел* — *орел* и т. п.), так и омоформного (*плот* — *плод*, *везти* — *вести*, *братся* — *братца* и др.).

От омонимов, омоформ и омофонов, представляющих собой разные по значению, но одинаково звучащие слова и формы, следует отличать омографы — слова и формы, разные по значению, но одинаково изображаемые на письме. В произношении омографы между собой в звучании не совпадают. Как и омофоны, они могут быть и омонимного характера (*замóк* — *за́мок*, *мука́* — *му́ка*, *вы́купать* — *выкупáть* и др.) и омоформного (*мо́ю* — *мою́*, *доро́га* — *дорога́*, *бе́лок* — *бело́к* и т. п.).

От омофонов следует отграничивать паронимы — слова с разным написанием, имеющие очень близкое, но все же не тождественное произношение (*серы* — *сэры*, *раут* — *раунд*, *пярят* — *парад*, *банка* — *банька*, *рассвет* — *расцвет*, *гама* — *гамма*, *весело* — *весила*, *отчет* — *отсчет*, *шута* — *шутя*, *месяца* — *месится*, *будет* — *будит*, *власти* — *влазьте* и т. п.).

Нередко омонимию (в широком значении) относят к отрицательным явлениям. Следует отметить, что такое мнение не может считаться доказанным. Наряду с фактами ее устранения в отдельных случаях (ср. исчезновение слова *вечный* от *веко*, слова *винный* от *вина* и т. д.) наблюдаются не менее частые и многочисленные факты появления новых омонимов, омоформ и омофонов. Практически омонимы, омоформы и омофоны не затрудняют общения, так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом.

Появляются омонимы, омоформы и омофоны в русском языке в силу следующих причин:

1. В связи с образованием новых слов и форм в русском языке на базе существующего в нем строительного материала. Так, возникли пары: *городище* (большой город) и *городище* (место древнего поселения), *критический* (от *критика*) и *критический* (соотносительное с *кризис*), *лисичка* (вид гриба) и *лисичка* (производное от *лиса*), *папочка* (от *папка*) и *папочка* (от *папа*), *завод* (у игрушки) и *завод* (машиностроительный), *добро* (имущество) и *добро* (противоположное злу), *бездна* (пропасть) и *бездна* (много), *потопить* (печку) и *пото-*

нить (корабль), (заводская) столовая и столовая (ложка) и т. п.

2. В связи с пополнением словарного состава русского языка заимствованиями из других языков и иноязычным влиянием на русский язык в области семантики. Так возникли: *мат* (плетеная подстилка, из немецк. яз.), *мат* (шахматный термин, из арабск. яз.) и *мат* (тусклость, отсутствие блеска, из франц. яз.); *лава* (расплавленная масса, выброшенная вулканом, из итал. яз.) и *лава* (пласт угля в забое); *нота* (музыкальный знак, из латинск. яз.) и *нота* (дипломатическое обращение одного правительства к другому, из латинск. яз.); *скат* (откос, пологий спуск) и *скат* (хищная, морская рыба, из исландск. яз.); *тур* (часть какого-либо состязания, из франц. яз.) и *тур* (дикий бык); *хром* (мягкая тонкая кожа, из греч. яз.) и *хром* (от хромой); *тем* (род. пад. мн. числа от *тема*, из греч. яз.) и *тем* (твор. пад. ед. числа от *тот*); *трогать* (касаться) и *трогать* (приводить в душевное волнение, семантическая калька, франц. *toucher*); *утка* (птица) и *утка* (ложный слух, семантическая калька, франц. *sapard*); *скачок* (от *скак*, ср. *на скаку*) и *скачок* (резкий переход от старого качественного состояния к новому, семантическая калька, нем. *Sprung*), *среда* (день недели, из старослав. яз.) и *среда* (окружение, семантическая калька, франц. *milieu*) и т. д.

3. В связи со звуковыми процессами, с изменениями в фонетической системе русского языка. Так появились: *лук* — огородное растение и *лук* — старинное оружие, первое из которых было первоначально со звуком *у*, а второе — с носовым звуком *о*; *лечу* (от *лечить*) и *лечу* (от *лететь*), первое из которых было первоначально со звуком *ѣ*, а второе — со звуком *е*; *три* (3) и *три* (от *тереть*) из *три* и *тьри*, *роз* и *рос*, *плод* и *плот*, *долго* и *долга* и др.

Наиболее часто омонимы, омоформы и омофоны омонимного характера возникают в результате первых двух причин, омофоны омоформного характера — в результате третьей.

Фактом лексической системы русского языка является лишь омонимия слов, причем слов одного и того же грамматического класса; только омонимы различаются между собой в первую очередь по семантике, а не по грамматическим свойствам и звучанию своих других

форм, только они составляют в лексической системе соответствия чисто семантического характера (если они и имеют различные до некоторой степени грамматические свойства и словообразовательное строение, то это явление производное, возникшее позднее, на базе различного их значения).

С точки зрения своего морфологического строения омонимы делятся на омонимы корневые и омонимы производные. Первые в значительном количестве наблюдаются лишь в существительных (ср.: *клуб* (нашего завода) и *клуб* (дыма), (паркетный) *пол* и (мужской) *пол*, *рожа* (болезнь) и *рожа* («лицо») и т. п.). Вторые особенно характерны для глаголов и образованных от них существительных, но есть и среди прилагательных и отыменных существительных (ср.: *заплыть* (далеко) и *заплыть* (жиром), *отказать* (кому в чем) и *отказать* (кому что), *стянуть* (украсть) и *стянуть* (от *тянуть*), *основа* (в тканье) и *основа* (база, фундамент), *бумажник* (для хранения денег и бумаг) и *бумажник* (работник писчебумажной промышленности), *представительный* (образ правления) и *представительный* (мужчина) и т. д.).

Рассматривая в лингвистическом плане явление лексической омонимии, нельзя не остановиться также и на вопросах отграничения лексических омонимов как единиц словарной системы языка от звуковоспадения речевых отрезков, с одной стороны, и реальной и потенциальной омонимии — с другой.

В некоторых пособиях по лексике русского языка как омонимические образования в одном ряду с лексическими омонимами неверно рассматриваются пары, состоящие из слова и речевого отрезка (ср. *те мы* — *темы*, *скалам бурым* — *с каламбуром*, *стихия* — *стихи я*, *раз пять* — *распять*, *ворон* — *вор он*, *причине* — *при чине*, *ведь чины* — *ветчины* и т. д.¹). В таком случае не учитывается принципиальная разница, существующая между языком и речью, а также смешиваются явления различных языковых уровней: ведь если омонимы в качестве словарных единиц являются фактами лексической

¹ См.: Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, изд. МГУ, 1954, стр. 61—62; А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, Учпедгиз, М., 1955, стр. 69—71.

системы языка, то омонимические речевые отрезки представляют собой фонетические единицы, возникающие как одинаково звучащие комплексы только в речи и в виде воспроизводимых и целостных образований не существующие.

Что же касается омонимических соотношений слов как элементов лексической системы, то в них следует дифференцировать две разновидности в зависимости от того, насколько часто они встречаются (и встречаются ли вообще) друг с другом в пределах одного и того же речевого контекста.

Реальными лексическими омонимами, свободно и постоянно вступающими в омонимические отношения друг с другом, являются лишь слова одной и той же сферы употребления и экспрессивно-стилистических свойств (ср. *пол* — нижний настил помещения и *пол* — каждый из двух разрядов живых существ, *сплав* — соединение нескольких металлов и *сплав* (леса по реке), *свет* — вселенная и *свет* — лучистая энергия, *мир* — вселенная и *мир* (противоположное войне), *ключ* (от замка) и *ключ* — родник, *губка* (от *губа*) и *губка* — изделие из резины, *птичник* — помещение и *птичник* — ухаживающий за птицей и т. д.).

Омонимы разных сфер употребления и экспрессивно-стилистических свойств (ср. *лев* — животное и *лев* — болгарская денежная единица, *бар* — ресторан и *бар* — единица атмосферного давления, *нотация* — выговор и *нотация* — система условных письменных обозначений, *балда* — дурак и *балда* — большой тяжелый молот, *фараон* — карточная игра и *фараон* — титул древнеегипетских царей и т. п.) встречаются рядом почти исключительно в словарях и поэтому (если говорить о речевой омонимии) в значительной степени потенциальны.

Их омонимичность (как и относящихся к разным лексическим системам слов, ср. архаическое *брань* — война и *брань* — ругань, устаревшее *чело* — лоб и *чело* — наружное отверстие русской печи, *людно* и диалектное *людно* — много, *коты* и областное *коты* — вид обуви и др.) может реализоваться только в определенных условиях, а именно в случае сознательной словесной игры, когда говорящий или пишущий намеренно «сталкивает» их друг с другом для достижения определенного эффекта.

В омонимических образованиях как лингвистических

единицах (включая сюда все их разновидности, не только лексические омонимы) заложены большие изобразительно-выразительные возможности уже в силу их антонимической сущности: ведь это слова одинаковые (по звучанию), но в то же время и разные (по семантике). Этим «противоречием» формы и содержания омонимия во всех ее видах постоянно привлекает художников слова. Именно поэтому омонимы, омоформы и омофоны (иногда также омографы и паронимы) — одно из наиболее часто употребительных и сильных средств словесной игры, создания каламбуров и разнообразных стилистических эффектов и т. д.

Приведем несколько наиболее интересных и по возможности различных примеров. Начнем с лингвистической басни К. Пруtkова «Помещик и садовник», основное содержание которой целиком определяется сопоставлением и противопоставлением омонимов *прозябать* — произрастать и *прозябать* — замерзать и возникающим в связи с этим речевым квипрокво:

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растение,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько *прозябает*».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что! хорошо ль растенье *прозябает*?»
«Изрядно, — тот в ответ, — *прозябло* уж совсем!»
Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «*прозябает*». (П р у т к о в.)

Очень оригинальное использование разноязычных омофонов *Рож*а (собственно имя *Роз*а в диалектном польском произношении) и *рожа* (в значении «лицо») мы находим у М. Ю. Лермонтова в романе «Княгиня Лиговская» (там, где Печорин рассказывает об одном из своих походов во время похода 1830 г. в Польшу).

— А есть ли у вашего пана жена или дочери? — спросил я.

— Есть, пане капитане.

— А как их зовут, графиню, жену вашего Острожского?

— Графиня *Рож*а.

«Должно быть красавица», — подумал я наморщась.

— Ну, а дочки ее такие же *рожи*, как их маменька?

— Нет, пане капитане, старшая называется Амалия и меньшая Эвелина.

«Это еще ничего не доказывает», — подумал я. Гр. *Рож*а меня мучила, я продолжал расспросы:

— А что, сама гр. *Рож*а старуха?

— Ни, пане, ей всего 33 года...

...После второй рюмки хереса граф стал просить позволения представить мне свою супругу и дочерей.

— Помилуйте, — отвечал я, — что за церемония. — Я, признаться, боялся, чтобы эта *Рож*а не испортила моего аппетита, но граф настаивал... я еще отнекивался, как вдруг дверь открылась и вошла женщина высокая, стройная, в черном платье. Вообразите себе польку, и красавицу польку, в ту минуту, как она хочет обворожить русского офицера. Это была сама графиня Розалия, или Роза, по-простонародному *Рож*а.

Омонимы *нестись* (быстро мчаться) и *нестись* (класть яйца) умело использованы в басне К. Пруtkова «Чиновник и курица»:

Он все бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник, окажи мне дружбу.
Скажи, куда *несешься* ты?» — «На службу!»
...Чиновник, курицу узревши эдак,
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак:
Несусь я, — точно так!
Но двигаюсь вперед; а ты — *несешься* сидя».

Эпиграмма на Маркевича, реакционного беллетриста и публициста (написавшего в декабре 1879 г. фельетон «С берегов Невы», бывший не чем иным, как политическим доносом на Тургенева), целиком опирается у Д. Д. Минаева на игру омонимами *доносить* (от носить) и *доносить* (быть доносчиком):

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не *донести*!» — вокруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет*!..»

Особенно любят поэты употреблять омонимы, омоформы и омофоны в качестве рифмующихся слов: оди-

наково звучащие слова, расположенные на конце строки и рифмующиеся, оказываются особенно выразительными и сразу останавливают наше внимание, так как не только точно повторяют друг друга в фонетическом отношении, но и одновременно противопоставляются по смыслу. Ср.:

В полудневный зной на *Сене*
Я искал напрасно *сени*,
Вспомнив Волгу, где на *сене*
Лежа слушал песню *Сени*:
«Ах, вы, *сени*, мой *сени*...» (Минаев.)

А что же делает *супруга*
Одна в отсутствие *супруга*? (Пушкин.)

Защитник вольности и *прав*
В сем случае совсем не *прав*. (Пушкин.)

Я к вам пишу: случайно, *право*,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это *право*
И что скажу вам? — ничего! (Лермонтов.)

Красноречиво, важно, *долго*
Им толковал о чувстве *долга*. (Тургенев.)

Почему, зачем? Недоумение смяло.
Критики бормочут: — Этому *вина*
То да се, а главное, что смычки мало,
В результате много пива и *вина*. (Маяковский.)

Сбежал с горы и замер в *чаще*.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и *чаще*!..
Меня проищут до зари. (Блок.)

Бранили пьесу, мол, *пошла*,
А пьеса все-таки *пошла*. (Кроткий.)

Кому таланта не *хватает*,
Тот у талантливых *хватает*. (Кроткий.)

Темен Баку, дымен *Баку*.
Отчаяние. Ночь. Нефть.
Решетка у лба и пуля в *боку* —
Для тех, кто не скрыл гнев. (Асеев.)

Но строг маршрут, и мы должны
Принять культуры *порцию*,

Взирать на древние ножны,
На Цезаря, на *Порцию*. (К и р с а н о в.)

Естественно, что такое подчеркнутое выделение рифмы должно быть всегда оправдано не только чисто версификационными целями, но и определенными стилистическими задачами.

Из литературы об омонимах см.: В. И. Абаев, О подаче омонимов в словаре, «Вопросы языкознания», 1957, № 3; Л. А. Булаховский, Из жизни омонимов, «Русская речь», вып. 3, 1928; В. В. Виноградов, Об омонимии и смежных явлениях, «Вопросы языкознания», 1960, № 5; В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1940, № 1; Е. М. Галкина-Федорук, К вопросу об омонимах в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3; Б. Н. Головин, Омонимы в современном русском литературном языке, «Вопросы преподавания современного русского языка в вузе», Горький, 1960; Л. А. Новиков, Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии, «Русский язык в школе», 1960, № 3; Н. Ю. Шведова, Изучение омонимов. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 6, 1948; Н. Ф. Шумилов, К вопросу о разграничении полисемии и омонимии, «Русский язык в школе», 1956, № 3; Godel R., Homonymie et identité, Cahiers Ferdinand de Saussure, VII, 1948; B. Trnka, Bemerkungen zur Homonymie, Travaux de cercle linguistique de Prage, IV, 1931.

§ 5. Синонимы

Явлению омонимии в языке противопоставляется явление синонимии. В языке существуют не только одинаковые по звучанию слова, представляющие собой названия для совершенно различных предметов действительности и отношений. В языке нередко наблюдается и обратное, когда один и тот же предмет, вещь, явление и т. д. можно назвать разными словами, когда для обозначения одного и того же явления, качества, действия и т. п. существует не одно, а несколько слов. Ср.:

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, *врал* для смеху,
Никогда не *лгал* для лжи. (Т в а р д о в с к и й.)

Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает...
Хозяйка мирно *почивает*
Иль притворяется, что *спит*. (П у ш к и н.)

Скучен, грустен взор печальный
Голубых твоих очей —
Он, как факел погребальный,
Блещет в сумраке ночей. (П о л е ж а е в.)

Он всхлипнул, сел на кровать рядом с ней и вытер слезы рукавом. Она сразу не поняла, но вся похолодела и стала медленно креститься.

— *Кончается...* — повторил он тонким голоском и опять всхлипнул.

— *Умирает, потому что пожертвовал собой...* Какая потеря для науки! — сказал он с горечью. (Ч е х о в.)

Такие слова называются синонимами.

С и н о н и м ы — слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному — или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы (обозначая одно и то же), как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств. Они почти всегда отличаются друг от друга или 1) некоторыми оттенками в характерной для них семантике, т. е. лексическом значении, или 2) своей эмоционально-экспрессивной окраской, или 3) стилистической принадлежностью к определенному жанру речи, или 4) своей употребляемостью, или 5) способностью вступать в соединение с другими словами. Обычно различие между синонимами в таких случаях идет сразу по нескольким линиям.

Так, если мы сопоставим друг с другом синонимы *труд* — *работа*, то основное различие между ними будет заключаться в семантических особенностях слов. Синонимизироваться слова *труд* и *работа* будут лишь тогда, когда они выражают понятия «занятие, труд» или «продукт труда, изделие, произведение» (ср. *физическая работа, труд; научная работа, труд* и т. д.); слово *труд* имеет значение «усилие, направленное к достижению чего-либо» (ср. *с трудом встал, не дала себе труда подумать, без труда решил эту задачу* при невозможности сочетаний *с работой встал* и т. д.), слово *работа* обладает значением «деятельность» (ср. *работа сердца*), «служба» (*выйти на работу, поступить на*

работу) (при отсутствии этих значений у существительного *труд*) и т. д.

Разница между синонимами *спать* — *дряхнуть* — *почивать* проявляется прежде всего в характерной для каждого слова эмоционально-экспрессивной окраске и стилистической принадлежности к определенному жанру речи: глагол *спать* является межстилевым и нейтральным обозначением соответствующего состояния, глагол *дряхнуть* — просторечным и неодобрительным, глагол *почивать* — устаревшим и почтительным и т. д. Синонимы *немного* — *малость*, *скучный* — *нудный* дифференцируются сферой своего употребления: первые слова пар являются межстилевыми, вторые — свойственны лишь разговорно-бытовой речи. В синонимических парах *аэроплан* — *самолет*, *голкипер* — *вратарь* синонимы отличаются своей употребляемостью: *аэроплан* и *голкипер* относятся к устаревшим словам, *самолет*, *вратарь* входят в состав актуальной лексики современного русского языка.

Что касается синонимов *внезапная* — *скоропостижная*, *карий* — *темно-коричневый*, *разбить* — *расквасить* и т. д., то они отличаются друг от друга способностью сцепляться с другими словами: слова *скоропостижная*, *расквасить* — прикреплены в своем употреблении к словам *смерть*, *нос* (нельзя сказать «скоропостижный приезд», «расквасить врага» и т. д.), слово *карий* употребляется в отличие от синонимического прилагательного *темно-коричневый* лишь для обозначения цвета глаз и лошадей (в последнем случае как устаревшее); нельзя сказать «карий карандаш», «карее пальто» и пр.

Как видим, синонимы, называя одно и то же, всегда чем-нибудь различаются между собой. Однако эти различия обязательно тем не менее предполагают их номинативную общность, определяющую основное свойство синонимов — возможность замены в определенных контекстах одного слова другим.

Нередко синонимы определяются как слова различного звучания, имеющие близкие значения. Такое определение вызывает возражение, так как в нем неточно охарактеризована сущность синонимов как явления языковой системы.

Можно подумать, что среди синонимов наблюдаются только такие слова, которые обязательно различаются

между собой дополнительными оттенками в значении, хотя на самом деле есть и такие синонимы, различие между которыми заключается только в экспрессивно-стилистической окраске или употребляемости и т. д. Можно также подумать, что нет таких синонимов, которые могут заменять друг друга (ведь значения-то синонимов лишь близкие, а не тождественные), хотя на самом деле это является важнейшим, наиболее характерным свойством синонимов, в отличие от сравнительно близких по значению, но все же несинонимичных слов. Как уже отмечалось, синонимы среди слов знаменательных частей речи всегда выступают как лексические единицы, обозначающие одно и то же явление объективной действительности. Эта одинаковая номинативная функция и является тем стержнем, благодаря которому слова в лексической системе языка объединяются в незамкнутые (в отличие от антонимов) синонимические ряды.

Но, обозначая одно и то же и благодаря этому вступая между собой в синонимические соотношения, синонимы обозначают это одно и то же по-разному. Естественно, что разное в синонимах может быть не только различного характера, но и различной степени. Бывают случаи, когда синонимами называются как бы различные явления; именно благодаря этому в индивидуально-художественном употреблении появляется антонимическое (об антонимах см. § 7) противопоставление синонимов¹.

Синонимы, объединенные единством обозначаемого явления действительности, понятия или отношения, образуют незамкнутые синонимические ряды, в количественном отношении различные: с одной стороны, наблюдаются небольшие и простые двучленные объединения (ср. *конь* — *лошадь*, *спелый* — *зрелый*, *бездомный* — *бесприютный*, *выздоровливать* — *поправляться* и т. п.), с другой стороны, существуют многочленные синонимические ряды (ср. *лицо* — *лик* — *морда* — *рожа* — *физиономия* — *физия* — *харя* — *мурло* и др., *умереть* — *преставиться* — *загнуться* — *помереть* — *скончаться* и пр.,

¹ Поэтому, между прочим, возможность сделать слова антонимами, противопоставив их друг другу, вопреки мнению некоторых, далеко не всегда может быть меркой для определения, синонимы это или нет.

недостатки — пробелы — дефекты — недочеты и т. п., *бессмыслица — чепуха — чушь — вздор — ахинея — белиберда — галиматья — дичь* и т. д., *есть — кушать — жрать — лопать — трескать* и пр., *толпа — гурьба — ватага — орава* и т. д.).

Как в двучленных объединениях, так и в многочленных выделяется основное слово (или доминанта), определяющая характер всего синонимического ряда.

В качестве доминанты всегда выступает слово, представляющее собой стилистически нейтральную лексическую единицу, т. е. словарную единицу с «нулевой стилистической характеристикой», являющуюся простым наименованием, без какого-либо оценочного момента по отношению к тому, что ею называется.

По отношению к доминанте все остальные члены синонимического ряда являются зависимыми словами, имеющими все без исключения то же значение.

Каждое слово синонимического ряда должно быть синонимично не только доминанте, но и всем остальным словам данной группы.

Это значит, что по крайней мере какое-либо одно значение должно быть характерно абсолютно для всех членов синонимического ряда. Именно такие слова составляют реальный синонимический ряд. В противном случае перед нами — неверное объединение под одним общим многозначным словом двух или более синонимических рядов.

Ведь два слова могут выступать синонимами по отношению к третьему, не находясь между собой в синонимических отношениях и, следовательно, не входя в один синонимический ряд. Нет поэтому, например, синонимического ряда *договор — контракт — пакт* и т. д., есть два различных: *договор — контракт* и пр., с одной стороны, и *договор — пакт* и др. — с другой; нет синонимического ряда *спать, поживать, дрыхнуть, дремать*, поскольку последнее слово значит лишь «быть в состоянии полусна», и т. д.

Обычно синонимы — при их отнесенности к одному и тому же внеязыковому факту — целиком в своих узусных свойствах не совпадают.

Естественно, что они никогда не могут быть одинаковыми по своему звучанию, структуре и происхождению.

Однако могут наблюдаться в языковой системе и такие синонимы, которые по своему значению и отношению к контексту не различаются в настоящее время совершенно.

Эти синонимы называются или абсолютными синонимами, или лексическими дублетами. Их существование в языке оправдано только его развитием и представляет собой явление переходное, временное.

Чаще всего такого рода синонимы существуют или как параллельные научные термины (ср. лингвистические термины: *орфография* — *правописание*, *номинативная* — *назывная*, *фрикативный* — *щелевой* и т. д.), или как однокорневые образования при помощи синонимических аффиксов (*лукавость* — *лукавство*, *убогость* — *убожество*, *сторожить* — *стеречь* и т. д.).

С течением времени эти абсолютные синонимы (или лексические дублеты), если они не исчезают, а остаются бытовать в языке, дифференцируются, расходятся или по семантике, или по стилистическим качествам, или по употреблению и т. д., превращаясь либо в синонимы в полном смысле этого слова (ср. *голова* — *глава*, *верить* — *веровать*), либо в слова, в синонимических отношениях не находящиеся (ср. *любитель* — *любовник* — *влюбленный*).

Следует учитывать, что в целом ряде случаев в синонимах наблюдаются очень незначительные, едва уловимые различия, устанавливаемые лишь после тщательного их рассмотрения.

Богатая синонимика современного русского литературного языка — одно из ярких свидетельств его словарного богатства. Она дает возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, возможность разнообразить речь, делает язык более образным, действенным и выразительным.

Синонимия в языке — явление всегда глубоко национальное и создается в разных языках различными путями. Существующие в русском литературном языке синонимы появились в нем или в результате образования новых слов на базе существующего строительного материала, или в результате пополнения словаря русского литературного языка за счет лексики терри-

ториальных и профессиональных диалектов, а отчасти жаргонов, или в результате усвоения иноязычных слов из лексики других языков.

В силу полисемии многих слов русского языка у одного и того же слова может быть целый ряд синонимов, которые между собой в синонимических отношениях находиться не будут.

Например, синонимами к слову *тяжелый* в разных значениях будут слова *трудный* (тяжелая, трудная работа), *мрачный*, *безрадостный* (тяжелые, мрачные, безрадостные мысли), *суровый* (тяжелое, суровое наказание), *опасный* (тяжелая, опасная болезнь), *непонятный* (тяжелый, непонятный язык), *сварливый* (тяжелый, сварливый характер). Между собой в синонимических отношениях эти слова не находятся.

Разнообразие оттенков, свойственных синонимам, определяет особое внимание, которое должно быть проявлено при таком сложном и ответственном деле, каким является выбор нужного слова синонимического характера, особенно при письменном общении. Необходимо выбирать наиболее образные, емкие и уместные в данном контексте слова, точно и выразительно передающие высказываемую мысль, искать и находить «единственно возможные слова» (Л. Н. Толстой) для выражения данного содержания.

Следует учитывать, что в художественно-выразительных целях синонимы могут использоваться иногда совершенно не так, как в общенародной речи.

Обозначая одно и то же явление действительности, под пером писателя они могут превращаться в ряде случаев, по существу, в контекстуальные антонимы (см. ниже). Именно это наблюдается, например, у Горького («Слобожане, встречая на улице гроб, останавливались и, крестясь, говорили друг другу: — Чай, Пелагея-то рада-радшенька, что *помер* он... Некоторые поправляли: — Не *помер*, а *издох*»), у Фадеева («А у Ули глаза были большие, темно-карие, — не *глаза*, а *очи*...»), у Чехова («Он не *ел*, а *вкушал*») и др.

Употребление синонимов определяется самыми различными причинами и тесно связано как с речевой ситуацией, так и с намерениями говорящего, однако в любом случае оно (естественно, если является вер-

ным) позволяет разнообразить наш язык, делает его более точным, выразительным и красочным.

Умение владеть синонимическими средствами русского языка проявляется как в правильном выборе из синонимического ряда соответствующего слова, так и в правильном употреблении синонимов в пределах одного контекста.

Так, при переработке текста романа «Война и мир» Л. Н. Толстой в предложении «В тот же год Илья Андреевич умер и, как это всегда бывает, со смертью его распалась прежняя семья» слово *прежняя* заменяет прилагательным *старая*. Эта замена объясняется тем, что слово *прежняя* недостаточно точно в семантическом отношении; недостаточно выразительно и емко по своей смысловой наполненности: *прежняя* — это только бывшая ранее, прежде, не современная, устаревшая; *старая* же — это и давняя, существующая с давнего времени, долго (ср.: *старый друг*, а не *прежний друг*, *старое платье*, а не *прежнее платье*, *старая истина*, а не *прежняя истина* и т. д.).

Употребление синонимов в пределах одного контекста может носить самый различный характер, синонимы могут использоваться с разными стилистическими целями.

С одной стороны, употребление синонимов (это, пожалуй, наиболее распространенный случай) может быть обусловлено прежде всего стремлением избежать тавтологии, слишком частого повторения одних и тех же слов:

«Вот *пролетели* дикие гуси, *пронеслась* вереница белых как снег красивых лебедей». (Чехов.)

«Свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, *съела* мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала *уписывать* арбузные корки своим порядком». (Гоголь.)

С другой стороны, употребление рядов синонимических слов может быть продиктовано намерением говорящего подчеркнуть, развернуто выразить то или иное понятие, т. е. может быть использовано для создания перечисления или градации:

«Прощай, милый Саша!» — думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, *широкая, просторная*. (Чехов.)

«И жизнь казалась ему *восхитительной, чудесной* и полной высокого смысла». (Чехов.)

«Он *пополнел, раздобыл* и неохотно ходил пешком». (Чехов.)

«*Алчная я, жадная, до всего завистная*». (А. Н. Островский.)

«Потому что я человек, *hoto sapiens*, а ты *опоек, полувал, юфть*». (А. Н. Островский.)

«Обойми, поцелуй, *Приголубь, приласкай*, Еще раз, поскорей, Поцелуй горячей». (Кольцов.)

Наконец, в художественной литературе употребление в одном и том же контексте разных членов синонимического ряда может быть прямо подчинено определенным стилистическим задачам, связанным с сознательной словесной «игрой». Ср.:

Он подошел... он жмет ей руку... смотрят
Его *гляделки* в ясные глаза. (Блок.)

«Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану *есть*, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала *кушать*. (Пушкин.)

Если говорить о синонимах в стихотворной речи, то в ней они могут быть вызваны также и версификационными целями, т. е. использоваться в соответствии с требованиями ритма и рифмы. Ср.:

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна.
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры *тишина*.
Но *тишь* разрывается боем, —
Сирены зовут на посты. (Тихонов.)

Уж я не *верю* увереньям,
Уж я не *верую* в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям. (Баратынский.)

Наиболее излюбленным оригинальным приемом употребления синонимов в художественной и публицистической литературе является их антонимизация, превращение писателем их из названий одного и того же в наименования как бы разных явлений.

Такой прием употребления синонимов позволяет создавать не менее разнообразные художественные

эффекты, нежели те, которые могут быть извлечены из омонимии.

Именно на противопоставлении синонимических *лицо* и *рожа* (при одновременном этимологическом (имеющий два лица) и синхронном восприятии значения прилагательного *двуличный*) построена, например, П. Вяземским эпиграмма «Двуличен он!»:

Двуличен он! Избави боже:
Напрасно поклепал глупца.
На этой откровенной *роже*
Нет и единого *лица*.

Не менее удачным является подобное использование синонимов Мартыновым, с помощью которых поэт очень скупое, но удивительно ярко показывает зарождение у лирического героя любви:

Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю все четче и четче,
Как в *глаза* превращаются *очи*,
Как в *уста* превращаются *губы*,
Как в дела превращаются речи.

Очень своеобразна трактовка синонимов *губы* — *уста*, *пальцы* — *персты* И. Сельвинским в драме «Бабек», где они противопоставляются друг другу как обозначения губ и пальцев мужчины устам и перстам женщины.

Перед лицом закутанного с ног до головы в плащ человека главный герой пьесы произносит:

Ана-Джан! Подойди сюда!
Вот перед нами кто-то стоит.
Что это: *губы* или *уста*?
Что это: *пальцы* или *персты*?
Ана-Джан! Что скажешь ты?
Может, приметку подскажешь ты?

Выше уже говорилось об историческом характере синонимической системы современного русского литературного языка, которая постоянно перестраивается в связи с соответствующими изменениями в лексике вообще.

Слова, ранее в синонимических связях друг с другом не находившиеся, с течением времени становятся

синонимами, и наоборот. Поэтому синонимические ряды меняются как качественно, так и количественно.

Так, если мы обратимся к синонимическому ряду во главе с доминантой *глаза*, то увидим, что в древнерусском языке указанное слово не только не было ею, но и вообще (обозначая стеклянный шарик) не входило в соответствующий синонимический ряд: как обозначение органа зрения слово *глаза* укрепляется в русском языке лишь в XVI в. Если мы обратимся к литературному языку первой четверти XIX в., то увидим также, что в разбираемый ряд входило и слово *взоры*, сейчас к нему не относящееся (ср. «Заметя трепетный порыв, с досады *взоры* опустив»; в черновике даже: «На *взоры* брови опустив, надулся он» — Пушкин).

Существование фразеологических оборотов (см. § 28), эквивалентных слову, и возможность выразить понятия описательно обуславливают наличие синонимических отношений не только между словами, но и между словами и выражениями. В таких случаях фразеологический оборот входит в соответствующий синонимический ряд в качестве одного из его членов (ср. *наверняка — определенно — как пить дать; неожиданно — внезапно — как снег на голову; выпороть — отодрать — прописать ижицу; препятствие — помеха — камень преткновения; солнце — дневное светило; ср.: «Погасло дневное светило» — Пушкин; река — водный рубеж; ср.: «Осенний дождь стучит о подоконник Пока еще осколками свинца. Пока еще восходы и закаты Солдатской кровью крашены. Пока Зовется водным рубежом река» — Гудзенко, и т. д.).*

Существование синонимии слова и фразеологического оборота — при тенденции к краткости и лаконичности — приводит к возникновению на базе фразеологических оборотов новых слов: *столпотворение < Вавилонское столпотворение, костить < перемывать косточки, зажмуриться < зажмурить глаза, наладиться < пойти на лад* и т. д. (подробнее об этом см. нашу «Фразеологию современного русского языка», § 61—63). Впрочем, наблюдается здесь и обратный процесс «разложения» слова на фразеологический оборот (ср. *спят — объяты сном, ударить — нанести удар, бороться — вести борьбу* и пр.).

Богатая синонимическая система современного рус-

ского языка, характерная для него, не исключает вместе с тем и того факта, что целый ряд слов синонимов не имеет (в первую очередь, это различные термины).

Среди синонимов наблюдаются не только разнокорневые слова (*цепи — оковы — вериги, назад — обратно — вспять, дорога — путь — стезя* и др.), но и родственные, имеющие одну и ту же непроеизводную основу (*чаща — чащоба, прошлое — прошедшее, лиса — лисица, шаромыга — шаромыжник, учеба — ученье* и т. д.). Такие синонимы можно назвать **однокорневыми**. Однокорневые синонимы представляют собой слова, возникшие на основе слов одного и того же корня, иногда даже на базе той же самой производящей основы (ср. *туристская — туристическая, грабёж — грабительство, восседать — сидеть, рыбак — рыбарь, лгун — лжец, нарочно — нарочито, щебет — щебетанье, стыть — стынуть, синонимический — синонимичный* и т. п.).

§ 6. Варианты слова

Синонимы и омонимы, как разные слова, в том или ином отношении одинаковые (ср. *дорога* и *стезя, лисичка* — вид гриба и *лисичка* — лиса), следует четко отграничивать от вариантов одного и того же слова.

В а р и а н т а м и слова можно считать образования, имеющие тождественный морфемный состав; различия между ними являются настолько незначительными, что не нарушают единства лексической единицы в целом.

От форм слова, представляющих собой парадигматическое изменение слова, они отличаются тем, что противопоставлены и связаны один с другим как **однорядовые** (ср. *калоша — галоша, далеко — далёко, клавиш — клавиша, аудитория (помещение) и аудитория (слушатели)* и т. д.).

В русском языке наблюдается пять различных видов варьирования слова, в соответствии с чем можно выделить семантические варианты слова, грамматические, фонетические, акцентологические и орфоэпические.

Семантическими вариантами слова являются различные значения многозначного слова (о полисемии см. § 3).

Грамматическими вариантами слова являются образования, материально отличающиеся друг от друга лишь системой флексий (*глист — глиста, зал — зала, горн — горно, плес — плесо* и др.). Фонетические варианты слова представляют собой образования, материально отличающиеся друг от друга лишь небольшими особенностями в огласовке (*безнадежный — безнадёжный, этак — эдак, строгать — стругать, шкаф — шкап, тождество — тожество, крынка — кринка, туннель — тоннель, нуль — ноль, история — гистория* и т. д.).

Акцентологические варианты слова представляют собой образования, отличающиеся друг от друга лишь ударением (*и́наче — ина́че, буржуа́зия — буржуа́зия, ба́ржа — баржа́, свёкла — свекла́, твóрог — творóг* и др.).

Орфоэпическими вариантами слова следует считать его различное произношение, не отраженное на письме (ср. *дош'* и *дошт'*, *було[чн]ая* и *було[шн]ая, господи* и *господи, тысяча* и *тыща* и т. д.).

Некоторые ученые выделяют также словообразовательные варианты слова; сюда они относят однокорневые образования типа *наискосок — наискось, невмочь — невмоготу, синь — синева, картошка — картофель, бродяжить — бродяжничать, пошлятина — пошлость, щебет — щебетание* и т. д.¹. Однако это неверно, так как в таком случае не учитывается тот факт, что тождество слова не может сохраняться, если не сохраняется тождество составляющих его основу морфем.

Отмеченные выше варианты слова могут стилистически не отличаться друг от друга, но могут и дифференцироваться. В последнем случае они выступают по отношению друг к другу также и как стилистические варианты. Так, акцентологические варианты *ко́мпас — компáс*, фонетические *январь — генварь* являются и стилистическими: вторые члены пар соответственно относятся к профессионализмам и архаизмам.

Из литературы о синонимах в русском языке см.: Ю. Д. Апресян, Проблема синонима, «Вопросы языкознания», 1957, № 6; В. А. Гречко, О лексической синонимии в русском языке, «Филологические науки», 1963, № 2, стр. 19—30; А. Д. Григорьева, Заметки о лексической синонимии, «Вопросы культуры речи», вып. 2, АН СССР, 1959; А. П. Евгеньева (глав. ред.), Словарь синонимов русского языка, т. 1, 2, «Наука», Л., 1970—1971; В. Н. Ключева,

¹ См. об этом стр. 62.

Синонимы в русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3; е е ж е, Краткий словарь синонимов русского языка, изд. 2, Учпедгиз, М., 1961; В. И. Кодухов, Рассказы о синонимах, «Просвещение», Л., 1971; С. И. Коршунов, Синонимы в технической терминологии, «Известия АН СССР, отд. техн. наук», 1952, № 10; М. Ф. Палевская, Синонимы в русском языке, «Просвещение», М., 1964; Р. П. Рогожникова, Варианты слов в русском языке, «Просвещение», М., 1967; В. А. Сиротинина, Лексическая синонимия в русском языке, Львов, 1960; В. К. Фаворин, Синонимы в русском языке, Свердловск, 1953; А. Б. Шапиро, Некоторые вопросы теории синонимов, «Доклады и сообщения института языкознания», т. VIII, 1955.

§ 7. Антонимы

В лексической системе современного русского языка многие слова связаны между собой не только синонимическими отношениями, но и антонимическими. В этом случае слова объединяются друг с другом по противоположным значениям, которые для них характерны, в замкнутые пары (*хороший — плохой, правда — ложь, говорить — молчать* и т. д.). Именно этим объясняется тот факт, что, кроме омонимов и синонимов, в лексическом составе русского языка существуют также и антонимы. Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия.

Историческое развитие значений в слове приводит к появлению в нем противоположного значения довольно редко. Как правило, появление в слове такого значения сопровождается одновременной утратой старого. Так было, например, в словах *честить* (от *честь*), *наверное* (из *на верную*) и т. д., в которых возникновение значений «ругать», «вероятно, может быть» повело соответственно к отмиранию в них значений «почитать», «наверняка».

Однако бывают случаи, когда в слове при развитии противоположной семантики сохраняется и старая, т. е. развивается энантиосемия. Тогда в лексике появляются слова, имеющие противоположные значения, но звучащие одинаково. Такие слова представляют собой уже не антонимы, а одну из разновидностей омонимов, возникших в результате расхождения значений одного и того же слова до полярных: *оставьте* (распоряжение в силе) и *оставьте* (этот разговор), *задуть* (свечу) и *задуть* (домну) и т. д.

Именно поэтому в определение антонимов необходимо внести обязательно указание на их различную огласовку.

Антонимы могут быть как разнокорневыми, так и однокорневыми.

В однокорневых антонимах их противоположные значения объясняются, естественно, не противопоставлением корней, которые у них одинаковы, а противопоставлением присоединяющихся к ним префиксов или префиксального и беспрефиксального образований (ср.: *подземный* — *надземный*, *вливать* — *выливать*, *спокойный* — *беспокойный*, *народный* — *антинародный*, *зачет* — *незачет*, *прибавить* — *отбавить*, *плохо* — *неплохо*, *открыть* — *закрыть* и т. п.).

В разнокорневых антонимах противоположные значения являются принадлежностью этих слов в целом (ср.: *черствый* — *свежий*, *зажечь* — *погасить*, *говорить* — *молчать*, *жизнь* — *смерть*, *ночь* — *день*, *свет* — *мрак*, *тишина* — *шум*, *твердый* — *мягкий*, *все* — *никто*, *юг* — *север*, *вверху* — *внизу*, *вдоль* — *поперек*, *жар* — *холод*, *любовь* — *ненависть* и т. п.). Как разнокорневые антонимы осознаются сейчас и слова *конец* — *начало*, являющиеся по происхождению однокорневыми¹.

Не все слова могут иметь и, следовательно, имеют антонимичные (ср.: *коза*, *стол*, *пять*, *Петр* и т. п.): этой способностью обладают только такие слова, которые обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное или пространственное значения.

И, напротив, в ряде случаев у одного и того же слова может быть (обязательно, если слово является многозначным) несколько антонимов. Так, антонимами к слову *твердый* являются слова *мягкий* (*твердый* как камень — *мягкий* как воск), *жидкий* (*твердое* и *жидкое* состояния тела), *неуверенный* (*твердым* шагом — *неуверенным* шагом); антонимами к слову *свежий* будут слова *душный* (*утро*), *грязный* (*воротник*), *черствый* (*хлеб*), *соленый* (*рыба*), *шаблонный* (*мысль*) и т. д.

¹ Ср. значение корня *кон* в словах *коновод* (главарь, зачинщик), *искони* (сначала). Расхождение в звучании корня *кен* — *кон* (ср. *нести* — *ноша*, *везти* — *воз* и др.) и изменение его в *кон-ча* (в слове *конец* *-ец* — суффикс, в слове *начало* *на-* приставка, а *-л(о)* — суффикс) связано с дописьменными процессами возникновения носовых гласных и первой палатализации заднеязычных.

Антонимы — яркое средство для антитезных построений большой художественной выразительности, для создания оксюморонов, более наглядного противопоставления и сопоставления контрастных явлений. Именно поэтому так охотно и часто (и в то же время с таким мастерством) прибегают к антонимам в своей речевой практике художники слова.

Очень любил антитезные конструкции, построенные с использованием антонимов, М. Ю. Лермонтов:

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки,
Пусть *истину* скрывает *ложь*:
Что ж делать? — все мы человеки.

(«Жалобы турка».)

Таит молодое чело
По воле — и *радость* и *горе*.
В глазах — как на небе, *светло*.
В душе ее *темно*, как в море.

(«К портрету».)

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись — и *разойдемся* вновь,
Была без *радости* любовь,
Разлука будет без *печали*.

(«Договор».)

Довольно часто в своих критических статьях прибегал к антонимам для выражения диалектики мысли В. Г. Белинский. Ср.: «Жизнь человеческая разделяется на *будни*, которых в ней *много*, и *праздники*, которых в ней *мало*.

В жизни человека бывают торжественные минуты, в которых все — *победа* или все — *падение* и нет середины. Это минуты борьбы его индивидуальной особенности, требующей личного счастья или личного спасения, с долгом, говорящим ему, что он вправе стремиться к *счастью* или *спасению*, но не на счет *несчастья* или *погибели* ближнего, имеющего равное с ним право и на счастье, если оно ему представляется, и на спасение, если ему грозит беда. Воля человека свободна: он вправе выбрать тот или другой путь, но он должен выбрать тот, на который указывает ему разум».

Не являются чуждыми антитезы, включающие в свой состав антонимы, и синтаксису такого худож-

ника слова, как Л. Н. Толстой. Так, в романе «Война и мир» можно отметить, в частности, такой случай: «Княжна! Пойдите, ради бога, — вскрикнул он, стараясь остановить ее. — Княжна! — Она оглянулась. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу и *далекое, невозможное* вдруг стало *близким, возможным и неизбежным*» (т. 4, VI).

Особенно характерны антонимы, образующие анти-тезы, для индивидуально-художественного стиля А. Блока. Так, пролог к поэме «Возмездие» целиком построен на противопоставлении антонимических слов:

Жизнь — без *начала* и *конца*.
Нас всех подстерегает случай,
Над нами — сумрак неминуемый
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В *начала* и *концы*. Ты знай,
Где стерегут нас *ад* и *рай*.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где *свет*, — поймешь, где *тьма*.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире *свято*, что в нем *грешно*,
Сквозь *жар души*, сквозь *хлад ума*.

Часто прибегают для создания антитез к антонимам и наши советские поэты. Ср.:

Не стану *лучше* или *хуже*,
Все тот же буду, не иной,
От *счастья* *пламенеть* на *стуже*.
От *горя* *стынуть* в летний зной. (Грибачев.)

А *правда* осталась — что *жизни* дороже?
А *ложь* не забылась — что *смерти* страшнее?
Была ты милей, справедливей, моложе,
Я тоже казался намного прямее. (Луговской.)

Когда есть в актрисе настоящая сила,
Когда слово ее проникает в сердца, —
Пусть говорят мне: она *некрасива*, —
Нету *прекрасней* ее лица. (Гусев.)

Не менее охотно используются антонимы и для создания оксюморонов, т. е. сочетания друг с другом

слов, выражающих логически противоположные понятия и в силу этого, казалось бы, совершенно несоединимых. Такой художественный прием позволяет особенно наглядно и в то же время выразительно подчеркнуть диалектическую сущность того или иного явления, показать всю сложность и противоречивость описываемого факта.

Вот несколько примеров оксюморонов:

«А вы мне скажите, почему вы так боитесь молчания? Чуть разговор немного иссяк, вам уже и не по себе... А разве дурно *разговаривать молча?*» (К у п р и н.)

Старишься, подруга дорогая?
Не беда. Вот будет ли такая
Молодая старость у других! (Б у н и н.)

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И *убогая роскошь* наряда —
Все не в пользу ее говорит. (Н е к р а с о в.)

Как он хотел себя уверить,
Что не любил ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел. (Л е р м о н т о в.)

Будь счастлива несчастьем моим,
И услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым, —
Прости!.. вот все, что я желаю. (Л е р м о н т о в.)

Ничего не поделаты! Такая судьба
Привалила для нашего брата.
Оттого и робка, и немного *груба*
Неуклюжая *нежность* солдата. (С у р к о в.)

А ты жива, бессмертная, нетленная,
Загадочная в *мудрой простоте*. (С у р к о в.)

Нередко используются антонимы и для заглавий: «Война и мир», «Живой труп» Л. Толстого, «Мертвые души» Гоголя, «Толстый и тонкий» Чехова, «Дни и ночи», «Живые и мертвые» Симонова, «Земля и небо» Саянова и др.

Очень часты, в силу отмеченной яркой выразительности, антонимические пары в фразеологических оборотах, в том числе в пословицах и поговорочных выра-

жениях: *черным по белому*; *ни дать ни взять*; *тонкий намек на толстое обстоятельство*; *мягко стелет, да жестко спать*; *ученье — свет, неученье — тьма*; *и стар и млад* и т. д.

§ 8. Контекстуальные синонимы и антонимы

Выше рассматривались те различные соотношения между словами, которые существуют в лексической системе языка, и в связи с этим анализировались омонимы, синонимы и антонимы узуального, общенародного характера.

От синонимов и антонимов языковых следует отличать контекстуальные синонимы и антонимы, являющиеся индивидуально-стилистическим использованием того или иного слова, не закрепленным общенародным употреблением. В качестве таких контекстуальных, или индивидуально-стилистических, антонимов можно привести слова *волна* и *камень* в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Они сошлись: *волна* и *камень*,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

В общем употреблении эти слова в антонимических отношениях друг к другу не стоят.

Контекстуальными антонимами иногда могут быть даже слова, в общем употреблении являющиеся синонимическими (см. выше, стр. 56). Здесь как пример можно привести использование слов *прощай* и *до свиданья* П. Антокольским; в следующем далее четверостишии они не что иное, как контекстуальные, или ситуативные, антонимы:

А за ней и над ней [комнатой] — во всю ширь мирозданья
Все мгновенно, ничто не навек.
Никогда не *прощай*, навсегда *до свиданья*,
Милый друг, золотой человек.

Только у А. Блока слова *зеленые*, *синие* и *желтые* (вагоны) выступают соответственно (поэтом учитывался цвет вагонов разного класса) как синонимы словам (вагоны) *третьего*, *второго* и *первого* класса. Эти слова

могут служить примерами контекстуальных, или индивидуально-стилистических, синонимов:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали *желтые* и *синие*,
В *зеленых* плакали и пели.

Из литературы об антонимах см.: Л. А. Введенская, Словарь антонимов русского языка, изд. Ростовского ун-та, 1971; А. А. Киреев, Об антонимах, «Русский язык в школе», 1954, № 3; В. Н. Ключева, Проблема антонимов, «Ученые записки 1-го Московского государственного пединститута иностранных языков», т. IX, М., 1956; Н. П. Колесников, Словарь антонимов русского языка, Тбилиси, 1972; В. Н. Комиссаров, Проблема определения антонима, «Вопросы языкознания», 1957, № 2; М. Р. Львов, К вопросу о типах лексических антонимов, «Русский язык в школе», 1970, № 3; Л. Ю. Максимов, Антонимия как один из показателей качественности прилагательных, «Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. Ленина», т. СХХХII, М., 1958; Л. Н. Новиков, Логическая противоположность и лексическая антонимия, «Русский язык в школе», 1966, № 4; В. И. Шерцль, Об энантиосемии, «Филологические записки», Воронеж, 1883.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 9. Понятие «исконно русская лексика»

Как и современный русский язык в целом, словарный состав нашего языка в том виде, в каком он существует в настоящее время, представляет собой результат длительного развития, продукт целого ряда эпох. Среди слов, которыми пользуются сейчас говорящие на русском языке, наблюдаются самые различные по времени возникновения и по происхождению слова. Рядом со словами, бытующими в русском языке с дописьменной эпохи (*мать, радость, сила, озеро, шить, нести, старый, белый, по, у, три* и т. д.), мы найдем в нем слова, нового времени, совсем недавно или даже только что вошедшие в него (ср. *атомщик* — не ранее 1946 г., *целинник* — в 1954 г., *космонавт* — в 1957 г. и т. п.). Рядом с исконно русскими словами (*вода, говорить, смазчик, чтобы, мастерская* и др.) в нем есть слова, при-

шедшие к нам из других языков (*мастер* — из немецкого, *баста* — из итальянского, *тетрадь* — из греческого, *аквариум* — из латинского, *солидный* — из французского, *митинг* — из английского, *арба* — из татарского и т. п.)

То сложное и многообразное явление, которое представляет собой лексика современного русского языка с точки зрения того, как долго слово бытует в языке и как оно появилось, объясняется тем, что лексика исчерпывающе полно отражает своим составом и характером поступательное движение русского народа вперед, его богатую и славную историю и величественное социалистическое настоящее.

Основным пластом словарного материала современного русского языка, как и русского языка на всем протяжении его развития, являются исконно русские слова. Они составляют более 90% слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют основную часть его богатства, определяющую самобытность русской речи, ее глубокое национальное своеобразие. Это, таким образом, не только самая важная часть слов современной русской лексики в количественном отношении, но и слова, определяющие специфику нашего словарного состава, особенности его системы и путей развития и обогащения.

Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит (ср. исконно русские слова *шоссейный*, *маникюрша*, *форсить* и заимствованные из французского языка слова *шоссе*, *маникюр*, *форс*).

Исконно русскими словами, следовательно, будут не только слова собственно славянского происхождения или на их основе возникшие в разные периоды развития русского языка, но и слова, появившиеся в нашей речи на базе заимствованных основ и корней или целых слов. Было бы совершенно неверным, например, считать слова *ящик*, *аэросани*, *газетный*, *этюдник*, *штурмовщина*, *зацементировать* и т. п. словами не русскими, а заимствованными только потому, что в их составе есть иноязычные корни (*ям* — из татарского, *этюд* — из французского, *штурм* — из немецкого,

цемент — из латинского и др.). Более того, было бы неправильным также считать заимствованными, а не исконно русскими такие слова, как *акмеизм*, *нигилист*, *спец*, *ехида*, *акрихин* и т. п., хотя в их основах нет никаких исконно русских морфем; как определенные лексические единицы все они — пусть на базе иноязычных слов — появились в русском языке: *акмеизм* (на базе греч. акме «вершина») — как новообразование (поэта Гумилева) 1912 г.; *нигилист* (на базе лат. *nihil* «ничто») — в качестве неологизма первой трети XIX в. критика Надеждина; *спец* — в результате сокращения в советскую эпоху слова *специалист* (*spécialiste*); *ехида* — в результате процесса усложнения основы на базе *ехидна*, древнерусского заимствования из греческого языка (ср. греч. *echidna*); *акрихин* (на базе греч. *akros* «наилучший» и хинин) — как научный термин, которым был назван изобретенный в СССР в 1933 г. противомалярийный препарат, заменяющий *хинин*. Как слова определенного значения и словообразовательно-грамматической структуры, все они — творение и факт нашей речи и в другом языке были бы заимствованиями из русского языка.

От исконно русских слов, возникших на базе иноязычных (вроде *аптечный*), и полукалек с одной непроемной основой (о них см. ниже, § 17) следует отграничивать случаи словообразовательного переоформления заимствованных слов, когда заимствованное слово (для того чтобы войти в лексико-грамматическую систему русского языка) обрастает русским суффиксом. Так, прилагательные *солидный* и *семантический* было бы неверным ставить в один ряд с прилагательными типа *тренерский*, *парный*. В то время как последние возникли в русском языке как новые прилагательные от заимствованных существительных (первое — от слова *тренер*, заимствованного из английского языка, второе — от слова *пара*, заимствованного из немецкого языка), прилагательные *солидный* и *семантический* являются заимствованными из французского языка (*solide*, *sémantique*). Суффиксы *-н-*, *-ск-* в них не образуют новых слов от уже существующих в русском языке (как в *тренерский*, *парный*), а позволяют лишь ввести иноязычные прилагательные в систему употребляемых в современном русском языке прилагательных.

Среди исконно русской лексики, бытующей сейчас в нашем языке, следует различать, имея в виду время появления их в языке, несколько пластов: а) общеславянские слова, б) восточнославянские, или древнерусские. слова и в) собственно русские слова.

§ 10. Общеславянские слова

Среди исконно русских слов самым небольшим в количественном отношении, но самым древним и весьма важным пластом является лексика, унаследованная языком восточных славян из общеславянского языка, послужившего исходным языковым источником для всех славянских языков. Слова, полученные древнерусским языком из когда-то существовавшего общеславянского языка (распадение его относится к V—VI вв. нашей эры), можно назвать общеславянскими. Такие слова, как правило, и в настоящее время употребляются во всех современных славянских языках; исключения, когда на месте общеславянских слов наблюдаются другие, возникшие позднее или пришедшие извне, а общеславянские отсутствуют (ср., например, потерю украинским и белорусским языками, при сохранении русским языком, слов *роща*, *искать* и т. п.), относительно немногочисленны. Поэтому соответствующие слова в большинстве случаев являются общеславянскими не только в том смысле, что они существовали уже в эпоху общеславянского языкового единства, но и в том, что, будучи получены из общеславянского языка, они имеют общеславянское бытование и сейчас.

Среди общеславянской лексики, существующей в современном русском языке, можно наметить два рода слов: 1) слова, представляющие собой в переоформленном виде слова из общеиндоевропейского языка, и 2) новообразования эпохи славянского языкового единства.

К общеиндоевропейскому словарному фонду (эти слова условно можно назвать индоевропеизмами) относится среди общеславянских слов ряд названий конкретных предметов, их качеств и действий, названия нескольких абстрактных понятий, некоторые числительные и служебные слова и т. д. Все их объединяет очень длительное время существования и распространенность в самых различных языках индоевропейской семьи

(в каждом языке, естественно, в своем, но очень близком и родственном другим фонетическом облике и значении). Слово *небо* встречается не только во всех славянских языках, но и в целом ряде других: в греческом — *perhos* (туман, туча), в латинском — *nebula* (туман), в санскритском — *paḥas* (облако, небо), в немецком — *Nebel* (туман) и т. д. Таким же общим будет для индоевропейских языков и глагол *беру*¹: его мы находим и в греческом — *phereō* (несу), и в латинском — *fero*, и в армянском — *beret* и т. д.

Вот некоторые примеры индоевропейского пласта общеславянских слов², являющихся бытовыми названиями, терминами родства, обозначениями животных, явлений природы, наименованиями частей человеческого тела, производственными терминами, выражением абстрактных понятий, качеств и т. д.: *дом, мед, семя, огонь, ось, мех, зерно, дым, город* (раньше — огороженное место); *брат, сестра, сын, дочь, зять, сноха; волк, гусь, олень; мох, роса, ночь, луна, снег, камень, зима, вода; нос, зуб, ухо, око, бровь, грива* (первоначально — шея, ср. *загривок*); *шить, молоть, печь, драть; цена, честь, сон, слово; острый, первый, левый, который, нагой, новый*.

Значительно большую часть, чем унаследованные из общеиндоевропейского языка слова, представляют в общеславянской лексике славянские новообразования, возникшие уже в общеславянском языке (или на базе старого общеиндоевропейского корнеслова, или на базе, правда немногочисленных, заимствований).

Таким общеславянским, но не общеиндоевропейским словом в современном русском языке является слово *отец*, которое представляет славянское новообразование с суффиксом *-ькъ > -ьць* (современное *-ец*) от общеиндоевропейского корня уменьшительно-ласкательного значения *от-* (ср. греческое *ἄττα*, латинское *atta* — папа и т. д.). Старое общеиндоевропейское название отца (ср. латинское *pater*, немецкое *Vater* и др.) славянами было утрачено.

Таким же славянским новообразованием эпохи языковой общности славян, но возникшим уже на основе

¹ Значение, которое этот глагол раньше имел, сохраняется в производных от него: старославянском слове *бремя* (из **bermen* — ноша) и русском диалектном *беремя* (вязанка дров).

² Даются в современном русском значении и написании.

заимствования, будет, например, такое слово, как *купец* (на базе корня, заимствованного из германских языков, где оно в свою очередь — из латинского; ср. немецк. kaufen).

Количество слов, унаследованных русским языком из общеславянского языка и употребляющихся русскими сейчас, не является большим, если его сравнивать с общим словарным запасом. В самом деле, в четырехтомном толковом «Словаре русского языка» Академии наук, отражающем лишь наиболее употребительную часть современного русского словесного материала, указывается свыше 82 тыс. слов. Слов же, идущих из общеславянского языка (многие из которых бытуют в настоящее время уже с другими значениями), в нашей лексике сейчас не более двух тысяч. Однако до сих пор эти слова являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $\frac{1}{4}$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существеннейшей его частью.

Приведем (особо не разграничивая индоевропеизмы и славянские новообразования) некоторые примеры общеславянских слов, употребляющихся в лексике нашего языка. Слова будут даваться в том звуковом виде, в каком они существуют в русском языке сейчас.

Наиболее богатой (как по количеству, так и по семантическому многообразию) среди общеславянских слов является группа, представляющая имена существительные. Из них особо необходимо отметить следующие:

1. Наименования частей человеческого тела и тела животных: *борода, бок, брюхо, бровь, бедро, волос, голова, губа, грива, горб, горло, горсть, зуб, коса, лапа, ладонь* (из *долонь*, которое в свою очередь из **dolnъ*; ср. *дол, долина*), *лицо, лоб, нос, нога, ноготь, око, палец, перст, плечо, рог, рука, ребро, сердце, темя, тело, ус, уста, утроба, чело* и др.

2. Термины родства: *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, дед, зять, сноха, свекровь, деверь, тесть, отчим, мачеха* и т. п.

3. Названия того или иного отрезка времени: *день, ночь, вечер, утро, сутки, полдень, полночь, осень, лето, весна, зима, месяц, год, век* и др.

4. Слова, обозначающие полезные ископаемые: *серебро, золото, железо, медь, олово, соль, глина, песок* и т. п.

5. Слова, обозначающие явления природы (различные атмосферные явления, небесные светила, характер местности, водоемы и т. д.): *буря, берег, болото, брод, ветер, вода, вихрь, гора, гром, град, гроза, долина, дождь, жара, земля, звезда, зной, ил, камень, лед, лес, луг, море, мороз, мгла, небо, озеро, поток, поле, ручей, река, роса, суша, солнце, снег, туча, тьма, тина, тепло, холод, яма* и т. д.

6. Названия, относящиеся к растительному миру: *бук, боб, береза, верба, вяз, горох, граб, гриб, дыня, дуб, ель, желудь, ива, клен, корень, липа, лист, лоза, лопух, лебеда, морковь, ольха, орех, осина, плющ, слива, сосна, тыква, трава, терн, тис, тополь, цвет, хмель, явор, ясень, яблоня* и т. д.

7. Слова, обозначающие домашних животных: *бык, вол, корова, коза, конь, овца, пес, свинья* и некоторые другие.

8. Названия, относящиеся к животному миру: *волк, ворона, гусь, голубь, дятел, еж, ерш, жаба, заяц, зверь, змея, иволга, комар, лисица, лец, лань, линь, лебедь, лось, муха, мышь, медведь, овод, оса, орел, осетр, олень, окунь, пчела, рысь, рыба, сова, сорока, уж, угорь, хорь, щука, ястреб* и др.

9. Названия орудий и предметов труда: *весло, ведро, веретено, волокно, вилы, грабли, долото, жито, зерно, игла, кол, лен, лыко, лук, лом, масло, мука, мыло, нож, нить, невѣд, пшено, плот, полотно, сало, соха, сито, сметана, солома, седло, серп, тесто, цеп, шило* и др.

10. Наименования лиц: *гость, гончар, друг, жнец, отрок, пастух, пряха, сосед, слуга, староста, сторож, холоп* и др.

11. Ряд слов, представляющих собой выражение абстрактных понятий: *вера, воля, вина, гнев, грех* (первоначально — «ошибка»; ср.: *с грехом пополам*), *дух, жалость, зло, кара, месть, милость, мысль, правда, радость, сила, страх, счастье, смерть, старость, стыд, слава, свобода, труд, тревога, цена, честь, ярость* и др.

Значительную группу слов общеславянского происхождения образуют и глаголы, среди которых мы находим как наименования жизненно необходимых действий

и состояний, так и обозначения, представляющие производственные и общественно-политические термины. Ср.: *лечь, сидеть, спать, вянуть, мыть, дать, клевать, спеть, уметь, плевать, дышать, видеть, есть, брать, идти, звать, плакать, слышать, сосать, дуть, расти, бить, печь, врать, бояться, кричать, стоять, гореть, хотеть, стынуть, ползти, пить, петь, жить, гнить, быть* и др., а также: *шить, ковать, сеять, ткать, толочь, веять, молотить, пасти, прясть, учить, писать, читать, рубить, воевать, мстить* и т. п.

Не менее важную часть слов, унаследованных из общеславянского языка, в современном русском языке составляют и имена прилагательные. Среди них мы находим обозначения духовных качеств людей (*мудрый, хитрый, добрый, суровый, лютый, злой, глупый, грубый, гордый*), наименования физических качеств человека и животных (*голый, лысый, молодой, старый, косой, глухой, слепой, полный, быстрый* и др.), слова, обозначающие цвет (*белый, желтый, синий, русый, черный, седой, бледный* и т. п.), слова, обозначающие свойства и качества вещей (*правый, левый, большой, глубокий, короткий, узкий, кислый, ровный, мокрый, острый, теплый, легкий, мягкий, тонкий, густой, частый* и т. п.), и др.

К общеславянскому словарному фонду относятся в русском языке также и некоторые числительные (*один, два, три, семь, десять, сто* и др.), многие местоимения (*я, мы, ты, вы, он, кто, что, сам, весь, мой, наш* и др.), отдельные наречия, как правило, местоименные и отприлагательные (*там, тогда, где, вон, как, едва, мимо, скоро, мало, высоко, горько, внутрь, вчера* и т. п.), большинство непроизводных предлогов и союзов (*над, к, при, от, в, у, за, с, без, до, об; и, а, ли, да, но* и т. д.).

Если говорить о морфологическом строении общеславянских слов, бытующих в современном русском языке, то все они являются словами с простой словообразовательной структурой и в своем подавляющем большинстве сейчас выступают как слова корневые, с непроизводной основой.

По своему стилистическому характеру это слова общеупотребительные, межстилевые, необходимая принадлежность как устного словаря, так и лексики книжной, письменной речи.

По своему месту в словарном составе нашего языка это — ядро, важнейшая и древнейшая часть его общенародной лексики.

В своем большинстве все эти слова и сейчас обозначают то же самое, что и в древности, имея как в русском, так и в других славянских языках одинаковое прямое, номинативное, значение. В отдельных словах, однако, можно встретить по разным славянским языкам и иную семантику, не совпадающую с общеславянской или с русской. Например, в русском языке слова *муж* и *жена* не сохраняют старых значений «мужчина» и «женщина» (ср. семантику корней *муж-*, *жен-* в производных *мужской* и *женский*); слово *лето* в единственном числе уже не употребляется (ср. *летопись* — запись по годам) в значении «год»; слова *лоно* и *труп* (почему они и не включались в число названий частей человеческого тела) уже не имеют в русском языке сохраняющихся в ряде других славянских языков значений «грудь» и «туловище»; только в русском языке слово *палец* обозначает любой палец (в других — в этом значении употребляется слово *перст*, а слово *палец* обозначает лишь «большой палец»); только в русском для обозначения органа зрения употребляется слово *глаз*, в то время как общеславянское слово *око* является архаизмом; и т. д.

§ 11. Восточнославянская лексика

Значительно большим по количеству и семантико-словообразовательному разнообразию, нежели разобранная выше общеславянская лексика, является тот пласт слов русского языка, возникновение которого в нем связано уже с существованием диалектов древних восточных славян, древнерусского языка (VI—XV вв.). Это так называемая восточнославянская лексика, т. е. слова, которые сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Эти слова, как правило, не встречаются в лексике других (южных и западных) славянских языков, хотя в своем большинстве и возникли на базе общеславянского строительного материала. Неизмеримо меньше общевосточнославянских слов появилось на базе заимствованных и усвоенных в это время слов из других языков (греческого, тюркских, германских).

Древнерусские (но не общеславянские) по происхождению и времени возникновения слова в своей массе связаны с развитием на Руси новых (уже не патриархально-родовых, а феодальных) общественных отношений, с дальнейшим прогрессом культуры, науки, искусства и т. д., с все более глубоким познанием человеком окружающей его объективной действительности.

Этих слов в современной русской лексике очень много, но ученые занимались ими пока весьма недостаточно. Древнерусский слой словарного состава нашего языка как система не только не изучен с семантико-словообразовательной, этимологической, стилистической и других точек зрения, но и не описан (хотя бы предварительно) в сравнении с общеславянским и собственно русским пластами¹.

Никакого систематизированного перечня основных лексико-словообразовательных групп исконно русских слов, возникших в эпоху языкового единства восточных славян, привести пока что нельзя. Поэтому ограничимся лишь указанием некоторых отдельных примеров, по возможности самых разнообразных по принадлежности к определенному грамматическому классу, значению и словообразовательной структуре.

К общевосточнославянским (но не общеславянским) словам, например, можно отнести такие слова, как *балагур* (ср. польск. *gawędziarz*), *вилять* (ср. болг. *махам*, *въртя*), *вор* (ср. польск. *złodziej*), *жаворонок* (ср. старослав. *гавранъ*), *жуужжать* (ср. болг. *бръмча*), *знобить* (ср. болг. *тресе*), *зяблик* (ср. польск. *zięba*), *льгота* (ср. польск. *ulga*), *потолок* (ср. польск. *pułap*), *шмыгать* (ср. болг. *смъркам*), *совсем* (ср. польск. *zupełnie*), *галка* (ср. польск. *kawka*), *тут* (ср. польск. *tu*, *tutaj*), *снегопад* (ср. болг. *снеговалеж*), *говорун* (ср. чешск. *mluvka*), *снегоирь* (ср. сербск. *зимовка*), *пузырь* (ср. чешск. *měchůř*), *ледяной* (ср. польск. *lodowy*), а также: *горячиться*, *шарик*, *после*, *пустышка*, *горошина*, *поясок*, *горбоносый*, *добреть* и многие другие.

Не следует думать, что разбираемые нами слова, возникшие в древнерусском языке, можно определить на

¹ Именно этим объясняется тот факт, что в учебных пособиях мы встречаем обычно лишь несколько одних и тех же слов, которые приводятся в качестве примеров слов восточнославянского происхождения (ср.: *семья*, *хороший*, *ковш*, *собака*, *сорок*, *девяносто*).

основе фонетических примет, вроде полногласия, *ж*, *ч* на месте старых *dj*, *ij*, начального *o* из более древнего *je* и т. д. Подобные фонетические факты говорят лишь о том, что эти слова оформлены целиком или в своей части по законам восточнославянской фонетики, но отнюдь не о их происхождении в период VI—XV вв. и распространенности во всех восточнославянских языках. Эти слова могут быть как более раннего происхождения (т. е. общеславянской еще эпохи), так и более позднего (т. е. эпохи раздельного, самостоятельного существования трех восточнославянских языков). Такие, например, слова, как *здоровый*, *берег*, *дерево*, *порох*, *холод*, *сторож*, *золото*, *межа*, *свеча*, *один*, *озеро* и т. п., являющиеся с современной точки зрения корневыми, представляют собой по происхождению общеславянские слова. Восточнославянским в них является лишь их звуковая оболочка и в ряде случаев значение, но не время их появления. Такие, например, слова, как *одеревеневший*, *дороговизна*, *краснодеревщик*, *одиночество* и т. п., представляют собой по времени своего возникновения уже собственно русские слова, которым в украинском и белорусском соответствуют другие: укр. *задерев'янілий*, *дорожнеча*, *червонодерезець*, *самітність* или *самота*; белорусск. *адзеравянелы*, *дарагойля*, *чырвонадрэўшчык*, *адзінота* и др.

Более того, эти фонетические приметы не всегда будут даже принадлежностью исконно русских слов: они могут встречаться и в переоформленных иноязычных словах (ср., например, полногласие в словах *король*, *шелом*, *ч* из *tj* в слове *чужой*, заимствованных из германских языков, и т. д.).

Не является в то же время свидетельством обязательно общеславянского происхождения один факт наличия того или иного слова в разных славянских языках: они могли (на базе общего корневого и аффиксного материала) появиться в них и совершенно самостоятельно. Определенно о самостоятельном их возникновении в русском и каком-либо другом славянском языке говорят абсолютно различные значения, не допускающие сближений.

Например, сербское слово *зимовка* (снегирь) и русское слово *зимовка*, русское слово *застава* и чешское слово *zástava* (заклад, залог) совершенно друг с другом

не связаны и возникли самостоятельно, независимо друг от друга на базе одинакового корневого и аффиксного материала уже в эпоху раздельного существования трех групп славянских языков.

Естественно, что возникшие в древнерусскую эпоху слова впоследствии могли иметь и имели подчас различную судьбу в русском языке, с одной стороны, и украинском и белорусском языках — с другой. Они могли приобретать в них различные значения (скажем, сохраняя старое значение в украинском и белорусском, получать новое в русском языке), могли частично утрачиваться, заменяясь другими, не говоря уже о претерпеваемых ими изменениях в огласовке.

§ 12. Собственно русские слова

Наиболее многочисленный и разнообразный в структурно-стилистическом отношении и грамматических свойствах пласт исконно русской лексики представляют слова, возникшие уже в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков, т. е. слова собственно русские.

Собственно русскими словами являются такие, которые возникли в нем за период с XIV в. по настоящее время. Эти слова представляют собой уже специфическую принадлежность русской речи, и их существование в других языках будет, несомненно, фактом заимствования из нашего языка.

Подавляющее большинство собственно русских слов, как и слов общеславянских и восточнославянских (древнерусских), возникло на базе своего исконного материала. Однако немало их образовалось и на основе заимствованных, иноязычных слов. Пласт такого рода лексики (исконно русской по происхождению, но содержащей в себе в том или ином виде иноязычные факты) среди собственно русских слов является несравненно большим и заметным, нежели среди слов, возникших в общеславянскую или древнерусскую эпоху. Он образует в собственно русской лексике особый слой, занимающий своеобразное место среди чисто русских слов и заимствований, слой, соотносящийся (правда, по-разному) как с теми, так и с другими. Сюда можно отнести, например, такие слова, как *денежный*, *шнурок*, *прошля-*

пить, журнальный, негритянский, помадка, кокетничать, стартовать, вельветовый, трамвайщик, кассирша, капризуля, пробасить и т. п. Все эти слова содержат иноязычные корни, но все же это не заимствования, а особая часть собственно русской лексики, появляющаяся в результате процессов словообразования русского языка.

В отношении словообразовательной структуры собственно русские слова почти все в своем возникновении являются производными. Исключение составляют отдельные, весьма немногочисленные имена существительные, возникшие при помощи безаффиксного способа словообразования (типа *удаль*). По своему значению собственно русские слова в своей основной части являются формой выражения новых понятий, связанных с появлением новых предметов и явлений объективной действительности, с развитием науки, техники и литературы. Значительно меньшую часть составляют собственно русские слова, являющиеся названиями того, что ранее уже было обозначено другими словами.

Несмотря на то что собственно русские слова с исторической точки зрения (прежде всего их семантика и словообразование) изучены значительно больше, нежели общие всем восточнославянским языкам (древнерусские) слова, систематический перечень составляющих их семантико-словообразовательных групп дать пока что затруднительно.

Ограничимся поэтому вполне установленными фактами из словообразования и отдельными примерами.

К собственно русским словам определенно можно отнести: почти все имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-щик (-чик), -овщик, -льщик, -ятина* (от имени прилагательного), *-лка, -овка* (со значением предмета), *-тельство, -ща, -ка* (от прилагательных), *-ность, -есть, -щина* (с отрицательным оттенком) и некоторых других (ср. *каменищик, наборщик, бетонщик, гробовщик, чистильщик, дохлятина, зажигалка, раздевалка, листовка, вмешательство, надругательство, командирша, будущность, общность, испаряемость, сгораемость, казенищина* и т. п.); почти все имена существительные, образованные от глаголов безаффиксным способом образования без перегласовки гласной корня (*присед, разбег, зажим* и т. п.); все сложносокращенные

существительные (*кожимит, главк, вуз, зарплата* и т. п.); почти все имена существительные на *-тель* со значением действующего предмета (*огнетушитель, взрыватель, углубитель* и др.); подавляющее большинство существительных на *-ость* от прилагательных с иноязычными корнями (*партийность, революционность, грандиозность* и т. п.); почти все, если не все целиком, существительные, образованные при помощи суффикса *-ость* от имен прилагательных на *-тельный* (*внимательность, действительность* и т. д.); почти все имена существительные, образованные сложением с одной из иноязычных основ (*миноносец, славянофил, литературоведение, теплотехник, электросварщик, радиоузел* и т. п.); все сложные имена существительные, образованные из двух синтаксически равноправных существительных (*овцебык, светотень* и др.); почти все имена прилагательные с суффиксами *-чатый, -чивый* (*бревенчатый, обидчивый, разговорчивый* и т. д.); немногочисленные прилагательные, образованные с помощью иноязычных приставок от русских прилагательных (*антинародный, архиглупый* и др.); подавляющее большинство бытующих в современной лексике сложных прилагательных (*дикорастущий, светло-красный, темно-розовый, русско-польский, работоспособный, хлеботоргующий, учебно-воспитательный* и т. д.); глаголы, образованные от глаголов суффиксально-префиксальным способом, при помощи одновременного присоединения префикса и агглютинативного суффикса *-ся* (*разбежаться, разоспаться, вжиться* и т. п.); многие отыменные глаголы суффиксального образования (типа *сапожничать, халтурить*) и суффиксально-префиксального образования (типа *обезлюдеть, разбазарить*); наречия, образованные от прилагательных на *-ский* суффиксально-префиксальным способом — с помощью приставки *по-* и суффикса *-и* (*по-мальчишески, по-приятельски, по-дружески* и т. д.); наречия типа *по-весеннему, по-серьезному, по-деловому* и т. п.; наречия от причастий, образованные при помощи суффикса *-е* (*торжествующе, угрожающе* и т. д.); подавляющее большинство производных предлогов и союзов (например: *вследствие, на-счет, вроде, наподобие, благодаря, вслед; пока, чтобы, ежели, так как*) и т. п.

Число примеров можно было бы увеличить, однако и указанного вполне достаточно для того, чтобы понять,

насколько разнообразна и многочисленна собственно русская лексика в современном русском словарном составе. Можно заметить, что среди указанных семантико-словообразовательных типов имеются как приобретения недавнего времени (к таким, например, можно отнести сложносокращенные слова, появившиеся в русской лексике с конца XIX в., имена существительные на *-ость* от иноязычных основ, в подавляющей своей массе возникающие с 30-х годов XIX в.), так и факты, связанные в своем появлении с начальной стадией развития русского языка как языка русской народности (слова с суффиксом *-чик, -щик* — XIV в.; глаголы суффиксально-префиксального образования типа *съехаться* — XVI в. и т. п.).

Следует иметь, кроме того, в виду и то, что огромное количество собственно русских слов структурно совершенно не отличается от ранее возникавших общеславянских или восточнославянских (древнерусских) слов.

В качестве таких можно привести следующие: *соображать* (ср. укр. *розуміти*, белорусск. *разумець*), *бросить* (ср. укр. *кинути*, белорусск. *кінуць*), *малец* (ср. укр. *хлопчак*, белорусск. *хлапец*), *обнажать* (ср. укр. *оголяти*, белорусск. *агаляць*), *отразить* и производные от него слова (ср. белорусск. *адбіць*, укр. *відбити*), *здешний* (ср. белорусск. *тутэйшы*, укр. *тутешній*), *вдруг* (ср. укр. *враз*, белорусск. *разам*); *глазастый* (ср. укр. *окатий*, белорусск. *лупаты*, *зіркасты*), *добавочный* (ср. белорусск. *дадатковы*, укр. *додатковий*), *очень* (ср. укр. *дуже*, белорусск. *вельмі*), *темнокожий* (ср. белорусск. *цёмнаскуры*, укр. *темношкірий*), *краюха* (ср. укр. *окраэць*, белорусск. *акраец*), *грустный* (ср. укр. *сумний*, белорусск. *сумны*), *печатник* (ср. укр. *друкар*), *сочинить* и производные от него слова (ср. укр. *складати*, белорусск. *скласці*), *поцелуй* (ср. белорусск. *пацалунак*, укр. *поцілунок*), *годовалый* (ср. белорусск. *аднагадовы*, укр. *однолітний*), *гражданский* (ср. белорусск. *грамадзянскі*, укр. *громадянський*) и т. п.

Давая выше обзор различных пластов в исконно русской лексике и соответственно приводя конкретные примеры общеславянских, древнерусских и собственно русских по времени и происхождению слов, мы касались не всех фактов: именно, не затрагивали явлений семантического характера, тех новых значений, которые позже

появлялись у возникшего в ту или иную эпоху исконно русского слова. Необходимо иметь в виду, что то или иное исконно русское слово современной русской лексики, представляющее по времени своего появления общеславянское или древнерусское, может не являться общеславянским или древнерусским по своей современной семантике.

Являясь по возникновению фактом еще общеславянским, слово с современным или современными значениями может представлять собой тем не менее факт более поздний, лишь древнерусский или даже собственно русский. Слово, возникшее в древнерусскую эпоху, по своей современной семантике, несмотря на это, может являться специфическим фактом русского языка, т. е. собственно русским словом.

Если взять такое слово, каким является *красный*, то по времени появления оно общеславянское. Как значимая языковая единица оно было известно уже в общеславянском языке. Но имело оно там, как это наблюдается и сейчас в некоторых славянских языках, значение «хороший, красивый» (ср. укр. *красний*). В русском языке это значение сохраняется соответствующим корнем лишь в составе производных от слова *красный* слов (ср. *красноречие, прекрасный* и т. д.) и единичных фразеологических оборотов (ср. *красная девица; на миру и смерть красна; долг платежом красен*). Слово же *красный* служит в современном русском литературном языке для обозначения цвета, который называется в других языках обычно по-старому, словами, образованными от основы *черв-* (ср. белорусск. *чырвоны*, укр. *червоний*, польск. *czerwony*, болг. *червен* и т. д.).

В этом современном значении (как синоним слов *алый, багряный* и т. д.) слово *красный* является фактом не общеславянским, а собственно русским, возникшим в русском языке в эпоху раздельного существования трех восточнославянских языков. Естественно, что и все слова, образованные от этого слова в данном значении (*покраснеть, краснота, краснотал, покраснеться* и т. д.), будут являться собственно русскими образованиями.

То же самое можно сказать и о слове *вешать*, которое, вообще являясь общеславянским в значении «делать висящим» (ср. *вешать пальто на гвоздь*), представляет собой в то же самое время в значении «определять вес»

собственно русское слово. Для обозначения последнего действия («определять вес») во всех других славянских языках употребляются производные от слова *вага* (ср. укр. *важити*, белорусск. *важыць*, болг. *важа*, польск. *ważuć* и др.; ср. *важный*, *отвага* и т. п.).

Слово *обыденный* (или *обыдённый*) по возникновению (от *объ инъ днь*) представляет собой общевосточнославянское слово, оно возникло в древнерусскую эпоху, до XV в. Но тогда оно имело, как имеет и сейчас в украинском языке (ср. также белорусское *обыдзень* — «в один день»), значение «однодневный». С тем значением, которое для него характерно сейчас в литературном русском языке («повседневный, обыкновенный, заурядный»), оно является словом собственно русского происхождения, фактом, возникшим уже в эпоху раздельного существования трех языков восточных славян.

Такого рода фактов очень много. Все они объясняются различной судьбой одного и того же по происхождению слова в процессе длительного употребления в различных языках, процессами семантического пересмысления, которые могут происходить даже в самых близкородственных языках иногда весьма своеобразно. Поэтому при отнесении какого-либо слова к тому или иному пласту исконно русской лексики следует всегда учитывать и семантические факты.

§ 13. Заимствованные слова в русском языке

Помимо слов исконно русского происхождения, в лексике современного русского литературного языка немало и заимствованных, пришедших в русский язык из других языков.

Под заимствованным словом следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов (такое явление может наблюдаться тогда, когда слово берется из какого-либо близкородственного славянского языка (ср. *пригвоздить*, *мудрость* — из старославянского языка, *вольность*, *мещанин* — из польского языка и т. д.).

Нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни

один народ, носитель и творец того или иного языка, не живет совершенно изолированной, обособленной жизнью.

Общественный характер человеческой речи, исторические факты, определяющие развитие общества, неизбежно влекут за собой явление заимствования одним языком элементов другого, влияние одного языка на другой.

Наиболее ярко проявляются эти процессы в словарном составе.

В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и тому подобных связей русского народа с другими народами в русский язык проникало и укреплялось в его системе довольно значительное количество иноязычных элементов лексики.

Этот процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов не был явлением отрицательным: напротив, он обогащал наш родной язык, делал его еще более емким, выразительным и развитым. Естественно, что все взятое извне перерабатывалось в русском языке, подчиняясь законам русской фонетики и грамматики, правилам русского словопроизводства и семантической системы.

§ 14. Старославянизмы в лексике русского языка

Среди лексических заимствований в русском языке как значительный пласт слов из близкородственного языка особое место занимают старославянизмы, слова из старославянского языка¹. Причины появления и укрепления в русской лексике слов старославянского происхождения объясняются историей русского литературного языка, влиянием на него после появления на Руси христианства старославянского языка, тем, что последний в течение очень долгого времени имел определяющее значение для целого ряда разновидностей письменного языка древней Руси.

Входя в русский язык, старославянские слова, как всякие заимствованные словарные единицы, подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития: изменялись (если они имели

¹ Помимо слов, в русский язык из старославянского пришло и некоторое количество фразеологических выражений, словообразовательных элементов, грамматических форм и синтаксических оборотов.

в своем составе звуки, нехарактерные для русской фонетической системы) со стороны звучания, приобретали новые значения и стилистические качества и т. д. Например, старославянские слова *мошть*, *овошть*, *пештера* и т. д., включающие слитный мягкий звук *шт*, начинали произноситься как *мощь*, *пещера*, *овощи*: не свойственный русской произносительной системе звук *ш'т'* заменялся наиболее близким по акустическим свойствам звуком *ш'*.

Такое переоформление старославянских слов являлось очень важным фактом, так как оно включало чужое слово, пусть и из близкородственного языка, в лексику русского языка на правах одного из его компонентов. В результате этого некоторые старославянизмы настолько прочно укреплялись в словаре русского языка, что входили в его основной словарный фонд (например, *враг*, *время*, *страна*, *работа*, *мощь*, *между*, *польза* и др.), иногда даже вытесняя соответствующие исконно русские слова.

Немало таких случаев, когда старославянские слова так прочно входят в русский язык, что их неисконный характер в нем вскрывается с трудом и для рядового носителя современного русского литературного языка совершенно незаметен.

Среди заимствованных русским языком из старославянского слов следует различать три группы.

Первую группу составляют старославянские слова того же корня, словообразовательной структуры и первоначально прямого, номинативного, значения, что и соответствующие исконно русские. Это, по существу, старославянские варианты (в основном чисто фонетического характера) слов, бывших еще в общеславянском языке, которые были унаследованы и древнерусским языком, но уже в восточнославянской огласовке. Сюда относятся: *брег* (ср. *берег*), *глад* (ср. *голод*), *раб* (ср. древнерусское *роб*, в качестве корня сохраняющееся в диалектном *робенок*, в литературном *ребенок*), *рождать* (ср. *рожать*), *нощь* (ср. *ночь*) и т. д.

Вторую группу образуют старославянские слова, представляющие собой уже специфические новообразования старославянского языка. Их не было в общеславянском языке; среди них немало лексических единиц, созданных для передачи соответствующих греческих

слов. Если старославянские слова этой группы и имеют исконно русские синонимы, то они являются или вообще словами с иной непроеизводной основой, или при одном корне словами с иной словообразовательной структурой. В качестве примеров можно назвать: *истина — правда, агнец — ягненок, излить — вылить*; словообразовательные кальки¹ с греческих слов: *бездна, совесть, мудрость, чистота, животворный, благодарить* и т. п.

К третьей группе относятся семантические старославянизмы, т. е. общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этими значениями вошедшие в древнерусский язык. В этом случае исконно русские слова общеславянского происхождения как бы сливались с семантически отличными старославянскими, получая новое значение.

Так, семантическими старославянизмами по происхождению будут являться в русском языке слова *бог, грех, блуд, господь* и т. п. в их современных значениях (ср. старые значения этих слов; выступающих в качестве основной части производных *богатый, огрех, заблудиться, господствовать, господин* и др.). Следовательно, в данном случае старославянским по происхождению будет лишь то или иное значение, слово же по времени своего возникновения будет общеславянским.

О старославянском происхождении довольно значительной части лексических старославянизмов можно заключить, только хорошо зная историю их бытования в русском языке, старославянский и древнерусский словарные составы, древние письменные памятники и т. д.

Однако целый ряд старославянизмов выделяется среди слов и элементов другого происхождения по определенным характеризующим их приметам. Эти приметы могут быть фонетическими, словообразовательными и семантическими.

О старославянском происхождении корневых слов, значимых частей слов (корней, суффиксов, приставок), а в ряде случаев и целых производных слов говорят прежде всего следующие фонетические особенности старославянского языка (в отличие от фонетических особенностей русского):

¹ О них см. ниже, в разделе об иноязычных словах.

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *оро, оло, ере*: *нрав, врата, жребий, злато, смрад, здоровый, краткий, мрак, пленить, храм, трезвый, пламя, волосы, сладкий, храбрый, хранить, драгой, прах, среда* и т. п.;

2) сочетания *ра, ла* перед согласными в начале слов в соответствии с русскими начальными сочетаниями *ро, ло*, в определенных фонетических условиях (из * *ort, *olt*): *раб, работа, растение, разум, разврат, распятие, равный, разный, ладья* и т. д.;

3) сочетание *жд* на месте русского *ж* (из * *dj*): *вождь, между, одежда, прежде, рожденче, нужда, жажда, вежды* и др.;

4) звук *щ* (как замена старославянского звука *ш'т'*) в соответствии с русским *ч* (из * *tj*); *щ* в этом случае чередуется с *т* (*щ*, чередующееся с *ск* и *ст*, наблюдается и в исконно русских словах): *мощь, пещера, освещать, общий, овощи, поглощать, сущий* и т. п.;

5) начальный звук *е* вместо русского *о*: *есень* (ср. *Есенин*), *елень, езеро* (ср. *Езерский*), *единый, единица* и пр.;

6) начальное *ю* вместо русского *у*: *юноша, юг* (ср. производное от исконно русского *уг* — *ужин*, первоначально оно обозначало «полдник»), *юдоль, юродивый* (ср. *урод*) и немногие другие;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *агнец, аз* (ср. древнерусское *язъ*, современное *я*);

8) твердое *з* (из *г*) на месте русского *з* мягкого: *польза* (ср. *нельзя*), *осязать*.

В ряде учебных пособий указывается, что старославянскими словами являются также слова, в которых звук *е* под ударением и перед твердыми согласными не изменяется в *о* (*перст, небо, крест, жертва, скверна, мерзкий* и т. п.). Это неверно. Звук *е* под ударением и перед твердыми согласными произносился как *е*, а не как *о* с предшествующей мягкостью согласного не только в старославянском, но и (до перехода *е > о*) в древнерусском языке, произносится как *е* в этом положении и сейчас в некоторых диалектах. Поэтому произношение *е* как *е* в указанной фонетической позиции не может быть приметой старославянского происхождения слов, оно является свидетельством лишь особой — книжно-

литературной, церковнославянской — огласовки того или иного слова. Среди названных выше слов, в которых *е* не переходит в *о*, имеются действительно старославянизмы, но о том, что они старославянизмы, говорит не произношение в этих словах звука *е* без изменения в *о*, а их история, значение и стилистические качества.

Кроме фонетических признаков слов старославянского происхождения могут быть и словообразовательные приметы (иначе их иногда называют морфологическими). Сюда относятся некоторые суффиксы, приставки и некоторые модели образования сложных слов.

На старославянское происхождение отдельных, но отнюдь не всех слов такого рода указывают:

а) суффиксы *-ствие* (*действие, бедствие*), *-чий* (*кормчий, ловчий*), *-знь* (*жизнь, болезнь*), *-ыня* в отвлеченных существительных (*гордыня, святыня*), *-тва* (*молитва, битва*), *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* (*горящий, несущий*), *-есн-* (*древесный, чудесный*);

б) префиксы *из-* (*испить, изыди, изгнать*) и *низ-* (*ниспадать, низвергать*);

в) первые части сложений в виде *зло-*, *добро-*, *благо-*, *бogo-*, *сue-* (из которых многие — кальки с греческих слов): *злословить, добродетель, благословение, благородный, богоборец, богослов, суеверие* и т. п.

Наконец, в ряде случаев о старославянском происхождении того или иного слова может говорить и его семантика, его смысловое значение (выражение им религиозного понятия, обозначение им предмета церковного обихода и т. п.).

Именно по этому — семантическому — признаку, так как фонетические и словообразовательные приметы в них отсутствуют, к старославянизмам можно отнести такие слова, как *суета, соблазнить, воскресение, таинство, образ, креститель, святой, страсть* («страдание»; ср.: *страсти господни*), *кадить, пророк, творец* и т. п.

Следует предупредить против зачисления всех без исключения слов, имеющих указанные только что признаки, в слова старославянского происхождения.

О старославянском происхождении какого-либо слова определенно свидетельствуют из приведенных только фонетические признаки, но и то лишь в том случае, если они встречаются в корневых словах, в словах с неприводной основой.

Производные слова, содержащие в своем составе какой-либо старославянский элемент, имеющие религиозно-церковное значение, могли возникнуть и возникали на базе старославянских слов или по их модели и в книжном древнерусском языке (такие слова называются церковнославянизмами или славянизмами).

Производные слова с корнями и словообразовательным строением старославянского происхождения появлялись в русском литературном языке и в новое время.

Поэтому следует иметь в виду, что далеко не всякое производное слово, имеющее тот или иной старославянский элемент, является старославянизмом. Например, слово *предрассуждение* (ср. в «Вольности» Пушкина: «В сгущенной мгле предрассуждений») имеет три несомненных фонетических признака старославянского языка: неполногласное сочетание в *пред* (ср. *перед*), начальное сочетание *ра* перед согласным — *рас* (ср. *рос* в *россыпи*, *росчерк*) и сочетание *жд* (ср. *суженый*). Казалось бы, примет более чем достаточно для того, чтобы отнести это слово к старославянизмам. И тем не менее, отнеся слово *предрассуждение* к старославянским, мы бы совершили ошибку.

В действительности это слово, как и слово *предрассудок*, возникло в русском литературном языке во второй половине XVIII в. в качестве кальки французского слова *préjugé*¹.

Мы уже не говорим о таких словах, как *мясохладобойня*, *бомбардирующий* и т. п., появившихся лишь в советское время.

И напротив, могут быть и такие старославянизмы, в которых никаких признаков старославянского происхождения нет, и о их стороннем русскому языку характере нам говорит лишь историческая лексикология (ср. *свидетель* — древнерусским было *послух*; *убийца* — древнерусским было *головник*, откуда современное *уголовник* и т. п.).

Старославянские слова, войдя в русский язык, не все обрусели в нем в одинаковой мере. Судьба отдельных

¹ Акад. В. В. Виноградов, ссылаясь на свидетельство Тредиаковского, высказывает предположение, что оба эти слова были введены в русский язык А. П. Сумароковым (см. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», изд. 2, Учпедгиз, М., 1938, стр. 152).

старославянизмов в нашей речи была весьма разнообразной.

Одни старославянизмы настолько обрусели, что потеряли свою специфическую стилистическую окраску и значение совершенно, стали неотъемлемой принадлежностью межстилевой общеупотребительной лексики, иногда даже ее основного ядра (*время, враг, сладкий, праздник, храбрый, брань, срам, вред, член, бездна, овощи, общий, среда, нужда, пламя, влага, здравствуй, казнь* и т. п.)¹.

В своем большинстве эти общенародные по употреблению старославянизмы представляют собой слова, вытеснившие соответствующие исконно русские.

Другие старославянские слова, не осознаваясь уже как чужие и являясь обычными словами активной лексики современного русского литературного языка, тем не менее на фоне аналогичных образований исконно русского происхождения выглядят как книжные, являются принадлежностью прежде всего письменной речи (*жажда, благо, бремя, творец, истина, вождь* и т. д.).

В том случае, если эти книжные по стилистической окраске старославянизмы употребляются рядом с дублетными формами исконно русского происхождения, они имеют иное, более абстрактное значение (*хранить, здравый, краткий, нрав, власть, вращать, совратить, мощь* и т. д.; ср. значение слов *хоронить, здоровый, короткий, норы, волесть, ворочать, своротить, мочь — нет мочи*).

Многие старославянизмы — это будет уже третья группа — в настоящее время, в отличие от названных выше, не входят в активный словарный запас современной лексики, бытуют в нем как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (архаичности, торжественности, риторичности и т. д.). Эти старославянизмы все более суживают сферу и частоту своего употребления, постепенно уходят из языка: *нощь, хощу, дщерь, брег, глас, древо, чреда, злато, хлад, длань, агнец, алкать, отверзать, лобзание, предтеча, глагол* (в значении «слово»: «Глаголом жги сердца людей» —

¹ Некоторые из них вошли даже в диалектную речь (ср. *благо* (много), *страм*, *блажной*, *прах* (черт), *оглашенный*, *развратный* и т. д.).

Пушкин), *риза* (в значении «одежда»: «И ризу влажную свою Сушу на солнце под скалою» — Пушкин) и т. д.

Такие старославянизмы составляют один из наиболее важных пластов устаревшей лексики (о ней см. ниже), использующихся прежде всего в качестве средства для создания торжественного, приподнятого и взволнованного ораторского или лирического стиля, а иногда с иронически-пародийными и характерологическими (для создания речевого портрета персонажей) целями.

Следует иметь в виду, что в начале XIX в. некоторые старославянские слова устаревшего характера употреблялись в поэтической речи рядом с соответствующими исконно русскими совершенно безразлично, без каких-либо стилистических, художественно-выразительных установок. Такое безразличное употребление то старославянского, то исконно русского слова в таких случаях определялось лишь чисто версификационными целями (т. е. ритмом и рифмой) и может быть охарактеризовано как одна из поэтических вольностей.

Особенно ярко оно проявляется в использовании неполногласных и полногласных вариантов одного и того же значения.

В «Евгении Онегине» А. С. Пушкина мы, например, находим: «Онегин, добрый мой приятель, Родился на *берегах* Невы» (гл. 1, строфа 2) и «Иди же к невским *берегам*, Новорожденное творенье» (гл. 1, строфа 60); «Внемлите мой печальный *глас*» (гл. 1, строфа 19) и «В глуши звучнее *голос* лирный» (гл. 1, строфа 55) и т. д.

От лексических старославянизмов, т. е. слов, пришедших в русский язык из старославянского, следует отличать, если данное языковое явление рассматривается с генетической точки зрения, книжные слова, возникшие по модели или на базе старославянских уже в русском литературном языке. Нередко собственно старославянские слова и слова, появившиеся в результате использования старославянских элементов в древнерусском письменном языке, при рассмотрении объединяют, называя церковнославянизмами или славянизмами. В этом случае, по существу, учитывают не генетическую сторону дела, а стилистическую и семантико-словообразовательную, принимают во внимание прежде всего уже не про-

исхождение соответствующих слов в русском языке, а сферу употребления.

Кроме того, от старославянизмов следует отличать устаревшие исконно русские слова, обычно общеславянского происхождения, которые в учебных пособиях нередко также относят к старославянским словам (ср., например, такие общеславянские слова, как *чело*, *око*, *сонм*, *чадо*, *ныне*, *паки* и т. п.).

Наконец, в связи с анализом стилистических особенностей старославянизмов необходимо учитывать, что об особой их стилистической роли можно говорить только имея в виду русский литературный язык прошлого (до второй половины XIX в.). В современном русском литературном языке старославянизмы как особая стилистическая категория не существуют. Особую стилистическую роль среди них играют лишь такие, которые являются архаизмами. Однако архаизмами могут быть не только старославянизмы, но и исконно русские слова и заимствования (об этом см. ниже, стр. 155—156).

§ 15. Иноязычные элементы в лексике русского языка

Основным способом обогащения лексики русского языка словами на всем протяжении его развития было образование новых слов на базе существующего уже в нем строительного материала. Причем эти процессы создания и возникновения в русском языке новых слов, естественно, происходят по тем законам словообразования, которые для нашего языка характерны. Именно непрерывному процессу словообразования обязан русский язык тем, что он всегда имел соответствующий уровню общественного развития словарный состав.

Вместе с тем было бы неверным, как уже явствует из сказанного в старославянизмах, не учитывать и еще один источник пополнения словаря — именно процесс использования русским языком так или иначе, в той или иной степени лексики других языков, иногда весьма далеких по своей структуре и происхождению.

Среди того, что обязано своим существованием в лексике русского языка иноязычным источникам, наблюдаются различные факты. Рассматривая такие, например, слова, как *дельта*, *одеколон*, *карий*, *предмет*,

плоский (в значении «пошлый»), мы приходим к выводу, что все они будут принадлежать к тем словам современного русского языка, в которых отражается иноязычное влияние. Однако их сторонность и иноязычность с точки зрения происхождения является отнюдь не одинаковой. Нерусское, заимствованное здесь выступает перед нами как факт разной полноты, характера и качества.

И это вполне понятно. Дело в том, что могут заимствоваться слова и выражения как целые, т. е. реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, так и лишь их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой — такие, которые возникли в результате к а л ь к и р о в а н и я.

В соответствии с этим следует различать: 1) иноязычные слова и 2) кальки (от французского *calque* — «копия на прозрачном листе, подражание»).

Среди приведенных слов *дельта*, *одеколон*, *карий* являются иноязычными, прямыми заимствованиями; что же касается слов *предмет* и *плоский* (в значении «пошлый»), то это кальки: *предмет* — словообразовательная калька с латинского *objectum*, *плоский* (в значении «пошлый») — семантическая калька с французского *plat*.

Разберем отдельно эти различные факты.

§ 16. Иноязычные слова

Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но тем не менее не превышают 10% всего его словарного состава. В общей лексической системе языка лишь небольшая их часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики; подавляющее большинство их имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (выступая как термины, профессионализмы, варваризмы, специфически книжные слова и т. д.).

В своем подавляющем большинстве бытующие сейчас иноязычные слова были заимствованы вместе с вещью, явлением, понятием и т. д. (*зонтик* — из голландского языка, *диск* — из греческого, *вензель* — из польского, *бульвар* — из французского, *бокс* — из английского, *чалый* — из тюркского, *помпа* — из латинского, *квартет* — из итальянского, *штатив* — из немецкого и т. д.), однако немало их пришло в русский язык и в качестве новых обозначений того или иного факта, имевшего до этого исконно русское наименование (ср. *специфический*, *вояж* — из французского языка, *денди* — из английского, *февраль* — из латинского и исконно русские *особенный*, *путешествие*, *щеголь*, *лютый*).

Многие иноязычные слова ясно ощущаются как иноязычные, пришедшие извне. Однако заимствованный характер чужих по происхождению слов чувствуется далеко не всегда: иноязычность целого ряда заимствованных слов можно вскрыть лишь при помощи специального лингвистического анализа.

Различие между явно нерусскими по происхождению словами и словами, в которых сейчас их иноязычность совершенно не ощущается, объясняется и временем их заимствования, и сферой их употребления. Давние заимствования общенародного характера в ряде случаев настолько прочно вошли в плоть и кровь русского языка, что стали принадлежностью его основного лексического фонда (ср. слова *тетрадь*, *свекла* — из греческого языка; *билет*, *суп* — из французского языка; *карман*, *деньги* — из тюркских и т. д.).

Недавние заимствования узкой сферы применения в ряде случаев удерживают в своем составе даже некоторые чуждые русскому языку фонетические и морфологические свойства (ср. *пенснэ*, *денди*, *интервью*, *модель*, *репертуар*, *кенгуру*, *нокаут*, *жюри* и т. д.).

Естественно, что иноязычность вторых ясна любому носителю русского литературного языка, в то время как неисконное происхождение первых становится известным только после специальных этимологических разысканий.

Более радикальная переработка иноязычного слова происходит тогда, когда оно было заимствовано с го-
лоса: заимствованное слово в таком случае испытывает серьезные изменения в своей огласовке, заметнее

меняется его значение, быстрее происходит грамматическое приспособление к законам и правилам русского языка (ср. заимствованные из немецкого языка слова *кустарь*, *маляр*, *пара* — *Künstler*, *Maler*, *Paar*).

В подавляющем большинстве иноязычные слова того или иного грамматического класса являются словами той же самой грамматической категории и в русском. Однако в некоторых случаях такого соответствия не наблюдается: слово, являющееся в русском языке именем существительным, генетически может восходить не только к слову иной части речи, но и к целому словосочетанию или какой-либо форме слова: *рояль* — франц. *royal* (королевский); *кандидат* — лат. *candidatus* (одетый в белое); *омнибус* — лат. *omnibus* (всем); *кворум* — лат. *quorum* (которых) из *quorum praesentia sufficit* (присутствие которых достаточно); *кредо* — лат. *credo* (верую); *ноктюрн* — франц. *nocturne* (ночной); *проформа* — лат. *pro forma* (для формы); *республика* — лат. *res publica* (общественное дело) и т. п.

Существующие в настоящее время в русской лексике иноязычные слова пришли в нее в разное время из самых различных языков. Заимствования из одних языков являются в нашем языке единичными, слова из других образуют более или менее многочисленные группы. Довольно большое количество слов, в частности, заимствовано русским языком из тюркских языков, греческого и латинского, польского, а также немецкого, французского и английского. Значительно меньшие группы составляют слова, пришедшие в русский язык из голландского и итальянского. Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова.

Определяя то или иное слово как иноязычное, следует отграничивать от заимствованных лексических единиц слова, возникшие на базе иноязычных уже в русском языке. Слова *ерунда*, *га*, *жоржик*, *ямщик*, *фляга* и т. п., хотя и возникли на базе иноязычных слов (ср. латинское слово *герундий*, французское *гектар*, французское *Жорж*, тюркское *ям*, польское *flaszka*), являются исконно русскими по своему возникновению словами.

Устанавливая, из какого конкретно языка идет заимствование того или иного слова, т. е. откуда оно по-

стует в русский язык, необходимо четко разграничивать этимологический состав слова и его возникновение как слова в том или ином языке, а также учитывать, является ли оно коренным переоформлением в данном языке какого-либо иноязычного и для него слова, или этот язык выступает лишь как язык-передатчик.

Нельзя, например, слово *велосипед*, основываясь на том, что оно состоит из латинских корней *velox* (быстрый) и *pedes* (ноги), считать латинским, так как оно возникло во французском языке. Неверно будет слова *гранит*, *гранат* и *граната* (имея в виду их корень латинского происхождения *гранит* — зерно) считать все латинскими словами. Тогда как слово *гранат* действительно является латинским словом (ср. *гранатум* — зернистое яблоко), слова *гранит* и *граната* являются соответственно: первое — итальянским, второе — немецким.

Вряд ли будет правильным считать слова *гвалт*, *фортель*, *рынок*, *герб* немецкими заимствованиями: в русском языке это полонизмы, так как и значения этих слов, и их звучание коренным образом отличаются от тех немецких слов, которые были заимствованы польским языком (ср. *Gewalt*, *Vorteil*, *Ring*, *Erbe*).

Заимствованные с голоса в древнерусскую эпоху из тюркских языков слова являются, как правило, названиями, относящимися к быту и коневодству; единичны термины военно-экономического характера (ср.: *жемчуг*, *алмаз*, *кощей*, *пай*, *лапша*, *деньги*, *орда*, *карга* (буквально — ворона); *ярлык*, *набат* (первоначально: огромный медный барабан), *бурда*, *войлок*, *кушак*, *карман*, *барсук*, *арбуз*, *барыш*, *башка*, *сундук*, *казна*, *кабала*, *изюм*, *чердак* и т. п.).

Греческие по происхождению слова начали проникать в русскую лексику еще до введения на Руси христианства. Они входили в русский язык как непосредственно, так и через языки-передатчики (сначала через старославянский язык, потом — через западноевропейские). Среди них наблюдаются бытовые названия, обозначения растений и животных, слова церковно-религиозного характера и особенно много терминов науки и искусства (ср.: *грамота*, *парус*, *терем*, *лохань*, *палата*, *лента*, *фонарь*, *известь*, *свекла*, *кедр*, *ирис*, *лавр*, *анис*,

герань, вишня; кит, буйвол, ехидна, крокодил; ад, ангел, икона, ладан, ересь, монастырь; магна, базис, галактика, ода, металл, алфавит, климат, магнит, планета, стих, гипс, обелиск, хор, театр и т. д.).

Значительный вклад сделал греческий язык также и в фонд собственных имен русского языка: *Кузьма, Георгий, Евгений, Елена, Софья, Федор, Ангелина, Петр, Степан, Николай, Евдокия* и т. п.

Заимствование в русский язык слов из латинского языка обычно осуществлялось через посредство других языков (в X—XV вв. — через греческий, а в XVI—XVII — через польский, позднее — через западноевропейские). Заимствованные из латинского языка слова относятся к обозначениям предметов быта, общественно-политических отношений, понятий науки и искусства (ср.: *комната, цемент, ангина, формула, арена, гербарий, глобус, тангенс, октава, пленум, комментарий, автор, депутат, акция, экзамен, цирк, доктор, градус, аквариум, литература, минус, канцелярия, нотариус, помпа, циркуль* и т. п.).

Латинский язык дал русскому языку и некоторое количество собственных имен: *Валерий, Флор, Виктор(ия), Марк, Марина, Валентина, Клавдия, Юлия* и др.

Заимствованные с голоса слова из польского языка (в основном в XVI—XVII вв.), как правило, являются бытовыми наименованиями (например: *булка, зразы, карета, кофта, сбруя, бляха, вензель, краковяк, лютня, гарус, кий, фуражка, цирюльник, панцирь*; ср. также: *справедливость, легавый, шпик, мешкать, строгий, кланчить, деликатный, гетман, шкода, карлик, франт* (из нем. *Freund*), *гарцевать, забияка* и др.).

Слова из немецкого языка наиболее интенсивно стали заимствоваться русским языком в начале XVIII в. Немецкие слова входили в русский язык как с голоса, так и через книгу. С семантической точки зрения они представляют собой главным образом наименования предметов домашнего обихода, термины ремесел и искусств, а также военные профессионализмы (*бутерброд, кухня, штопор, папка, шпроты, шляпа, пенал, шпинат, матрац, ворс, шлейф, циферблат, цех, шпон, ланцет, штольня, штраф, шнур, вахтер, кран, слесарь, верстак, клейстер, ландшафт, лейтмотив, балет-*

мейстер, штрих, танец, штурм, ранг, штаб, гауптвахта, плац; ср. также: штиль, пара, локон, курорт, фальшь, швах, приоритет и др.). Одним из древнейших заимствований из древневерхненемецкого языка является собственное имя Глеб (ср. Готлиб, буквально — Богумил).

Заимствованные из французского языка слова стали появляться в русском языке уже в допетровскую эпоху, но особенно сильным их приток стал в конце XVIII в. По своему значению они составляют, пожалуй, наиболее разнообразную категорию иноязычных слов: среди них мы находим и слова бытового характера, и общественно-политические и военные термины, и термины искусств, науки и торговли. Несколько примеров: брильянт, помада, портфель, колье, компот, жавель, люстра, майонез, пат (фруктовый), бульон, пальто, кашне, драпри, мебель, котлета, вуаль, контроль, журнал, шовинизм, лимит, парламент, редактор, раса (термин был введен Бюффоном), жаргон, рутина, авангард, батальон, атака, десант, эскадра, ансамбль, спектакль, режиссер, реплика, ампула, рефрен, балет, вальс, романс, шасси, парашют, такси, машина (ср. махина), аванс и т. д. Ср. также: пардон, вампир (во французском из славянских языков, ср. упырь), омар, наркоз, шеф, дюшес (буквально — герцогиня), шок, пасьянс (этимологически — терпенье), массаж и т. п.

Английские слова появляются в русском языке в основном в XIX—XX вв. В своем подавляющем большинстве это термины техники, спорта, политики, а также бытовые названия: вокзал, трамвай, эскалатор, рельс, туннель, комбайн, блюминг, конвейер, трактор, радар (сложносокращенное слово: radio detecting and ganging), браунинг, танк, финиш, рекорд, матч, чемпион, ринг, регби, нокаут, раунд, тренер, гол, футбол, хоккей, старт, лидер, клуб, локаут, импорт, бойкот, бюджет, гангстер, кекс, поташ, джемпер, пиджак, ром, ростбиф, бязь, вельвет, торт, гроз, пудинг и пр. Ср. также: пони, клоун, хэлл, фильм, джаз, компост, гайморит, комфорт, сплин, джунгли, сквер и т. п.

Заимствования из итальянского языка представляют собой самые различные по своей семантике слова; больше всего среди них терминов искусств (изобразительного и музыки): тенор, опера, ария, бас, флейта, дожа, мандолина, дуэт, речитатив, кантата, балкон,

купол, арка, мозаика, барокко и др. Ср. также: панталоны, бензин, сода, мумия, помидор, баста, паяц, фуфайка, цедра (буквально — лимон), студия, шпага, малярия, казарма, касса, газета, валюта, каприз и пр.

Как правило, слова из итальянского языка поступали в русский язык через французский.

Голландские слова, образующие небольшую группу, представляют в русской лексике термины морского дела: *матрос, рупор, шлюпка, мачта, вымпел, дюйм, компас, конвой, каюта, галс, лоцман, гавань, трап, киль, рея, катер, рейд* и др. Ср. также: *апельсин, ситец*.

Как указывалось, остальные языки дали лишь отдельные слова: *борщ, бондарь, завзятый, буханка, бублик, парубок* (из украинского языка); *робот, пэлька, краля* (из чешского); *чай, каолин* (из китайского); *ковер, шалаш, хутор, гуляш* (из венгерского); *какао, эстрада, колибри, сигара, серенада, томат, гитара* (из испанского); *халва, алгебра, гарем, нашатыр* (из арабского); *кимоно, гейша* (из японского); *инжир, сарай* (из персидского); *плис* (из шведского); *орангутанг, какаду* (из малайского) и т. п.

Выше отмечались уже трудности при определении источника заимствования того или иного иноязычного слова. Следует особо обратить внимание на необходимость осторожного использования (при установлении, откуда слово пришло в русский язык) указываемых в пособиях примет. Во-первых, в ряде случаев имеющиеся там приметы одинаково могут характеризовать слова целого ряда языков. Например, в некоторых учебниках начальный звук *э* указывается как характерная примета слов из греческого языка. Но этим звуком могут начинаться также и слова из латинского (*эгоизм, элемент, эра*), из древнееврейского (*эдем*), из французского (*экипаж, эссеист, экран, эшелон*), из английского (*эль*), из немецкого (*эндшпиль, эльф*), из испанского (*эмбарго, эскадрон*) и из арабского (*эмир*) языков.

Во-вторых, в ряде случаев даются такие приметы словообразовательно-морфологического характера, которые могут быть выделены в подавляющем большинстве слов этого типа только при знании соответствующего языка. Поэтому в практических целях после предварительного определения происхождения анализируе-

мого слова по приметам следует прибегать к помощи словарей (как словарей иностранных слов, так и толковых и этимологического; о них см. § 78, 81).

Заимствуя то или иное слово, русский язык редко усваивал его в том виде, в каком оно бытовало в языке-источнике. Различия в звуковом строе, грамматике, семантико-словообразовательных свойствах, существующие между русским языком и тем, откуда приходило слово, вели к тому, что чужое слово изменялось, приспособлялось к фонетическим нормам, грамматическим правилам, словообразовательным моделям и семантическим законам русского языка.

Совершенно обязательна словообразовательная обработка слова, состоящая в присоединении соответствующих аффиксов, в том случае, если заимствовался глагол или прилагательное. Слова, вроде немецкого *marschieren* и французского *païf*, становятся фактами русского языка, только получая характерные для русских глаголов и прилагательных аффиксы *-овать* и *-ный*: *маршировать*, *наивный* и т. д.

При заимствовании существительных такого переформления может и не быть (ср. французское *marche* и *марш*, греческое *lyra* и *лира*, латинское *poeta* и *норма*, английское *dandy* и *денди* и т. д.).

Конкретно при усвоении иноязычного слова происходит устранение в нем несвойственных русскому языку звуков и форм; звуки, составляющие его, подчиняются действующим в нашем языке звуковым законам, слово приобретает грамматические и словообразовательные свойства, характерные для того класса слов, куда оно входит, и вступает в новые семантические связи.

Немецкое слово *Losung* на русской почве начинает произноситься с твердым звуком *л* и в соответствии со звучанием с твердым согласным на конце становится словом мужского рода, теряет артикль и производный характер основы (суффикс *-ung* в нем у нас не чувствуется), входит впоследствии в синонимические отношения со словом *призыв* и т. д. Латинское слово *aquagium* коренным образом меняет свои словообразовательно-морфологические свойства, превращаясь в русском языке из производного прилагательного среднего рода в непроизводное существительное мужского

рода *аквариум*, в котором не осознается ни корня, ни суффикса, ни окончания (ср. лат. *aqua* — вода), ни этимологического родства со словами *акварель*, *аквамарин*, *акведук*.

Французское слово *манто* (*manteau*) при заимствовании теряет несвойственный русскому языку носовой звук и превращается в слово отсутствующего во французском языке среднего рода; греческое существительное среднего рода в форме им. пад. мн. числа *seukla* испытывает метатезу ($eu > ue$) и становится формой им. пад. ед. числа существительного женского рода *свекла* (-а из окончания им. пад. мн. числа становится окончанием им. пад. ед. числа) и т. д.

Конечно, не всегда русификация какого-либо иноязычного слова проводится последовательно, до конца. Некоторые из заимствованных слов живут в русском языке с некоторыми свойствами, ему чуждыми. К ним можно отнести: из фонетических — произношение твердых звуков *д*, *т* и других перед *е* (ср. *ателье*, *модель*, *шоссе*, *мэр* и т. п.), из морфологических — свойство не склоняться (ср. *пальто*, *бюро*, *какаду*, *досье* и т. д.).

Помимо целостных номинативных единиц неисконного происхождения в русском языке существует некоторое количество, как правило, малопродуктивных, заимствованных словообразовательных морфем (например, суффиксы *-изм*, *-ист*, *-аж*, *-ер*, *-ация* и т. п., приставки *а-*, *анти-*, *ре-*, *де-*, *архи-* и пр.). Они изучаются, как и исконно русские словообразовательные элементы, в морфологии. Здесь только следует отметить, что словообразовательные аффиксы, как таковые, не заимствуются. Перенимаются слова, содержащие эти морфемы. Выделение того или иного словообразовательного элемента происходит уже потом, когда образуется хотя бы небольшая группа одноструктурных слов, пришедших в русский язык вместе с родственными словами (ср. суффикс *-аж* в словах *массаж*, *пилотаж*, *тоннаж* и т. п., бытующих у нас рядом со словами *массировать*, *пилот*, *тонна* и пр.).

Правильное отношение к иноязычным словам было определено применительно к современному русскому языку в заметке В. И. Ленина «Об очистке русского языка». В. И. Ленин выступает против употребления иностранных слов без надобности, т. е. тогда, когда

для выражения соответствующего понятия есть ничем не хуже свои, более употребительные и понятные слова: «К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?»¹ Правильное же употребление заимствованных слов, особенно если это интернациональные научные и политические термины, в нужном месте (и при надобности с соответствующими разъяснениями) является таким же закономерным и оправданным, как и употребление исконно русских слов.

§ 17. Лексические кальки

Среди бытующих в русском словарном составе лексических калек² выделяются два вида: кальки словообразовательные и кальки семантические. Словообразовательные кальки — это такие материально исконные слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфологическим частям, в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов.

Например, словообразовательной калькой с французского слова *subdivision* является слово *подразделение*; оно появилось путем замены приставки *sub-* префиксом *под-*, корня *-divis-* основой *-раздел-* и суффикса *-ion* суффиксом *-ение*.

Калькирование в данном случае представляет собой заимствование словообразовательного строения. Такими же словообразовательными кальками являются слова *плотность* и *состоять*. Первое появляется в русском языке как словообразовательный снимок франц. *solidité* в XVIII в., второе — как словообразовательный перевод немецк. *bestehen* в XIX в. Слово *плотность* появляется в русском литературном языке как новообразование А. Д. Кантемира в переводе книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1730). О том, что оно появилось как русская замена франц. слова *solidité*, свидетельствует сам А. Д. Кантемир. Объясняя в примечаниях значение слова *плотность*, он пишет:

¹ В. И. Ленин, Об очистке русского языка, Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 49.

² Кроме лексических калек, есть также и фразеологические: *с птичьего полета*, *синий чулок*, *разбить наголову* и т. п. (о них см. ниже § 61—63).

«150... Плотность. Solidité. В других местах я тож изобразил речью твердости. Обеими разумеется состав твердого тела, которого части одна к другой прилеплены так, что располстись не могут...» (А. Д. Кантемир, Соч., т. 2, 1868, стр. 428).

Как возникло это слово? Оно возникло как перевод франц. *solidité* по составляющим это слово морфемам: непроизводной основе *solid-* и суффиксу *-ité*. Французская непроизводная основа качественного значения *solid-* была переведена А. Д. Кантемиром непроизводной основой прилагательного *плотн-*, а французский суффикс отвлеченных имен существительных со значением качества *-ité* русским суффиксом *-ость*. Эти морфемы — *плотн-* и *-ость* (в соответствии с франц. *solid-* и *ité*) — в единстве образовали слово *плотность*.

В результате такого же процесса перевода слова не целиком, а по его значимым частям появилось в русском языке и слово *состоять*. Слово *bestehen*, состоящее из приставки *be-* и глагола *stehen*, переводится в 30-х годах XIX в. как производное образование: префикс *be-* — русской приставкой *со-*, глагол *stehen* — русским глаголом *стоять*. *Со-* + *-стоять* (в соответствии с *be-* + *-stehen*) дают слово *состоять*.

Таким образом, словообразовательная калька — это слово из исконно русского материала, но возникшее как результат перевода, усвоения словообразовательной структуры чужого слова. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образцу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы, т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой, для русского языка — исконно русский.

Калькирование в данном случае представляет собой заимствование не самой материи иноязычного слова, а его структуры, т. е. словообразовательного строения.

Семантическая калька — явление иного порядка. Семантическими кальками следует считать такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является семантика, лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообра-

зовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению, т. е. значению какого-нибудь слова другого языка. Следовательно, в данном случае калькируется уже не словообразовательная структура чужого слова, а его значение, его семантика.

Если калькирование словообразовательного строения иноязычных слов приводит к возникновению в усваивающем языке собственно новых слов, до этого в нем не существовавших, то калькирование семантики чужих слов этого не дает: оно ведет лишь к появлению омонимов и новых значений у существующих уже слов.

Примерами семантических калек в русской лексике могут быть слова *трогать* и *плоский* в значении (соответственно) «вызывать сочувствие, приводить в умиление» и «пошлый, банальный». Обе эти кальки появились в русском литературном языке в конце XVIII в. и обязаны французским словам *toucher* и *plat*. Как это произошло и почему именно эти слова получили соответствующие иноязычные значения?

Дело в том, что французские слова *toucher* и *plat* в качестве прямых, номинативных, значений имеют те же, что и русские слова *трогать* и *плоский*, именно: «прикасаться» и «ровный, без возвышений и углублений». Это единое прямое, номинативное, значение у слова *toucher* и слова *трогать*, у слова *plat* и слова *плоский* и оказалось основой для заимствования русскими словами *трогать* и *плоский* других, переносных значений, которые имеются (помимо основного) во французских словах *toucher* и *plat*. Под их влиянием русские слова прежде всего при переводах получают значения, им ранее неизвестные, которые реализуются в таких сочетаниях, как *ничто его не трогало*, *плоская шутка* и т. д.

В разобранных случаях из «единого» слова появилось два слова-омонима.

Таким образом, калькирование семантики происходит только тогда, когда чужое слово и свое имеют семантические точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми, номинативными, значениями. Семантической калькой, следовательно, является свое исконное слово, имеющее заимствованное, иноязычное значение.

Словообразовательные кальки в современном русском языке (как и в любом другом) представляют обычно продукт книжного творчества: они появились в нем при переводах как новообразования переводчиков. Лишь потом некоторые из них стали достоянием устной литературной речи.

В качестве словообразовательных образцов соответствующих калек выступают почти исключительно слова из греческого, латинского, французского и немецкого языков. Именно эти языки дали русскому языку соответствующий тип слов.

Наиболее древними из этих словообразовательных калек являются в русском языке те, которые появились как поморфемный перевод аналогичных греческих слов (конечно, если не говорить о кальках общеславянского характера, появившихся еще в общеславянском языке и из него перешедших в язык древних восточных славян).

Вот несколько примеров калек с греческого, различных по времени появления их в русском языке (начиная с XI в.): слово *азбука* (первоначально *азбуки*), калькирующее греч. *alphabētos*, потом также и заимствованное в виде слова *алфавит*; существительное *летописец*, являющееся калькой греч. *chronographos* (ср. появившееся позже *хронограф*); сложное слово *баснословие*, калькирующее то, что потом как прямое заимствование укрепилось в виде слова *мифология* (ср. греч. *mythologia*); слово *самодержавие*, передающее греч. *autokrataiia*; существительное *жизнеописание*, возникшее как словообразовательный слепок сложного греческого существительного *biographia* (ср. *биография*); прилагательное *многоопытный*, представляющее собой передачу своими языковыми средствами строения греческого слова *polureiros*, и т. д.

Словообразовательные кальки, возникшие как следствие перевода по морфемам латинских слов, начали появляться в русском языке в заметном количестве с XVII в. Среди них можно, например, отметить такие, как *падéж* (ср. лат. *casus*), *земледелие* (ср. лат. *agricultura*), *насекомое* (ср. лат. *insectum*), *междометие* (ср. лат. *interjectio*), *наречие* (ср. лат. *adverbium*), *предмет* (ср. лат. *objectum*), *склонность* (ср. лат. *declinatio*): это слово обычно считают словообразовательной

калькой франц. *inclination*, в действительности же оно было известно уже в XVII в., *естественность* (ср. лат. *essentia*), *разумность* (ср. лат. *intelligentia*) и т. п.

В качестве словообразовательных калек французских слов, подавляющее большинство которых появилось в русском языке в конце XVIII в., можно назвать: *впечатление* (ср. франц. *impression*), *предрассудок* (ср. франц. *préjugé*), *развлечение* (ср. франц. *divertissement*), *трогательный* (ср. франц. *touchant*), *развлекать* (ср. франц. *distraindre*), *обстоятельство* (ср. франц. *circonstance*), *рассеянный* (ср. франц. *distract*), *непроницаемость* (ср. франц. *imprénetrabilité*), *подразделение* (ср. франц. *subdivision*) и др.

Из слов, явившихся плодом поморфемной съемки соответствующих немецких, в основной своей массе возникших в 30—50-х годах XIX в., можно указать: *самоопределение* (ср. немецк. *Selbstbestimmung*), *представление* (ср. немецк. *Vorstellung*), *очевидный* (ср. немецк. *augenscheinlich*), *призвание* (ср. немецк. *Beruf*), *односторонний* (ср. немецк. *einseitig*), *немыслимый* (ср. немецк. *undenkbar*), *праязык* (ср. немецк. *Ursprache*) и др.

Естественно, что многие из появившихся в свое время словообразовательных калек впоследствии были вытеснены из состава лексики русского языка другими словами (в частности, прямыми заимствованиями). Среди таких слов: *звездозаконие* (современное — *астрономия*; из греч. яз.), *любомудрие* (современное — *философия*; из греч. яз.), *отценадальник* (современное — *патриарх*; из греч. яз.), *посредность* (современное — *нейтралитет*; из немецк. яз.), *недействие* (современное — *инертность*; из франц. яз.), *предрассуждение* (современное — *предрассудок*; из франц. яз.), *книгодержатель* (современное — *бухгалтер*; из немецк. яз.), *предзнание* (современное — *прогноз*; из греч. яз.) и др.

От словообразовательных калек, представляющих, по существу, исконные слова, лишь обязанные своим возникновением (с этой, а не какой-либо другой морфологической структурой) иноязычным словам, следует отличать заимствования из того или иного языка, в котором последние являются в свою очередь кальками со слов другого языка.

Например, если мы будем рассматривать такие слова, как польские *mieszczanin*, *obywatel*, *prawo-*
tospu, то по своему возникновению в польском языке в качестве номинативных единиц они представляют словообразовательные снимки с немецких слов *Bürger*, *Bewohner*, *rechtskraftig*¹. Однако, представляя собой для польского факт калькирования морфологической структуры немецких слов своими средствами, они для русского в виде *мещанин*, *обыватель*, *правомочный* будут уже являться прямыми заимствованиями из польского, полонизмами.

Аналогичное можно отметить и относительно некоторых слов, передающих соответствующие (по словообразовательному строению) греческие слова: среди них могут быть не словообразовательные кальки греческих слов, возникшие в древнерусском языке, а заимствования из старославянского языка, старославянизмы.

К таким старославянским словам (появившимся в старославянском языке в результате калькирования греческих слов) в русском языке относятся, в частности, такие слова, как *благочестие* (ср. греч. *eusebeia*), *злословить* (ср. греч. *kakalogein*), *мудрость* (ср. греч. *sophia*), *светлость* (ср. греч. *lamprotēs*), *жестокосердие* (ср. греч. *sklērokardia*), *мужество* (ср. греч. *andria*), и т. п.

Следовательно, от своих калек необходимо отличать заимствованные кальки, заимствованные слова, которые лишь в языке-источнике являются калками.

Кроме полных калек в лексике русского языка, как и в других, наблюдаются и так называемые полукальки. Полукальки — это слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют анало-

¹ Корень *Burg-* — «город» — переводится корнем *mieszcz-* (*miasto* по-польски «город», ср. русск. *место*), а суффикс *-er* передается суффиксом *-anin* (русск. *-анин*); основа *Bewohn-* (от глагола *bewohnen* — «жить, проживать») передается глагольной основой *obywa* (ср. *obywać*), суффикс *-er* переводится суффиксом *-tel*; *-recht* передается через *praw-* (русск. *прав-*), *s* — соединительной гласной *o*, *kraft* (*Kraft* — «сила, мощь») — корнем *tos* (ср. русск. *мочь*), суффикс *-ig* переводится суффиксом *-пу* (русск. *-ный*).

гичным словам языка-источника, из которого идет заимствование. В качестве примеров можно назвать такие слова, как *идолослужение* (или *идолопоклонство*), *телевидение*. Это — полукальки, поскольку одна часть соответствующего нерусского слова (*идоло-*, *теле-*) заимствована, а вторая переведена по тем морфемам, из которых она состоит. Греческое слово *eidōlolatreia* дает в русском языке слово *идолослужение*, благодаря заимствованию первой основы в виде *идоло-* и переводу через русский корень *служ-* (*latr-*) и суффикс *-ение* (*-eia*) второй. Оно же дает слово *идолопоклонство* путем заимствования первой части сложения и перевода второй через основу *поклон-* (*latr-*) и суффикс *-ство* (*-eia*).

В данном случае как глаголы *поклоняться* и *служить*, так и суффиксы *-ение* и *-ство* выступают как синонимические.

Искусственное *televisia* приводит в русской лексике к появлению слова *телевидение*, которое получилось благодаря заимствованию первой (греческой по происхождению) основы *теле-* и калькированию второй (по происхождению латинской): корня *vis-* через *вид-* и суффикса *-ia* через *-ение* (ср. болг. *телевизия*, чешск. *televisie* и т. д.).

В сущности, явление того же порядка мы наблюдаем и в большом ряду слов, имеющих в своем составе не две, а одну основу, т. е. несложных. Поэтому вряд ли следует ограничивать явление частичного, неполного калькирования, как это иногда делают, лишь сложными словами.

Полукальки с одним корнем в своем составе будут всегда представлять слова, в которых заимствованной частью будет основная, корневая, а переведенной — аффиксальная.

Такое неполное кáлькирование очень близко уже к простому словообразовательному переоформлению, к простой словообразовательной обработке слова по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка. Однако полностью все же с этим явлением частичное калькирование не совпадает.

Поясним это на примере слова *гуманность*. Это слово возникло и укрепилось в русском литературном языке в 40-х годах XIX в. благодаря В. Г. Белинскому как передача немецкого слова *Humanität*.

Возникло оно путем заимствования корневой части этого слова (ср. *human* — «гуманный») в виде основы прилагательного *гуманн-* и перевода немецкого суффикса *-ität*, образующего имена отвлеченного качества, соответствующим русским суффиксом *-ость*. Заимствование в данном случае повело бы к тому, что у нас это слово укрепились бы не в виде *гуманность*, а в виде *гуманитет* (ср. такие заимствованные слова соответствующей словообразовательной модели, как *нейтралитет*, *авторитет*, *приоритет*, *генералитет* и т. п.)¹.

От словообразовательных полукалек необходимо отличать совершенно самостоятельно возникшие в русском языке (на базе или с использованием вошедших в него иноязычных корней) слова типа *аэросани*, *авторитетность* и т. п., в которых имеются как свои, так и чужие элементы.

Сказанное о словообразовательных калках позволяет сделать вывод, что этого рода слова, возникая как передача чужого слова с его структурой, не являются тем не менее заимствованными в прямом смысле этого слова. Это создание русского языка, с использованием русского лексико-словообразовательного материала. Передавая строение иноязычного слова и, следовательно, будучи обязанными появлением в русском языке чужому языку, словообразовательные калки все же

¹ Слово *гуманность* в качестве полукальки слова *Humanität* появляется у В. Г. Белинского не сразу. Первоначально он стремится передать понятие, выраженное немецким словом, словами *человечность* (впервые зафиксировано у Д. И. Фонвизина в его переводе «Сидней и Силли, или Благоедеяние и благодарность», напечатанном в 1769 г.) и *человечественность* (собственная калька слова *Humanität*, см. статью «Гёте. Римские элегии»: «Греция была по преимуществу страной человечественности (*Humanität*)...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 247). Лишь в 1841 г. в одном из писем В. Г. Белинский впервые употребляет слово *гуманность*: «...пророков человечности (*гуманности*)...» (Письма, т. 2, стр. 232). На страницах его журнальных статей оно появляется только спустя два года (в статье «Супружеская истина», Полн. собр. соч., т. 8, стр. 51). Еще в 1848 г. оно было неологизмом, даже для самого создателя этого слова. Это видно из того подробного объяснения слова *гуманность*, которое В. Г. Белинский счел нужным дать в своей последней большой критической статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Это страдание, болезнь при виде непризнанного человеческого достоинства, оскорбляемого с умыслом и еще более без умысла, это то, что немцы называют *гуманностью* (*Humanität*)» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 113).

представляют собой новые слова русского языка, неизвестные в данном конкретном виде в других языках (если они не заимствованы из русского).

Очень часто в лексике русского языка наблюдается бытование как словообразовательной кальки того или иного иноязычного слова, так и самого этого слова. Иначе говоря, весьма нередким будет явление заимствования не только строения чужого слова в виде словообразовательной кальки, но и самого слова в единстве его материального состава и структурно-семантических свойств.

Здесь могут быть разные случаи: бывает, что слово сначала входит в язык как словообразовательная калька, а потом заимствуется; наблюдается и обратное: сначала слово заимствуется и лишь потом к нему создается передающая его структуру калька. Не исключено и их одновременное появление.

В качестве иллюстраций можно привести, например, такие пары: *предмет* — *объект* (из лат.), *естественный* — *натуральный* (из лат.), *благородный* — *Евгений* (из греч.), *инок* — *монах* (из греч.), *обязательство* — *облигация* (из лат.), *разумность* — *интеллигенция* (из лат.), *расстояние* — *дистанция* (из франц.), *согласие* — *симфония* (из греч.) и др.

Как правило, если наблюдается одновременное существование и прямого заимствования, и его словообразовательной кальки, значение последней является более широким, нежели значение соответствующего иноязычного слова.

Однако так бывает не всегда. Возможны случаи как большей семантической емкости и широты заимствованного слова (ср. *расстояние* — *дистанция*), так и абсолютной синонимии кальки и иноязычного слова (ср. *инок* — *монах*, *азбука* — *алфавит*).

Если словообразовательные кальки имеют довольно разнообразные языковые источники, то кальки семантические в русском языке в заметном количестве отмечаются лишь с французских слов. Кроме отмеченных выше слов *плоский* («банальный») и *трогать* («вызывать сочувствие, приводить в умиление»), можно в качестве примеров назвать слова (тонкий, плохой) *вкус* (ср. франц. *goût*), *блистательный* (ср. франц. *brillant*), *упоение* (ср. франц. *enivrement*), *черта* (характера,

поведения, лица) (ср. франц. *trait*), *влияние* (ср. франц. *influence*), *живой* (ум, мысль) (ср. франц. *vif*) и т. п.

Такая семантическая перестройка русских слов под влиянием французских слов с тем же прямым номинативным значением особенно интенсивно происходила в конце XVIII в. в речевой практике Карамзина и его последователей, из которой некоторые факты потом проникли в русское общелитературное употребление, стали достоянием русской общенациональной семантической системы.

Для отнесения того или иного слова к калькам необходимо иметь вполне определенные данные, это подтверждающие; одного структурного или семантического совпадения русских слов с иноязычными для этого совершенно недостаточно. Одинаковость структуры и совпадение в значениях (а следовательно, одинаковые по строению и значению слова) могут возникнуть в разных языках и самостоятельно, независимо друг от друга.

Говоря о кальках в системе лексики современного русского языка, необходимо, наконец, отметить, что сейчас все больше моделью для калькирования, а также и источником для прямого заимствования во многих языках становятся наши, русские слова. Достаточно указать на такие бытующие как кальки и прямые заимствования в ряде языков слова, какими являются русские *пятилетка, колхоз, ударник, самокритика, большевик, совет, спутник, космонавт* и т. д.¹.

¹ О словах, заимствованных в языках стран Западной и Восточной Европы из русского, см.: Л. Андрейчин, К вопросу о влиянии русского языка советской эпохи на развитие современного болгарского языка, «Вопросы языкознания», 1958, № 4; Г. Ю. Балль, Влияние русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка, М., 1952; Р. А. Будагов, Славянское влияние на румынский язык, «Вестник ЛГУ», 1947, № 12; Касаткин, Новые слова русского происхождения в итальянском языке. «Ученые записки ЛГУ», № 161, вып. 18, 1952; Н. И. Крепких, Влияние русского языка на развитие общественно-политической терминологии демократической Германии, «Иностранные языки в школе», 1950, № 6; Г. А. Лилич, К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в чешский. «Славянское языкознание», изд. ЛГУ, 1958; М. Й. Онишкевич, Слова східнослов'янського походження в польській мові, «Вопросы славянского языкознания», кн. 3, Львов, 1953; Е. В. Оппельбаум, Заимствования из русского в немецком языке, Львов, 1963; Ф. Е. Ройтенберг, О русских заимствованиях во французском языке в советскую эпоху, «Иностранные языки в школе», 1953, № 4.

Из литературы по вопросу о лексике современного русского языка с точки зрения ее происхождения см.: В. В. Акуленко, Об интернациональных словах в современном русском языке, «Ученые записки Харьковского университета», труды филфака, т. 6, 1958; В. В. Акуленко, Существует ли интернациональная лексика? «Вопросы языкознания», 1961, № 3; А. А. Белецкий, Об интернационализмах, «Наук. зап. Київськ. университету», XIV, 2, 1955; Л. С. Берг, Названия рыб и этнические взаимоотношения славян, «Советская этнография», 1948; Л. А. Булаховский, Общеславянские названия птиц, «Известия АН СССР, отд. лит. и яз.», т. 7, вып. 2, 1948; В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М. 1938; Л. Гальди, Слова романского происхождения в русском языке, изд. МГУ, 1958; В. В. Данилов, Латинские слова и выражения, вошедшие в литературную речь без перевода, «Русский язык в школе», 1958, № 3; Н. Дылевский, Общеславянская лексика болгарского языка, Славистичен сборник, т. I, езикознание, София, 1958; Л. П. Ефремов, Калькирование и его отличие от заимствования, «Труды Самаркандского университета», вып. I, 1960; Л. П. Ефремов, Лексическое и фразеологическое калькирование, «Труды Самаркандского университета», вып. 106, 1961; М. М. Маковский, К проблеме т. н. «интернациональной» лексики, «Вопросы языкознания», 1960, № 1; А. В. Миртов, К вопросу о грамматическом усвоении заимствованных слов русским языком, «Ученые записки Горьковского университета», вып. 26, 1954; Я. А. Спринчак, К изучению общеславянской лексики в русском языке, «Русский язык в школе», 1958, № 2; И. А. Фалев, Об иностранных словах в русском языке и их этимологии, «Русский язык в школе», 1955, № 3; П. Я. Черных, Очерки русской исторической лексикологии, древнерусский период, изд. МГУ, 1956; Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, изд. ЛГУ, 1949; Н. М. Шанский, Лексические и фразеологические кальки в русском языке, «Русский язык в школе», 1955, № 3; А. А. Шахматов, Очерки современного русского литературного языка, Учпедгиз, М., 1941, стр. 70—90; В. Unbegaun, Le calque dans les langues slaves littéraire, «Revue des études slaves», t. XII, fasc. 1—2, 1932; G. Hüttl-Worth, Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im 18. Jh. Wien, 1956; A. Graur, Sur quelques types de calques, «Bulletin linguistique, Paris — București, 1936, t. IV.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

§ 18. Общепародная и социально или диалектно органиченна лексика

Слова в лексической системе современного русского языка различаются между собой не только своим происхождением, экспрессивно-стилистическими свойствами и принадлежностью к активному и пассивному составу

ву, но и сферой своего употребления в социально-диалектном отношении.

Неоднородность современной русской лексики с точки зрения ее употребления видна сразу, при самом элементарном анализе нескольких наудачу выбранных слов. Одни слова оказываются общеизвестными и общенародными, другие выступают как ограниченные в своем употреблении той или иной группой лиц, тем или иным говорящим коллективом.

Конкретно лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну группу образуют общенародные слова — лексика известная и употребляемая всеми говорящими на русском языке. Другую группу составляют слова, ограниченные в своем бытовании определенным говорящим коллективом, определенной диалектной или социальной средой.

Наиболее важной частью словаря русского языка во всем его многообразии является общенародная лексика — общеизвестная и общеупотребительная. Она представляет собой то лексическое ядро, без которого немыслим язык, невозможно общение, ее составляют слова, являющиеся выражениями наиболее необходимых жизненно важных понятий.

Общенародная лексика — костяк общенационального литературного словаря, необходимейший лексический материал для выражения мысли на русском языке, тот фонд, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчиво в своем употреблении и употребительно во всех стилях речи.

Слова ограниченного употребления (не являющиеся общенародным достоянием) характеризуют лишь какой-либо определенный говорящий коллектив, который предстает как территориально или социально определенная группа людей.

Это диалектизмы, профессионализмы и арготизмы.

Дифференцируя общенародный и социально или территориально ограниченные пласты словаря, следует учитывать те изменения, которые постоянно в них происходят. Некоторые группы слов, бывшие ранее диа-

лектизмами, профессионализмами или арготизмами, являются в настоящее время уже общенародными словами. Это можно сказать про слова *чепуха*, *вобла*, *учесть*, *скостить*, *навверное*, *ерунда* и др., из которых первые два первоначально были диалектизмами, вторая пара вначале характеризовала лишь речь счетных работников, а два последних пришли в общенародный словарь из картежного (*навверное* из *идти на верную*) и бурсацкого (*ерунда* от лат. *герундий*) аргю.

И, напротив, отдельные общенародные слова могут, выходя из общего употребления или приобретая особое значение, становиться словами ограниченного употребления. К таким, например, словам можно отнести диалектизмы *зобать* (есть), *брезг* (рассвет), профессионализмы — *шапка* (в значении «заголовок, служащий общим заглавием нескольких статей»), *щека* (в значении «боковая, обычно плоская часть чего-либо»: *щека револьвера*), арготизмы — *подбросить* (в значении «подвезти»), *кол* (для обозначения неудовлетворительной оценки), *баранка* (в значении «руль»), *заморозить* (в значении «сделать анестезирующий укол»), *отхватить* (в значении «купить»), *сила* (в значении «замечательно»).

Подвижность границ между лексикой общенародной и лексикой с ограниченной сферой использования свидетельствует о непрерывном развитии и изменении русского словаря.

§ 19. Диалектизмы

Среди лексических пластов ограниченного употребления, являющихся лексическими фактами речи одной какой-либо группы людей, иногда весьма широкой, особое место принадлежит лексике диалектной. Под диалектной лексикой подразумеваются такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а являются принадлежностью одного или нескольких диалектов русского общенационального языка.

Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенного территориальной общностью.

Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чужие и сторонние

литературному языку, своеобразные языковые инкрустации, употребляемые обычно в определенных стилистических художественно-выразительных целях.

Слова диалектного характера принято называть диалектизмами, однако употребляются для их обозначения и другие термины: провинциализмы, областные слова и т. д.

Лучше всего пользоваться наиболее распространенным термином — «диалектизмы», но с уточнением — лексические. Такое уточнение необходимо в силу того, что диалектизмы могут быть и иного характера, именно фонетические («Аринка, глянь-ка, на *бочкю* сидит»; «Ишь ты, куда *фатает!* (вместо литературного *хватает*), — строго сказал близко стоявший солдат» — Л. Н. Толстой, *Война и мир*) и грамматические («Спину погреешь, а *брюха* замерзла. Вот *чуда*»; «Да червь капусту *гложет*, а сам прежде *пропадает*»; «Я бы его *изловимши*, да в землю бы закопала» и т. д. — Л. Н. Толстой, *Война и мир*).

Внутри диалектной лексики можно наметить несколько типов слов в зависимости от того, что соответствует тому или иному диалектному слову в литературном языке (естественно, если это соответствие в нем имеется).

С этой точки зрения в ней выделяются собственно лексические диалектизмы, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные, семантические и этнографические (последние иногда называются этнографизмами).

1. Собственно лексические диалектизмы представляют собой неизвестные литературному языку слова, служащие названиями явлений, для обозначения которых в литературном языке употребляются слова с какой-либо другой непроеизводной основой.

Приведем несколько примеров собственно лексических диалектизмов, указывая их литературные синонимы: *рушник* — полотенце; *байкать* — говорить; *пральник* — валец; *бирюк* — волк; *вечерять* — ужинать; *шибко* — сильно; *шигать* — прыгать; *серники* — спички; *люлька* — трубка; *наян* — нахал; *векша* — белка; *дежа* — квашня; *кэсуля* — соха; *пожня* — заливной луг; *назём* — навоз; *лонісь* — прошлым летом; *лыва* — лужа; *гляделки* — глаза; *зенки* — глаза (ср.: как зеницу ока);

баз — двор; *стерня* — жнивье; *дянки* — варежки; *оброть* — недоуздок, конская уздечка без удила с одним поводом; *ней* — не то («Ней от старости, ней с голоду» — Н. А. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); *инда* — даже, так что; *опростать* — освободить; *кочет* — петух; *скородить* — бороться; *басёна* — красавица; *угу-нуть* — затихнуть и т. д.

2. Лексико-фонетические диалектизмы выступают перед нами в качестве таких слов, которые отличаются от соответствующих им литературных слов лишь определенными особенностями звукового облика, не зависящими от различий в фонетической системе говора и литературной речи.

Их необходимо четко отграничивать от фонетических диалектизмов, представляющих собой диалектные факты, касающиеся уже не целостных лексических единиц, а звуков.

Так, фонетическими диалектизмами будут звуки *ʏ* (*ʔ* фрикативный) и *иѐ* (дифтонг из *и* и *е*) в словах *ʏхлава*, *ʏде*, *ʏром*, *ʏжварит*, *лиѐс*, *сиѐно*, *хлиѐб* и т. п., звук *е* — на месте литературного *о* — в положении перед твердым согласным и под ударением (ср. *бе[р'ѐ]за*, *ле[п'ѐ]шка*, *ве[с'ѐ]лый* и т. д.), а также яканье (*нясу*, *сяло*, *мяшок* и пр.), цоканье (*пецка* — печка, *цай* — чай, *чарь* — царь, *коцка* — кочка и др.) и т. д.

Лексико-фонетическими диалектизмами являются не звуки, как таковые, а целые слова с теми или иными отличиями в огласовке сравнительно с соответствующими однокорневыми словами литературного языка: *страм* — срам, *навук* — паук, *вица* — вика, *солодкий* — сладкий, *слухать* — слушать, *вострый* — острый, *голох* — голос, *гумага* — бумага, *колды* — когда и т. д.

3. Лексико-словообразовательные диалектизмы — это такие неизвестные литературному языку слова, синонимами которых в последнем будут однокорневые образования, отличающиеся от них лишь своей словообразовательной структурой: *блюдка* — блюдец, *ковач*, *ковец* — кузнец; *любжа* — любовь; *пеўн*, *пёвень* — петух; *дерь* — дерюга; *гуска* — гусыня; *лобырь* — лобан; *злыга* — злодей; *гордейка* — гордячка; *голить* — оголять: *марь* — марево; *курета* — курица; *лежба* — лежка; *леваш* — левша; *особливый*, *особитый* —

особенный; *лушно* — лукошко; *подсолнух* — подсолнечник и др.

4. Лексико-семантическими диалектизмами являются слова общенародного характера, имеющие особое значение, несвойственное им в литературном языке: *верх* — овраг; *пахать* — мести пол; *хозяин* — леший; *ворог* — колдун; *людно, богато, дивно* — много; *больно* — очень; *погода* — непогода; *улица* — гулянье; *дорога* — улица; *зевать* — звать («Ты меня что, зевал?»); *гораздо* — очень («У нас поля обширные, а не *гораздо* щедрые» — Н. А. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); *хозяйка* — жена («Дарья, *хозяйка* больного...» — Н. А. Некрасов, Мороз — Красный нос); *грохочут* — хохочут («Опять *грохочут* в пятой роте, — сказал один солдат» — Л. Н. Толстой, Война и мир); *оплот* — забор; *наглый* — внезапный («Нет хуже *наглой* смерти» — А. П. Чехов); *живот* — лошадь («Деньги он имел; но главное имущество были лошади; сказывают, *животам* цены нету» — Н. Успенский); *волочить* — боронить («Сама будешь пахать, *волочить*, задыхаясь от непосильного напряжения, скидывать с косилки, метать на пол...» — М. Шолохов) и т. д.

5. Этнографические диалектизмы представляют собой слова, возникновение и существование которых в языке связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей того или иного говора.

Это такие диалектные слова, которые называют предметы и явления, не входящие в общенародный обиход, и, следовательно, не имеют параллелей в общенародном литературном языке.

Известную аналогию этнографическим диалектизмам представляют среди устаревших слов историзмы (см. § 26).

Та их особенность, что они являются единственным обозначением существующих явлений, объясняет их использование в художественной литературе, научных произведениях и публицистике.

В случае необходимости обозначить называемый ими предмет и явление этнографические диалектизмы должны или быть объяснены перифрастически (т. е. быть переданы описательно), или употребляться, как они есть. В качестве этнографических диалектизмов можно назвать, например, слова: *понёва* (клетчатая верхняя

юбка, из-под которой выходит рубаха-исподница); *очеп* (жердь у колодца); *новина* (суровый холст); *посконный* (сшитый из домотканого холста); *калитовка* (четырёхугольная ватрушка из ржаной муки, начиненная картофелем или пшеном); *коты* (берестяные лапти); *журавель* (рычаг для подъема воды из колодца) и т. д.

Многие из лексических диалектизмов отражают далекое прошлое нашего языка и являются по происхождению общенародными словами, с течением времени сохранившимися лишь в отдельных территориальных ответвлениях русского национального языка. Такое сохранение старых, исконно русских слов или их прежних значений объясняется устойчивостью отдельных языковых явлений и специфическими особенностями их развития в народных говорах. Например: *веред* (нарыв, болячка), *беремя* (охапка), *солодкий*, *долонь* (ср. *ладонь*; гладкое место для тока), *борошно* (ржаная мука), *сором* (срам), *живот* (пожитки), *зобать* (есть, производное *забота*), *пахать* (в значении «махать», ср. *опахало*), *жуда* (ужас, страх; производное — *жуткий*), *скаря* (скряга, ср. того же корня *скарעד*), *жéрело* (горло, пасть) и т. д.

Все лексические диалектизмы, как и соответствующие явления фонетического и грамматического характера, являются, как уже отмечалось, внелитературными, находящимися обычно за пределами общенациональной литературной речи.

Однако это не означает, что между этими двумя лексическими системами — общенародной и диалектной — не было и нет никаких точек соприкосновения. Многие из того, что ранее в языке было диалектным, расширило сферу своего употребления, стало известным всему русскому народу, вошло в общенациональный литературный язык; многое из того, что до сих пор остается ограниченным в своем употреблении в народных говорах, используется нередко в изобразительных целях в художественной литературе.

Процесс обогащения общенародного литературного словаря за счет отдельных групп диалектных слов особенно интенсивным был в период складывания общенационального русского языка, в значительно меньшей степени он проявлялся позднее и проявляется в настоящее время.

К словам, пришедшим в литературный язык из диалектов, относятся, например: *аляповатый, притулиться, чепуха, филлин, пахать, хилый, нудный, улыбаться, очень, бирюк, прикорнуть, батрак, неуклюжий, мямлить, шумиха, подоплека* и т. д.

В связи с нормативностью литературного языка, в связи с необходимостью сохранять его чистоту и правильность особую важность приобретает вопрос, в какой степени и в каких стилях правомерно использование диалектных слов в системе современной литературной лексики. Ясно, что укрепление диалектных слов в общенародной лексике возможно в настоящее время лишь в двух случаях: 1) в том случае, если в обиход всего народа входит тот или иной предмет, который был известен вначале в одной какой-либо области; 2) в том случае, если лексический диалектизм является хорошим экспрессивно-выразительным синонимом общелитературного слова.

Употребление лексических диалектизмов в стилях художественной и публицистической литературы возможно и вне этих условий, в качестве определенных стилистических средств, определенных характерологических фактов, позволяющих строить диалог, давать речевую характеристику героя, стилизовать речь и т. д.

Использование лексических диалектизмов (и тем более, конечно, фонетико-морфологических) вне определенных художественно-выразительных задач, а также во всех остальных стилях литературного языка является нарушением норм современной русской литературной речи.

Особым здесь является лишь вопрос об этнографизмах, возможных и в научных произведениях.

Принципы и приемы использования диалектной лексики в современной художественной литературе были установлены в ходе дискуссий о языке писателя в 1934 г.

Подавляющее большинство участвовавших тогда в обсуждении выразили мнение, что художники слова, следуя традициям русской классической литературы XIX в., должны строить свое повествование на основе общенародного языка и привлекать диалектный материал очень осторожно и умело, руководствуясь в своей работе принципом художественной меры, выразительности и понятности. Это мнение наиболее ярко было сфор-

мулировано А. М. Горьким: «Прежде всего не нужно увлекаться местными речениями, оставьте это этнографам»¹.

Естественно, что в силу индивидуальной манеры письма, различных языковых вкусов, а также в зависимости от жанра литературы приемы и принципы использования диалектных слов могут варьироваться.

Так, Пушкин, Лермонтов, Чехов, Горький чрезвычайно скупы и осторожно вводили в свои произведения диалектную лексику. Напротив, очень свободно привлекали ее с определенными стилистическими целями Григорович, Казак-Луганский (В. Даль), Тургенев, Л. Толстой, из советских писателей — Шолохов и Гладков.

Рассматривая употребление диалектной лексики в художественном произведении, можно наблюдать и разные приемы ввода ее в литературный контекст. Так, ввод в авторскую речь диалектной лексики Л. Толстым резко отличается от употребления соответствующих словарных фактов в произведениях Тургенева. Если у Л. Толстого вновь привлекаемая лексика диалектного характера является полноправной в авторском словаре, то у Тургенева она выступает в виде чуждых общему словесному контексту «вкраплений». Если Л. Толстой не делает в тексте никаких замечаний или разъяснений относительно характера и области употребления использованных внелитературных слов, то Тургенев, как правило, их объясняет и оговорками или графическими средствами (кавычки, курсив и пр.) подчеркивает их свежесть и сторонность общелитературному контексту.

Ср. у Л. Толстого: «Уже были *зазимки*, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень *уклочилась* и ярко-зелено отделялась от полос буреющего, выбитого скотом озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи»; «Но в это время в свет костра вступила уже тонкая красивая фигура молодого солдата, несшего *беремя* дров»; «Было морозно и колко, но с вечера стало *замолаживать*»; «*Насупротив* от Николая были *зеленя*» и т. д. (курсив наш. — Н. Ш.) и у Тургенева: «После пожара

¹ А. М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 204.

этот заброшенный человек. приютился, или, как говорят орловцы, «притулился» у садовника Митрофана»; «В Орловской губернии последние леса и *площадь* исчезнут лет через пять» (в авторской сноске указывается: «Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов»); «Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ» и т. д.

В отличие от Л. Толстого, Тургенев объясняет иногда даже слова, вкладываемые им в уста героев, например, в рассказе «Льгов» в авторской речи объясняется употребленное Сучком слово *колдобина* («глубокое место, яма в пруду или в реке»), в рассказе «Бирюк» — употребленное Фомой слово *бирюк* («Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый») и т. д.

Большинство советских писателей в употреблении диалектной лексики следует Л. Толстому.

Так, у Шолохова находим: «Над *займищем*¹ по черному недоступному небу шел ущербный месяц»; «Возле костра собрали *вечерять* на раскинутом *ряднище*»; «Они несут с покрытого *голызинами* бугра белое *крошево* снега, сметая его в сугроб, громоздят в пласты»; «По базам мычали не наевшиеся молодой *зеленки* коровы»; «Она выгнала из *закута* белоноздрого телка, *припустила* его к матери...» и т. д.²

§ 20. Профессионализмы

П р о ф е с с и о н а л и з м ы — это слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией. В их состав входят словарные единицы, известные не всему русскому народу, а употребляемые одной какой-нибудь профессиональной группой лиц (медицинские работники, работники полиграфии, юристы, моряки и т. д.).

Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, производственные

¹ Здесь и далее в тексте М. Шолохова курсив наш.

² Подробнее об употреблении диалектизмов в художественных произведениях см. книгу В. Н. Прохоровой, «Диалектизмы в языке художественной литературы», Учпедгиз, М., 1957.

процессы. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами.

Вот несколько примеров профессионализмов: *скальпель* — небольшой хирургический нож, обычно с дугообразным лезвием, для операций, анатомирования (лат.); *шпон* (нем. *Sporn* — щепка) — тонкая металлическая пластинка, не достигающая высоты шрифта, вставляемая между строками набора для увеличения расстояния между ними; *шканцы* — часть верхней палубы военного корабля (голландск.); *алиби* (лат. — «в другом месте») — отсутствие обвиняемого на месте преступления в момент его совершения, как доказательство его непричастности к преступлению; *мездра* (изнанка выделанной кожи) и т. д.

Как и диалектизмы, профессионализмы составляют такой пласт слов в лексике общенационального языка, сфера употребления которых является ограниченной. Однако они серьезно отличаются от диалектизмов: 1) сфера их употребления ограничена не территориально, а социально, 2) они входят в состав лексики литературного языка.

Среди профессионализмов наблюдаются как узкоспециальные слова, например: *глинка* — высший сорт глины — каолин, употребляемый в ситцепечатании (технический термин), так и слова более широкого употребления, например: *кортик* (того же корня, что и *черта*) — нож, холодное оружие в виде кинжала у командного состава морского и воздушного флота.

В ряде случаев сфера употребления тех или иных профессионализмов расширяется настолько, что они теряют свой особый характер употребления и превращаются в общенародные слова. Такое вхождение специальных терминов в общее употребление объясняется или широким распространением специального предмета и понятия, или метафорическим употреблением их для обозначения ранее не называемых ими предметов и явлений действительности.

В качестве слов, ставших из профессионализмов общенародными в силу широкого распространения специальных предметов и понятий, ими обозначаемых, можно назвать, например, слова *комбайн*, *глобус*, *экран*. Эти слова стали достоянием общенародного словаря после того, как в нашем сельском хозяйстве прочно вошла

в жизнь уборка при помощи комбайна, глобус стал необходимой принадлежностью при обучении географии, а кино стало одним из наиболее популярных видов искусства.

В качестве слов, ставших из профессионализмов общенародными в силу их метафорического употребления, можно указать, например, слова: *аврал* (ср.: *Был объявлен аврал*; первоначально морская команда — «все наверх»), *брожение* (ср. *брожение умов*; первоначально биологический термин), *сфера* (в *высших сферах*; первоначально математический термин), *штушеваться* (первоначально специальное слово чертежников, производное от слова *тушь*), *мягкотельный* (первоначально специальное слово садоводов, термин для определения спелости плодов), *темп* (ср. *темпы роста*; первоначально музыкальный термин).

Среди профессионализмов выделяются как слова, которые в качестве лексических единиц известны только в специальном употреблении, например *троемес* (из словаря плотников) — длинный гвоздь, соединяющий сразу три тесины; *выплавок* — кусок металла, *асбест* — волокнистый белый материал, из которого вырабатываются негорючие изделия (это слово вначале пришло к нам из греческого языка в виде слова *известь*) и т. п., так и слова, которые с другими значениями входят в состав общенародной лексики. В качестве слов, являющихся профессиональными только по своей семантике, можно назвать слова: *мостик* — место на палубе, откуда командир командует кораблем; *балда* — тяжелый молот для раздробления камней и горных пород (техн.; ср. *набалдашник* от тюрк. слова *baldak* — костыль, сабельная рукоять); *шапка* — заглавие крупным шрифтом, заголовки нескольких статей (типогр.) и т. д.

Профессионализмы употребляются обычно в устной речи представителей какой-либо профессии, специальности и в научно-технических стилях письменного языка.

Возможны профессионализмы и в стиле публицистики и художественной литературы, однако там они могут быть оправданы лишь как определенное стилистическое средство для изображения трудовой деятельности и производственного пейзажа или речевой характеристики персонажей. Использование профессиональной лексики должно быть разумным. Употребляя те или иные профессионализмы, следует помнить о том, что некоторые

из них незнакомы представителям других областей трудовой деятельности, и в необходимых случаях так или иначе объяснять их значения.

§ 21. Арготизмы

Под арготизмами следует понимать такие социально ограниченные в своем употреблении слова, которые являются эмоционально-экспрессивным выражением того, что стилистически нейтрально обозначается общенародными словами.

Арготизмы отличаются от профессионализмов следующими чертами. 1) Они всегда представляют собой слова, являющиеся не основными, а параллельными обозначениями какого-либо явления действительности. Это значит, что рядом с ними всегда существуют синонимы общенародного употребления. 2) Всем без исключения арготизмам (в отличие от профессионализмов, являющихся нейтральными словами) присуща яркая экспрессивно-стилистическая окраска. 3) В силу яркой экспрессивно-стилистической окраски арготизмы имеют обычно значительно более широкое распространение и легко переходят из того или иного арго в просторечие, т. е. в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную строгими литературными нормами. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что арготизмами часто называют, собственно говоря, такие слова, которые ими являются только с генетической точки зрения. Особые слова, возникшие в каком-либо арго (*двоешник*, *легалить*, *шамовка*, *барахлить* и т. д.), среди арготизмов занимают в общем небольшое место. Основной группой арготизмов являются общенародные слова с особым, специфическим значением. Вот несколько примеров: *кол* (в значении «неудовлетворительно»), *хвост* (в значении «несданный экзамен»), *срэзаться* (в значении «не выдержать экзамена»), *подбросить* (в значении «подвезти»), *перо* (в значении «нож»), *заливать* (в значении «врать»), *легавый* (в значении «предатель»), *малина* (в значении «притон»), *загорать* (в значении «простаивать»), *липа* (в значении «подделка»), *блеск* (в значении «превосходно»), *прэшвырнуться* (в значении «пройтись»), *вызубрить* (в значении «выучить»), *загнуть* (в значении «продать»), *бычки* (в значении «окурки»), *слабó* (слово

для поддразнивания), *кумпол* (в значении «голова» (*купол*), *топать* (в значении «идти»), *корешок* (в значении «друг, приятель»), *предки* (в значении «родители»), *плавать* (в значении «плохо что-либо знать»), *спеться* (в значении «сговориться»); *Дырка!* (в значении «плохой вратарь»); *Сапожники!* (в значении «никуда не годные работники») и т. д.

Довольно большую группу арготизмов (вошедших в широкое употребление главным образом из воровского аргю) составляют слова заимствованного характера. Такие слова могли быть в языке-источнике неарготическими (ср. *канать* — бежать, из укр. яз.; *бан* — вокзал, из немецк. яз. и т. д.), однако в подавляющем большинстве они являлись арготизмами уже в том языке, откуда были усвоены. К таким арготизмам в русском языке относятся, например, слова *блат* (из польск. *blat* «укрыва-тель краденного»), *фрайер* (из немецк. *Frajer* «жертва вора, начинающий»), *капать* (из польск. *кара́с* — доносить, выдавать < нем. *карреп* — выдавать, продавать, ловить) — доносить, выдавать, *хаза* (из немецк. яз.) — квартира, *амба* (из итал. яз.) и т. д.

Могут среди арготизмов быть и кальки. В качестве примеров можно назвать глаголы *засы́паться* и *прова-литься*, соответственно являющиеся семантической и словообразовательной кальками: польск. *zasypać się* и немецк. *durchfallen*. Все арготизмы имеют в настоящее время довольно широкую сферу употребления, хотя и возникли как специфические слова того или иного аргю, например: воровского аргю — *липа*, школьного аргю — *хай*, *кол*, *хвост*, *срэзаться* и т. д.

Иногда арготизмами называются только слова воровского аргю (*академия* — в значении «тюрьма», *шкет*, *жулик*, *балерина* — в значении «отмычка», *фрайер* — в значении «мелкий, неопытный вор» и др.), однако такое «суженное» употребление термина «арготизмы» является неверным.

Дело в том, что в настоящее время, как и раньше (ср. существование аргю семинаристов, коробейников, прасолов, шерстобитов, портных и т. д. в XIX в.), имеется не только воровское аргю (и — шире — аргю преступного мира), но и другие, в частности школьное, студенческое аргю и различные профессиональные аргю. Они сильно отличаются от «блатной музыки», так как «здесь

сказывается не столько деловая потребность, вызывающая арготические термины (т. е. слова воровского арготизма — *Н. Ш.*), сколько стремление к экспрессии и игра словами»¹. Именно в них, и прежде всего в арготизмах школьников и студентов, происходят сейчас такие семантические и стилистические изменения и сдвиги, которые оказывают серьезное влияние на развитие состава и структуры живой разговорной речи.

Так как по экспрессивно-стилистическим свойствам арготизмы аналогичны вульгаризмам, с их употреблением следует бороться так же, как и с употреблением вульгаризмов (см. стр. 134).

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения сферы ее употребления см.: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, ч. I, Учпедгиз, 1952, стр. 69—73; В. Г. Ветвицкий, Диалектизмы как средство создания местного колорита в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Сб. «М. Шолохов», изд. ЛГУ, 1956; Н. П. Гринкова, Об областных словах в современном русском языке, «Ученые записки ЛГПИ им. Герцена», т. 122, 1956; А. И. Ефимов, О языке художественных произведений, Учпедгиз, М., 1954, стр. 141—180; В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Учпедгиз, Л., 1936; М. И. Привалова, Из наблюдений над языковой правкой романа «Поднятая целина». Сб. «М. Шолохов», изд. ЛГУ, 1956.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО- СТИЛИСТИЧЕСКОЙ

§ 22. Межстилевая лексика

Богатая своими выразительными возможностями и семантической емкостью, лексика современного русского языка представляет собой сложное и многообразное явление не только с точки зрения происхождения, социально-диалектного характера и важности в общей системе русского языка, но и с точки зрения экспрессивно-стилистической.

Если лингвистически анализировать такие, например, синонимические ряды, как *лгать, врать, заливать, сочинять* и *желать, хотеть, жаждать, алкать*, то можно за-

¹ В. Стратен, Об арготизмах, «Русский язык в советской школе», 1929, № 5, стр. 53.

метить, что составляющие их слова различаются между собой не только тем, откуда и когда они появились в русском языке, жизненно важные ли это слова или нет и т. д., но и тем, что они оказываются разнородными в ряде случаев и по своему стилистическому употреблению и экспрессивной окраске. Слово *лгать* является общеупотребительным и нейтральным, слова *врать* и *сочинять* — словами разговорно-литературной лексики с оттенком фамильярности, слово *заливать* — просторечным и шутливым. Слова *желать* и *хотеть* являются словами межстилевого характера, слова *жаждать* и *алкать* — книжными и устарелыми.

Такое стилистическое расслоение лексики и различие слов по экспрессивной окраске тесно связано с тем, что язык представляет собой совокупность нескольких стилей, различных по тем языковым средствам и приемам (в первую очередь лексическим), которые берутся для выражения определенного содержания из общенародного языка.

Применение тех, а не иных средств языка обусловливается, как известно, той областью и ситуацией, в которой разворачивается языковое общение. Цели сообщения, которые ставит перед собой говорящий или пишущий, заставляют его отбирать из общенародного языка такую лексику, которая была бы наиболее действенной, наиболее выразительной, наиболее, наконец, пригодной для поставленной задачи.

Именно поэтому каждый из стилей языка характеризуется определенной системой лексических средств. Правда, лексические границы стилей не являются неподвижными; слова разговорно-бытовой лексики могут войти в официально-деловой стиль, в публицистический стиль могут проникать элементы художественной речи и т. д.; особенно многослойным в лексическом отношении является стиль художественной литературы. Но тем не менее лексическое своеобразие разных стилей языка вырисовывается совершенно ясно.

Очень многие слова оказываются закрепленными в своем употреблении за тем или иным стилем языка. Это и позволяет классифицировать лексику со стилистической точки зрения.

Если мы возьмем, например, такие слова, как *щитовидный*, *кровообращение*, *щитовидка*, *валандаться*,

удружить, синьора, пенс, нега, грезы и т. д., то все они окажутся закрепленными за различными стилями языка и в процессе общения вместе или рядом (вне определенных условий) употребляться не будут. Одни из них будут принадлежностью научного стиля (*щитовидный, кровообращение*), другие — просторечия (*щитовидка, валандаться, удружить*), третьи — будут входить в так называемую экзотическую лексику (*синьора, пенс*), четвертые — в поэтическую (*нега, грезы*) и т. д.

Такая классификация лексики с ее стилистической стороны обычно осложняется классификацией ее с точки зрения экспрессивной.

Это совершенно естественно, ибо каждый стиль имеет свои, ему лишь присущие экспрессивные особенности. Ясно, например, что такому стилю, как научный, будет чужда эмоционально окрашенная лексика; напротив, для стиля художественной литературы такая лексика будет одним из наиболее характерных признаков.

В подавляющем большинстве случаев именно эмоциональная характеристика слова и экспрессивные особенности определяют его стилистическое употребление. Таким, например, словам, как *простофиля, дóшлый, форсить*, в научном исследовании, учебнике и т. д. не будет места именно потому, что эти слова обладают экспрессивной насыщенностью.

С точки зрения экспрессивной слова делятся на разряды и группы по их экспрессивной окраске, которая объясняется тем, что в слове иногда наблюдается не только указание на какое-либо явление действительности, но и выражается отношение говорящего к этому явлению. Именно сопровождение названия определенным оценочным моментом и создает у слова ту или иную эмоционально-экспрессивную окраску (презрение, неодобрение, пренебрежение, шутку, иронию, ласку, фамильярность и т. д.). Например, рядом с нейтральным словом *поэт* существуют неодобрительные *стихоплет* и *рифмоплет*, рядом с нейтральными словами *сын* и *дочь* — ласкательные *сыночек, дочурка*.

С точки зрения экспрессивно-стилистической в лексике современного русского языка прежде всего выделяется такой пласт слов, который является межстилевым, имеющим применение во всех стилях языка, и представляет собой разряд слов экспрессивно не окра-

шенных, эмоционально нейтральных. Межстилевые, экспрессивно не окрашенные слова являются названиями жизненно важных явлений действительности без какой-либо их оценки; это чистые наименования предметов, качеств, действий и т. д.

Учитывая экспрессивную нейтральность такой лексики, ее нередко называют нейтральной лексикой.

Межстилевая лексика является основой для словаря как устной, так и письменной речи, без нее немислимо ни устное, ни письменное общение. Входящим в нее словам присуща простота и общепонятность, естественность и четкость. Именно при помощи этих слов, самых обычных и привычных, создаются, как правило, наиболее проникновенные и душевные образы. Это качество межстилевой лексики отметил еще А. П. Чехов: «Красочность и выразительность в описаниях природы достигается только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.».

Этим общеупотребительным, межстилевым словам противостоят разряды слов, ограниченные в своем употреблении определенным стилем и имеющие в себе дополнительные оттенки эмоциональной оценки называемого или какой-либо экспрессии.

Слова, стилистически ограниченные, делятся на две группы (в зависимости от того, в письменной или устной речи преимущественно они употребляются). Это разговорно-бытовая и книжная лексика.

§ 23. Разговорно-бытовая лексика

Разговорно-бытовая лексика употребляется в непринужденной беседе. Употребление ее в письменной речи ограничено стилями художественной литературы и публицистики, где она используется с определенными художественно-выразительными целями. Употребление ее в других стилях (научном, деловом) наблюдается очень редко и затрагивает лишь отдельные факты. Причем всякое такое употребление разговорно-бытовой лексики в книжной речи придает данному контексту разговорный оттенок, и разговорно-бытовые слова ощущаются в нем как элементы, если ему не чуждые вовсе, то по крайней мере сторонние.

Разговорно-бытовая лексика делится на два разряда: 1) общенародную разговорно-бытовую лексику и 2) разговорно-бытовую лексику, социально или диалектно ограниченную. О разговорно-бытовой лексике, социально или диалектно ограниченной, выше уже говорилось. Это диалектизмы, или областные слова, разговорные профессионализмы и арготизмы. Противопоставляясь книжной лексике как слова устной речи, они противопоставляются и общенародной разговорно-бытовой лексике, так как являются словами не общенародного, а группового распространения и употребления.

Общенародная разговорно-бытовая лексика включает в свой состав две группы слов: 1) разговорно-литературную лексику, объединяющую слова разговорно-бытового характера, не нарушающие норм литературного употребления (*франтить, грохнуть, окошко, вещьца, грязьца, молодчина, молокосос, злющий* и т. д.); 2) просторечную лексику, характерную для простой, непринужденной речи, не связанной строгими нормами. Слова, входящие в нее, частью стоят на грани литературного употребления, частью представляют собой нелитературные слова (*жох, фофан, лоботряс, хавронья, жоржик, ухмылка, танцулька, околпачить, форсить, хапать, кажись, ишь, цыц* и т. д.).

От межстилевой лексики, одинаково характерной для устной и письменной речи, разговорно-литературная и просторечная лексика отличается своей специфической экспрессивно-стилистической окраской (фамильярности, иронии, бранности, шутки, ласки, презрения и т. д.). Слова разговорно-бытовой лексики, называя что-либо, дают также и определенную оценку называемого. Эти специфические отличия общенародной разговорно-бытовой лексики от межстилевой выявляются, например, при сравнении общеупотребительных и экспрессивно-нейтральных слов *неправда, бесплатно, очень* с их разговорно-литературными и просторечными синонимами: *ахиня, вранье, чепуха, ерунда, чушь, дичь* (разг.-лит.), *брехня* (прост.); *даром* (разг.-лит.), *дарма* (прост.); *ужас, страх* (разг.-лит.), *страсть* (прост.) и т. д.

Разграничивая в общенародной разговорно-бытовой лексике лексику разговорно-литературную и просторечную, следует иметь в виду, что границы между этими разрядами очень зыбки и подвижны и в существующих

толковых словарях установлены далеко не всегда. Ряд слов, входивших ранее в просторечную лексику, является сейчас принадлежностью разговорно-литературной лексики (*учеба, копать, гурьба* и т. д.). Некоторые слова, напротив, из состава разговорно-литературной лексики с течением времени перешли в лексику просторечную (*брюхо, честить* и др.).

В просторечной лексике особо выделяются вульгаризмы, которые относятся к ее внелитературному слою. Вульгаризмы являются такими просторечными словами, которые несут на себе резкую экспрессию грубости. Они всегда выступают в речи в качестве параллельных обозначений понятий, выраженных литературными словами не только точней и сдержанней, но и несравненно доходчивей и выразительней. Своей грубостью вульгаризмы засоряют язык, поэтому с их употреблением в устном общении и художественной литературе следует бороться особенно активно. В качестве вульгаризмов можно указать слова: *трепач, харя, сопатка, трепаться* (говорить), *долдонить* (говорить), *балда, поперся, стервец, жрать, околеть* (по отношению к людям), *загибать* (в значении «врать») и т. д.

Среди слов, входящих в общенародную разговорно-бытовую лексику (разговорно-литературную и просторечную), наблюдаются слова различного характера.

1. Встречаются специфические разговорно-бытовые слова, которых нет в межстилевой лексике, например: *наяривать, вздрючка, лупцевать, огорошить* (прост.), *вволю, газировка, затеять* (разг.-лит.) и т. д.

2. Наблюдаются общеупотребительные слова с особыми — разговорно-литературными и просторечными — значениями (обычно метафорического происхождения), например: *накатать* (в значении «написать»), *хлестать* (в значении «пить водку»), *свистнуть* (в значении «украсть»), *плести* (в значении «говорить вздор»), *винегрет* (в значении «мешанина»), *шляпа* (в значении «растяпа»), *тюлень* (в значении «неповоротливый человек») и т. д.

3. Наблюдаются слова, имеющие в межстилевой лексике соотносительные им слова того же корня, но иного словообразовательного строения, например: *читалка* (ср. *читальня*), *немедля* (ср. *немедленно*), *торгаш* (ср. *торговец*), *сгодится* (ср. *годится*), *картошка* (ср.

картофель), *помереть* (ср. *умереть*), *большуший* (ср. *большой*), *обгородиться* (ср. *загородиться*), *неважнецкий* (ср. *неважный*), *силком* (ср. *наильно*) и т. д.

4. В просторечной лексике также встречаются общеупотребительные слова, отличающиеся лишь своей фонетикой и акцентологией, например: *инстру́мент*, *таба-терка*, *ундер*, *сурьёзный*, *по́ртфель*, *мага́зин* и т. д.

§ 24. Книжная лексика

В разряд книжной лексики входят такие стилистически ограниченные и закреплённые в своем употреблении слова, которые встречаются преимущественно в письменной речи. Тем самым книжная лексика в противоположность разговорно-бытовой выступает как система слов, основной сферой использования которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, официальных бумаг и деловых документов, а также язык художественной литературы.

Это не означает, что книжные слова не употребляются в устной речи совершенно. Но, употребляясь в устной речи, книжные слова не утрачивают все же стилистической окраски книжности.

Среди книжных слов выделяются, с одной стороны, слова, являющиеся единственным названием соответствующих явлений (*бессмертие*, *символизм*, *электрон*, *протоплазма*, *единорог* и др), и, с другой стороны, слова, в разговорно-бытовой и общеупотребительной лексике имеющие синонимы, правда, с иными экспрессивно-стилистическими свойствами (*восторжествовать* — *победить*, *грядущий* — *будущий*, *приверженец* — *сторонник*, *чаяния* — *надежды*, *тлен* — *тление*, *грань* — *граница*, *вотще* — *напрасно*, *зря* и т. д.).

В разряд книжных слов входят в первую очередь все научные, общественно-политические и технические термины. Сюда же, естественно, относится большинство абстрактной лексики, представляющей собой выражение различных отвлеченных понятий. Правда, целый ряд абстрактных слов (*засолка*, *безалаберщина*, *толкотня*, *давка*, *хитринка*, *смекалка* и т. п.) являются принадлежностью разговорно-бытовой лексики, немало их и в составе межстилевой лексики, однако основная их масса,

несомненно, относится в качестве одного из наиболее характерных компонентов к книжной лексике.

Подавляющая масса абстрактных слов книжного характера представляет собой производные слова, образованные при помощи того или иного морфологического способа (чаще всего при помощи суффиксов *-ние (-ение), -ость, -изм, -ация, -енный, -ствовать* и сложения основ: *стремление, поверхность, солипсизм, профанация, властвовать, мировоззрение* и т. п.). Но встречаются среди них и слова непроизводные, например: *воля* (к победе; «рукам воли не давай» — разг.), *жажда* (счастья; «его мучила жажда» — межстил.) и т. д.

В книжную лексику включаются также слова деловых бумаг и официальных документов. Такой разряд слов называется официально-деловой лексикой. В качестве примеров можно привести слова *иск, надлежит, ответчик, вышеизложенный, препроводить, уведомление, посему, оный, нижеследующий* и др.

Целиком к книжной лексике относятся устаревшие слова и номинативно-стилистические неологизмы. Эти слова подробно будут разобраны ниже, в связи с анализом лексики современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса.

В книжную лексику входят также экзотизмы, примыкающие к ним варваризмы и поэтическая лексика.

Экзотизмы представляют собой иноязычную по происхождению лексику, характеризующую быт и специфические национальные черты того или иного народа. Экзотическая лексика используется в научных и публицистических произведениях и художественной литературе (в последней не только для описания несвойственных нам вещей и явлений, но также и для передачи местного колорита и особенностей речи персонажей).

Так, в поэме Лермонтова «Аул Бастунджи», в которой описывается жизнь горцев, мы находим слова: *аул, бешимет, сакля, башлык, аллах, мечеть, мулла, Зара, Селим* и т. д.

В своих «Сказках об Италии» с теми же художественно-выразительными целями Горький использует в авторском повествовании экзотическую лексику итальянского происхождения. Вот несколько предложений: «Однажды какая-то *синьора* поручила ему отнести в подарок под-

руге корзину яблок своего сада. — Заработаешь *сольдо*»; «К ним идет мальчик с *фьяской* вина»; «Поедем, Гвидо, за *пеццони*, — сказал отец»; «Спешно идут *дзампоньяры*, пастухи из Абруццы»; «Нунча уже станцевала *тарантеллу*» и т. д.

Особенно употребительной экзотическая лексика оказывается, естественно, в переводных произведениях. Так, например, в переводе А. В. Кривцовой романа Диккенса «Оливер Твист» («Московский рабочий», 1953) наблюдаем следующие слова экзотической лексики: *миссис, леди, джентльмен, пенс, бидл, мистер, сэр, джин, унция, шиллинг, фартинг, клерк, пенни, виски, гиней, бренди, пинта, шериф, фермер, полисмен* и т. д.

Все слова, принадлежащие к экзотической лексике, представляют собой иноязычные слова, в определенной степени уже освоенные русским языком: они выступают всегда как слова определенного лексико-грамматического класса, содержат в своем составе лишь отдельные иноязычные черты (ср. *сольдо, сэр* и т. д.), изображаются средствами русского алфавита.

Прежде всего этими чертами экзотическая лексика отличается от примыкающих к ней *варваризмов*. Под варваризмами следует понимать такие иноязычные слова, которые еще не подверглись транслитерации и сохраняют все присущие им в языке-источнике свойства. Очень часто они передаются не русскими буквами, а с помощью того алфавита, который присущ языку-источнику.

От экзотической лексики, помимо «иностранности», варваризмы отличает также и то, что они могут выражать и такие понятия, для которых в русском языке существуют исконно русские слова.

Для целого ряда варваризмов их иностранность оказывается преходящей. С течением времени (в случае освоения их русским языком) они превращаются либо в экзотизмы (если обозначают несвойственные русскому народу понятия), либо даже в обычные заимствованные слова (когда варваризм имеет в русском языке синоним).

Ср. слова *денди, примадонна, табльдот, вето, пенсне, бренди* и т. д., которые в произведениях Пушкина, Герцена, Станюковича и Чехова употреблялись еще как варваризмы: «Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде, как *dandy* лондонский одет» (Пуш -

кин); «А закулисные свиданья? А *prima dona*? А балет?» (Пушкин); «Потом отправился за *table d'hôte* и за бутылкой рассказал, как из Тильзита скверно везли и какая дорога гадкая» (Герцен); «Ближайшие друзья стали замечать, что и Кетчер, давно хмурившийся, грозно заявил свое *veto*» (Герцен); «Пересветов вернулся в отель, сбросил сукно, облачился в чесучу и стал отпиваться содовой водой с *brandy*» (Станюкович); «Жена его, Вера Иосифовна, худощавая, миловидная дама в *pinse-peze*, писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям» (Чехов).

В художественной литературе и публицистике варваризмы используются, как правило, с теми же стилистическими целями, что и слова, относящиеся к экзотической лексике. Иногда они также употребляются как средство комического, для создания иронии, пародии, комизма и т. д. (ср., например, употребление Пушкиным в «Евгении Онегине» слова *vulgar*, впоследствии освоенного в виде слова *вульгарный*).

Параллельное исконно русским словам использование варваризмов создает особый макаронический стиль. Им написаны многие стихотворения Мятлева, отдельные стихотворения Лермонтова, Пушкина, А. К. Толстого и других поэтов. Например:

Мы яровое убрали
И убрали траву.
Се тре жоли, се тре жоли,
Коман ву порте ву?
(Мятлев.)

В качестве сравнительно недавнего примера макаронического стиля можно привести отрывок из шуточного стихотворения Н. Богословского, посвященного М. Исаковскому:

Снова замерло все до *матэна*,
Стало тихо в *буа де Булонь*.
Спят все *рю*, и лишь слушает Сена
Одинокую *аккордеонь*.
С Елисейских полей дует ветер,
И с каштанов спадает листва,
В этот поздний *суар*, в этот вечер,
Как живешь ты? *Комман те са ва?*

(Н. Богословский.)

Особым разрядом книжной лексики, чаще всего употребляющимся в стихотворных произведениях, но встре-

чающимся и в художественной прозе, является так называемая поэтическая лексика. Поэтическая лексика выделяется особым стилистическим характером взволнованности и лиричности. Входящие в нее слова или создают патетический тон повествования, или придают ему мягкость и задушевность.

Отбор такого рода слов в русской поэзии происходил в конце XVIII — начале XIX в., как отбор поэтических средств выразительного и красивого. Поэтическая лексика была составлена из старославянизмов, книжных слов, образованных по их подобию, некоторых иноязычных слов и отдельных слов из народной поэзии. Все эти разнородные по происхождению слова в составе поэтической лексики получили одинаковые стилистические свойства.

В качестве примеров, относящихся к поэтической лексике, можно привести слова: *ланиты, перси, уста, жребий, уповать, секира, предаваться, забвенный, година, божественно, безбрежный, обаяние, волшебный, пламенный, сладостный, увь, грусть, нега, прелестный, эфир, роза, арфа, кумир, нектар, аромат, муза, зефир, лилия, идеал; родимый, голубить, бесталанный, краше, ненаглядная, дуброва, пригожий, кручина* и т. д.

Многие слова поэтической лексики в настоящее время осознаются уже как архаизмы. Имея это в виду, поэтическую лексику иногда называют традиционно-поэтической.

Лирический или патетический тон стихотворений создается советскими поэтами, как правило, с помощью других лексических средств: стилистический характер поэтичности в целом ряде случаев у них приобретают слова, ранее ничего взволнованного и лиричного не содержавшие.

Однако и сейчас поэтическая лексика некоторыми советскими поэтами привлекается в отдельные произведения довольно широко и свободно. Ее состав и характер употребления определяются в таких случаях литературно-художественной школой и отражают стилистические вкусы автора, следование им определенным традициям русского классического стиха.

Так, в поэме Твардовского «За далью — даль» пушкинские стихотворные интонации и словоупотребление

можно видеть в использовании слов: *зов, обретать, краса, державный, грядущий, дале, ведать* и т. п.:

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль.
Твой слышу зов: со мною следуй
И *обретай* в пути и *ведай*
За далью — даль.
За далью — даль.

Своим — своя, чужим — чужая,
Я службу гордую несу,
Грядущей славой мир *венчая*,
Его величье и *красу*.
Кремлевских стен *державный* гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты.

Ср. у Пушкина: «*Грядущие* годы таятся во мгле»; «Я *ведаю*, что рано или поздно Ему Москву уступит сын Борисов»; «Невы *державное* течение, береговой ее *гранит*»; «Юный град, полнощных стран *краса* и *диво*» и т. д.

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической см.: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957; О. С. А х м а н о в а, О стилистической дифференциации слов, Сборник статей по языкознанию, изд. МГУ, 1958; Р. А. Б у д а г о в, К вопросу о языковых стилях, «Вопросы языкознания», 1954, № 3; Л. А. Б у л а х о в с к и й, Курс русского литературного языка, т. I, «Радянська школа», 1952, стр. 43—68; Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к, Об экспрессивности и эмоциональности в языке, Сборник статей по языкознанию, изд. МГУ, 1958; А. Н. Г в о з д е в, Очерки по стилистике русского языка, Учпедгиз, М., 1955, стр. 73—99; Ю. Р. Г е п н е р, О стилистических функциях языковых средств, «Научные записки Харьковского пединститута», т. 29, 1958; А. И. Е ф и м о в, Стилистика русского языка, «Просвещение», М., 1969; П. Л. К и м, Эмоционально-оценочная лексика русского языка, «Ученые записки Андиганского пединститута», вып. 3, 1956; Г. Ф. М и т р о ф а н о в, К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке, «Томский университет, V научная конференция, посвященная 350-летию г. Томска, секция языкознания», 1960; В. И. П е т р о в с к и й, О стилистической дифференциации лексики современного русского литературного языка, Львов, 1959; Ю. С. С о р о к и н, К вопросу об основных вопросах стилистики, «Вопросы языкознания», 1954, № 2; С у п р у н, «Экзотическая» лексика, «Филологические науки», 1958, № 2; Е. В. У х м ы л и н а, Лексика современного русского языка в стилистическом отношении, г. Горький, 1956; П. Г. Ч е р е м и с и н, Пособие по стилистике русского языка, «Просвещение», М., 1971.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

§ 25. Активный и пассивный запас

Согласно марксистскому учению о языке, процессом, определяющим развитие словарного состава языка, его дальнейшее обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста лексики за счет новых слов. Лексика языка почти непрерывно впитывает в себя вновь возникающие слова, вызванные к жизни изменениями в общественном строе, развитием производства, культуры, науки и т. д.

Накопление в словаре все большего количества слов, пополнение его стилистических ресурсов наряду с совершенствованием грамматического строя отражает общее поступательное движение языка.

Однако изменения, наблюдаемые в словарном составе языка, не сводятся лишь к появлению новых, ранее в нем не существовавших слов. В лексике происходит одновременно и обратный процесс — процесс исчезновения из ее состава устаревших слов. Хотя этот процесс не является определяющим в развитии лексики языка, но и он сильно сказывается на облике словарного состава языка и также свидетельствует о его постоянном совершенствовании.

Освобождение словаря от лишних слов (а «выпадают» из него только такие) столь же закономерно и необходимо, как и обогащение его новыми словами: оно позволяет говорящим на данном языке освобождаться от ненужных лексических дублетов, устранять из своего активного запаса устаревшее и тем самым содействует более эффективному выполнению языком его основной и важнейшей функции — быть средством человеческого общения. Эти процессы появления новых слов и исчезновения устаревших сопровождаются процессами семантического порядка: возникновением у слов новой семантики и утратой старой.

Так как закрепление в языке новых слов и значений и особенно уход из языка устаревшего — процесс постепенный и длительный, то в словарном составе языка в целом всегда существуют одновременно два пласта

слов: активный словарный запас, с одной стороны, и пассивный словарный запас — с другой.

К активному словарному запасу языка относится вся привычная и повседневно употребительная в той или иной сфере языкового общения лексика, не имеющая ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. Активный запас включает в себя как слова общенародного употребления, так и слова, в своем использовании ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоциональная лексика и т. д.), поэтому его нельзя отождествлять с активным запасом слов того или иного носителя языка. Сложная и разветвленная терминология физиков, например, будет во многом неизвестной лингвистам, медикам, садоводам, рабочим и т. д.; существующая сейчас в языке эмоциональная лексика нетерпима в сфере официальных отношений, в научных трудах и т. д., но от этого ни терминология физиков, ни существующая в настоящее время эмоциональная лексика не перестают быть фактами современной лексики.

К пассивному словарному запасу языка (не следует путать с пассивным запасом слов того или иного носителя языка, зависящим от его профессии, образования, повседневной работы и т. д.) относится из лексики все то, что не является в ней привычным и повседневно употребительным, определяющим ее систему как современную, т. е. все, что редко употребляется, что не стало еще или перестало уже быть необходимым, привычным и обязательным в той или иной сфере общения. Иначе говоря, в пассивный словарный запас языка в целом входят: 1) слова, которые уходят из языка (устаревшие слова), и 2) слова, которые окончательно не вошли еще в общелитературное употребление или только что в нем появились (неологизмы). Таким образом, слова в современной лексической системе с точки зрения их употребляемости делятся на три группы.

Одну группу составляет актуальная лексика, активный словарный запас современного русского литературного языка. В нее входят именно те слова, которые определяют современный литературный язык как язык нашей эпохи. Другая группа включает в себя устаревшие слова, т. е. слова, вышедшие из активного и повседневного употребления, но все же широко известные и в меру необходимости в некоторых речевых ситуациях используемые.

Таким образом, как и во многих других, в данном случае следует учитывать условный характер термина «устаревшие слова» и не понимать его буквально. В противном случае будет совершенно непонятно, как можно говорить о существовании в современном языке устаревших слов.

Под устаревшими словами понимаются лишь слова, так сказать, первой степени устарелости, т. е. слова, переместившиеся из активного словарного запаса в пассивный, но отнюдь не слова, вышедшие из языка вообще.

Третью группу составляют неологизмы, т. е. новые слова, которые в качестве недавних воспроизводимых единиц языка еще сохраняют оттенок свежести и необычности.

Естественно, что указанные три группы в современной лексической системе имеют свои особенности¹, однако все они — и это позволяет разбирать их в одном ряду — представляют собой все же реальные факты языка как системы, а не контекстуально прикрепленные факты того или иного речевого произведения. Надо иметь в виду, что в речи имеются и такие. В известной степени они не только примыкают к вышеназванным группам пассивного запаса, но и являются им подобными. И все же рассматривать их как явления современной языковой системы нельзя, ибо они хотя и воспринимаются как готовые лексические единицы, тем не менее являются сугубо своеобразными и инородными по отношению к словарю говорящего, если и знакомыми ему по литературе, то все же — за пределами исключительных случаев — абсолютно неупотребительными. Контекстуально закрепленные образования того или иного речевого произведения не являются словами языка в данный момент его развития, это слова, которые или не вошли в язык, или из него ушли. Именно поэтому их иногда называют потенциальными² или окказиональными³ словами.

¹ Об этом см.: А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, Материалы к курсам языкознания, изд. МГУ, 1954, стр. 5—32.

² Там же, стр. 7.

³ Н. И. Фельдман, Окказиональные слова и лексикография, «Вопросы языкознания», 1957, № 4.

При рассмотрении лексики современного русского литературного языка в аспекте ее употребляемости такие образования могут толковаться как неологизмы и устаревшие слова второй степени.

§ 26. Устаревшие слова

Исчезновение из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление, совершающееся медленно и не сразу (да и не всегда) приводящее к выпадению слова из лексики языка вообще. Утрата слова или того или иного его значения — результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из явления активного словарного запаса первоначально делается достоянием пассивного словаря и лишь потом постепенно забывается и совершенно исчезает из языка.

Этот процесс не представляет собой прямолинейного процесса: в ряде случаев устаревшие слова впоследствии вновь возвращаются в активный запас лексики нашего языка. Естественно, что при этом происходит, как правило, и резкое изменение их значений (ср. судьбу, например, таких слов, как *указ*, *солдат*, *министерство* и др.).

Устаревшие слова, в совокупности образующие устаревшую лексику русского языка, представляют сложную и многослойную систему. Причиной этого является их неоднородность и многообразие с точки зрения: 1) степени их устарелости, 2) причин их архаизации и 3) возможности и характера их использования.

Разберем отдельно эти вопросы.

Как было уже сказано, устаревшие слова различаются между собой прежде всего степенью своей устарелости.

Среди них выделяется в первую очередь группа слов, которые являются в настоящее время совершенно неизвестными рядовым носителям современного русского литературного языка и поэтому непонятны без соответствующих справок. Это лексические единицы, которые выше были названы устаревшими словами второй степени. Сюда относятся:

а) слова, совершенно исчезнувшие из языка, не встречающиеся в настоящее время в нем даже в составе производных слов (*локы* — лужа, *котора* — ссора, *проси-*

нец — февраль, *стрый* — дядя по отцу, *нетий* — племянник по сестре, *рака* — могила, гробница и т. д.);

б) слова, не употребляющиеся в языке как отдельные слова, но встречающиеся в качестве корневых частей производных слов: *вервь* — веревка, *руг* — насмешка (*ругать*), *вреть* — кипеть (*варить, овраг*), *говядо* — скот (*говядина, говяжий*), *усние* — кожа (*заусенец*), *булдыга* — кость (*забулдыга*), *мжура* — тьма, мгла, (*жмуришь*), *худог* — искусный (*художник*), *скора* — шкура (*скорняк*), *коварь* — кузнец (*коварство*), *мытарь* — сборщик подати (*мытарство*), *подаять* — подавать (*подавание*) и т. п.;

в) слова, исчезнувшие из языка как отдельные значимые единицы, но употребляющиеся еще в составе фразеологических оборотов: *сокол* — старое стенобитное оружие, большой таран (*гол как сокол*); *зга* — дорога (ср. *стезя; ни зги не видно*); *кол* — небольшой участок земли (*ни кола, ни двора*) и др.

Все эти слова совершенно выпали из лексики языка и в настоящее время прочно забыты. Все они никакого отношения к лексической системе современного русского литературного языка не имеют и не входят даже в его пассивный словарный запас. Все они, наконец, являются фактами предшествующих, в общем, отдаленных эпох развития русского языка. В отличие от устаревших слов их лучше всего назвать старинными.

Возникает вопрос, есть ли смысл рассматривать такого рода факты при анализе лексики современного русского литературного языка, в которой они реально не существуют. Оказывается, есть. И это объясняется тем, что старинные слова (или устаревшие слова второй степени) изредка все же в нужных случаях употребляются и сейчас, естественно, в виде особых словесных инкрустаций, сторонних окружающим их словам, и обычно с необходимыми разъяснениями. В отдельных речевых произведениях, таким образом, можно встретить такие факты и сейчас, и именно это не позволяет исключать их из рассмотрения при анализе современной лексики, несмотря на то что к последней они не имеют никакого отношения.

Старинным словам (конкретные случаи употребления их см. ниже) противостоит по степени устарелости группа устаревших слов, состоящая уже из таких лексических единиц, которые носителям современного русского литературного языка известны, но находятся

в составе его пассивного словаря и употребляются лишь с определенными стилистическими целями.

Это уже реальные единицы языка, правда, имеющие ограниченную сферу употребления и специфические стилистические свойства.

К такого рода устаревшим словам можно отнести: *верста, конка, вершок, курсистка, городской, бурса, оный* (тот), *зря* (видя), *иройство, брадобрей, токмо* (только), *глаголить* (говорить), *дабы* (чтобы), *хлад* (холод) и т. д.

Естественно, что большое значение в степени устарелости того или иного слова и отдельного значения имеет время выхода его из активного употребления. В большой мере, однако, она определяется также: 1) местом данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка, 2) первоначальной распространенностью слова и длительностью употребления в составе активного словаря, 3) наличием или отсутствием ясной и непосредственной связи с родственными словами и т. д. Нередко слово, давно вышедшее из активного употребления, все же до сих пор не забыто говорящими, хотя и встречается в их речи спорадически, и наоборот, наблюдаются случаи, когда забывается и выпадает из языка слово, переместившееся в пассивный словарный запас языка сравнительно недавно.

Например, слова *алкать, вран, бедство* вышли из активного словаря письменной речи (в разговорном языке их не было и раньше) более 100 лет назад, однако они до сих пор понятны в своих основных значениях говорящим на современном русском языке. Напротив, забытыми, неизвестными совершенно по своей семантике для подавляющего числа говорящих сейчас на русском языке являются слова *уком* (уездный комитет), *непрерывка*, бытовавшие в активном употреблении сравнительно с ранее отмеченными *алкать, вран, бедство* совсем недавно.

Так как топонимика (названия рек, озер, населенных пунктов и т. д.) и антропонимия (личные и фамильные имена) являются наиболее устойчивыми фактами в словарном материале, то очень многое из того, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имен, сохраняется в топонимике и антропонимии в качестве имен собственных: река *Шуя* (*шуя* — левая), станция *Бологое* (*бологое* — хорошее, доброе, красивое), акад. *Л. В. Щерба* (*щерба* — трещина, зазубрина), город *Городец* (горо-

дец — городок, с суффиксом *-ец*), город *Мытищи* (*мытище* — место, где собирали мыто), деревня *Червленая* (*червленая* — красная), повар *Смурый* (*смурый* — хмурый, ср. *пасмурный*) и т. д.

Поскольку лексическая система развивается в каждом из языков по своим внутренним, только ему присущим законам, то устаревшие и даже старинные, ушедшие совершенно из русского языка слова могут сохраняться в других близкородственных славянских языках в качестве лексических единиц активного словарного запаса. Ср. слова *вельмі* — в белорусском, *łuska* — в польском (русское *луска* живет в составе производного *лускать*), *крак* — в болгарском (ср. русское производное *окорок*), *ul* — в чешском (в русском оно входит как корень в слова *улей*, *улица* и др.), *бъз* — в болгарском (ср. русское производное *бузина*) и т. д.

Помимо того что устаревшие слова различны по степени своей архаичности, они отличаются друг от друга еще и тем, что привело их в состав устаревшей лексики (в широком понимании этого слова). Это отличие является наиболее серьезным и принципиальным.

Рассмотрение устаревших слов в связи с причинами, в силу которых они превратились в устаревшие, заставляет выделить среди них две основные, резко противоположные категории слов: 1) историзмы и 2) архаизмы.

Слова могут выйти из активного употребления и перейти в пассивный словарь (а потом и исчезнуть вовсе) и потому, что исчезают называемые ими явления, предметы, вещи и т. д., и в силу того, что они как обозначения каких-либо явлений, предметов, вещей и т. п. в процессе употребления в языке могут вытесняться другими словами. В одном случае слова становятся ненужными в активном словаре говорящих потому, что они являются обозначениями исчезнувших явлений действительности, в другом случае слова уходят из активного употребления по той причине, что их вытесняют другие слова (с теми же значениями), которые оказываются более приемлемыми для выражения соответствующих понятий. В первом случае мы имеем дело с историзмами, во втором — с архаизмами.

Историзмы представляют собой слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением

соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы волей-неволей прибегаем к историзмам, ибо в современном русском литературном языке они синонимов не имеют. Историзмами в романе А. Н. Толстого «Петр I», например, являются слова *боярин*, *ящик*, *стольник*, *сокольничий*, *алтын*, *епанча*, *ферязь* (мужское долгополое платье), *кольчуга*, *самопал*, *пищаль*, *единорог* (род пушки) и т. д.

Что же касается архаизмов, то в словарном составе современного русского литературного языка рядом с ними обязательно должны существовать и существуют синонимы, являющиеся словами активного употребления (ср.: *ловитва* — *охота*, *вояж* — *путешествие*, *кои* — *которые*, *балтические* — *балтийские*, *самодовольствие* — *самодовольство*, *стора* — *штора*, *пиит* — *поэт* и т. п.).

К архаизмам относятся такие, например, слова в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Где его *пашпорт?*» (глава 1); «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда *соображаю* (=сравниваю) с ним странные обстоятельства моей жизни» (глава 2); «Я находился в том состоянии чувства и души, когда *существенность* (= действительность), уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосонья» (глава 2); «*Вожатый* (=проводник) мой мигнул значительно...» (глава 2); «Они выстроены были во *фрунт*» (=строй) (глава 3); «Несмотря на предсказание, *башкирцы* (=башкиры) не *возмущались*» (=не восставали); «Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван *незапным* (=внезапным) *междоусобием*» (=внутренним раздором, смутой) (глава 4); «Ты, узнав мои напасти, сжался, Маша, надо мной, зря (=видя) меня в *сей* (=этой) *лютой* (=мучительной) *части* (=участи) и что я пленен тобой» (глава 4); «Вы мне дадите *сатисфакцию*» (=удовлетворение) (глава 4); «...Что с тобою будет, коли возьмут *фортецию* (=крепость) приступом?» (глава 6); «Ты сам увидел бы, что я *лукавствую*» (глава 8).

Если причины ухода слов из активного употребления в состав историзмов всегда совершенно ясны и не требуют никаких особых разъяснений, то установление причин превращения слов из факта активного словарного

запаса в архаизмы, причин вытеснения, замены одного слова другим является, как правило, делом весьма сложным.

Для нас совершенно ясно, почему, например, слова *кафтан*, *городовой*, *челобитье* и другие превратились в историзмы (исчезли соответствующие им предметы, явления, вещи и т. д.); напротив, требуются специальные лингвистические разыскания для того, чтобы ответить на вопрос, почему слова *перст*, *сей*, *чело*, *доселе*, *буде* были вытеснены из активного употребления словами *палец*, *этот*, *лоб*, *до сих пор*, *если* и превратились, таким образом, в архаизмы.

В зависимости от того, является ли устаревшим все слово как определенный звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказалось лишь его смысловое значение, архаизмы можно разделить на архаизмы лексические и архаизмы семантические. В приводимых ниже примерах выделенные слова все являются архаизмами:

Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как *персты* девы молодой.

(П у ш к и н.)

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус *рыбара* белеет иногда.

(П у ш к и н.)

О, если б Аполлон
Пиштов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь.

(П у ш к и н.)

Что ж? веселитесь... — Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас как *светоч* дивный гений,
Увял торжественный венок.

(Л е р м о н т о в.)

Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, *чтец* и сын,
Своею прозой уверяет,
Что *истукан* мой увенчает
Потомство лавровым венцом.

(П у ш к и н.)

Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю, ибо от *оного* по очереди откупались все богатые мужики, пока; наконец, выбор не падал на *негодяя* или разоренного. (Пушкин.)

Однако между ними существует определенное различие. Если слова *перст*, *рыбарь*, *пиит* заменились словами *палец*, *рыбак*, *поэт* и в настоящее время уже не употребляются, то слова *влиял*, *свечоч*, *чтец*, *истукан*, *негодяй* существуют в активном употреблении и сейчас, но не с теми значениями, которые характеризуют их в приведенных контекстах (*влиял* — вливал; *свечоч* — большая свеча, факел; *чтец* — читатель; *истукан* — статуя; *негодяй* — негодный, в данном случае — негодный к воинской службе). Слова *перст*, *рыбарь*, *пиит* устарели сами по себе как слова; это архаизмы лексические. В словах же *влиял*, *свечоч*, *чтец*, *истукан*, *негодяй* устарели лишь их смысловые значения; это семантические архаизмы.

При внимательном рассмотрении лексических архаизмов, приведенных выше, можно заметить, что они не являются одинаковыми по отношению к тем словам, которые вытеснили их из активного употребления. В одном случае (*перст*) мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другой производной основой. Это собственно-лексические архаизмы. Например: *вотще* (напрасно), *мание* (воля, желание), *лоно* (грудь), *сиречь* (то есть), *понеже* (потому что), *виктория* (победа), *ветрило* (парус), *доколь* (пока), *лицедей* (актер), *выя* (шея), *шуйца* (левая рука), *присно* (постоянно), *вельми* (очень), *ижже* (который), *денница* (утренняя заря), *сей* (этот), *перст* (палец), *отроковица* (девоча-подросток), *вежды* (глазные веки) и др.

В другом случае (*рыбарь*) мы имеем дело с такими словами, которым ныне в качестве языковой оболочки выражаемых ими понятий соответствуют слова однокорневого характера, с той же самой производной основой. Это лексико-словообразовательные архаизмы (ср. *пастырь* — *пастух*, *ответствовать* — *отвечать*, *свириство* — *свиристость*, *воитель* — *воин* и т. д.).

В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь с точки зрения словообразовательного строения, лишь суффиксами или приставками, производная же основа в них одна и та же, и образованы они от одного и того же

слова. *Рыбарь* и *рыбак* различны между собой не своей непрóизводной основой *рыб-*, а присоединенными к ней суффиксами *-арь* в одном слове и *-ак* — в другом.

Вот, например, некоторые архаизмы такого рода, наблюдаемые в романе Пушкина «Евгений Онегин»: *соседственной, останавливает, покорствуя, кокетствуя, балтийским* (ср. *соседней, останавливает, покоряясь, кокетничая, балтийским*).

В третьем случае (*пиит*) мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время в качестве языковой оболочки соответствующих понятий заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного звукового облика. Это лексико-фонетические архаизмы. Их не следует смешивать и отождествлять с фонетическими архаизмами, которые представляют собой устаревшие явления не в словах, а в звуках.

Например, фонетическим архаизмом будет произношение *е* как *е*, а не как *о* перед твердыми согласными под ударением (*потек*, а не *потёк*; *еще*, а не *ещё* и др.), произношение мягкого *р* в словах типа *верх* и т. п. Лексико-фонетическими архаизмами являются такие слова, как *зерцало* (зеркало), *глад* (голод), *вран* (ворон), *клуб* (клуб), *воксал* (вокзал), *ироизм* (героизм), *стора* (штора) и др.

Рядом с лексическими архаизмами можно поставить, как уже упоминалось, архаизмы семантические. Семантические архаизмы — это слова, существующие и в современном русском литературном языке, но имеющие устаревшие значения. Семантический архаизм, иначе говоря, представляет собой устаревшее значение какого-либо слова, в иных значениях являющегося обычным словом современного русского литературного языка. Вот несколько примеров:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк *сущий* в ней язык.

(Пушкин.)

В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И *поезд* тронулся...

(Лермонтов.)

Законов *гибельный позор*,
Неволи немощные слезы...

(Пушкин.)

«Магнит и электрическое вещество имеют *привлекательную* силу». («Словарь Академии Российской») «Теперь смотритель, *соображая* все обстоятельства, догадывался, что болезнь была *притворная*». (Пушкин.)

«*Прямым* Онегин Чильд Гарольдом вдался в задумчивую лень». (Пушкин.)

Выделенные слова в приведенных примерах употребляются и сейчас, однако в других значениях. Так, слово *сущий* выступает в приведенном контексте в значении «существующий», слово *язык* — в значении «народ», слово *поезд* — в значении «кавалькада», слова *гибельный позор* — в значении «зрелище гибели», слово *привлекательная* употреблено в значении «притягивающая», слово *соображать* — в значении «обдумывать», слово *прямой* — в значении «настоящий».

При анализе языка художественных произведений прошлого необходимо учитывать, что в ряде случаев писатели в определенных художественных целях используют слово с расчетом на восприятие читателем и нового, и старого (для носителя современного языка — уже устаревшего и часто неизвестного) его значений.

В двух значениях одновременно употреблено Пушкиным слово *упоенны* в оде «Вольность»:

Он видит — в лентах и чинах,
Вином и злобой *упоенны*,
Идут убийцы потаенны.

В настоящее время уже нельзя сказать *упоенные вином*.

В двух значениях с сатирической целью, с явной издевкой употребляется Салтыковым-Щедриным в «Наших глуповских делах» слово *позорище* (ср. *позорище* — зрелище и *позорище* — увеличительно-презрительное от *позор* — стыд) «Глунов и Глуповица, управляющие и управляемые — все это, взятое вместе, представляло такую сладостную картину гармонии, такое умильное *позорище* взаимных уступок, доброжелательства и услуг, что сердцу делалось больно и самый нос начинал ощу-

щать как бы прилив благородных чувств» (Сочинения, т. 2, 1951, стр. 460).

Следует отметить, что стареть может не только само слово (целиком или в какой-либо части), архаическими могут становиться и связи данного слова с другими, его возможность сочетаться с тем или иным словом (что в конце концов отражается и на значении и употреблении слова вообще).

В примерах: «Открой мне благородный след того возвышенного галла, Кому сама среди *славных бед* ты гимны смелые внушала» (Пушкин, Вольность); «*Остров малый* на взморье виден» (Пушкин, Медный всадник); «Дело в том, что осетинские *разбойники, безопасные* в этом месте, стреляют через Терек в путешественников» (Пушкин, Путешествие в Арзрум) и т. п. — есть такие сочетания слов, которые в настоящее время являются устаревшими. Сейчас уже не скажут *славные беды, малый остров, безопасные разбойники*, хотя *славные подвиги, малые дети, безопасное место* будут словосочетаниями самыми обычными и современными. Такие архаизмы можно назвать лексико-синтаксическими.

Разграничивая различные виды устаревших слов и типы архаизмов, следует иметь в виду, что в ряде случаев слова могут совмещать в себе несколько коррелирующих свойств и признаков, тем самым как бы являясь в своих отдельных семантических вариантах принадлежащими к разным категориям, намеченным в данной выше классификации¹. Так, слово может быть одновременно историзмом и экзотизмом, архаизмом и историзмом, сразу и лексическим и семантическим архаизмом и т. д.

Намеченные выше группы устаревших слов различаются между собой также характером и возможностью их употребления в различных стилях современного русского литературного языка. Архаизмы могут употребляться только с определенной стилистической целью;

¹ Данная здесь классификация устаревших слов впервые была представлена нами в статье «Устаревшие слова в русском языке» («Русский язык в школе», 1954, № 4, стр. 27—33) и в настоящее время принята не только русистами, но и специалистами по иностранным языкам (ср. хотя бы «Лексикологию современного английского языка» И. В. Арнольда, Изд. лит. на иностр. яз., М., 1959, стр. 310).

вне этой художественно-выразительной и изобразительной установки их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления. Историзмы же, употребляясь иногда с теми же целями, что и архаизмы, возможны и вне определенных стилистических условий, так как они, как единственное выражение исчезнувших понятий, явлений, предметов и т. д., могут применяться с целью обозначения этих понятий, явлений, предметов и т. п. Такое использование историзмов мы находим, например, в исторических работах, в описаниях прошлого, в воспоминаниях и т. д.

Архаизмы используются в художественной литературе в основном с тремя различными стилистическими целями.

1. Они могут быть использованы писателем прежде всего для создания колорита эпохи, при описании «давно минувших дней, преданий старины глубокой», для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев. Такое употребление архаизмов и историзмов мы наблюдаем в исторических романах, повестях, рассказах и т. д. Например, в приводимом ниже отрывке из романа А. Н. Толстого «Петр I» устаревшие слова употребляются как средство стилизации, для воспроизведения характерных языковых черт эпистолярного слога Петровской эпохи:

«Долгорукий писал о том, что с прибытием русских войск в Сокаль король Август опять *восприял* чрезмерную отвагу и хочет встречи на *бранном* поле с королем Карлом, *дабы* с божией помощью генеральной *баталией* взять реванш за *конфузию* при Клиссове... Голицыну с великими трудами удалось *отклонить* его от немедленной встречи с Карлом (который, как хищный *волчец*, только того и ждет) и указать ему путь на Варшаву, оставленную с *малой* защитой. Что из *сего* может произойти — одному богу известно».

В приводимом ниже отрывке из романа Чапыгина «Разин Степан» архаизмы выступают в качестве одного из компонентов языкового материала, воссоздающего характерные черты речи персонажа:

«Прознал я вот что: по *извету* татя Фомки, пойманы *воры* за Никитскими ворота на пустом немецком дворе, с теми *ворами стрельцы* двое *беглые*. И сказывали те

стрельцы, что вор Стенька Разя тую жонку Иринеицу¹ из земли взял²...»

2. Архаизмы могут быть использованы писателем для создания торжественного стиля, взволнованно-патетической речи.

В такой роли архаизмы (очень часто старославянского происхождения) мы наблюдаем в стихотворениях Пушкина «Пророк», «Анчар», «Вольность», «Клеветникам России», «19 октября», «Олегов щит» и др., в стихотворениях Лермонтова «Умиравший гладиатор», «Поэт», «Пророк», «Сосед» и т. п., в ряде авторских отступлений у Гоголя и т. д.

Например, у Пушкина в стихотворении «Воспоминанье»:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые *стогны града*
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, —
В то время для меня *влачатся* в тишине
Часы томительного *бденья*...

Архаизмы в качестве одного из наиболее действенных средств для усиления ораторской напряженности и гражданского пафоса речи выступают иногда и у Маяковского. Например, в поэме «Облако в штанах»:

Где глаз людей обрывается куцый,
Главою голодных орд,
В терновом *венце* революций
Грядет шестнадцатый год.

3. Архаизмы могут, наконец, явиться у писателя одним из средств создания комического, иронии, сатиры, сарказма.

Мастером употребления архаизмов в таких целях был Салтыков-Щедрин. Именно такое их использование (наряду с целями воссоздания летописного слога) мы наблюдаем, например, в «Истории одного города» (см. «Обращение к читателю»):

¹ Слово *извет* обозначает «донос», *тать* — «вор»; слово *вор* употреблялось в то время со значением «бунтовщик»; слово *жонка* обозначает «женщина», *Иринеица* — старое уменьшительно-ласкательное образование от *Ирина*.

² *Взял из земли* — освободил от смерти; в то время существовала казнь, состоявшая в том, что человека по плечи зарывали в землю.

«Не только страна, но и *град* всякий, и даже всякая малая *весь*, — и та своих доблестью сияющих и от начальства поставленных Ахиллов имеет, и не иметь не может. Взгляни на первую лужу — и в ней найдешь *гада*, которой *пройством* своим всех прочих *гадов* превосходит и затемняет. Взгляни на *древо* — и там усмотришь некоторый сук большой и против других крепчайший, а следственно и доблестнейший. Взгляни, наконец, на собственную свою персону — и там прежде всего встретишь *главу*, а потом уже не оставишь без приметы и брюхо, и прочие части. Что же, по-твоему, доблестнее: *глава* ли твоя, хотя и легкою начинкою начиненная, но и за всем тем *горé* устремляющаяся, или стремящееся *долу* брюхо...»¹. В таких же целях они используются сейчас в фельетонах, баснях, эпиграммах, пародиях и тому подобных произведениях сатирического или юмористического характера.

По своему происхождению как архаизмы, так и историзмы могут быть самыми разнообразными. Среди них встречаются и исконно русские слова (*льзя*, *дабы*, *оный*, *насильство*, *семо* — сюда, *сполох* — тревога, *заводчик* — зачинщик и т. п.), и старославянские (*глад*, *лобзать*, *святыня*, *глагол* — слово, *вещать* и др.), и заимствованные из других языков (*абшид* — отставка, *войж* — путешествие, *сикурс* — помощь, *натура* — природа, *политес* — вежливость, *аксамит* — бархат и т. п.).

При анализе языка литературных произведений прошлого следует учитывать двойкий характер историзмов и архаизмов. С одной стороны, исследуя язык писателя прошлого, мы встречаемся с сознательным использованием такого рода фактов в определенных, указанных выше стилистических целях. В таких случаях (к ним относится и употребление устаревших слов современными писателями) соответствующие слова — факты устаревшей лексики как для нас, так и для авторов XVIII—XIX вв. и их читателей-современников.

С другой стороны, в произведениях прошлого (и художественных, и деловых, и научных и т. д.) мы встречаемся, даже если они написаны сравнительно недавно,

¹ *Весь* — село, деревня; слово *гад* (старое значение — «пресмыкающееся») употребляется здесь с расчетом на восприятие читателем и старого и нового его значений; *горé* — вверх, *долу* — вниз.

с такими историзмами и архаизмами, которые таковыми являются лишь для нас, но которые во время написания анализируемого произведения такими не были.

Следовательно, есть архаизмы и историзмы стилистического употребления (в современных нам художественных произведениях, как уже отмечалось, они должны быть и являются только такими) и есть архаизмы и историзмы времени (они встречаются — иногда рядом с устаревшими словами стилистического употребления — только в произведениях, написанных в прошлом).

Об этих двух типах устаревших слов в пределах одного и того же литературно-художественного контекста дают представление отрывки из произведения Пушкина «Борис Годунов»:

— Приезжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: *помочь*
Нужна моим усердным *воеводам*.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте *град* и *граждан*.

(Царская дума; царь.)

Так точно *дьяк*, в *приказах поседель*,
Спокойно *зрит* на правых и виновных,
Добру и злу *внимая* равнодушно,
Не *ведая* ни жалости, ни гнева.

(Келья в Чудовом монастыре; Григорий.)

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь *обозреть*
Все *царство вдруг*: границы, *грады*, реки.

(Царские палаты; царь.)

В приведенных отрывках мы наблюдаем среди устаревших слов и историзмы — *воевода*, *дьяк*, *приказ* (в значении «учреждение»), *царство* (в значении «государство во главе с царем»), и архаизмы — *помочь* (помощь), *град*, *граждане* (жители города), *зреть* (смотреть), *внимать* (слышать), *ведать* (знать), *вдруг* (в значении «сразу»). Употреблены они Пушкиным в трагедии на историческую тему.

Однако было бы неправильным считать, что все эти слова использованы поэтом в качестве художественно-изобразительного средства, с определенной стилистической установкой. Среди выделенных устаревших слов имеются и такие, которые для Пушкина такими еще не

были, которые перешли в пассивный запас русской лексики и приобрели в связи с этим определенную экспрессивно-стилистическую окраску позднее. Неверно было бы приписывать какие-то стилистические функции историзму *царство*, семантическому архаизму *вдруг*. Для Пушкина это были обычные слова его активного лексического запаса, повседневного употребления.

§ 27. Неологизмы

Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов, который, как уже указывалось, является определяющим для развития лексики любого языка.

Этот процесс ведет к возникновению в словарном составе языка того или иного исторического периода другого слоя пассивного словарного запаса — неологизмов.

Неологизмы — это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка.

Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не волеются в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности. Так, не представляют в настоящее время неологизмов слова *кругозор*, *будущность*, *гражданин* (в современном значении), бывшие неологизмами в последней четверти XVIII в. (первое было введено Кургановым, второе — Карамзиным, третье с новой, ныне существующей семантикой — Радищевым). Не воспринимается сейчас как неологизм появившееся впервые у В. И. Ленина и им введенное в русскую лексику слово *партийность* (первый раз оно было употреблено В. И. Лениным в конце 1894 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»¹. Не являются давно неологизмами появившиеся незадолго до первой мировой войны слова *акмеизм* и *бездарь* (первое создано поэтом Н. Гумилевым, второе — И. Северяниным), вскоре после появления в начале XX в. в русском языке перешли в его

¹ «...С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 418).

активный словарный запас слова *антенна* (в современном значении), *аспирин*, *ангар*, *айсберг*, *автобус*¹, не воспринимаются как неологизмы, хотя и являются сравнительно недавними, такие слова, как *болельщик*² и *вратарь*³ и т. д.

Следовательно, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт недавно, стало всеобщим и общеупотребительным, потеряло специфические стилистические качества и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм.

С этой точки зрения неверно относить к неологизмам современного русского литературного языка, т. е. к его пассивному запасу лексики, абсолютно все слова, появившиеся в русском языке в советскую эпоху. Ведь подавляющее большинство их стало словами активного словарного запаса (*колхоз*, *партия* в значении «КПСС», *комсомольский*, *трактор*, *заочно*, *спецовка*, *телевизор*, *ГУМ*, *капрон*, *электричка*, *новостройка* и т. д.), некоторые из них, побывав в активном запасе, превратились в устаревшие слова (*наркомат*, *МТС*, *нэп*, *женотдел* и т. п.).

Таким образом, далеко не всякое новое, недавнее по времени своего возникновения в языке слово является неологизмом. Новое слово представляет собой неологизм лишь до тех пор, пока оно имеет на себе отпечаток свежести, пока говорящий осознает его предметно-логическую новизну или стилистическое своеобразие.

В качестве неологизмов современного русского литературного языка можно назвать, например, такие слова, как *прилуниться*, *космодром*, *луноход*, *видеотелефон*, *универсам*, *мини-юбка*, *макси-пальто*, *РТС*, *атомоход*, *кибернетика* и т. п.

Как только новое слово (и обозначаемое им явление) становится привычным и повседневным, оно теряет характер неологизма и превращается в самую рядовую единицу актуальной лексики языка.

Неологизмы различаются между собой как в отношении причин, которые повлекли появление их в языке,

¹ Об этих словах см. «Этимологический словарь русского языка», вып. 1, изд. МГУ, 1963.

² См.: Андр. Старостин, Большой футбол, М., 1959, стр. 198 и сл.

³ В 30-е годы говорили еще: *голкипер*.

так и со стороны их лексико-словообразовательного характера.

Неологизмы могут возникать в языке: 1) и как обозначение появляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т. д., 2) и как новое название того, что уже имеет в языке наименование. Возникновение неологизмов первого рода совершенно необходимо для языка, так как они представляют собой слова, без которых обойтись нельзя. Они появляются в языке потому, что в жизнь его носителя — русского народа — входят новые вещи, предметы, явления и т. д. Как неологизмы в свое время воспринимались слова *пароход* (этим словом обозначался первоначально и *паровоз*), *нигилизм*, *радиовещание*, *аэроплан*, *советский* и т. п.

Неологизмы второго рода возможны, но не обязательны, хотя и всегда в своем появлении обусловлены; они появляются в языке потому, что возникает необходимость дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в языке уже получило. В этой связи как неологизмы в свое время воспринимались прочно вошедшие сейчас в активный запас слова *предложный падеж* (придуманное М. В. Ломоносовым), *самолет*, *мифология*, заменившие соответственно слова *сказательный падеж* (введено М. Смотрицким), *аэроплан*, *баснословие*.

В зависимости от того, новое ли это слово вообще, или же это использование для выражения нового понятия уже существующего слова, неологизмы распадаются на лексические (образованные на базе существующих слов; заимствования из других языков) и семантические. Как семантические неологизмы (примеры лексических были даны выше в достаточном количестве) возникли в русском литературном языке второй половины XIX в. слова *подоплека*, *шумиха*, *помпадур* в современных значениях (ранее они обозначали соответственно: подкладка у крестьянской рубахи, сусальное золото, собственное имя любовницы Людовика XV).

Семантическими неологизмами в свое время были возникшие с соответствующими значениями лишь в советскую эпоху слова *Советы*, *партия* (в значении «Коммунистическая партия Советского Союза»), *призывы* (в значении «лозунги»), *плитка* (в значении «электрическая плитка»), *ясли* (в значении «детские ясли»), *пере-*

крыть (в значении «перевыполнить») и др. Таким же семантическим неологизмом еще совсем недавно было существительное *спутник*.

В зависимости от того, являются ли неологизмы простыми наименованиями чего-либо (если они возникают как названия появляющихся в жизни новых явлений), или также служат и определенным стилистическим целям (если они по-другому называют уже названное), их можно разделить на чисто номинативные неологизмы (*целинник, госхоз* и т. д.) и неологизмы номинативно-стилистические (*стиляга, показуха* и пр.).

В процессе развития языка в его (сначала пассивном) словарном запасе одинаково часто появляются слова как чисто номинативного, так и номинативно-стилистического характера. Последние обогащают и стилистическую систему русского языка в целом, и его синонимику в частности.

От неологизмов, являющихся реальными словами (правда, пассивного словарного запаса) языка, выступающих как воспроизводимые значимые единицы (правда, с ярким налетом новизны и свежести), следует отличать контекстуальные образования, которые очень условно можно назвать неологизмами второй степени. Такие контекстуально закрепленные образования художественно-выразительного характера обычно толкуются как индивидуально-стилистические неологизмы в одном ряду с неологизмами языковой системы. Однако это неверно.

В отличие от последних разбираемые контекстуальные образования не являются словами языка в полном смысле этого слова. Это словные морфемосочетания¹ и семантемы², существующие в качестве определенных номинативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие, тем самым, основным свойством любой единицы языкового стандарта — воспроизводимостью. Это образования, которые нами понимаются (и то иногда лишь в общих чертах), но совершенно не используются.

¹ Под словным морфемосочетанием понимается объединение морфем словного характера, не имеющее свойства воспроизводимости.

² Под семантемой понимается слово в значении, нехарактерном для него как воспроизводимой единицы языка.

Среди них, как и среди неологизмов языка, т. е. неологизмов первой степени, наблюдаются образования как чисто номинативные, так и номинативно-стилистические.

Если первые очень часто отрываются от «породившего» их контекста и превращаются с течением времени в неологизмы языка, которые после проверки временем затем, как правило, становятся фактами актуальной лексики, то вторые входят в общее употребление значительно реже.

Последнее особенно характерно для таких контекстуальных слов, которые возникают в художественной литературе и публицистике.

Именно здесь — в отличие от слов типа *целиноградец*, *космонавт*, *полимеры*, представляющих собой неологизмы на час, — мы сталкиваемся с такими лексическими единицами, которые в своем подавляющем большинстве как бы обречены быть вечными неологизмами.

Если мы рассмотрим ситуативные у проф. Лобастова и поэта С. Смирнова неологизмы *лунография* и *голубеграмма*, то их объединяет лишь первоначально творимый, а не воспроизводимый характер появления в речи. И причины появления, и дальнейшая судьба их разные. Впервые зафиксированное в статье проф. Лобастова «Триумф радиоэлектроники» в газете «Комсомольская правда» от 27/X 1959 г. существительное *лундграфия* (ср.: «Написана новая глава лунографии — географии луны») возникло в общении как слово из потребностей научной точности (сочетание *география луны* противоречиво, так как *гео* в слове *география* значит «земля» и буквально может быть передано как «землеописание луны»), именно поэтому оно в настоящее время стало воспроизводимым, правда, пока еще в качестве нового термина узкой сферы применения. Что касается существительного *голубеграмма* («Пошлите в трудные районы, Пусть эти птицы по утрам Несут, хотя бы всем влюбленным, Целебный дождь голубеграмм» — «Еще о голубях», «Вечерняя Москва», 19/X 1963 г.), то оно появилось у С. Смирнова в стихотворении как одно из средств поэтической образности, и никаких перспектив стать словом активного состава (ср. *телеграмма*) не имеет. Таким образом, слово *луно-*

графия выступает перед нами как неологизм на час, слово *голубеграмма* — как вечное индивидуально-художественное новообразование.

Слова, подобные слову *голубеграмма*, встречаются довольно часто (даже у писателей и публицистов, не ставивших себе целью создание принципиально новой манеры выражения) и хорошо демонстрируют неисчерпаемые возможности языка к обогащению новыми словами. Вместе с тем, поскольку «слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово, получившее место в лексике языка, есть событие в области мысли» (В. А. Жуковский), любой неологизм, появляющийся в языке, должен быть оправдан в своем возникновении или потребностью назвать познанное, открытое, изобретенное и т. д., или определенными стилистическими задачами. Однако важной является не только оправданность индивидуально-стилистического образования.

Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, не может быть новообразованием, созданным вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя. Созданное без соблюдения указанного слово будет мертворожденным словом, ненужным и бессмысленным набором звуков.

Образование новых слов без учета активных тенденций современного русского словообразования всегда было чуждо нашим писателям и публицистам, у которых неологизмы никогда не были самоцелью, всегда были образованиями, в которых чувствовалось и большое языковое чутье, и глубокое проникновение в дух русского языка, и художественная мера. Аномальными неологизмами характеризуется в целом лишь творчество некоторых символистов и футуристов (Хлебникова, Белого, Северянина и других). Именно поэтому их словоновшества оказались мертворожденными; не только те, которые были образованы совершенно произвольно, но и те, которые базировались на реальном материале русского языка (вроде слов *будетляне*, *речар*, *охотея*, *кричак*, *соноги*, *любавица* и др. Хлебникова).

Вечно новые слова контекстуального характера, используемые писателями и публицистами с определенными стилистическими целями (как уже отмечалось, слова, вызванные потребностями чистой номинации,

обычно с течением времени переходят в состав актуальной лексики), проявляют свою вербальность как неологизмы второй степени лишь в «родном» словесном окружении. Вне соответствующей ситуации они теряют свою выразительность и могут быть даже непонятны по своему значению. Использование авторских новообразований в тексте не с чисто номинативными, а с какими-либо стилистическими целями объясняется в основном задачами создания образной речи. Они в таких случаях употребляются или для свежего и яркого выражения понятий, или как средство для создания определенных художественных эффектов и тонкой словесной игры.

Именно указанным целям служат, например, новообразования *огончарован* («Я влюблен, я очарован, Словом, я *огончарован*» — Пушкин); *громокипящий* («Ты скажешь — ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, *Громокипящий* кубок с неба, Смеясь, на землю пролила» — Тютчев); *расканарейте* («Перья-облака, закат *расканарейте*» — Маяковский); *водь* («Мир осинам, что раскинув ветви, Загляделись в розовую *водь*» — Есенин); *сердцеколенопреклонение* («Прошу передать ей мое *сердцеколенопреклонение*, когда ты встретишься с ней где-нибудь на солнечном пути» — П. Вяземский); *хандрливый* («Отец мне ничего про себя не пишет, а это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын, т. е. мнителен и *хандрлив* (каково словечко?)» — Пушкин); *смартынить* и *спастерначить* («Ты можешь так или иначе *Смартынить* или *спастерначить*. Размер сломав, «Венецуэлу» вымучив, Ты можешь сделать под Владим Владимыча, Но разве в том новаторства основа, Чтоб повторять все то, что было ново» — Ошанин); *безмолвница* («Мне думалось: ты за моей спиной пойдешь теперь *безмолвницей* бескрылой» — Луконин); *праздница* («Завтра, значит, будет *праздница*. Праздник, Жанна, говорят. — Все равно, какая разница, Лишь бы дали шоколад» — Инбер); *соавторитет* («Он только спутник — не планета И, как соавтор с юных лет, Не приобрел авторитета, А только... *соавторитет!*» — Э. Кроткий); ср. также: *кюхельбекерно*, *полумудрец*, *тяжелозвонкое*, *стишистый* (Пушкин); *клоповодство*, *оберпоклонник*, *белибердоносец*, *пузырята* (Салтыков-Щедрин); *толкастика*, *кисляйство*, *драмописец*, *рафаэльствующая* (Чехов); *тайноведа*, *светодень*, *осоюзить*,

бесфонарный (Брюсов); *вышамк*, *язычить*, *Необходимыч*, *громоглавье* (Асеев), *громоверзила*, *стрекозёл*, *ангелица*, *раскапитан* (Маяковский), *сероглазница* (Коган), *критикёса* (Паперный), *заспектаклен* (С. Смирнов), *лесофея* (Северянин), *ро́здымь* (Грибачев) и т. д.

Впечатление свежести и необычности могут иметь не только авторские новообразования, но также архаизмы и слова ограниченной сферы употребления, поэтому при квалификации какого-либо слова как неологизма это обстоятельство следует учитывать особо.

Так, по общему впечатлению к новообразованиям типа указанных выше можно отнести и слова *тиховейный* («Только ветер *тиховейный* Розмаринный и лилейный В час, как дремлет дол и сад, Переносит аромат» — Бенедиктов) и *стыдь* («Не пить первача в дорасветную *стыдь*, На скучном зевать карауле, Три дня и три ночи придется проплыть — И мы паруса развернули» — Багрицкий). Однако это будет неверным: первое слово является архаизмом, а второе — диалектизмом.

Вместе с тем необходимо учитывать также и то обстоятельство, что слова — в силу активности морфологических способов словообразования в русском языке — могут создаваться неоднократно. Поэтому один факт наличия какой-либо лексической единицы среди архаизмов или слов ограниченной сферы употребления еще не является механически указанием, что она не представляет собой в данном контексте авторское новообразование. Нужны дополнительные аргументы: конкретно надо учитывать семантику слова, отношение слова к окружающим его словам, индивидуально-художественный стиль писателя и публициста, его знание языка прошлого и областной речи и т. д.

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса см.: Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, Гослитиздат, М., 1943; В. С. Габо, Новые слова в русском языке, «Родной язык в школе», кн. 5, 1924; Р. Р. Гельгардт, Помехи в понимании речевых сообщений, «Русский язык в школе», 1968, № 3; Н. П. Гринкова, Из наблюдений над некоторыми устарелыми словами русского языка, «Ученые записки ЛГПИ им. Герцена», т. 104, 1955; А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, изд. МГУ, 1957; В. Д. Левин, Средства языковой исторической стилизации в романах Ю. Н. Тынянова, Сб.

«Исследования по языку советских писателей», изд. АН СССР, М., 1959; С. И. О ж е г о в, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, «Вопросы языкознания», 1953, № 2; В. К. Ф а в о р и н, О некоторых особенностях языка и стиля исторического романа А. Н. Толстого, «Ученые записки Новосибирского пединститута», 1947; Н. И. Ф е л ь д м а н, Окказиональные слова и лексикография, «Вопросы языкознания», 1957, № 4; Н. М. Ш а н с к и й, Устаревшие слова в русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБОРОТ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

§ 28. Понятие «фразеологический оборот»

Кроме отдельных слов, в русском языке, как и во всяком другом, в качестве особых лингвистических единиц употребляются и более сложные образования, называемые обычно фразеологическими оборотами или фразеологизмами (*нищие духом, завить горе веревочкой, как пить дать; мал золотник, да дорог; медвежья услуга; не по дням, а по часам* и т. д.)

Поскольку фразеологические обороты выступают в языковой системе в ряду других значимых единиц, раскрытие их специфики и характерных признаков с необходимостью требует четкого отграничения фразеологизмов, с одной стороны, от свободных сочетаний слов, а с другой стороны, от отдельных слов.

Такой «двунаправленный» анализ фразеологического оборота как определенного языкового явления совершенно обязателен в силу двух причин: во-первых, фразеологический оборот функционирует в языке на правах отдельного слова, во-вторых, по своей структуре он является сложным целым, компоненты которого осознаются как целостные и самостоятельные слова. Только детальное и внимательное рассмотрение свойств, отличающих фразеологический оборот от свободного сочетания слов и сближающих его со словом, а затем свойств, дифференцирующих его от слова, позволяет точно определить понятие «фразеологический оборот» и, тем самым, то, что должно изучаться во фразеологии как лингвистической дисциплине.

Решение этого центрального теоретического вопроса фразеологии, само собой разумеется, имеет определяющее значение не только для построения фразеологической теории русского языка в целом и объективного и всестороннего изучения его фразеологической системы,

но и в лексикографической и преподавательской работе. О том, насколько важно и необходимо установление того, что представляет собой фразеологический оборот как значимая единица языка, особенно ярко свидетельствует существующая лексикографическая практика, когда в словарях в качестве фразеологизмов приводятся очень часто такие факты, которые никакого отношения к фразеологии не имеют.

Один пример из многих. В «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР рядом с настоящими фразеологизмами типа *за тридевять земель*, *свободный художник*, *брать на себя смелость*, *сердце болит*, *дама сердца*, *сесть в калошу*, *друг ситный*, *кошки скребут*, *слава богу*, *след простыл*, *взять свои слова обратно*, *как снег на голову*, *крыть нечем* и т. д. указываются такие факты, которые оборотами не являются, а представляют собой самые обычные, лишь отдельно написанные слова. В качестве таких мнимых фразеологизмов, толкуемых без каких-либо оговорок в названном словаре как фразеологические обороты, можно указать, например, слова: *на руку* — кстати, *с кондачка* — легкомысленно, *в обрез* — без излишка, *с жиру* — от избытка, *до смерти* — очень сильно, *ни-ни* — ни в коем случае, *еле-еле* — едва, *не жилец* — о том, кто долго не проживет, *на славу* — очень хорошо, *в свете* — с точки зрения, *свадьба-самокрутка*, *в сердцах* — рассердившись, *на круг* — приблизительно, *на словах* — устно, *рубаха-парень*, *к слову* — кстати, *на сносях* — о женщине, которая скоро должна родить, *не место* — не следует, *ни рожна* — ничего и т. д.

По вопросу о сущности фразеологического оборота как лингвистической единицы среди лингвистов до сих пор нет единого мнения. Об этом с достаточной ясностью говорят не только теоретические разногласия по поводу объема фразеологии, но и характер конкретных языковых фактов, трактуемых как фразеологические обороты.

Думается, достаточно одного показательного примера из книги «Русский язык» В. В. Виноградова. В число фразеологических оборотов в ней¹ на одинаковых пра-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 21—28.

вах включаются, например, и такие образования, как *собаку съел, последняя спица в колеснице, и дешево и сердито, ему и горюшка мало, час от часу не легче* (являющиеся, действительно, фразеологизмами), и такие образования, как *добро бы, потому что, даром что, так как* (превратившиеся в настоящее время уже в слова) ¹.

Недостаточная разработка общих вопросов фразеологии как лингвистической дисциплины сказывается также и в отсутствии исчерпывающего определения фразеологизма в отличие от других значимых единиц языка. Даже сравнительно недавно появившиеся формулировки ничем принципиально не отличаются от явно недостаточного — в силу слишком общего характера — определения фразеологического оборота, данного в свое время основоположником фразеологической теории Ш. Балли ² («Сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами»). Более того, многие исследователи фразеологии (в том числе и русского языка), подробно рассматривая различные виды и типы фразеологизмов, избегают определения фразеологического оборота в целом. Совершенно ясно, что правильное определение фразеологизма невозможно без учета его отличий от слова и свободного сочетания слов.

В уяснении последнего особенно много в советской лингвистике было сделано акад. В. В. Виноградовым и проф. А. И. Смирницким ³.

Учитывая дифференциальные признаки фразеологического оборота как определенной лингвистической единицы, его можно определить следующим образом: фразеологический оборот — это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного

¹ Об этом см. ниже.

² Ш. Балли, Французская стилистика, Изд. иностр. лит., М., 1961, стр. 90.

³ См.: В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. Сб. «Труды юбилейной сессии ЛГУ», Л., 1946; его же, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Сб. «Шахматов», изд. АН СССР, М., 1946; его же, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5; его же, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, § 4; А. И. Смирницкий, К проблеме о слове (проблема «отдельности слова»). Сб. «Вопросы теории и истории языка», изд. АН СССР, М., 1952; его же, Лексикология английского языка, М., 1956, и т. д.

характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре.

Основным свойством фразеологического оборота, коренным образом отграничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время сближающим его со словом, является воспроизводимость. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы. Так, если свободные сочетания слов *За девять лет он ни разу не простыл, Все свои вещи она решила взять обратно, Крыть крышу оказалось нечем* и т. д. создаются из отдельных слов во время общения, то фразеологические обороты *за тридцать земель — далеко, след простыл — нет, взять свои слова обратно, нечем крыть* и проч. извлекаются из памяти целиком, в виде готовых целостных образований, точно так же, как отдельные слова¹.

Обороты *вводить в заблуждение, заправлять арапа, капля в море, всего ничего; сломя голову, во весь дух* и т. п. не образуются говорящими в речи из соответствующих слов (*вводить, в, заблуждение, заправлять, арап* и т. д.), а воссоздаются в целом, как синонимичные им слова *обманывать, мало, быстро* и т. д.

О. С. Ахманова считает, что «основным критерием для отграничения их (фразеологических оборотов. — Н. Ш.) от словосочетаний в собственном или общем смысле этого термина является именно характер их соотношения с действительностью», «цельность номинации»², однако это не совсем точно: номинативная цельность фразеологических оборотов, направленность их на «предмет» в общем не является их всеобщим и определяющим свойством и само, как таковое, обусловлено их воспроизводимостью. Свойством воспроизводимости объясняются все остальные признаки, одинаково присущие словам и фразеологическим оборотам, прежде всего устойчивость в составе и структуре и целостность значения.

Фразеологические обороты являются значимыми единицами, для которых характерна своя собственная семантика, существующая у них сама по себе, незави-

¹ Заметим, что это свойство присуще лишь словам, существующим в словарном составе языка, но оно не характерно для слов, возникающих в момент говорения, об этом см. стр. 161.

² О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957, стр. 169.

симо от значений составляющих их компонентов даже тогда, когда эта семантика соответствует сумме значений компонентов. Иначе говоря, в смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое даже в том случае, когда их семантика (подобно «нефразеологизованным» словам типа *внимательность, формирование, волгоградский, охать* и т. д.¹) зеркально отражает значения образующих их слов; ср. обороты *всерьез и надолго, поджигатели войны, на данном этапе* и пр.

Фразеологические обороты состоят из определенных, всегда одних и тех же частей, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг за другом в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова. Любая модификация в составе фразеологического оборота, любое — пусть самое небольшое — изменение порядка следования компонентов осознаются говорящими как новообразования, лежащие за пределами системы языка точно так же, как и неологизмы лексические. Так, выражение Р. Рождественского *Лучше рано, чем поздно!* (созданное им на основе оборота *Лучше поздно, чем никогда*²) в отрывке *И не смейте нас уговаривать тайком, делая загадочные позы: «Рано вам, ребятки, разбираться в таком...» Рано? Лучше рано, чем поздно!..* справедливо воспринимается как неологизм фразеологического характера, подобный, например, словным морфемосочетаниям *киновиденье* (Л. Леонов, *Русский лес*, М., 1954, стр. 176), *кошкизм* («Вечерняя Москва» 12/I 1963 г.), *почтотерапия* («Известия», 21/I 1953 г.), *беломысый* (М. Шолохов, *Тихий Дон*, т. 3, Гослитиздат, 1953, стр. 360), *зернопад* (А. Белевич, *Четыре ключа*, «Правда», 1/I 1963 г.) и т. д., называемым иногда потенциальными словами³.

¹ О них см. наши «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии», Учпедгиз, М., 1959, стр. 49.

² Фразеологизм представляет собой кальку французской пословицы *plus tôt vaut tard que jamais*, в свою очередь калькирующей выражение из «Истории народа римского» Тита Ливия.

³ См., например: А. И. Смирницкий, *Объективность существования языка. Материалы к курсу языкознания*, изд. МГУ, 1954, стр. 17; Он же, *Лексикология английского языка*, Изд. лит. на иностр. яз., М., 1956, стр. 18.

Заглавие фельетона *Аппетит уходит во время еды* (в фельетоне рассказывается о плохой работе некоторых ресторанов на московских вокзалах железной дороги), образованное на базе фразеологизма *аппетит приходит во время еды*¹ путем одной лишь «мены приставки» *при-* на приставку *у-*², является таким же неологизмом во фразеологии, как *гражданина* (Леонов) — в лексике.

Обороты *крошечные дни, забытые разумом* выступают в стихотворении С. Наровчатова «Регулировщица» (*Если бы такой же в днях крошечных Мудрый знак судьбой дарился мне, На забытых разумом, сердешных Путь-дорогах в песенной стране!*) в качестве таких же сознательных переделок фразеологизмов *крошечный ад, забытый богом*, как словные неологизмы *семиюродная* («Вечерняя Москва», 31/XII 1962 г.) и *сволочизм* (И. Ильф, Е. Петров, Разносторонний человек).

Имея в виду фразеологические обороты дублетного характера типа *гонять лодыря — гонять собак, от всей души — от всего сердца, задать баню — задать перцу, с головы до ног — с головы до пят, задать лататы — задать стрекача* и т. д., можно подумать, что в отдельных случаях состав компонентов фразеологизма «способен» меняться, однако это на самом деле не так. В действительности такого рода обороты по отношению друг к другу представляют собой вполне самостоятельные и одинаково воспроизводимые единицы³, подобные синонимическим словам с одной и той же непроизводной основой (ср. *верить — веровать, читка — чтение, ароматичный — ароматический* и т. п.).

Некоторые группы фразеологических оборотов (а именно — включающие в свой состав глаголы) спо-

¹ Фразеологизм представляет собой неточную кальку французского оборота *l'appetit vient en mangeant*, возникшего на базе свободного сочетания слов, взятого из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

² Ср. построенный на таком же антонимическом «отталкивании» от общенародного оборота фразеологический неологизм И. Ильфа и Е. Петрова *бол-бола больше*: «Здесь — двенадцать незамужних дочерей и не мал-мала меньше, а некоторым образом *бол-бола больше*».

³ Подробнее о дублетных фразеологизмах см. ниже, стр. 195—196.

собны не к одному, а к двоякому расположению своих компонентов (ср. *сгореть со стыда — со стыда сгореть, тянуть волынку — волынку тянуть, бить баклуши — баклуши бить* и т. д.), однако это не означает, что в них местоположение компонентов является незакрепленным: и в таких фразеологизмах местоположение образующих слов постоянно и фиксированно, но не единообразно, а в двух одинаково возможных вариантных формах¹.

Кроме уже отмеченных свойств, в одинаковой степени присущих как отдельным словам, так и фразеологическим оборотам, для подавляющего большинства последних характерно также и такое, казалось бы, чисто «словное» свойство, как непроницаемость: основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных лингвистических единиц, внутрь которых вставки обычно невозможны (ср. *от мала до велика, во цвете лет, на седьмом небе, дело в шляпе, белый гриб, куры не клюют, всегда готов, сломя голову* и пр.). Правда, у многих фразеологических единств² непроницаемости не наблюдается, и они выступают как целостные образования, способные функционировать дистантно (ср. *Какой дал папа ему сегодня нагоняй!; Ребята одержали вчера большую победу; Ни зги буквально не видно* и т. д.), однако это явление не означает тем не менее способности оборота «распадаться на части»³.

Таким образом, в отличие от свободных сочетаний слов фразеологизмы предстают перед нами как устойчивые словосочетания, воспроизводимые и, значит, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований. Им характерно собственное, заложенное в них самих значение, они состоят всегда

¹ Заметим, что нечто подобное отмечается также и в отдельных сложных словах (ср.: *половодье — водополье, скалозуб — зубоскал* и др.).

² О специфике фразеологических единств по сравнению с другими типами фразеологических оборотов с точки зрения семантической слитности см.: В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 24—26.

³ О похожих, но все же совершенно иных явлениях в сфере отдельных лексических единиц см. на стр. 22 и сл.

из одних и тех же слов (местоположение которых строго фиксировано) и, как правило, являются непроницаемыми. Так как только что перечисленные свойства в той же мере относятся и к словам, то естественно возникает вопрос, чем отличаются фразеологические обороты от слов.

Надо сказать, что важнейшее отличие основной массы фразеологизмов от подавляющего большинства отдельных слов выступает довольно четко и определенно. В качестве «лакмусовой бумажки», сравнительно легко позволяющей провести яркую демаркационную линию между этими двумя одинаково воспроизводимыми и целостными единицами, здесь могут быть использованы и используются два факта — структурные особенности и характер грамматической оформленности.

В самом деле, «классические» слова являются образованиями, состоящими из частей, которые вне слова, самостоятельно употребляться не могут. Они делятся (если не представляют собой корневых слов, не обладающих формами словоизменения) на морфемы, реально существующие лишь в слове (ср. *молч-а-ть*, *супруж-еств-о*, *дал-ек-о* и т. д.). Что же касается большинства фразеологических оборотов, то они в отличие от «классических» слов состоят не из морфем, а из целых слов со всеми свойственными для них формами (ср. *держать язык за зубами*, *узы Гименея*, *у черта на куличках* и др.).

Таким образом «классические» слова относятся к большинству фразеологизмов как воспроизводимые языковые единицы низшего порядка к воспроизводимым единицам высшего порядка: слова состоят из элементарных значимых единиц языка — морфем, фразеологические обороты — из слов.

Отмеченные дифференциальные признаки в структуре отдельных слов и фразеологизмов, а также в специфике составляющих их частей тесно связаны с наблюдающейся различной грамматической оформленностью этих значимых единиц.

«Классические» слова, состоящие из морфем, выступают как образования единооформленные. Что касается резко противопоставленных им фразеологизмов, то они в качестве единиц, образованных из самостоятельных

слов, функционируют в языке как отдельно оформленные образования¹.

Поскольку слова, составляющие фразеологические единства, сочетания и выражения, обладают яркой семантической и морфологической самостоятельностью, отграничение фразеологизмов этого типа от отдельных слов ни с теоретической, ни с практической точки зрения особых затруднений не представляет. Во всех отмеченных разрядах фразеологизмов компоненты — при всей их связанности друг с другом — выступают как явно отдельные слова, имеющие то или иное значение и систему грамматических форм (ср. *сгореть со стыда, безысходная тоска, борьба за мир* и т. д.). Трудности (и иногда очень серьезные) возникают тогда, когда предметом рассмотрения оказываются отдельные слова и фразеологические сращения², т. е. обороты, представляющие собой немотивированные эквиваленты слова, в которых составляющие их компоненты семантической отдельности не имеют совершенно.

Не случайно фразеологические сращения (типа *собаку съел, точить ласы, во всю ивановскую, была не была, неровен час, очертя голову, бить баклуши* и т. д.), основным свойством которых по сравнению с другими разрядами фразеологических оборотов является «абсолютная невыводимость значения целого из компонентов»³, некоторыми учеными интерпретируются как своеобразные слитные⁴, потенциальные⁵, синтаксически составные⁶ и т. д. слова.

В самом деле, если мы зададим себе вопрос, чем, например, отличается фразеологическое сращение *перемыкать косточки* от синонимического ему слова *сплетни-*

¹ О понятиях цельнооформленности (т. е. единооформленности) и отдельнооформленности см. статью А. И. Смирницкого «К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»)», «Вопросы теории и истории языка», изд. АН СССР, М., 1952, стр. 199 и сл.

² Об этих разрядах фразеологических единиц см. ниже, § 37.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 23.

⁴ См.: В. К. Поржезинский, Введение в языковедение, изд. 3, М., 1916.

⁵ См.: Л. В. Щерба, Что такое словообразование? «Вопросы языкознания», 1962, № 2, стр. 99.

⁶ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 24, 28.

чать, то в целом резкой и определенной лексико-грамматической разницы не найдем. Правда, наличие в языке слов *перемывать* и *косточки* и их раздельное написание будут нас толкать на интерпретацию этого фразеологического сращения как известной совокупности соответствующих слов, однако вряд ли мы будем вправе (имея в виду синхронный план) отождествлять между собой этимологически, между прочим, несомненно тождественные¹ отдельные слова свободного употребления *перемывать* («перемыть» — мыть) и *косточки* (кости), с одной стороны, и компоненты идиомы *перемывать, косточки* — с другой. Ведь последние, как таковые, не имеют своего собственного, самостоятельного значения (а в традиционном понимании слово без значения не существует) и, следовательно, лексически нерасчленимы. Это значит, что образование *перемывать косточки* (сплетничать) не состоит лексически из слов *перемывать* и *косточки*, оно представляет собой «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей»², лишь внешне похожих на слова, а в действительности находящихся с соответствующими словами свободного употребления в чисто омонимических отношениях³.

Таким образом, противопоставлять фразеологические сращения отдельным словам как образования, состоящие из слов, образованиям, состоящим из морфем, нельзя и прежде всего потому, что в составе фразеологических сращений нет настоящих слов, которым были бы присущи важнейшие свойства лексических единиц.

Фразеологические сращения представляются нам составными образованиями, распадающимися на какие-то части, однако эти части не являются словами в полном

¹ Об этимологии этого выражения см.: В. В. Виноградов, Из истории русской лексики и фразеологии, «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. 3, 1954, стр. 3 и сл.

² В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 23.

³ Ср. замечание В. В. Виноградова: «Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными отдельными словами языка, то это их соотношение — чисто омонимическое» (там же, стр. 22).

смысле этого слова, так как они не имеют основного вербального признака — самостоятельной семантики¹.

Что же в таком случае характеризует фразеологическое сращение в отличие от слова, каков дифференциальный признак, недвусмысленно отграничивающий первую лингвистическую единицу от второй? Указанный признак не является универсальным для всех разновидностей слов и фразеологических оборотов и дифференцирует лишь некоторые их разновидности. С одной стороны, в русском языке существуют слова, состоящие из разнооформленных в грамматическом отношении слов, т. е. слова, в которых составляющие их части обладают формами словоизменения (ср. *изба-читальня*, *синий-синий* и т. п.). С другой стороны, русскому языку свойственны не только идиомы типа *железная дорога*, *перемывать косточки*, в которых составляющие их компоненты в известной мере реализуют свои формы словоизменения, свойственные им как словам свободного употребления, но и такие, в которых грамматической разнооформленности, как таковой, нет (ср. *спустя рукава*, *во всю ивановскую*, *собаку съел* и т. д.). В таком случае, может быть, это то, что В. В. Виноградов называет «следом былой лексической расчлененности словосочетания»², именно «сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения»³.

Анализ различных фразеологических сращений и некоторых структурно-генетических типов слов заставляет ответить отрицательно и на это. Во-первых, такое сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения наблюдается лишь иногда⁴. Во-вторых, это явление характерно и для некоторых рядов слов: 1) для слов, возникших в результате слияния сочетания слов в одно слово, т. е. с помощью лексико-синтаксического способа словообразования (ср.

¹ Ср. правильное замечание по этому поводу М. В. Панова: «Было бы совершенно непоследовательно утверждать, что слово — нечто осмысленное, а потом настаивать, что в сочетании *собаку съест* — два слова» («О слове как единице языка», «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, вып. 5, 1956, стр. 163).

² В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же.

сегодня, заблагорассудится, вышеизложенный, домотканый, умалишенный и т. д.), и 2) для слов, образованных путем суффиксации словосочетаний (ср. *никчемность, потусторонний, отсебятина, сногшибательный* и пр.).

В самом деле, образования типа *собаку съел* и *сегодня* с точки зрения сохранения ими внешних грамматических границ между частями абсолютно ничем друг от друга не отличаются.

Как видно, ни лексически, ни грамматически фразеологические сращения от слов четко и определенно не отграничены, и демаркационная линия между этими лингвистическими единицами лежит не здесь.

Основным признаком, который дифференцирует слово и фразеологическое сращение, является акцентологическое оформление соответствующих языковых фактов: слово (если оно не безударно) предстает перед нами как лингвистическая единица с одним основным ударением, в то время как фразеологическое сращение как лингвистическая единица — с двумя и более¹.

Указанные выше в качестве примеров образования *собаку съел* и *сегодня* отличаются друг от друга как элементы русского языка не общими лексико-грамматическими признаками, а своим фонетическим «оформлением»: слово выступает или как часть фонетического слова (если оно безударно), или как фонетическое слово, фразеологическое сращение всегда состоит не менее чем из двух фонетических слов.

Сказанное позволяет определить фразеологическое сращение как семантически неделимый фразеологический оборот, состоящий из двух или более фонетических слов, никакого значения отдельно не имеющих. «Слова» в составе фразеологических сращений функционируют как одномерные единицы фонетического характера, как чистые звучания, имеющие каждое (если оно не безударно, ср. и в *сéмо* и *овáмо*) свое самостоятельное ударение.

Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что фразеологические сращения в лексико-грамматиче-

¹ На характер ударения как на один из дифференциальных признаков слова, с одной стороны, и устойчивого словосочетания, с другой, указывает, в частности, приводя слова типа англ. *black-board*, немецк. *Eisenbahn* и др., А. И. Смирницкий в статье «К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»)» на стр. 189.

ском и фонетическом отношении образуют промежуточную группу лингвистических единиц¹, стоящих по своей природе значимой единицы ближе к слову, нежели к фразеологическим единствам, сочетаниям и выражениям, явно состоящим из слов. От слов фразеологические сращения отличает лишь различное фонетическое оформление.

В свете изложенного становится ясным, насколько важно при отграничении фразеологических сращений от слов учитывать традиционность многих наших отдельных написаний, сейчас уже совершенно не отражающих реальное лексическое членение речи. Далеко не все, написанное отдельно, является в настоящее время действительным словом: магическому воздействию орфографии (при невозможности использовать другие критерии) должно быть противопоставлено рассмотрение подлежащих определению фактов в аспекте акцентологическом.

Так, совершенно неверно трактовать как фразеологические сращения слова *так как, стало быть, добро бы, потому что, даром что, пока что, что за* и т. д. только на том основании, что они пишутся отдельно. Это будет простой данью орфографии, ничего общего с научным объяснением языковых фактов не имеющей, так как здесь нет ни лексико-грамматической, ни фонетической расчлененности. Все они не только употребляются в языке в виде неразложимого семантического целого, но и обладают одним основным ударением, как это свойственно одиночным самостоятельным словам. Никакой разницы в этом отношении между ними и словами типа *чтобы, тотчас, также* и т. п. нет. Отличаются они лишь на письме, а не по своему лингвистическому существу. И напротив, *сэмо и овáмо, ничтóже сумня́шеся, пáче чáяния* и т. п., включающие в свой состав не существующие сейчас в языке «ирреальные» слова, должны быть признаны фразеологическими сращениями, не словами, а оборотами в силу того, что они имеют два основных ударения, делятся на два речевых такта.

Смещение синхронического плана языка с диахроническим и наивная вера в орфографию приводят к тому, что в качестве фразеологизмов — особенно в словарях

¹ См. сходные положения в статье М. В. Панова «О слове как единице языка» на стр. 163.

(см. стр. 168) — трактуются даже такие факты, как *до упаду*, *в свете* (с точки зрения), *на руку* (кстати) и т. п., графически выступающие как предложно-падежные формы имен существительных. Однако это совершенно неверно.

Как известно, предложно-падежная форма представляет собой нефразеологическое по своему значению соединение предлога и существительного, ситуативно творимое говорящим в процессе общения. Как определенная материальная единица она создается всякий раз, когда в этом возникает необходимость в речи, ее семантика нефразеологична и равна сумме значений предлога и существительного, она проницаема, в ее составе не может быть ничего, что не употреблялось бы вне, в составе других сочетаний слов (ср. *из воды*; *за домом*; *к слову* в предложении *К слову как определенной лингвистической единице надо подходить всесторонне*; в *сердцах* в словосочетании *в сердцах людей* и т. д.).

Ясно, что образования типа *к слову* (кстати), *в сердцах* (рассердившись) и пр., и тем более образования вроде *до упаду*, *с кондачка* и т. п. (см. примеры на стр. 168), предложно-падежными формами не являются: они воспроизводимы как целостные значимые единицы, непроницаемы в структурном отношении и имеют «фразеологизованное» значение, совершенно несоотносительное со значением этимологически выделяемых компонентов.

Поскольку в этих образованиях наблюдается всего одно ударение, они не могут быть интерпретированы и как фразеологизмы: в них нет даже фонетической расчлененности, свойственной фразеологическим сращениям. Это самые обычные слова, лишь раздельно написанные¹. И здесь орфография отражает не современное лексическое членение речи, а языковое прошлое. Кроме раздельного (добавим — лингвистически неверного²) написания, они ничем не отличаются от самых обычных «классических» слов, входящих в разряд наречий (ср. точное

¹ То же самое наблюдается и в словах типа *не жилец* (ср.: *неряха*), *не место* — не следует (ср.: *недаром*), *ни рожна* — ничего (ср.: *ничуть*) и т. п.

² Об этом см. в нашей статье «Замечания по академическому своду «Правил русской орфографии и пунктуации», «Русский язык в школе», 1954, № 6, стр. 25—29.

структурно-семантическое соответствие слов *до упаду* и *дотла*, *с жиру* и *сразу*, *с ведома* и *снаружи*, *с кондачка* и *спозаранку*, *на руку* (кстати) и *напоказ*, *на славу* (очень хорошо) и *назло*, *к слову* (кстати) и *кстати*, *в свете* (с точки зрения) и *вволю*, *до смерти* (очень сильно) и *доверху*, *на словах* (устно) и *наверху*, *на сносках* и *напоследках* и т. д.).

§ 29. Структура фразеологического оборота

В качестве воспроизводимой языковой единицы, состоящей из слов, фразеологический оборот всегда выступает как определенное целое. Составляющие его слова представляют собой систему связанных и так или иначе соотносенных друг с другом компонентов, проявляющих себя в качестве значимых частей по-разному, однако, несомненно, аналогично значимым частям слова.

«Морфемный» характер слов в фразеологическом обороте особенно ярко виден при сопоставлении фразеологических оборотов и синонимичных им слов: одни морфемы и даже целые слова выполняют роль формообразующих аффиксов, другие слова и их части являются выражением вещественного значения фразеологического оборота, т. е. выполняют роль основы слова. Так, во фразеологизмах *подняла бокал*, *хранить молчание*, *подруга жизни*, соответственно равнозначных «выпила», «молчать», «жена», вещественное значение выражается частями *подн-*, *бокал*, *молчание* и *подруг-*, *жизни*, а грамматические значения — частями *-я-л-а* (ср. *поднимала*, *поднял* и т. д.), *хранить* и *-а* (ср. *подругу*, *подругами* и т. д.) по своему существу так же, как в их словных синонимах (ср. *вы-пи-л-а* рядом с *выпивала*, *выпил* и т. д., *молч-а(ть)*, *жен-а* и т. п.).

Различное проявление слов как значимых частей фразеологического оборота зависит и от морфологического характера, и от семантической слитности фразеологического оборота (об этом см. ниже).

По своей структуре фразеологические обороты с учетом общего характера сочетания и грамматически стержневого слова делятся на целый ряд групп (о них см. § 49—53), в ряде случаев соотносительных с теми, на которые они распадаются с точки зрения их общего лексико-грамматического значения.

Особой структурной слитностью обладают такие фразеологические обороты, слова в которых совершенно не способны к реализации каких-либо морфологических форм (ср. *спустя рукава, от нечего делать* и т. д.); не случайно устойчивые сочетания слов этого типа назывались в свое время слитными словами¹.

Очень часто, как об этом уже говорилось (см. § 28), такие фразеологизмы отличаются от слов, возникших в результате лексико-синтаксического способа словообразования, лишь акцентологически (ср. *за здорово живешь — заблагорассудится, в один голос — втридорога, собаку съел — сумасшедший, задним числом — сегодня* и т. д.).

§ 30. Значение фразеологического оборота

Среди фразеологических оборотов с точки зрения их значения следует выделить две группы в зависимости от того, с чем — словом или предложением — они соотносятся. Одну группу составляют фразеологизмы, равнозначные по своей семантике предложению (такие обороты являются предложениями и по структуре: *не боги горшки обжигают, дело горит, молоко на губах не обсохло, только держись, сердце жжет* и т. д.), другую образуют фразеологизмы, выступающие как семантические эквиваленты слов и словосочетаний (ср. *как в аптеке — точно, дар слова — красноречие, держать язык за зубами — молчать, набить оскомину — надоест, в час по чайной ложке — медленно* и т. д., см. § 37—39).

Группа фразеологических оборотов, равнозначных слову или словосочетанию, обладает значением, во всех отношениях аналогичным лексическому значению слова. Это значение может быть во фразеологизме единственным (фразеологизмы с такой семантикой можно назвать однозначными или моносемичными: *оставить в дураках — одурачить, нечистая сила — черт, отправиться к праотцам — умереть, семи пядей во лбу — очень умный* и т. д.). Однако оно может быть в обороте также и наряду с другим или с другими зна-

¹ В. К. Поржезинский, Введение в языковедение, изд. 3, М., 1916, стр. 184.

чениями (фразеологизмы с такой семантикой можно назвать многозначными или полисемичными: *дурак дураком* — очень глупый человек; в глупом положении; *не по зубам* — трудно разжевать; не доступно пониманию; *во весь рост* — выпрямившись; во всем своем значении и др.). В последнем случае одно значение выступает как основное, исходное, а другое или другие — как производные, вторичные.

Так, в многозначном фразеологическом обороте *разинув рот* наблюдаются два значения: 1) «широко раскрыв рот» и 2) «в изумлении». Первое из них является исходным, прямым, второе выступает как производное, переносное, возникшее на базе прямого, номинативного, значения. Как правило, многозначные фразеологические обороты в своих разных значениях различаются также и степенью семантической слитности: *разинув рот* — широко раскрыв, рот — является фразеологическим сочетанием (см. § 39), *разинув рот* — в изумлении — представляет собой фразеологическое единство (см. § 38).

Отмечая наличие в русском языке многозначных фразеологических оборотов, вместе с тем следует отметить, что явление полисемии в фразеологической системе русского языка наблюдается значительно реже и не носит такого яркого и разнообразного характера, как в лексической системе, в сфере отдельных слов: подавляющее большинство фразеологизмов однозначны, среди многозначных почти все имеют не более двух значений.

Как и в словах, различия между фразеологическими оборотами русского языка в смысловом значении не ограничиваются тем, что одни обороты выступают как однозначные, а другие как многозначные. Они отличаются друг от друга и самим характером значения, его специфическими особенностями и проявлением в устойчивом сочетании слов.

В них наблюдаются те же три основных типа значений, которые принято выделять в лексических единицах: свободное значение, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное. Так, фразеологические обороты *носить на руках* — обожать, *дом отдыха*, *анютины глазки* имеют свободное значение номинативного характера. Связи и отношения этих фразеологизмов со

словами определяются, как и аналогичных по характеру значения слов *любить, санаторий, василек*, предметно-логически, т. е. соотношениями самих обозначенных фразеологическими оборотами явлений действительности, и поэтому являются широкими и разнообразными.

Совершенно другими по своему существу, узкими и строго ограниченными, будут связи и отношения со словами у таких фразеологизмов, как *без задних ног* — очень крепко, *благим матом* — очень сильно, *во все лопатки* — очень быстро и т. д. Все они будут иметь уже не свободное значение номинативного характера, а фразеологически связанное, реализующееся лишь в соединении с определенными словами, принадлежащими, если их несколько, к одной и той же семантической сфере.

Действительно, названные выше обороты выступают всегда в соединении с одними и теми же словами. Фразеологический оборот *без задних ног* употребляется в настоящее время лишь в соединении со словом *спать*, фразеологический оборот *благим матом* как значимая единица реализуется только в соединении со словами *кричать, реветь, орать*, фразеологический оборот *во все лопатки* существует прежде всего рядом со словом *бежать* и т. п.

Связи этих фразеологических оборотов с другими словами не являются свободными, обусловленными предметно-логически, как у фразеологизмов, имеющих свободное значение. Они определяются лексико-фразеологической системой современного русского литературного языка и обусловлены ее историческим характером. Например, *во все лопатки*, т. е. очень быстро, можно не только *бежать*, но и *работать, писать, уставать, лететь, забыть* и т. д. Поэтому, если бы связи фразеологического оборота *во все лопатки* определялись предметно-логически, он должен был бы связываться не только со словом *бежать*, но и со словами *работать, писать, расти, забыть, уставать* и др. Однако он соединяется лишь со словом *бежать*.

Фразеологические обороты фразеологически связанного характера (ср. *как дома* — непринужденно, *до корней волос* — очень сильно, *на чем свет стоит* — очень сильно, *как убитый* — очень крепко и т. д.) в своей реализации в качестве значимых единиц аналогичны сло-

вам, имеющим фразеологически связанное значение. Как такие слова (ср. слово *чревато*, известное только в обороте *чревато последствиями*, *скоропостижная*, известное только в обороте *скоропостижная смерть*, *щекотливый*, известное лишь в оборотах *щекотливый вопрос* и *щекотливое положение* и т. д.) они также известны лишь в качестве компонентов более сложных словесных образований, являющихся своеобразными «фразеологическими оборотами второй степени» (ср. *чувствовать себя как дома*, *быть как дома*, *покраснеть до корней волос*, *ругаться на чем свет стоит*, *спать как убитый* и т. д.), с точки зрения степени семантической слитности представляющих собой такие фразеологические сочетания (о них см. § 39), в которых компонентом свободного употребления является слово, а компонентом связанного употребления — фразеологический оборот.

Кроме фразеологических оборотов, имеющих свободные значения, и фразеологических оборотов, для которых характерны значения фразеологически связанные, в фразеологической системе русского языка существует также сравнительно немногочисленная группа фразеологических оборотов, обладающих синтаксически обусловленным значением, реализующимся в них лишь в том случае, если они выступают в предложении в качестве сказуемого (ср. *чуело гороховое*, *слуга покорный*, *кровь с молоком*, *из молодых да ранний*, *палка о двух концах* и т. п.).

В роли других членов предложения отдельные фразеологизмы с таким значением могут употребляться только анафорически, т. е. во фразе вслед за предложением, в котором они были сказуемыми.

Как и слова с синтаксически обусловленным значением (ср. *молодец*, *загляденье*, *бред*, *змея*, *шляпа* и т. д.)¹, фразеологические обороты, обладающие подобным значением, представляют собой не нейтральные названия явлений действительности, а их экспрессивно-эмоциональные характеристики положительного или отрицательного характера.

¹ О словах с синтаксически обусловленным значением см. выше, § 3, и В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слов, «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

§ 31. Состав фразеологического оборота

Одной из наиболее характерных особенностей фразеологического оборота в качестве воспроизводимой единицы языка является постоянство его состава. Любое устойчивое сочетание слов состоит всегда из одних и тех же слов. Всякое изменение состава фразеологизма воспринимается как его индивидуально-художественная трансформация, т. е. как ситуационный, или контекстный, фразеологический неологизм (ср.: *телега внутреннего сгорания* у И. Ильфа и Е. Петрова, *в недоброе старое время* у И. Рябова, *Делать муху из слона нерентабельно: слишком много отходов* у Э. Кроткого, *артезианская глубина* у В. Маяковского¹ и т. д., подробнее об этом см. § 72).

Определение состава фразеологического оборота в целом трудностей не представляет. Однако необходимо строго разграничивать слова, входящие во фразеологизм, от тех, которые находятся вне его.

Устанавливая границы фразеологического оборота, следует иметь в виду, что устойчивое сочетание слов всегда представляет собой воспроизводимую единицу (и, следовательно, значимую единицу с постоянным составом).

Если это фразеологизм, эквивалентный слову, то в предложении он всегда выступает как единица неразложимая, выполняя роль какого-либо, но обязательно одного его члена. Несколько примеров.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова в числе фразеологизмов приводится сочетание *передать из рук в руки* (стр. 679), объясняемое как «непосредственно передать кому-нибудь». В действительности, устойчивым сочетанием слов здесь является адвербиальный оборот *из рук в руки* (имеющий, правда, фразеологи-

¹ Вместо фразеологического сочетания *артезианский колодец* (этот оборот является фразеологической полукалькой (об этом см. § 64) франц. puits artésien):

*Пуд, как говорится, соли столовой съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы добыть
драгоценное слово
из артезианских людских глубин.*

чески связанное значение и реализующийся лишь в сочетании со словом *передать*), по своей сути такой же, как оборот *верой и правдой*, лексический состав которого установлен в названном словаре совершенно правильно. Ведь *передать из рук в руки* не является целостным по своему значению и в предложении выполняет функцию не одного члена предложения, а двух, что совершенно ясно видно даже из толкования этого сочетания в словаре («непосредственно передать кому-нибудь»).

В том же словаре как фразеологизм дается *в духе* и *не в духе* (стр. 177), хотя на самом деле лексический состав данного фразеологизма является обширнее и в качестве обязательного компонента включает также глагол *быть* (в настоящем времени — в нулевой форме).

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» в качестве фразеологического оборота указано сочетание *падать, как снег на голову* (т. 9, стр. 14), хотя речевая практика совершенно ясно указывает (даже по данным того же словаря: *налет был как снег на голову; как снег на голову явился он сам*; т. 3, стр. 214), что слово *падать* в лексический состав фразеологизма не входит. В этом же словаре (т. 9, стр. 455) как фразеологизм указывается слово *с перевальцем*, тогда как в данном случае глагол *ходить, идти* составляет неотъемлемую часть оборота и его лексический состав должен быть определен в виде *ходить (идти) с перевальцем*.

Таким образом, при установлении лексического состава фразеологического оборота необходимо отчленять постоянное от переменного, целостный по значению оборот от семантически самостоятельных единиц, первичные фразеологические образования от «фразеологических оборотов второй степени», а также учитывать формы функционирования фразеологизма, его различные варианты и т. д.

§ 32. Фразеологический оборот в его отношении к части речи

Если фразеологический оборот не представляет собой законченной информации, т. е. не является предложением как по структуре, так и по смыслу, то он

всегда выступает в предложении синтаксически неразложимым, в качестве того или иного его члена.

Преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения целиком зависит от его отнесенности к определенной части речи, т. е. от его лексико-грамматического значения. Например, фразеологизмы *к шапочному разбору* — слишком поздно, *раз плюнуть* — легко, *рукой подать* — близко, *хоть отбавляй* — очень много — по своему лексико-грамматическому значению аналогичны наречиям и в силу этого в предложении являются обстоятельствами, фразеологизмы *задавать храповицкого* — спать, *кривить душой* — лгать, *действовать на нервы* — раздражать — соотносительны с глаголами и поэтому в предложении выступают в качестве сказуемого и т. д.

В отнесении фразеологического оборота к той или иной части речи большое значение имеет характер грамматически стержневого слова, однако лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с лексико-грамматическим значением фразеологизма (ср. приведенные выше *раз плюнуть*, *рукой подать*, *битый час*, *слуга покорный*, *себе на уме* и т. п.). Так, фразеологизм *рукой подать* в качестве стержневого слова имеет глагол *подать*, фразеологизм *битый час* имеет в качестве стержневого слова существительное *час*, однако в лексико-грамматическом отношении оба аналогичны наречию.

С точки зрения эквивалентности фразеологических оборотов той или иной части речи их можно разделить на семь основных групп:

1) глагольные фразеологические обороты (*упустить из виду*, *восстать от сна*, *пить горькую*, *плакать в жилетку*, *стереть с лица земли*, *натянуть нос*, *пройти мимо* и т. д.);

2) субстантивные фразеологические обороты (*игра слов*, *краска стыда*, *лучевая болезнь*, *хлебная слеза* — водка, *дневное светило* — солнце, *авгиевы конюшни* и т. д.);

3) наречные фразеологические обороты (*хоть пруд пруди*, *на веки вечные*, *без году неделя*, *в три ручья*, *как снег на голову*, *как вол* — много, *изو дня в день* и т. д.);

4) адъективные фразеологические обороты (*какой ни на есть, кожа да кости* — худой, *в чем мать родила* — голый, *себе на уме* — хитрый, *подбитый ветром, видал виды* — опытный, *чистой воды* — настоящий, *еще какой* — замечательный и т. д.);

5) междометные фразеологические обороты (*Вот тебе и на!*; *Вот оно что!*; *И никаких гвоздей!*; *Давно бы так!*; *Скажите, пожалуйста!* и др.);

6) модальные фразеологические обороты (*Что за вопрос?*; *Как бы не так!*; *если хотите, к слову сказать, вообще говоря* и т. п.);

7) союзные фразеологические обороты (*несмотря на то что, в силу того что, подобно тому как, между тем как* и т. д.).

Наиболее богатыми и продуктивными, а также структурно более или менее однотипными являются фразеологические обороты первых трех групп.

§ 33. Морфологические свойства фразеологического оборота

Образующие тот или иной фразеологический оборот слова выступают в устойчивом сочетании слов или как морфологически неизменяемые, или как реализующие какие-либо грамматические формы, которые им свойственны в свободном употреблении. Поскольку это наблюдается в пределах фразеологического оборота, условно можно говорить о морфологических свойствах фразеологизма, постоянно, однако, имея при этом в виду, что речь идет, по существу, лишь о морфологии составляющих его компонентов. Так, слова *считанные, битый, ясное, действующее, беговая, хлебная, дни, час, дело, лицо, дорожка, слеза* и т. д., употребляясь свободно, как отдельные лексические единицы, обладают всеми присущими формами рода, числа и падежа. Иную картину мы будем наблюдать в фразеологических оборотах *считанные дни, битый час, ясное дело, действующее лицо, беговая дорожка, хлебная слеза* — водка (устарелое)¹.

В первых трех оборотах слова не изменяются совершенно, они закреплены в одной-единственной форме.

¹ Оборот возник как образное обозначение хлебного вина (при перегонке капающего, как слезы).

В устойчивых сочетаниях слов *действующее лицо*, *беговая дорожка* компоненты реализуют все формы, присущие им, взятым отдельно (*действующие лица*, *действующего лица*, *беговыми дорожками*, *беговую дорожку* и т. д.). В последнем обороте слова *хлебная* и *слеза* реализуют лишь формы склонения (форм множественного числа нет).

Как видим, несмотря на одинаковую структуру (прилагательное + существительное), отмеченные фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга своей «морфологией».

Чем обусловлено различное «поведение» одинаковых по морфологическим свойствам слов в рамках фразеологического оборота? Морфологические свойства слов в пределах фразеологического оборота зависят от целого ряда причин, в первую очередь от его лексико-грамматического значения и степени семантической слитности.

Фразеологические обороты всегда предстают перед нами как морфологически неизменяемые, если с точки зрения эквивалентности той или иной части речи они принадлежат к числу наречных, междометных, модальных или союзных. В глагольных, субстантивных и адъективных фразеологизмах морфологические формы компонентов могут так или иначе реализоваться.

Грамматически зависимые слова реализуют эти формы очень ограниченно. Значительно свободнее они проявляются в компонентах, в грамматическом отношении выступающих как стержневые.

В адъективных фразеологических оборотах способностью к образованию форм обладают лишь такие члены, как прилагательные и глаголы (ср. *какой ни на есть*, *какая ни на есть*, *какому ни на есть* и т. д., *видал виды*, *видали виды* и т. п.)¹.

Ограничения в реализации морфологических форм слов в пределах именных оборотов, представляющих собой модель «прилагательное + существительное», касаются лишь образования форм числа и зависят от характера значения синонимичного обороту слова: если последнее имеет абстрактное значение и форм числа не

¹ О характере реализации морфологических форм в именных и глагольных фразеологизмах подробно говорится ниже (см. § 49—53), при разборе различных структурных типов.

имеет, не будет его иметь и равнозначный ему по семантике фразеологизм (ср. *запретный плод* и *желаемое, но запрещенное*, *краеугольный камень* и *основа*, *вавилонское столпотворение* и *суматоха* и т. д.).

Ограничения в образовании морфологических форм слов в пределах глагольных фразеологизмов ярче и чаще всего проявляются в неспособности многих глаголов к образованию видовых пар. Последнее в первую очередь зависит от степени семантической слитности фразеологического оборота: «изменяемость по видам минимальная в фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях»¹.

Однако большую роль в этом играет также та конкретная семантика, которая свойственна фразеологизму как значимой единице (ср. одновидовые глаголы в *играть первую скрипку*, *точить лясы*, *натянуть нос*, *набрать воды в рот*, *выкинуть из головы* и др., с одной стороны, и *свести — сводить с ума*, *навести — наводить тень на плетень*, *мозолить — намозолить глаза*, *попасть — попадать впросак* и т. д. — с другой).

Отсутствием и, напротив, наличием соотносительных форм числа (в именных фразеологизмах) и вида (в глагольных фразеологизмах) нередко дифференцируются различные фразеологические обороты или фразеологический оборот от свободного сочетания слов. Например, *свалить дурака* значит «сделать глупость», а *валить дурака* — «дурачиться», *заккрыть глаза* значит «умереть», а *закрывать глаза* — «игнорировать», *пялить глаза* значит «таращить глаза», а *выпялить глаза* — «широко раскрыть глаза от сильного удивления»; группы *точить нож*, *утереть нос* являются фразеологическими единствами, что касается групп *наточить нож*, *утирать нос*, то они являются свободными сочетаниями слов. То же можно отметить и относительно *зеленая улица* (фразеологический оборот) и *зеленые улицы* (свободное сочетание слов), *крокодиловы слезы*

¹ А. П. Тихонов, К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц. В сб.: «Вопросы фразеологии», изд. Самаркандского университета, 1961, стр. 167. См. также: В. Н. Жуков, Видо-временная характеристика устойчивых сочетаний глагольного типа, «Ученые записки Гурьевского пединститута», вып. 1, 1959.

(фразеологический оборот)¹ и *крокодилова слеза* (свободное сочетание слов), *белая кость* (фразеологический оборот) и *белые кости* (свободное сочетание слов) и т. д.

В том случае, когда компоненты фразеологизма оказываются способными к образованию тех или иных морфологических форм, возникают различные формы одного и того же фразеологизма (ср. *срывать цветы удовольствия*², *срывают цветы удовольствия*, *будет срывать цветы удовольствия*, *срывающая цветы удовольствия* и т. д.). От них надо отличать фразеологические варианты.

§ 34. Варианты фразеологического оборота

В качестве определенных значимых единиц фразеологические обороты употребляются в языке по-разному: одни всегда выступают в одном лексико-грамматическом составе (*плакучая ива*, *ирония судьбы*, *мертвые сраму не имут*³, *по образу и подобию*⁴, *лечь в основу* и т. д.), другие функционируют в виде нескольких (обычно двух) равноправных вариантов. Варианты фразеологического оборота — это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности.

Различия фразеологических вариантов могут быть большими или меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота, как такового.

Варианты одного и того же фразеологического оборота могут отличаться друг от друга отдельными элементами в его лексическом составе и структуре, а также и стилистической окраской. Так, фразеологические

¹ К происхождению оборота ср. цитату из одного Азбуковника XVII в.: «Крокодил зверь водный... Егда имать человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает» (такое поверье существовало очень долго).

² Оборот восходит к словам Хлестакова («Ведь на то живешь, чтобы *срывать цветы удовольствия*») из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

³ Слова князя Святослава перед битвой с греками в 970 г. («Не посраим земли Русския, поляжем костями ту: мертвые бо сраму не имуть»).

⁴ Заимствовано из старославянского языка.

варианты *бросить камень* и *бросить камнем*, *особь статья* и *особая статья* отличаются один от другого морфологической формой грамматически зависимого компонента; фразеологические варианты *гроша ломаного не стоит* и *гроша медного не стоит* — определением к слову *грош*; фразеологические варианты *что есть силы* и *что было силы* — временем глагола. Что касается фразеологических вариантов *растекаться мыслью по древу*¹ и *растекаться мыслью, быть в интересном положении* и *быть в положении, не было печали, черти накачали и не было печали, стереть с лица земли* и *стереть с земли, через пень колоду валить*² и *через пень колоду, старость — не радость, где мои 17 лет* и *старость — не радость* и т. п., то они относятся друг к другу как полные и сокращенные формы, отличающиеся друг от друга также и стилистически. Например, вариант *через пень колоду валить* отличается от варианта *через пень колоду* своим архаическим характером, вариант *не было печали, черти накачали* отличается от сокращенного варианта эвфонической организованностью и т. д.

От вариантов фразеологического оборота следует отграничивать синонимические фразеологические обороты, имеющие в своем лексическом составе общие члены (см. § 35).

Такие фразеологизмы-синонимы можно назвать и дублетными (ср. *задать баню* — *задать перцу*³, *от всего сердца* — *от всей души*, *бить баклуши* — *бить шабалу*, *молоть вздор* — *молоть ерунду*, *взять под стражу* — *заклучить под стражу*, *гонять лодыря* — *гонять собак*, *бог весть* — *бог знает*, *стать на дороге* — *стать на пути*, *набитый дурак* — *круглый дурак* и т. д.).

По своему лексико-семантическому характеру такого рода фразеологизмы аналогичны однокорневым

¹ Выражение из «Слова о полку Игореве». Слово *мысль* здесь появилось на месте *мысь* (вместо *мышь* — по псковскому произношению; слово *мышь* в некоторых северновеликорусских говорах значит «белка»).

² Ср. у А. С. Пушкина: «Я работаю лениво, *через пень колоду валю*».

³ Оборот представляет собой неточную кальку нем. *einen verpfeffern*. Ср. устаревшее *задать феферу*, соответственно являющееся полукалькой.

синонимам типа *топонимия — топонимика, синь — синева, трешка — трешница, лукавость — лукавство* и т. п.

В подавляющем большинстве по происхождению дублетные фразеологические обороты связаны между собой как производные и производящие (так, оборот *на всех парах* появился позже на базе фразеологизма *на всех парусах*, оборот *аллах ведает* возник позже на базе фразеологизма *бог ведает*), однако с точки зрения функционирования в современной системе русского языка все они соотносятся друг с другом как самостоятельные хотя и родственные образования.

§ 35. Фразеологические обороты синонимического характера

В качестве значимой единицы фразеологический оборот может быть эквивалентным не только слову (ср. как *бог свят — обязательно, дама сердца — возлюбленная, дать маху — ошибиться, молодые люди — юноши, сплошь и рядом — часто* и т. д.), но и какому-либо другому фразеологическому обороту (ср. *намылить шею — дать нагоняй, подруга жизни — дражайшая половина, заложить за галстук — промочить горло, была не была — либо пан либо пропад, и в ус не дует — и горя мало, в два счета — в один прием* и т. д.). Этим объясняется в языке наличие явления фразеологической синонимии.

Синонимическими фразеологизмами называются обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, обозначая одно и то же, синонимические фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга тем, как они это одно и то же обозначают, и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи.

Синонимические обороты могут, в частности, дифференцироваться друг от друга оттенками в семантике, стилистической окраской, сферой употребления, словесными связями и т. д. Так, фразеологизмы-синонимы со значением «умереть»: *сыграть в ящик, дать дуба, ноги протянуть, испустить дух, уснуть вечным сном, приказал долго жить, отправиться к праотцам, богу душу отдать, сойти в могилу* и др. — различаются между со-

бой экспрессивно-стилистическими свойствами и сферой употребления; фразеологизмы-синонимы *полон рот, куры не клюют, хоть пруд пруди, в три короба, хоть отбавляй* и др., одинаково обозначающие «много», различаются между собой прежде всего своими словесными связями.

Синонимические устойчивые сочетания слов наблюдаются во всех группах фразеологических оборотов, которые можно выделить, имея в виду их лексико-грамматическое значение. Но богаче всего фразеологическая синонимия представлена во фразеологизмах глагольного и наречного характера. Стилистически окрашенные и выразительные фразеологические эквиваленты глаголов и наречий встречаются чаще, чем какие-либо другие, и во многих случаях образуют большие и разнообразные синонимические ряды (ср. фразеологизмы, передающие понятия «много», «мало», «быстро», «громко», «сильно», «плохо», «далеко», «хорошо», «бездельничать», «выпить», «умереть», «выругать», «обманывать» и т. д.: *капля в море, всего ничего, полтора человека, раз-два и обчелся, кот наплакал, без году неделя; во все лопатки, сломя голову, во весь дух, высуня язык, со всех ног; сидеть сложа руки, лодыря корчить, слонов слонять, бить баклуши, сидеть богородицей, собак гонять; дать нагоняй, намылить голову, подрать с песочком, отделать под орех, задать баню; заправлять арапа, водить за нос, вводить в заблуждение, втирать очки* и т. д.).

Среди синонимических фразеологизмов особо выделяется группа одноструктурных синонимических фразеологизмов, содержащих в своем лексическом составе одинаковые компоненты. В качестве общих компонентов здесь могут быть как полнозначные слова, выступающие в роли стержневого или зависимого члена, так и слова служебные, выполняющие роль структурных век или скрепок (ср. *чесать языком — трепать языком, выпучить глаза — вытаращить глаза, задать лататы — задать стрекача, тянуть канитель — тянуть волюнку, сесть в лужу — сесть в калошу, ни рыба ни мясо — ни два ни полтора, тютелька в тютельку — точка в точку* и т. д.).

В том случае, если в качестве одинаковых для синонимических оборотов выступают полнозначные слова,

являющиеся в нем грамматически стержневыми или зависимыми компонентами, соответствующие фразеологизмы можно считать дублетными.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЛИТНОСТИ

§ 36. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности

В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда представляют собой единое смысловое целое, однако соотношение семантики фразеологизма в целом и значений составляющих его компонентов может быть различным.

С точки зрения семантической слитности, т. е. соотношения, существующего между общим значением фразеологизма и «частной» семантикой образующих его частей, фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на четыре группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Первые две группы составляют семантически неделимые обороты. Они эквивалентны с точки зрения своего значения одному какому-нибудь слову. Третья и четвертая группы, т. е. фразеологические сочетания и фразеологические выражения, представляют собой уже семантически членимые обороты. Их значение равнозначно семантике составляющих их компонентов.

Предлагаемая классификация фразеологических оборотов представляет собой разработку и уточнение классификации соответствующих языковых единиц, принадлежащей В. В. Виноградову, творчески переработавшему — с учетом специфических особенностей фразеологии русского языка — фразеологическую схему Ш. Балли, данную им еще в «Кратком очерке стилистики» в 1905 г.¹

В этой работе Ш. Балли все фразеологические обороты — в отличие от свободных сочетаний слов (*les*

¹ Ch. Bally, Précis de stylistique, Genève, 1905.

groupements libres) — разделил на три разряда: обычные сочетания (les groupements usuels), возникающие тогда, когда свобода выбора ограничена определенными пределами (une grave maladie — *тяжелая болезнь*), фразеологические группы (les séries phraséologiques), образующиеся тогда, когда два понятия почти сливаются в одно (remporter une victoire — *одержать победу*), и фразеологические единства (les unités phraséologiques), которые обозначают одно неразложимое целое (faire table rase — *очистить место*). По существу ту же самую классификацию фразеологических оборотов мы находим в его более поздней книге «Traité de stylistique française»¹.

Как будет ясно из дальнейшего (§ 37—38), Ш. Балли не расчленял среди фразеологизмов, образующих оборот, эквивалентный по семантике слову, два принципиально разных разряда, объединяя их в фразеологических единствах (les unités phraséologiques). Большой заслугой В. В. Виноградова при использовании фразеологической схемы Ш. Балли было выделение среди семантически неделимых оборотов, с одной стороны, фразеологических единств, а с другой — фразеологических сращений. Термином Ш. Балли им были названы только фразеологизмы первого типа (см. § 38).

Дальнейшее изучение русской фразеологии, помимо трех намеченных В. В. Виноградовым типов фразеологических оборотов (сращений, единств и сочетаний), выявило наличие среди них еще одной группы — фразеологических выражений.

Последний термин был использован² и используется здесь не для обозначения (как это иногда бывает) фразеологического оборота вообще, а для обозначения фразеологического оборота определенного типа.

Таким образом, термин «фразеологический оборот» выражает понятие значительно шире по своему объему, нежели то, которое обозначается термином «фразеологическое выражение» (о нем см. § 40).

¹ В переводе: Ш. Балли, Французская стилистика, М., Изд. иностр. лит., 1961, стр. 87 и сл.

² См.: Н. М. Шанский, Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке, «Русский язык в школе», 1957, № 3; его же, Лексика и фразеология современного русского языка, Учпедгиз, М., 1957, стр. 121.

Эта классификация фразеологических оборотов с точки зрения семантической слитности представляется наиболее целесообразной и точной. Она является сейчас общепринятой. Выше уже отмечалось, что она ни в коей мере не исключает иных классификаций фразеологизмов, коль скоро они рассматриваются с точки зрения своего лексико-грамматического состава, значения, происхождения и т. д.

§ 37. Фразеологические сращения

Фразеологическими сращениями называются такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основой.

Например, фразеологические обороты *бить баклуши* — бездельничать и *очертя голову* — безрассудно являются такими же немотивированными и условными обозначениями явлений объективной действительности, какими являются составные по образованию слова типа *подражать*, *стремглав* и т. д., где производность совершенно не чувствуется и значение слова абсолютно несоотносительно со значениями составляющих их частей. В самом деле, так же, как значение слова *стремглав* не выводится из значения частей *стрем* — вниз (ср.: *стремнина*, *стремительный* и т. д.) и *глав* (ср.: *главный*, *голова* и др.), так и значение фразеологизма *очертя голову* не выводится из значения слов *очертя* и *голову*.

Таким образом, фразеологические сращения — это такие обозначения тех или иных явлений действительности, которые аналогичны тому, что мы наблюдаем в словах с непроизводной основой, в словах, в которых уже не чувствуется признак, положенный в основу названия. Признак, положенный в основу названия, как в непроизводных словах, так и во фразеологических сращениях может быть вскрыт лишь с этимологической точки зрения.

Выражение *неровен час*, представляющее собой фразеологическое сращение, равно по смыслу *а вдруг* (например, *неровен час, он заметит это*). По своей семантике оно совершенно несоотносительно с теми значениями, которые свойственны словам *неровен* и *час*.

Такой оборот, как *и никаких гвоздей*, по значению равен словам *баста, хватит, ничего больше*. Его целостное значение слов *и, никаких, гвоздей* не вытекает из тех отдельных значений, которые присущи данным словам в их свободном употреблении.

Если элементы, составляющие фразеологическое сращение, и имеют одинаково звучащие с ними слова, то это соотношение является чисто омонимическим.

Так, например, сочетание слов *перемывать косточки*, с одной стороны, может выступать перед нами как фразеологическое сращение, значение которого не вытекает из реальных значений отдельно взятых слов *перемывать* и *косточки* («сплетничать»), а, с другой стороны, может быть свободным употреблением этих слов в их прямом, номинативном, значении (*Косточки ископаемой птицы пришлось перемывать несколько раз*).

Таким образом, фразеологические сращения — это эквиваленты слов, подводимые под определенные грамматические категории как единые, абсолютно неразложимые смысловые единицы. Наивысшая степень семантической слитности, которая характерна для этих фразеологических оборотов, может закрепляться и поддерживаться, а иногда и возникать благодаря следующим фактам.

Во-первых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения устаревших и в силу этого непонятных слов. В качестве примеров можно привести такие фразеологические сращения, как *попасть впро�ак, точить балясы, бить баклуши*, где имеются устаревшие, вышедшие из употребления слова: *просак* (станок для кручения веревок), *балясы* (точеные столбики перил), *баклуши* (чурки для выделки мелких щепных изделий).

Во-вторых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения грамматических архаизмов. В качестве примеров можно указать фразеологические сращения *спустя рукава, сломя голову*, в которых архаической формой будут деепричастия *спустя, сломя* (в со-

временном русском языке деепричастия совершенного вида образуются при помощи суффиксов *-в* и *-вши*, поэтому должно было бы быть *спустив*, *сломив*, а не *спустя*, *сломя*); оборот *ныне отпускаеши* (ср. *отпускаешь*), *темна вода во облацех* (ср. *в облаках*) и др.

В-третьих, благодаря отсутствию в пределах фразеологического сращения живой синтаксической связи между составляющими его словами, наличию синтаксической неупорядоченности и нерасчлененности. Ср., например, фразеологические сращения *чем свет, как пить дать*, *шутка сказать*, *была не была*, *хоть куда*, *себе на уме*, в которых ясных и четких синтаксических связей между словами, мотивированных с точки зрения современных грамматических правил, не существует.

§ 38. Фразеологические единства

Вторую группу фразеологических оборотов составляют фразеологические единства¹. Это такие фразеологические единицы, которые, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако в них, в отличие от фразеологических сращений, их целостная семантика является уже мотивированной отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого.

Семантическая неделимость такого рода фразеологических оборотов сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслом отдельных слов отличает их от фразеологических сращений.

Если мы возьмем в качестве примеров фразеологические единства *закинуть удочку*, *тянуть лямку*, *зарыть талант в землю*, *семь пятниц на неделе*, *мелко плавает*, *из пальца высосать*, *первый блин комом*, *положить зубы на полку* и т. д., то их значения, в отличие от фразеологических сращений, являются производными, мо-

¹ Термин *фразеологическое единство*, введенный В. В. Виноградовым, представляет собой фразеологическую кальку франц. *unité phraséologique* (о калькировании см. § 61—63).

тивированными и вытекающими из семантики образующих их слов. В этом отношении они аналогичны словам с производной основой, т. е. основой, делимой на морфологические части. Однако необходимо отметить, что эта мотивированность, производность значений рассматриваемых фразеологических оборотов не прямая, а опосредованная. Все весьма многочисленные в русском языке фразеологические единства являются образными выражениями, составными единицами, понимание которых обязательно связано с пониманием того внутреннего образного стержня, на котором они строятся.

Свойство реально существующей образности — это основное свойство фразеологических единств. Именно это отличает их от омонимических свободных сочетаний слов.

Такие сочетания слов, как *намылить голову, брать в свои руки, заткнуть за пояс, прокатить на вороних* и т. д., одинаково возможны и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных, значениях).

В отличие от фразеологических сращений, фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться друг от друга вставками других слов. Это свойство фразеологических единств резко отделяет их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

Фразеологические сращения и фразеологические единства как эквиваленты слов нередко объединяются в одну группу. В таких случаях их называют обычно идиомами или идиоматическими выражениями. Фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам (*собаку съел, во всю ивановскую, ломиться в открытую дверь, стереть в порошок* и т. д.) противостоят фразеологические сочетания и фразеологические выражения, не являющиеся семантически неделимыми эквивалентами слов, а представляющие собой семантически членимые обороты, значение которых целиком соответствует значению образующих их слов (*насупить брови,*

заклятый враг, проверка исполнения, борьба за мир, счастливые часов не наблюдают, жизнь прожить — не поле перейти и др.).

§ 39. Фразеологические сочетания

Фразеологические сочетания — это такие обороты, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением.

Рассмотрим оборот *закадычный друг*. Перед нами фразеологическое сочетание, составленное из двух слов. Из них слово *друг* имеет свободное употребление. Оно может сочетаться не только со словом *закадычный*, но и с целым рядом других слов, самых различных по своему лексическому значению, экспрессивно-стилистической окраске и т. д. Что же касается слова *закадычный*¹, то оно как бы прикреплено к слову *друг* и может употребляться только с ним.

То же самое будет наблюдаться и во фразеологическом сочетании *заклятый враг*, в котором прилагательное *заклятый* является «вечным спутником» существительного *враг*.

Естественно, в данном случае, как и в других, разбирая факты языковой системы, мы имеем в виду именно то, что ей в действительности как общенародному средству общения свойственно. В индивидуально-авторском употреблении в целях большей выразительности и изобразительности словесные связи слов связанного употребления могут быть значительно шире.

Ср., например, «антонимичное» использование прилагательных *заклятый* и *закадычный* у поэта Филиппова:

Это ты ругаешь то, что свято,
И возводишь в общее пустяк.
Это ты пока мой *друг закл*ятый —
Самый главный, *закадычный враг*.

Еще пример: фразеологические сочетания *щекотливый вопрос*, *щекотливое положение* — сочетания слова *щекотливый* со словами *вопрос* и *положение*. Слово *щекотливый* в соответствующем значении выступает толь-

¹ Образовано суффиксальным способом словообразования на базе фразеологического оборота *залить за кадык* — «выпить».

ко в сочетании с этими двумя словами, т. е. имеет связанное употребление. Что же касается слов *вопрос* и *положение*, то они имеют свободное употребление и могут сочетаться с самыми различными словами.

Приведем некоторые другие примеры фразеологических сочетаний: *расквасить нос, утлый челн, кромешный ад, кромешная тьма, скоропостижная смерть, скалить зубы, трескучий мороз, насунить брови* и т. д.

Следовательно, фразеологическими сочетаниями называются такого рода устойчивые в своем составе обороты, которые образуются из слов со свободным и фразеологически связанным значением.

Фразеологические сочетания почти не имеют синонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова с фразеологически связанными значениями могут заменяться синонимическими (*скоропостижная смерть* — *внезапная смерть, расквасить нос* — *разбить нос* и т. д.). Чем шире круг слов, с которыми может соединяться член фразеологического сочетания, имеющий несвободное употребление, тем ближе это фразеологическое сочетание к разряду фразеологических выражений.

§ 40. Фразеологические выражения

Фразеологическими выражениями следует назвать такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями (*Любви все возрасты покорны; оптом и в розницу; всерьез и надолго; Волков бояться — в лес не ходить; социалистическое соревнование; Не все то золото, что блестит* и т. д.).

От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний (например, *разинуть рот* — *раскрыть рот*).

По характеру связей слов, составляющих их, и общему значению фразеологические выражения ничем не отличаются от свободных словосочетаний.

Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Употребление фразеологического выражения *Любви все возрасты покорны* отличается от употребления, например, предложения *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* тем, что оно извлекается говорящим из памяти целиком, так же как отдельные слова или фразеологические обороты, равнозначные слову, в то время как предложение *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* создается говорящим по законам русской грамматики из отдельных слов в самом процессе общения. Фразеологическое выражение *партийный билет* характеризуется прежде всего тем, что оно не образуется говорящими заново, всякий раз, как только им случается об этом говорить, а воспроизводится так же, как, например, слово *партбилет*.

Что касается сочетаний *партийное отношение*, *партийная прослойка*, *партийный стаж* и т. д., равно как и сочетаний *билет в кино*, *хороший билет*, *железнодорожный билет* и др., то все они создаются в соответствующей речевой ситуации.

Среди фразеологических выражений следует различать две группы: фразеологические выражения коммуникативного характера и фразеологические выражения номинативного характера.

Фразеологические выражения первого типа представляют собой предикативные словосочетания, равные предложению. Они всегда являются целым высказыванием, выражают то или иное суждение: *Человек — это звучит гордо*; *Хрен редьки не слаще*; *Без труда — не вытащишь и рыбку из пруда*; *Суждены нам благие порывы* и т. д.

Фразеологические выражения второго типа являются сочетаниями слов, идентичными лишь определенной части предложения. Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т. е. назывную) функцию: *трудовые успехи*, *на данном этапе*, *поджигатели войны*, *высшее учебное заведение* и т. д.

§ 41. Определение степени семантической слитности фразеологического оборота

Характеристика степени семантической слитности того или иного конкретного фразеологического оборота и, следовательно, отнесение его к одной из четырех намеченных выше групп должно целиком опираться на факты семантики и употребляемости слов в наличной языковой системе. Так же как и при словообразовательном анализе слова, при рассмотрении фактов фразеологической системы современного русского литературного языка ни в коем случае нельзя выходить за ее пределы, четко и определенно отграничивая принадлежащие ей факты от фактов иных систем и эпох.

Наибольшие трудности в определении степени семантической слитности фразеологических оборотов могут возникать и обычно возникают при дифференциации фразеологических сращений и фразеологических единств.

Что касается фразеологических сочетаний и выражений, то установление их специфики оказывается в подавляющем большинстве случаев простым и бесспорным. Сомнения и ошибки здесь чаще всего имеют иной характер: нередко фразеологические обороты этих типов смешивают со свободными сочетаниями слов.

Основным критерием, которым следует руководствоваться при определении того, что представляет собой данный оборот — сращение или единство, является наличие или отсутствие в нем образности и мотивированности. Если фразеологический оборот является единицей немотивированной, перед нами — фразеологическое сращение (ср. *железная дорога, чем свет, собаку съел* и т. д.).

Если фразеологический оборот выступает как единица мотивированная, обладающая определенным образным стержнем, перед нами фразеологическое единство (*уйти в свою скорлупу, кровь с молоком, держать камень за пазухой, играть в прятки, ноль внимания, довести до белого каления* и др.).

§ 42. Вопрос о месте фразеологизмов терминологического характера

Ученые, совершенно правильно включающие лексикализованные словосочетания терминологического

характера в состав фразеологии, разбирают их в аспекте семантической слитности пока что по-разному.

В частности, довольно распространенным является выделение их в особую группу¹.

Однако такое выделение составных терминов как одной из групп фразеологических оборотов возможно лишь с точки зрения экспрессивно-стилистической, но ни в коем случае не с точки зрения их семантической слитности.

Это неправомерно именно потому, что в ряде случаев составные термины становятся не только неразрывными, но и вовсе не мотивированными единствами, почему среди них наблюдаются самые различные с точки зрения мотивированности и слияния обороты.

Так, если мы возьмем в качестве примеров фразеологические обороты *кесарево сечение, железная дорога, белый гриб, слепая кишка, фрикативные звуки, вопросительный знак, политическая экономия, социалистическое соревнование*, то все они с экспрессивно-стилистической точки зрения будут составными терминами, однако по степени семантической слитности различными: составные термины *кесарево сечение, железная дорога* являются (как совершенно немотивированные и безобразные) фразеологическими сращениями, составные термины *белый гриб, слепая кишка*, обладающие образным стержнем, являются фразеологическими единствами, лексикализованные сочетания *фрикативные звуки, вопросительный знак*, включающие в свой состав слова со связанным употреблением, будут уже фразеологическими сочетаниями, а обороты *политическая экономия, социалистическое соревнование*, по семантике целиком соответствующие сумме значений образующих их свободных по своему употреблению слов, — фразеологическими выражениями.

Таким образом, в постановке в один ряд таких понятий, как сращения, единства, сочетания, выражения и составные термины, наблюдается нарушение единого принципа классификации.

¹ Ср. у В. В. Виноградова: «Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия» («Русский язык», Учпедгиз, М., 1947, стр. 25).

Составные термины можно как особую группу выделять лишь тогда, когда фразеологические обороты рассматриваются с экспрессивно-стилистической точки зрения.

В таком случае они могут быть противопоставлены общеупотребительной и разговорно-бытовой фразеологии, фразеологизмам арготического характера, поэтической фразеологии и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

§ 43. Классификация фразеологизмов русского языка по их лексическому составу

Фразеология современного русского языка, как и всякого другого, представляет собой глубоко своеобразное явление, имеет яркий национально-русский характер. Составляющие ее фразеологические обороты в своем большинстве дословно не переводятся на другие языки (даже близкородственные — славянские) и при переводе должны заменяться однозначными выражениями, имеющими ту же сферу употребления и стилистическую окраску.

При изучении фразеологической системы современного литературного языка следует учитывать характер лексического состава фразеологических оборотов, т. е. специфические особенности слов, образующих фразеологические обороты как определенные языковые единицы.

В этом отношении все устойчивые сочетания слов русского языка распадаются на две большие группы, различные по своему объему и продуктивности.

Одну группу фразеологизмов образуют обороты, которые состоят целиком из слов, обладающих свободным употреблением и принадлежащих к активной лексике современной речи (например, *как снег на голову* — внезапно, *через час по чайной ложке* — медленно, *бросить взгляд* — взглянуть, *подруга жизни* — жена и т. д.). Слова в этих оборотах за редким исключением (ср. *будь друг* — вместо *будь другом*; *шутка сказать* — вместо *шутку сказать*; *врачу, исцелися сам* — вместо *врач, исцелись сам* и т. п.) связаны между собой в соответствии с нормами современной грамматики.

Другую группу фразеологизмов составляют обороты, в которых имеются слова с закрепленным употреблением или устаревшие лексико-семантические факты (например, *мурашки бегают* — знобит, *оторопь нашла* — в замешательстве, *елико возможно* — насколько возможно, *и стар и млад* — все и т. д.). Слова в этих оборотах могут иногда выступать в архаических для современного языка формах (*погибоша аки обры* — буквально «погибли как авары», *сим победиши* — буквально «этим победишь», *притча во языцех* — буквально «притча в народах» и т. д.).

Первая из названных групп включает подавляющее большинство существующих сейчас фразеологических оборотов и является такой, которая постоянно и интенсивно увеличивается. Вторая — объединяет сравнительно небольшую часть употребляющихся сейчас фразеологических оборотов и является такой, которая пополняется новыми образованиями очень нерегулярно и медленно. Так как по целому ряду причин эта группа вызывает больше методических затруднений, чем первая, то ниже мы остановимся более подробно именно на ней.

§ 44. Фразеологические обороты из слов свободного употребления

Как было сказано, обороты первой группы состоят целиком из слов, известных как внутри, так и вне фразеологизма. В них нет ни одного слова, которое бы не могло быть употреблено (иногда с другим, не прямым, а переносным значением) отдельно, в составе свободных сочетаний слов. Поэтому эти фразеологизмы внешне не содержат в своем составе ничего отличающего их от свободных сочетаний слов. Слова в них те же, связаны они между собой так же. Отличает их от свободных сочетаний слов не эта материальная, внешняя, «лицевая» сторона, а внутренняя. От последних их отграничивает свойство воспроизводимости.

Свободные сочетания слов *большой шаг вперед*, *поднять бокал* (ср. *Она сделала большой шаг вперед и нагнулась, чтобы поднять бокал*) создаются с помощью грамматики из отдельных слов в процессе общения.

Омонимичные же им фразеологические обороты *шаг вперед* (прогресс, успех в чем-либо), *поднять бокал* (вы-

пить за чье-нибудь здоровье) воспроизводятся, т. е. извлекаются из памяти как готовые языковые единицы, целостные по значению и устойчивые в составе и структуре (см. § 28).

Правда, будучи образованными из слов, известных как внутри, так и вне фразеологического оборота, фразеологизмы этой группы не представляют собой единства в лексико-синтаксическом отношении.

Среди них имеются такие выражения, которые обращают на себя внимание (в отличие от большинства фразеологических оборотов этой группы, вроде *вариться в собственном соку, как в аптеке, взять за горло, елки зеленые, поднять голову, куда глаза глядят* и т. д.) тем, что в составе их сочетаются друг с другом слова (в ряде случаев имеющие не прямые, а переносные значения), которые предметно-логически, казалось бы, никаких связей между собой иметь не должны. Такими являются, например, выражения *тоска зеленая, флексия основы, горькая истина, взрослые дети, дело горит, время терпит, реветь белугой*¹, *ходячая газета, стоять грудью, золотой дождь, соломенная вдова* (калька нем. *Stronwitwe*), *жгучая брюнетка, бросать слова на ветер, полтора человека, бешеные деньги, ветер в голове, дырявая память* и т. п. Они состоят из таких слов, которые выражают не соотносительные друг с другом, а иногда просто противоположные понятия и носят нередко алогичный и каламбурный характер. Так, разве может в действительности *белуга реветь*, а *время терпеть*, разве может быть какого-либо цвета (например, зеленого) *тоска*, существовать у *основы* окончание, т. е. *флексия*, и т. д.?!

В ряде случаев такого рода фразеологические обороты объясняются полным или частичным калькированием иноязычных оборотов (ср. *желтая пресса*, англ. *yellow press*; *земляное яблоко* — картофель, франц. *potte de terre*; *строить куры* — ухаживать за женщиной, франц. *faire la cour* и т. п.)².

Однако, несмотря на определенное лексико-синтаксическое различие, которое существует между оборотами типа *поднять знамя, елки зеленые*, с одной стороны, и

¹ Это выражение является переделкой оборота *реветь белухой*, в котором *белуха* — полярный дельфин (способный реветь).

² О калькировании иноязычных фразеологических оборотов см. § 61—63.

поднять голос, тоска зеленая — с другой, по лексическому составу они друг от друга не отличаются: все слова, имеющиеся в них, представляют собой реальные языковые единицы активной лексики современной литературной речи, живущие как во фразеологических оборотах, так и вне их (пусть иногда с иным, прямым или переносным значением).

§ 45. Фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями

Резко противоположной выше разобранной группе является вторая группа фразеологизмов, в лексическом составе которых наблюдаются как бы особые словесные инкрустации, вкрапления, известные лишь в качестве компонентов этих оборотов. Такие фразеологические обороты имеют внешние приметы, сразу отличающие их от свободных сочетаний слов, — всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением.

Специфические слова этих фразеологизмов для говорящих на современном русском литературном языке выступают как неотъемлемая часть таких оборотов, в качестве самостоятельных словесных единиц осознаваемые нередко очень слабо.

Именно поэтому фразеологические обороты этой группы представляют особый интерес: изучая такие фразеологизмы, мы должны объяснить не только обороты в целом, но и отдельные входящие в них слова или их старые (по крайней мере, для современного русского языка) значения.

Все устойчивые сочетания слов разбираемой группы распадаются на два разряда: 1) фразеологические обороты, в лексическом составе которых имеются слова, неизвестные вне фразеологизмов, и 2) фразеологические обороты, включающие в свой лексический состав слова с устаревшими или диалектными значениями.

§ 46. Фразеологические обороты со словами, известными лишь в их составе

Фразеологические обороты со словами, живущими в настоящее время как лексические единицы только в пределах устойчивых сочетаний слов, могут быть двух

типов: одни содержат в своем составе такие слова закрепленного употребления, которые явного оттенка устарелости на себе не несут (*скалить зубы* — смеяться, *распускать нюни* — хныкать, *потупить глаза* — опустить глаза, *задавать храповицкого* — спать, *мозолить глаза* — надоедать и т. д.), другие — такие слова, которые определенно являются сейчас устаревшими, т. е. архаизмами или историзмами (*как зеницу ока* — заботливо, тщательно, буквально — как зрачок глаза; *бразды правления* — власть, буквально — вожжи правления; *прописать ижицу* — высечь, где *ижица* — название ныне не существующей в русской азбуке буквы; *мал золотник, да дорог* — о небольшом, но важном, где *золотник* — название старой русской меры веса, и т. п.).

Однако все эти фразеологические обороты выделяются среди остальных словами фразеологически связанного характера: их нет без этих слов так же, как не существует подобных слов за их пределами. Укажем некоторые такие выражения.

Фразеологический оборот *задать стрекача* — убежать — содержит отсутствующее вне его существительное *стрекач* — бегство, в диалектах еще понимаемое как суффиксальное образование от *стрекать* — бежать, прыгать, прядать.

Устойчивое сочетание слов *разводить антимонию* или *разводить антимонии* — вести пустые разговоры, отвлекающие от серьезного дела, — включает в свой состав только ему свойственное слово *антимония*, представляющее собой метатезную форму (пережившую перестановку звуков *м* и *н*) латинского слова *антиномия* (лат. *antīnomia* — противоречие). Пришло это выражение в литературную фразеологию русского языка из аргументов семинаристов.

Поэтическое выражение *в объятиях Морфея* (спит) строится на утраченном из активной лексики современной литературной речи существительном *Морфей*, представляющем собой название греческого бога сна (ср. общеупотребительное родственное слово *морфий*).

Старославянское по своему происхождению выражение *во время оно* (некогда, когда-то, очень давно) в качестве одного из компонентов включает в себя устаревшее указательное местоимение краткой формы *оно* (то).

В фразеологизме *ни зги не видно* выделяется только в нем известное слово *зга* (дорога, из древнерусского

стьга, после выпадения редуцированного *ь*, упрощения *стг* в *сг* и озвончения звука *с* перед *г* в *з*), однокоренное с просторечным словом *стежка* (тропинка), книжным *стезя* (путь), поэтическим *стогна* (площадь) и др.

В выражении *за тридевять земель* (очень далеко), вошедшем в литературный обиход из сказок, имеется исчезнувшее в самостоятельном употреблении числительное тридевять (двадцать семь), которое указывает на существование в прежнее время девятиричной системы исчисления, когда считали не десятками, а девятками (так, в одной грамоте XVI в. встречается *тридевять кречетов* (27 кречетов), в диалектах говорят о привередливой невесте: *Она только за тридевятого жениха пойдет*¹ и т. д.).

Фразеологизм *млечный путь*, представляющий собой кальку с лат. *via lactea*, включает в свой состав архаизм старославянского происхождения *млечный* (молочный).

Сразу два устаревших слова содержит в себе выражение *семо и овамо* (туда и сюда, по ту сторону и другую сторону), в котором общеупотребительным словом активной лексики современного литературного языка является лишь соединительный союз *и*. Архаические наречия *семо* и *овамо* (ср. также одноструктурные древнерусское *камо* — куда, современное *там* из *тамо* и др.) представляют собой производные посредством суффикса *-мо* от указательных местоимений *сь* — этот (с указанием на ближний предмет) и *овъ* — тот (с указанием на дальний предмет), в древнерусском языке и диалектах еще известных.

Фразеологизмами со словами закрепленного употребления являются также обороты *вверх тормашками* (*тормашка* — от *тормошить*), *души не чает* (*чаять* — ждать), *паче чаяния* (*паче* — сверх, *чаяние* — ожидание), *разводить сентименты* (франц. *sentiment* — чувство), *таращить глаза* (*таращить* — широко раскрывать), *чревато последствиями* (*чревато* — способно породить, от *чрево* — живот), *как кур во щи* (вероятно, из *как кур в ощи*, *кур* — петух, ср. *курица*), *разбить вдребезги* (ср. диал. *дребезги* — осколки, родственное словам *дробь*, *раздробить*) и др.

¹ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, ГИС, М., 1956, стр. 430.

§ 47. Фразеологические обороты со словами устаревшей или диалектной семантики

Кроме устойчивых сочетаний слов с только им «принадлежащими» словами, есть фразеологические обороты, специфичность которых проявляется в наличии у них слов с особым (архаическим или нелитературным сейчас) значением. В ряде случаев особенности семантики входящих во фразеологизм слов ощущаются ясно и определено (ср. *остальное от лукавого*, где *лукавый* — черт; *на худой конец*, где *худой* — плохой; *пропасть даром*, где *даром* — напрасно; *красная девица*, где *красная* — красивая, ср. *прекрасная*; *вульгарная латынь*, где *вульгарная* — народная, ср. лат. *vulgaris*; *Фома неверный*, где *неверный* — неверящий; *всякой твари по паре*, где *тварь* — живое существо: *в мгновение ока*, где *мгновение* — мигание; *страна света*, где *страна* — сторона; *не на живот, а на смерть*; *не щадя живота*, где *живот* — жизнь и т. д.).

Однако иногда указанные смысловые особенности архаического и диалектного характера осознаются только после специального разбора фразеологического оборота в целом с этимологической точки зрения.

Изучение происхождения выражения *зарыть талант в землю* показывает, что в этом изречении слово *талант* было употреблено в значении «крупная серебряная монета».

Подобное изучение также говорит о том, что в оборотах *иметь сердце* (на кого-нибудь) — сердиться, быть недовольным, *сорвать сердце* (на ком-либо) — излить злобу — слово *сердце* имеет иное значение, чем во фразеологизмах *от сердца отлегло* — стало легче, *положа руку на сердце* — откровенно, *близко принять к сердцу* (что-либо) — отнестись к чему-нибудь с большой заинтересованностью и т. д., а именно старое (известное сейчас лишь в диалектах) значение «гнев, злоба» (ср. *серчать* от *сердце*, *сердитый* с суффиксом *-ит-* от *срьдь* без уменьшительно-ласкательного суффикса *-ьце* и т. д.). Архаическое для литературного языка значение «гнев, злоба» у слова *сердце* (от *срьдь*, ср. *предсердие*) является вторичным и возникло в результате переноса по смежности (сердце считалось вместилищем гнева, злобы, но и любви, ср. *сердечный разговор* и пр.).

Во фразеологизме *ни кола ни двора* — ничего — слово *кол* употребляется в старом значении «небольшой участок земли»; в обороте *собак вешать* (на кого-нибудь) — обвинять, бранить — слову *собака* свойственно значение «репей», в диалектах еще употребляющееся.

Среди фразеологических оборотов встречаются, естественно, и такие, в которых архаичными или диалектными могут быть как слова, так и значения. Например, разбор лексико-семантического характера выражения *благим матом* — изо всех сил, громко — показывает, что в нем имеется как устаревшее, исчезнувшее сейчас слово *мат* — голос (ср. белорусск. *мат* с тем же значением), так и архаическое значение в слове *благой* — сильный (ср. диалектное *благо* — сильно, много).

§ 48. Соотношение семантической слитности фразеологического оборота и его лексического состава

Между намеченными группами фразеологических оборотов с точки зрения лексического состава и их делением на группы с точки зрения семантической слитности (т. е. на фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения) существует известная связь и соотнесенность. Фразеологические выражения по лексическому составу могут быть только оборотами первой группы, целиком состоящими из свободных по употреблению слов активной лексики нашей речи (например, *запасные части; проверка исполнения; числом поболее, ценою подешевле* (Грибоедов); *Судьба играет человеком* (Н. С. Соколов); *Пусть сильнее грянет буря* (Горький) и др.).

Фразеологические единства могут содержать в своем составе, кроме слов свободного употребления, только не осознаваемые говорящими семантические архаизмы (например, *семь пятниц на неделе, спустя рукава, остаться с носом, зарыть талант в землю* и пр.). Фразеологические сочетания, как правило, включают в свой состав слова закрепленного употребления (ср. *закадычный друг, скоропостижная смерть, кромешный ад* и т. п.). В том же случае, если они состоят целиком из слов, известных в свободном употреблении, то одно из них обязательно выступает как слово с переносным, фразеологи-

чески связанным значением (ср. *злость берет; принять решение* и т. д.), как бы омонимичное тому же слову вне фразеологизма (ср. *Дима берет с полки книгу; принять товар* и пр.).

Что касается фразеологических сращений, то лексически они могут быть самого разнообразного характера (ср. *собаку съел, как пить дать, проходить красной нитью, тихой сапой, за тридевять земель, семо и овамо, благим матом, прописать ижицу, собак вешать* и т. д.), но именно среди них больше всего оборотов, содержащих устаревшие лексико-семантические факты.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СТРУКТУРЫ

§ 49. Структурные типы фразеологических оборотов в русском языке

Как уже говорилось (см. § 29), в качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как определенное структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях.

Конкретно по своему строению фразеологические обороты в русском языке делятся на два больших разряда:

1) фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению (ср.: *Куры не клюют; Раз, два, и обчелся; Руки не доходят; Кот наплакал; Риск — благородное дело; Дело хозяйское; Голод не тетка; То густо, то пусто; Что было, то сплыло; Счастливые часов не наблюдают*¹ и т. д.);

2) фразеологические обороты, по своему строению представляющие собой то или иное сочетание слов (*старший лейтенант*², *встречаться глазами, подруга жизни, чудеса в решетке, с головы до ног, по старой памяти, сесть в лужу, чревато последствиями, не от мира сего, не в своей тарелке, хоть глаза выколи, как выжатый лимон, и в хвост и в гриву, охи да вздохи, ни пава ни ворона* и т. д.).

¹ Выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

² Оборот является полукалькой немецкого слова *Oberleutnant*.

I. Среди фразеологических оборотов, структурно составляющих целое предложение, по значению выделяются две группы фразеологизмов. Одни из них являются коммуникативными единицами и передают целое сообщение (*Голод не тетка; Счастливые часов не наблюдают* и др.). Они употребляются или самостоятельно, или в качестве «строительного материала» более сложного по структуре предложения. Другие выступают как номинативные единицы, называющие то или иное явление действительности (*кот наплакал — мало, руки не доходят — некогда* и др.). Такие обороты, будучи структурно равнозначными предложению, выступают как часть предложения в виде каких-либо его членов, т. е. так же, как фразеологизмы, по своему строению представляющие сочетание слов.

Коммуникативные фразеологизмы, имея в виду характер выражаемого ими сообщения, можно разделить на две группы.

Первую группу составляют коммуникативные обороты афористического характера (крылатые слова и пословицы): *Любви все возрасты покорны* (Пушкин); *Если враг не сдается—его уничтожают* (Горький); *Блажен, кто верует, тепло ему на свете* (Грибоедов); *Знание — сила* (Бэкон); *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях* (Д. Ибаррури); *Муж и жена — одна сатана; Жизнь прожить — не поле перейти; Пуганая ворона и куста боится; Не все то золото, что блестит; Посади свинью за стол, а она и ноги на стол; Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Не в свои сани не садись* и т. д.

Вторую группу образуют коммуникативные обороты, представляющие собой разнообразные разговорно-бытовые штампы: *Глаза разбегаются; Аллах ведает; Все там будем; Воля ваша; Голова идет кругом; Бабушка надвое сказала; Держи карман шире; Молчанье — знак согласия; Комментарии излишни; Гора родила мышь; Лиха беда — начало; Мир дому сему; Всего хорошего* и т. д.

Среди номинативных фразеологизмов, структурно равнозначных предложению, основную группу составляют обороты, являющиеся образными и выразительными эквивалентами слов. Как синонимы соответствующих слов, они могут быть по лексико-грамматическому характеру самыми различными (ср. *в чем мать родила — голый, куры не клюют — много, куда глаза глядят — куда-*

нибудь, *след простыл* — нет, кто в лес, кто по дрова — нестройно, вразброд и т. д.), однако в стилистическом отношении все являются одинаковыми, поскольку всегда выступают в речи как яркая принадлежность разговорного языка.

II. Среди фразеологических оборотов, представляющих собой сочетания слов, наблюдаются самые различные. Как наиболее типичные и регулярные здесь выделяются следующие:

1. Фразеологические обороты, представляющие собой сочетание прилагательного и существительного.

2. Фразеологические обороты, представляющие собой сочетание глагола и существительного.

3. Фразеологические обороты, представляющие собой сочетания существительного и родительного падежа другого существительного¹.

4. Фразеологизмы модели «существительное + предложно-падежная форма существительного» (*искусство для искусства, борьба за существование, ветер в голове, горе от ума, рот до ушей, бег на месте, кровь с молоком* и т. д.).

5. Фразеологизмы модели «предлог + прилагательное + существительное» (*без задних ног, к шапочному разбору, по старой памяти, на живую нитку, со спокойной совестью, на седьмом небе, с незапамятных времен* и т. д.).

6. Фразеологизмы модели «предложно-падежная форма существительного + родительный падеж существительного» (*во веки веков, до глубины души, на вес золота, в объятьях Морфея, до мозга костей, в поте лица, в костюме Адама* и др.).

7. Фразеологизмы модели «предложно-падежная форма существительного + предложно-падежная форма существительного» (*из кулька в рогожку, с головы до пят, с корабля на бал, изо дня в день, от корки до корки, из года в год, от доски до доски* и др.)

8. Фразеологизмы модели «глагол + наречие» (*пропасть даром, напиться вдрызг, разбиться вдребезги, пропасть впросак, выйти замуж* и др.).

¹ Подробнее об этих трех типах фразеологических оборотов см. ниже, § 50—51.

9. Фразеологизмы, модели «деепричастие + существительное» (*очертя голову, скрепя сердце, высуня язык, сложа руки, спустя рукава* и др.).

10. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами (*судить да рядить; взад и вперед; целиком и полностью; ни рыба ни мясо; то густо, то пусто; и в хвост и в гриву* и т. д.).

11. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с подчинительными (сравнительными и уступительными) союзами (*как в лесу, как две капли воды, как корове седло, как в воду опущенный, как с гуся вода, как душе угодно, как на ладони; хоть глаза выколи, хоть пруд пруди, хоть шаром покати, хоть караул кричи, хоть кол на голове теши* и т. д.).

12. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с отрицанием *не* (*не щадя живота* (слово *живот* — здесь «жизнь»), *не робкого десятка, не в своей тарелке* (неправильная фразеологическая калька с франц. *ne pas dans son assiette*, где *assiette* — «положение, состояние» при переводе было смешано с омонимическим *assiette* — «тарелка»), *не солоно хлебавши, не от мира сего* и др.)¹. Разберем подробно лишь первые три, являющиеся не только наиболее типичными и регулярными, но и наиболее продуктивными.

§ 50. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное»

В фразеологических оборотах, состоящих из прилагательного и существительного, грамматически опорным словом является существительное, по отношению к которому прилагательное всегда выступает как слово зависимое.

Что касается семантического соотношения этих слов в пределах фразеологизма, то они могут быть двоякого типа: 1) существительное и прилагательное семантически равноправны, и оба являются смыслообразующими (*золотой фонд, новый год, битый час, гнетущее впечатление, белая ночь, задним числом, сямские близнецы* и т. д.); 2) смыслообразующим компонентом оборота выступает

¹ Ср. модели фразеологизмов, представленные единичными примерами, не образующими ряда, типа *чревато последствиями, всегда готов, елико возможно, для ради важности, нищие духом, при всем том, от нечего делать* и т. п.

существительное, прилагательное же употребляется как семантически опустошенный член, имеющий чисто экспрессивный характер (ср. *голова* и *голова садовая*, *шут* и *шут гороховый*, *столпотворение* и *столпотворение вавилонское*, *тоска* и *тоска зеленая* и т. д.).

Смыслообразующие прилагательные при лексически пустых существительных не наблюдаются. Порядок следования компонентов за редким исключением постоянный. Прилагательное в оборотах данной модели, как правило, препозитивно, т. е. стоит перед существительным. Значительно реже наблюдается обратный порядок слов, когда прилагательное употребляется постпозитивно (ср., например, *чуело гороховое*, *нож острый*, *гусь лапчатый*, *сума переметная*).

Подавляющее большинство фразеологизмов модели «прилагательное + существительное» известно в исходной форме именительного падежа (ср. *бабье лето*, *недвижимое имущество*, *стреляный воробей*, *ахилле-сова пята*, *белая кость*, *голубая кровь*, *арабские сказки*, *поваренная соль*, *белый гриб*, *зеленая улица*, *високосный год*, *считанные дни*, *собачий холод*, *военные действия* и т. д.). Такого рода обороты делятся на две группы в зависимости от наличия или отсутствия у них парадигмы склонения. Одни имеют все возможные падежные формы (ср. *постный сахар*, *железный занавес*, *блудный сын* и т. д.), другие известны лишь в одной исходной форме (ср. *битый час*, *нож острый*, *слуга покорный* и др.). Реализация падежных форм или, напротив, неспособность к их образованию в этой группе фразеологизмов зависит от семантики и синтаксических свойств оборота в целом (см. об этом в § 32—33). Субстантивные обороты, эквивалентные существительным, способны к образованию падежей; субстантивные обороты, эквивалентные наречиям или глаголам, реализацией падежных форм не обладают.

Что касается форм числа, то их в субстантивных оборотах данной модели могут иметь лишь те, исходной формой которых является именительный падеж единственного числа (ср. *действующее лицо*, *новогодняя елка*, *круглый дурак*, *лошадиная фамилия* и др.).

Фразеологизмы, исходной формой которых выступает именительный падеж множественного числа, форм единственного числа не имеют: «соответствующие им формы

единственного числа образуют свободное сочетание».¹ (ср. *арабские сказки и арабская сказка, крокодиловы слезы и крокодилова слеза* и т. д.).

Наличие или отсутствие формы множественного числа у оборотов типа *белая кость, живая вода, сберегательная книжка, слабый пол, чертова кукла, выходной день, золотой дождь* и т. д. зависит или от категориального значения опорного существительного, или от степени семантической слитности фразеологического оборота.

Значительно меньшую группу среди фразеологизмов модели «прилагательное + существительное» составляют такие, которые функционируют в какой-либо форме косвенного падежа: *благим матом, задним числом, тихой сапой, целую вечность, грешным делом, божьей милостью, веселыми ногами*² и др. Они, как правило, соотносительны с наречиями и в предложении поэтому выступают в качестве обстоятельств. Реализация морфологических форм компонентов в оборотах этого рода не наблюдается.

Местоположение прилагательного и существительного относительно друг друга такое же, как в устойчивых сочетаниях слов типа *зеленая улица*.

К фразеологизмам модели «прилагательное + существительное» примыкают обороты, представляющие собой 1) сочетания существительного и местоимения (*наш брат, ваше сиятельство, иными словами, экая невидаль* и т. д.) и 2) сочетания существительного и числительного (*одним словом, одного помету*³) и пр.

§ 51. Фразеологические обороты модели «существительное + родительный падеж существительного»

Фразеологические обороты этого типа являются субстантивными, так как они по своему категориальному значению и синтаксическим функциям эквивалентны су-

¹ В. М. Никитевич, О лексико-грамматической структуре не-свободных определительных сочетаний в современном русском языке. Сб. «Вопросы фразеологии», изд. Самаркандского университета, 1961, стр. 142.

² Выражение (в значении «навеселе, подвыпив») возникло из фразы пасхальной песни: *К свету идяху, Христе, веселыми ногами*.

³ Слово *помет* имеет в этом обороте значение «происхождение, приплод».

существительным: *яблоко раздора, секрет Полишинеля, суд Линча, точка зрения, стечение обстоятельств, корень зла, власть тьмы, избиеение младенцев, камень преткновения, блюститель порядка, дар слова, пальма первенства, полнота власти, подруга жизни* и т. д. По характерной для них структуре они являются объединением грамматически стержневого существительного (оно всегда выступает как препозитивное) с зависящим от него существительным в родительном падеже (оно всегда является постпозитивным).

Слова, образующие фразеологические обороты этой модели, семантически равноправны. Реализация морфологических форм наблюдается лишь у опорного существительного и зависит как от его значения и исходной числовой формы, так и от специфики фразеологического оборота в целом.

Если исходной формой опорного существительного в фразеологизме является форма множественного числа (*цветы жизни, муки слова* и т. д.), то оно единственного числа не имеет. Если исходной формой опорного существительного в фразеологизме является форма единственного числа (*голубь мира, тюрьма народов* и др.), то наличие или отсутствие коррелятивной формы множественного числа будет определяться либо лексико-грамматическими свойствами этого имени, либо степенью семантической слитности фразеологизма в целом, ср. *дом отдыха — дома отдыха, точка зрения — точки зрения, но: только власть тьмы*¹, *яблоко раздора* и т. д.

Реализация опорным существительным падежных форм является в общем свободной, однако нередко проводится непоследовательно и неполно.

Рассматриваемая модель является регулярной и продуктивной, постоянно пополняющейся новыми фразеологическими оборотами: *аттестат зрелости, работник прилавка, флексия основы, болезнь роста, дом отдыха, сигнал бедствия* и т. д.

К разбираемому типу примыкают две группы фразеологизмов, выступающих как различные осложнения основной структуры. Таковыми будут: 1) обороты с прилагательным перед опорным существительным (*последний крик моды, жалкий лепет оправданья, убогая*

¹ Название драмы Л. Н. Толстого.

*роскошь наряда*¹⁾ и 2) обороты с прилагательным перед зависимым существительным в родительном падеже (*капли датского короля, бред сивой кобылы, женщина легкого поведения, кандидат технических наук, люди доброй воли, одного поля ягода, дистанция огромного размера*² и т. д.). Эти модели регулярны и довольно многочисленны. Другие осложненные виды модели «существительное + родительный падеж существительного» (ср. *слуга двух господ* — «двурушник» — заглавие комедии К. Гольдони; *герой нашего времени* и т. д.) являются единичными.

§ 52. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное (с предлогом и без предлога)»

Фразеологические обороты, относящиеся к этому разряду, являются самыми продуктивными и многочисленными.

С лексико-грамматической точки зрения почти все они являются глагольно-предикативными и в предложении выступают в функции сказуемого: *наострить уши, закинуть удочку, тянуть лямку, пустить корни, сидеть богородицей, кривить душой, хранить молчание, заливаться смехом, понурить голову, сделать предложение, просить руки, сорить деньгами, тянуть лямку, заварить кашу, сыграть свадьбу, задать перцу, тянуть волынку, задавать тон, пустить по миру, пойти насмарку, сесть в калошу, прибрать к рукам, носить на руках, идти на убыль, купаться в золоте, высосать из пальца, остаться с носом*³, *сгореть со стыда, разделить под орех* и т. д. Обороты типа

¹ Цитата из стихотворения Некрасова «Убогая и нарядная» в настоящее время чаще употребляется в сокращенном виде и в связи с этим совершенно с другой структурой: *убогая роскошь*.

² Оборот восходит к соответствующему свободному сочетанию слов из комедии Грибоедова «Горе от ума».

³ Этот оборот в своем возникновении не имеет ничего общего со словом *нос* как обозначением одной из частей человеческого лица. Слово *нос* в нем означало «калым» (от глагола *нести*, ср. *ноша*), который приносился женихом родителям невесты. Когда жениху отказывали, он оставался с «носом». Возникшее таким образом выражение *остаться с носом* после исчезновения слова *нос* в значении «калым» было связано со словом *нос* как обозначением определенной части человеческого тела. Таким оно осознается и сейчас, выступая в одном ряду с оборотами *натянуть нос, показать нос, водить за нос*.

рукой подать — близко, *раз плюнуть* — легко и т. д., имеющие наречный характер и выполняющие в предложении роль обстоятельства, встречаются редко и регулярной модели не образуют.

В подавляющем большинстве глагольно-именных фразеологизмов порядок компонентов может быть как прямым, так и обратным, хотя обычно все же глаголы употребляются препозитивно.

В качестве опорного слова словосочетания всегда выступает глагол, однако смыслообразующим самостоятельно он бывает довольно редко. Семантическое соотношение глагола и существительного в пределах фразеологизмов этой модели может быть троякого рода: 1) глагол и существительное семантически равноправны, и оба являются смыслообразующими (*бить баклуши, задавать стрекача, сесть в лужу, знать назубок, бить в набат, выбросить за борт* и т. д.); 2) в качестве смыслообразующего компонента оборота употребляется существительное, глагол же является лексически пустым и служит лишь для выражения чисто грамматических значений; 3) в качестве смыслообразующего компонента оборота выступает глагол, существительное же или представляет собой семантически опустошенное слово, имеющее чисто экспрессивный характер (ср. *городить* и *городить вздор* и т. п.), или выполняет роль своеобразной морфемы (ср. *зажмуриться* и *зажмурить глаза* и др.).

Первый тип смыслового соотношения между глаголом и существительным наблюдается в фразеологических сращениях и фразеологических единствах, третий характерен для фразеологических сочетаний. Что касается второго, то он встречается в таких фразеологических оборотах различной семантической слитности, которые являются «перифразами простых глаголов, содержащими существительное того же корня, что и соответствующий глагол»¹ (ср. *справиться и навести справки, взглянуть и бросить взгляд, обязаться и взять обязательство, ударить и нанести удар, загудеть и дать гудок* и т. д.)².

В немногочисленных оборотах, состоящих из глагола и существительного, соотносительных с наречием,

¹ Понятие введено Ш. Балли (Французская стилистика, Изд. иностр. лит., М., 1961, стр. 94).

² Подробно об этом см. нашу «Фразеологию современного русского языка», изд. «Высшая школа», М., 1963, стр. 117—126.

морфологические формы составляющих их слов не реализуются совершенно.

В основной же массе фразеологизмов, соотносительных с глаголом, реализация грамматических форм компонентов осуществляется в общем довольно широко и свободно, хотя, естественно, далеко не всех. Глагол как опорное слово фразеологизма может реализовать в нем категорию лица, времени, вида, наклонения, в прошедшем времени — рода, образовывать соотносительные деепричастия и причастия и т. д. Степень реализации имеющихся у глагола в свободном употреблении грамматических форм в различных фразеологизмах является разной и зависит от степени семантической слитности частей фразеологического оборота, а также от его структуры и семантики.

Наибольшая реализация грамматических форм у глагола наблюдается в фразеологических сочетаниях и фразеологических выражениях, наименьшая — в фразеологических сращениях. Так, в обороте *принять решение* глагол обладает всеми возможными для него грамматическими формами, в обороте же *собаку съел* глагол имеет лишь способность к образованию форм рода и числа.

Что касается зависимого слова, каким в фразеологических оборотах данной модели является существительное, то оно в отдельных оборотах способно лишь к реализации форм числа (ср. *разинуть рот — разинуть рты, наносить удары — нанести удар, подвело живот — подвело животы, запечатлеть поцелуй — запечатлеть поцелуи* и т. д.).

Фразеологизмы разбираемого типа, кроме основного вида, имеют ряд осложненных, также в общем регулярных и продуктивных.

Поскольку, помимо глагола и существительного, фразеологизмы в свой состав могут включать также и прилагательные, выступающие как определения к существительному, и другие существительные, а иногда и то и другое, постольку осложненные виды модели «глагол +₁ +₂ существительное» (с предлогом и без предлога) являются очень разнообразными: *гадать на кофейной гуще, ходить на задних лапках, положить зубы на полку, стоять одной ногой в могиле, ставить каждое лыко в строку, брать быка за рога, завить горе веревочкой, стричь всех под одну гребенку* и т. д.

§ 53. Фразеологические обороты с особенностями художественно-поэтического характера

Как среди фразеологических единиц, структурно равнозначных предложению, так и среди фразеологических единиц, являющихся словосочетанием, наблюдаются устойчивые обороты, имеющие в своем значении и оформлении специфические признаки художественно-поэтического характера.

В качестве фразеологических оборотов такого рода можно отметить следующие:

1. Фразеологические обороты со словами-антонимами: *нет худа без добра; старая погудка на новый лад; и стар и млад; черным по белому; не на живот, а на смерть; всеми правдами и неправдами; вопрос жизни и смерти; с больной головы на здоровую; ни жив ни мертв.*

2. Фразеологические обороты со словами-синонимами: *из огня да в полымя, переливать из пустого в порожнее, ум за разум заходит, судить да рядить, вокруг да около* и т. д.

3. Фразеологические обороты, представляющие собой алогичные по смыслу конструкции каламбурного характера: *сам не свой, квадратура круга, живой труп, голубая кровь, без ножа зарезать, без году неделя* и т. д.

4. Фразеологические обороты, представляющие собой тавтологические сочетания, т. е. сочетания форм одного и того же слова или однокорневых слов (не являющихся по отношению друг к другу синонимами и антонимами): *зуб за зуб, святая святых, живая жизнь, мал мала меньше, из года в год, дурак дураком, из уст в уста, в конце концов, шутки шутить, все и вся, жевать жвачку* и т. д.

5. Фразеологические обороты, имеющие эвфонический характер. Компоненты таких оборотов связаны между собой не только определенными лексико-грамматическими отношениями, но и рифмой: *сухо по самое ухо; на своих двоих; еле-еле душа в теле; Федот, да не тот; ни ответа ни привета; последняя спица в колеснице; ни кожи ни рожи; ищи свищи; то густо, то пусто; шито крыто; дела как сажка бела¹; на вкус и цвет товарища нет; старость не радость; рожки да ножки; хлопот полон*

¹ Бела — краткая форма от белая, прилагательное употреблено в качестве определения к существительному сажка.

рот¹; гол как сокол; старый друг лучше новых двух²; смех и грех; ни слуху ни духу; руки в брюки; от скуки на все руки; взятки гладки; на нет и суда нет и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 54. Классификация фразеологических оборотов по их происхождению

В генетическом аспекте фразеологические обороты современного русского литературного языка подобны словам. Среди них выделяются четыре различные группы: 1) исконно русские фразеологические обороты; 2) заимствованные фразеологические обороты; 3) фразеологические кальки и 4) фразеологические полукальки.

Основную массу употребляющихся в настоящее время фразеологических оборотов составляют устойчивые сочетания слов исконно русского происхождения: *ищи ветра в поле; как огня бояться; в чем мать родила; водой не разольешь; в один голос; и курица пьет; чревато последствиями; расквасить нос; в карете прошлого далеко не уедешь³; квасной патриотизм⁴ и т. д.*

Значительно меньшую часть составляют остальные группы, хотя и они в русской фразеологической системе играют довольно заметную роль. Как особенно продуктивные и употребительные здесь можно отметить фразеологические кальки и полукальки (*разбить наголову* — калька немецк. *aufs Haupt schlagen*; *убить время* — калька франц. *tuer le temps*; *железный занавес* — калька англ. *iron curtain*; *порочный круг* — калька лат. *circulus vitiosus*; *проглотить пилюлю* — полукалька франц. *avalier la pilule*, *бемское стекло* — полукалька немецк. *böhmisch Glas* и т. д.).

¹ Выражение возникло в результате сокращения пословицы *Хлопот полон рот, а перекусить нечего*.

² Как свидетельствует рифмовка *друг — двух*, оборот возник в южновеликорусском наречии, где звук *г* является не взрывным, а фрикативным.

³ Оборот восходит (с заменой *никуда* на *далеко*) к цитате из пьесы «На дне» А. М. Горького.

⁴ Оборот впервые употреблен в «Письмах из Парижа» (1827 г.) П. А. Вяземским.

Среди фразеологических оборотов, заимствованных из других языков без перевода, в том виде, в каком они бытуют или бытовали в языке-источнике, устойчивым и богатым разрядом являются лишь фразеологические старославянизмы (см. § 59). Все остальные заимствованные фразеологические обороты (ср. *tutti quanti*¹ из итал. яз., *tête-à-tête*² из франц. яз., *cum grano salis*³ из лат. яз. и т. д. не только в общем очень немногочисленны и ограничены в сфере своего употребления письменной речью, но и представляют собой явление преходящее (см. § 60).

Определение исконного или заимствованного характера фразеологического оборота является одной из задач этимологии как науки о происхождении значимых единиц языка и может быть задачей разной степени трудности. Если отграничение исконно русских фразеологических оборотов от заимствованных фразеологических оборотов и фразеологических полукалек особых затруднений не вызывает, то определение, что это — исконно русский фразеологический оборот или фразеологическая калька (в силу возможности одного и того же образа, положенного в основу названия, у самостоятельных выражений одного и того же значения в разных языках), оказывается в ряде случаев очень трудным.

§ 55. Исконно русский фразеологический оборот как языковая единица

Под исконно русским фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве воспроизводимой единицы или возникло в русском языке, или унаследовано им из более древнего языкового источника. Имея в виду время появления исконно русских фразеологических оборотов в русском языке, их, как и слова, можно разделить на три группы: общеславянские фразеологические обороты, восточнославянские фразеологические обороты и собственно русские фразеологические обороты. Две первые группы сравнительно немногочисленны. Третья, включающая

¹ Итал. *tutti quanti* — «всякие другие».

² Франц. *tête-à-tête* — «с глазу на глаз, наедине» (буквально — «голова к голове»).

³ Лат. *cum grano salis* — «с умом, язвительно» (буквально — «с крупинкой соли»).

фразеологические обороты, возникшие в эпоху раздельного существования трех самостоятельных восточнославянских языков, является самой богатой, постоянно и интенсивно увеличивающейся и сейчас. К общеславянским фразеологическим оборотам относятся фразеологические обороты, унаследованные русским языком из общеславянского языка. В подавляющем большинстве такие фразеологические обороты являются и всеславянскими, т. е., будучи полученными из общеславянского языка, они известны во всех славянских языках и сейчас.

В качестве примера общеславянского устойчивого сочетания слов можно назвать, например, *водить за нос* (ср. укр. *водити за ніс*, польск. *wodzić za nos*, болг. *водя за нос* и т. д.). Видоизменением общеславянского оборота *бити въ очи* является *бить в глаза* (ср. укр. *бити в очи*, польск. *bić w oczy*, болг. *бия в очи* и др.)¹. Общеславянскими по своему происхождению и времени появления являются ныне устаревшие, но в древнерусском языке актуальные фразеологизмы *идти войной*—воевать, *поять жену*—жениться и т. д.

К восточнославянским фразеологическим оборотам относятся фразеологизмы, возникшие в эпоху существования древнерусского языка (VI—XV) вв.). Эти обороты сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Именно поэтому, встречаясь и сейчас, как правило, во всех восточнославянских языках, такие устойчивые сочетания слов не наблюдаются в других (южнославянских и западнославянских). К разряду восточнославянских фразеологических оборотов относятся, например, *под горячую руку*, *по правде сказать*, *зашумело в голове* и др. Древнерусским фразеологическим оборотом является также *иду на вы*—«иду на вас» (*вы*—энклитическая форма местоимения 2-го лица в вин. пад. множ. числа), представляющий собой, по свидетельству летописей, выражение князя Святослава, означавшее объявление войны.

Собственно русские фразеологические обороты, как уже было сказано, образуют устойчивые сочетания слов, ставшие такими в русском языке в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского

¹ В русском языке слово *око* впоследствии было вытеснено существительным *глаз*.

языков (в основном с XV в. по настоящее время). Они являются специфической особенностью нашей речи и не встречаются, кроме случаев их заимствования из русского языка, ни в одном из других языков. Это именно те фразеологические обороты, которые образуют глубоко своеобразный и национально-русский характер фразеологической системы нашего языка.

Входящие в эту группу фразеологические обороты в своей массе (если они не калькируются или заимствуются в целом) дословно не переводятся и при переводе должны заменяться синонимическими оборотами, имеющими ту же стилистическую окраску. Так, оборот *тише едешь — дальше будешь* соответствует нем. *eile mit Weile* (буквально — «спеши с медленностью»), представляющему собой кальку лат. *festina lente*, итал. *chi va piano, va sano* (буквально — «кто идет медленно, идет быстро»), др.-греч. *kichanei toi bradys ôkyn* (буквально — «спешащего медленный догоняет») и т. д.; оборот *как кур во щи* соответствует в болгарском языке выражению *като петел в кълчища* (буквально — «как петух в пеньку»), в польском *jak kozioł w studnię* (буквально — «как козел в колодец»); обороту *дело в шляпе* в чешском языке соответствует *ruka je v rukávě* (буквально — «рука в рукаве»); фразеологический оборот *душа в пятки ушла* соответствует в английском языке выражению *his heart sank into his boots* (буквально — «его сердце упало в его ботинки») и т. д.

В подавляющем большинстве исконно русские фразеологические обороты возникли из первоначально свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент стали фразеологическими, т. е. воспроизводимыми целиком, как единое целое. Но среди устойчивых сочетаний слов исконно русского происхождения есть и такие, которые не восходят к свободным сочетаниям, а были образованы как фразеологические обороты сразу, по аналогии с уже существующими выражениями (см. § 57).

§ 56. Причины превращения свободных сочетаний слов в фразеологические обороты

Основными причинами превращения свободных сочетаний слов в устойчивые по своему составу и строению и целостные по значению фразеологические обороты

являются следующие: 1) постоянное употребление свободных сочетаний слов не в прямом, а в обобщенном и образно-переносном значении¹, 2) появление в свободном сочетании слов слова связанного, фразеологически ограниченного употребления и 3) выражение свободным сочетанием слов единого понятия, актуального для данной исторической эпохи².

Так, фразеологические обороты *у разбитого корыта*, *как белка в колесе*, *человек в футляре*, *бывшие люди* возникли на базе свободных сочетаний слов, появившихся соответственно под пером Пушкина, Крылова, Чехова и Горького, в результате метафоризации, при постоянном и повторяемом употреблении в переносном, образно-обобщенном значении вне того художественного контекста, в котором они зародились.

По этой же причине, в силу частого и длительного использования в метафорическом значении (опять-таки вне той речевой ситуации, в которой они возникли как свободные сочетания слов с прямым, номинативным, значением), превратились в фразеологические обороты сочетания *(кричать) во всю ивановскую*³, *в час по чайной ложке* (первоначально формула, разъясняющая способ приема лекарства), *хоть кол на голове теши* (такая крепкая голова), *на безрыбье и рак рыба*, *цыплят по осени считают* и т. д.

Совсем по другой причине превратились в фразеологические обороты первоначально бывшие свободными сочетаниями слов *красная девица*, *во сто крат* (*крат* — раз), *потерпеть фиаско*, *пропасть даром* (слово *даром* здесь употребляется в значении «бесполезно»), *скоропостижная смерть*, *истощный крик*, *чревато последствиями* и т. д. Они стали фразеологизмами потому, что в их составе с течением времени у слов со свободным значением появилось значение фразеологически связанное.

¹ Б. А. Ларин (см. Очерки по фразеологии, «Ученые записки ЛГУ», серия филологич. наук, вып. 24, 1956, стр. 219) дает этому следующую формулировку: «метафоризация, расширение и обобщение значения в сторону образной типичности».

² См. понятие актуализации у Л. И. Ройзензона (Фразеологизация как лингвистическое явление, «Труды Самаркандского университета», № 113, 1961, стр. 113).

³ Появилось в начале XVI в., после возникновения в Кремле Ивановской площади (около колокольни Ивана Великого), на которой во всеуслышание, громко дьяки оглашали царские указы.

Так, фразеологическое сочетание *красная девица* состоит сейчас из двух слов: фразеологически связанного по своему употреблению в значении «красивая, хорошая» слова *красная* и свободного по своему употреблению слова *девица*. О том, что *красная* — «красивая, хорошая» — было раньше свободным по своему употреблению, говорят факты древнерусского языка, в котором это слово способно было соединяться с любым существительным: *уноша красьнъ зъло* (юноша очень красив); *коль красьна милость въ врѣмя скърби* (сколь хорошо благорасположение во время горя) и т. д.

Если мы поставим вопрос о причине превращения в фразеологические обороты словосочетаний *страны социалистического лагеря, сдать в эксплуатацию, социалистическое соревнование, педагогическая практика, режим экономии* и т. п., то таковой будет обозначение ими единого и притом актуального в настоящее время понятия. Это не значит, что для того, чтобы свободное сочетание слов превратилось в фразеологизм, оно должно обязательно стать «единственным выразителем соответствующего понятия»¹ (последнее может иногда выражаться и другими языковыми средствами), однако оно все-таки обязательно должно быть привычной и актуальной, а также частой или даже преимущественной формой обозначения соответствующего понятия, по сравнению с которой другие являются или производными и зависимыми (ср. *педагогическая практика* — *недпрактика* и т. д.), или менее яркими' (ср. *на все сто процентов* — *полностью* и т. п.).

Благодаря постоянному и повторяемому употреблению свободных сочетаний слов в обобщенном, образно-переносном значении в языке возникают исконно русские фразеологические единства и фразеологические выражения коммуникативного характера. В результате появления в составе первоначально свободного сочетания слов слова связанного употребления в языке образуются исконно русские фразеологические сочетания. Постоянное и повторяемое обозначение исходно свободным сочетанием слов одного — актуального в данное время — понятия приводит к образованию на его месте исконно

¹ Л. И. Ройзензон, Фразеологизация как лингвистическое явление, «Труды Самаркандского университета», № 113, 1961, стр. 118.

русского фразеологического выражения номинативного характера.

Исконно русские фразеологические сращения непосредственно из свободных сочетаний не образуются, они возникают в языке как вторичное явление, явление высшей степени фразеологизации, на базе различных фразеологических оборотов (в первую очередь — в результате потери мотивированности и метафоричности — на базе фразеологических единств).

Не являются причинами превращения свободного сочетания слов в фразеологический оборот «утрата подробностей» и изменение исходного грамматического строения. Напротив, и утрата подробностей (ср. *ни кола ни двора, ни милого живота* > *ни кола ни двора*¹), и изменение исходного грамматического строения (ср. *на сон грядущим* > *на сон грядущий*) являются не причиной фразеологизации, а ее следствием и ведут не к появлению из свободного сочетания слов фразеологического оборота, а к возникновению на базе исходной формы фразеологического оборота новой, к той или иной трансформации в самом фразеологическом обороте.

Что касается «утраты реалии, того жизненного опыта, явления, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции»² (также указываемой иногда в качестве причины превращения свободного сочетания слов в фразеологический оборот), то на самом деле она представляет собой одну из причин превращения фразеологических единиц в фразеологические сращения.

§ 57. Исконно русские фразеологические обороты, образованные по модели

Кроме исконно русских фразеологических оборотов, возникших в результате словоупотребления на базе свободных сочетаний слов (они образуют основную массу

¹ Ср. дальнейшую эллипсизацию этого выражения в индивидуально-авторском употреблении П. Антокольского:

*Нет ни изданных книг, ни любовниц, ни славы,
Ни жилья, ни угла, ни кола.
Лишь бы молодость старостью не заросла бы,
Не смолчала бы, не солгала.*

² Б. А. Ларин, Очерки по фразеологии, «Ученые записки ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 220.

исконно русских фразеологизмов), в фразеологической системе русского языка есть разряд фразеологических оборотов, созданных по модели¹. Фразеологизмы такого рода образуются по аналогии и появляются в речи всегда как новообразования, подобно тому как слова, созданные тем или иным морфологическим способом словообразования.

Первоначально, таким образом, они возникают в речи как неологизмы, лишь постепенно входя в общее употребление. Как фразеологические обороты аналогического происхождения, они всегда связаны в своем появлении со стремлением более ярко и выразительно назвать то, что в языке уже было названо, и тем самым подобны номинативно-стилистическим неологизмам словного характера.

В качестве примеров моделированных фразеологизмов можно назвать такие обороты, как *березовая каша*, *кормить завтраками*, *городить чушь*, *помирать со смеху*, *заложить за галстук*, *сапоги всмятку*, *без ножа зарезать*, *без году неделя*, *живой труп* и т. п. Все они возникли по модели уже существовавших в языке фразеологических оборотов, причем в одном случае с использованием одной их структуры, а в другом — с использованием как структуры, так и отдельных их компонентов (подробнее об этом см. § 71).

Так, фразеологизм *березовая каша* — «порка» возник в качестве фразеологического единства не на базе свободного словосочетания *березовая каша* (такого никогда не было, как не было и нет березовой каши!), а сразу, по модели, причем с использованием не только структуры фразеологических сочетаний типа *манная каша*, *пшенная каша*, *гречневая каша* и т. д., но и их грамматически опорного слова — *каша*.

Так же, по модели, но уже с использованием одной структуры именных конструкций оксюморонного характера типа *белая ворона* образовано фразеологическое единство *живой труп* Л. Н. Толстым.

Таким образом, моделированные фразеологизмы «не проходят» стадии свободных сочетаний слов с прямым, номинативным, значением. По аналогии с уже имеющи-

¹ См.: С. И. О ж е г о в, О структуре фразеологии. В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 2, изд. АН СССР, М., 1957, стр. 45.

мися в языке фразеологическими оборотами они создаются сразу и как образное наименование того, что уже так или иначе названо. Появляются такого рода фразеологизмы всегда как фразеологические неологизмы, индивидуально-авторского характера, однако они далеко не всегда закрепляются впоследствии в общем употреблении. Новообразования, возникающие в художественной и публицистической литературе, из контекстуальных оборотов превращаются в общеязыковые фразеологизмы особенно редко.

§ 58. Понятие «заимствованный фразеологический оборот»

Под заимствованным фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве готовой воспроизводимой единицы языка пришло в русский язык извне и употребляется в ней в том виде, в котором оно известно или было известно в языке-источнике. Таким образом, заимствованные фразеологические обороты — это иноязычные по происхождению фразеологизмы, употребляющиеся без перевода.

К разбираемой группе, например, относятся выражения *соль земли*, *исчадие ада* (*исчадие* — «детище»), заимствованные русским языком из старославянского, фразеологические обороты *alma mater* — «университет» (буквально — «кормящая мать»), *modus vivendi* — «образ жизни», пришедшие в русский язык из латинского, и т. д.

По своему характеру имеющиеся в современном русском литературном языке заимствованные фразеологические обороты распадаются на два разряда: 1) фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка, и 2) иноязычные обороты без перевода из западноевропейских языков. Первый разряд является довольно большим, более или менее стабильным и совершенно обрусевшим, второй представляет собой небольшую (постоянно уменьшающуюся) группу книжных и явно нерусских выражений, которые (если не исчезают вовсе) или вытесняются соответствующими фразеологическими кальками, или превращаются в слова.

От заимствованных фразеологических оборотов следует отграничивать как фразеологические кальки и полукальки (см. ниже), так и исконно русские фразеоло-

гические обороты, состоящие из иноязычных по происхождению слов. Последние «иноязычны» лишь по составу, но отнюдь не по происхождению, поскольку фразеологизация иноязычных слов в воспроизводимую единицу произошла уже в русском языке.

Так, фразеологизм *алгебра революции* состоит целиком из заимствованных слов, однако в качестве устойчивого сочетания слов он возник в русском языке (исходное выражение как определение философии Гегеля принадлежит Герцену) и является исконно русским (ср. исконно русские слова типа *акмеизм, нигилист, психопат* и т. д., состоящие из иноязычных морфем, но возникшие в русском языке).

Следует отметить также, что не гарантирует исконно русского происхождения фразеологического оборота исконно русское происхождение составляющих его компонентов. Здесь уже исконно русские обороты следует отграничивать от фразеологических калек (см. § 61) и фразеологических старославянизмов. Например, выражение *соль земли* — «наиболее творческая часть народа», целиком состоит из исконно русских слов общеславянского характера. Тем не менее оно не является исконно русским, возникшим из свободного сочетания слов в русском языке, а представляет собой заимствование из старославянского языка. В последнем это выражение из евангелия (так Иисус назвал своих учеников).

§ 59. Фразеологические обороты, заимствованные из старославянского языка

После появления на Руси христианства в результате влияния старославянского языка на древнерусский в последнем закрепилось довольно большое количество выражений, представляющих собой ходячие цитаты из книг священного писания (библии, псалтырей, нового завета и т. д.).

Многие из этих фразеологических старославянизмов (в силу близости словарного состава и грамматического строя старославянского и древнерусского языков) настолько прочно вошли в нашу фразеологическую систему, что не чувствуется не только их заимствованный характер, но и первоначально характерная для них книжная стилистическая окраска.

Например, усвоенные нашим языком старославянские фразеологические обороты *злачное место, всей душой, в плоть и кровь, ради бога, корень зла, знамение времени, козел отпущения, на сон грядущий* и т. д. не только не осознаются сейчас чужими для фразеологии русского языка, но и не имеют никакого специфически книжного оттенка с точки зрения стилистической. Правда, среди фразеологических старославянизмов имеется определенная часть устойчивых сочетаний слов, 'которым присущи книжный оттенок и архаический характер, однако таких оборотов в общем немного и употребляются они все меньше и меньше (ср. *врачу, исцелися сам* — «врач, исцелись сам», *ищите и обряцете* — «ищите и найдете», *ложь во спасение, со страхом и трепетом, терновый венец* — «терновый венок», *смертный грех, ныне отпущаеши* и т. д.). Значительная часть фразеологических старославянизмов в своем лексическом составе не содержит никаких специфических слов и грамматических форм, неизвестных современному русскому литературному языку в свободном употреблении (ср. *нищие духом, не сотвори себе кумира, имеющий уши да слышит, метать бисер перед свиньями, альфа и омега, по образу и подобию, всем сердцем* и др.).

Однако многие старославянские по своему происхождению фразеологические обороты в силу традиции их употребления и устойчивости свойственного им лексического состава имеют в себе как устаревшие слова, так и архаичные грамматические формы. Следует отметить, что наличие в лексике и грамматике выражения устаревших элементов механически не означает, что тем самым устаревшим является и выражение в целом: отношения здесь значительно сложнее (см. § 47). Во всяком случае общеупотребительными и привычными в качестве целых значимых единиц, т. е. принадлежащими к активному фразеологическому запасу современного языка, является, несмотря на наличие в их составе архаизмов, довольно большое число оборотов, усвоенных русским языком из старославянского.

К этой группе, в частности, относятся следующие выражения: *ничтоже сумняшеся* (*ничтоже* — ничуть не, *сумняшеся* — сомневались); *питаться акридами* (*акриды* — съедобная саранча или съедобное растение *Akris*); *око за око, зуб за зуб* (*око* — глаз); *тьма крошечная*

(крошная — беспросветная, буквально — «внешняя»); как зеницу ока (зеница — зрачок); всякое даяние благо (даяние — подношение, дар; благо — хорошо); глас вопиющего в пустыне (глас — голос; вопиющий — кричащий); не от мира сего (сей — этот); красугольный камень; притча во языцех (языцех < языцѣхъ — старая форма предложн. пад. мн. числа от слова языкъ в значении «народ»); земля обетованная (обетованная — обещанная); бразды правления (бразды < брозды < брѣзды — вожжи, удила); иже с ними (иже — которые); во время оно (оно — форма ср. рода от онъ — оный, тот); до скончания века (скончание — конец; век — жизнь); имя им легион (легион — 10 000); святая святых (святая — им. пад. множ. числа от святое) и др.

От фразеологических оборотов, заимствованных из старославянского языка и представляющих собой те или иные изречения из церковно-богослужебных книг, следует отличать фразеологизмы, возникшие позднее на базе библейских и евангельских мифов уже в русском языке.

Таковыми, например, являются в фразеологической системе современного русского языка обороты *избиение младенцев*, *зарыть талант в землю*, *строить на песке*, *волк в овечьей шкуре*, *вавилонское столпотворение*, *Содом и Гоморра* и т. д.

Так, фразеологизма *волк в овечьей шкуре*, как такового, в старославянском языке не было. Он появился в русском языке на базе евангельского отрывка: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»¹. Образ, положенный в основу фразеологического оборота *волк в овечьей шкуре*, заимствован; сам же фразеологический оборот — в характерной для него форме и лексико-грамматическом составе — по своему возникновению в качестве целостной единицы является исконно русским.

§ 60. Фразеологические обороты без перевода из западноевропейских языков

В отличие от фразеологических старославянизмов, в своем подавляющем большинстве совершенно не

¹ Ср. в Остромировом евангелии: *Приходятъ къ вамъ въ одеждѣхъ овчѣхъ, утрьюду* (утрь — внутрь; юду — суффикс наречия, ср. *всюду* от *всь* — весь) *же суть вѣлци и хыщницы*.

ощущаемых как иноязычные обороты, иностранный характер выражений, заимствованных русским языком без перевода из западноевропейских языков, как правило, совершенно ясен. Нерусское происхождение этих фразеологизмов, по своему употреблению ограниченных книжной речью, проявляется как в том, что нередко они не транслитерированы и передаются не русскими буквами, а посредством латинского алфавита, так и в том, что слова, из которых они состоят, сохраняют обычно все присущие им в языке-источнике свойства (ср., впрочем, *идея фикс* вместо *idée fixe* из франц. яз.). В этом отношении иноязычные фразеологические обороты без перевода аналогичны лексическим варваризмам, почему могут быть названы иностранными фразеологическими оборотами (ср. *Alea jacta est* — «жребий брошен» (Ю. Цезарь) — из лат. яз., *honoris causa* — «ради чести, за заслуги» — из лат. яз., *à la guerre comme à la guerre* — «на войне как на войне» — из франц. яз., *ол райт* — «хорошо, все в порядке» — из англ. яз.). Чужезычность соответствующих выражений лишней раз подчеркивается наличием у многих из них соответствующих им фразеологических калек (ср. лат. *O tempora, o mores!* и «О времена, о нравы!» (Цицерон), итал. *dolce far niente* и «сладкое ничегонеделание», франц. *фасон парле* < *façon de parler* и «манера выражаться» и т. д.). Как выше уже отмечалось, в количественном отношении разбираемая группа является небольшой и не увеличивается в своем составе, а, напротив, все более и более уменьшается.

Сужение круга иностранных фразеологических оборотов происходит не только за счет ухода из употребления в силу их архаизации (ср. устаревшие и малоупотребительные сейчас выражения *ipso facto* — «в силу самого факта», *profession de foi* — «символ веры», *ultima ratio* — «последнее средство» и т. д.), но также и в силу того, что они или вытесняются более употребительными однозначными фразеологическими кальками, или сливаются в слова.

Так, иностранные фразеологизмы *homo homini lupus est* (из лат. яз., выражение из комедии «Ослы» древнеримского писателя Плавта), *tertium non datur* (из лат. яз.), *time is money* (из англ. яз., афоризм американского политического деятеля В. Франклина), *enfant terrible*

(из франц. яз.) и т. д. все более и более вытесняются соответствующими фразеологическими кальками (о них см. § 61 и сл.): *человек человеку — волк*, *третьего не дано*, *время — деньги*, *ужасный ребенок* и т. д. Что касается, например, иностранных фразеологизмов *table d'hôte* (из франц. яз.), *chef d'œuvre* (из франц. языка), *qui pro quo* (из лат. яз.), *salto mortale* (из итал. яз., буквально — «смертельный прыжок»), *bon mot* (из франц. яз.), *beau monde* (из франц. яз.), *va banque* (из франц. яз.), *comme il faut* (из франц. яз.), *i grec* (из франц. яз., буквально — «греческое и»), то они превратились сейчас в целостные слова *табльдот*, *шедевр*, *квипрокво*, *сальто-мортале*, *бонмо*, *бомонд*, *ва-банк*, *камильфо*, *игрек*.

Языком-источником подавляющего большинства иностранных фразеологизмов является латинский язык (ср. *argumentum ad hominem*, буквально — «аргумент применительно к человеку», *nomina sunt odiosa*, буквально — «имена ненавистны», *aqua vitae* — «водка», *alter ego* — «второе я», *volens nolens* — «волей-неволей», *persona grata*, буквально — «желанная личность», *pater familias* — «отец семейства», *deus ex machina*, буквально — «бог из машины», *in medias res*, буквально — «в середину дела», *pro et contra* — «за и против», *quo vadis* — «куда идешь», *casus belli* — «состояние войны», *terra incognita* — «неизвестная земля» и т. д.). Фразеологические обороты, заимствованные из остальных языков, представлены единичными примерами (ср. *гуд бай* (из англ. яз.), *carte blanche* (из франц. яз.), *finita la commedia* (из итал. яз.), *raison d'être* (из франц. яз.) и т. д.; см. также отмеченные выше).

§ 61. Понятие «фразеологическая калька»

Значительный разряд существующих в современном русском литературном языке фразеологических оборотов составляют фразеологические кальки. Под фразеологической калькой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота. Фразеологические кальки возникают тогда, когда чужой фразеологический оборот переводится на русский язык не целиком, а по составляющим его компонентам, т. е. по словам, из которых он складывается.

Тем самым, между прочим, фразеологическое калькирование в ряде случаев приводит к возникновению таких русских словосочетаний, в которых синтаксические связи и семантические отношения слов не соответствуют существующим в русском языке правилам и законам. Это обстоятельство позднее может отразиться в развитии новых переносных значений и новых моделей сочетания слов.

Поясним, что такое фразеологическая калька, на конкретных примерах. В современном русском литературном языке довольно часто употребляется фразеологический оборот *борьба за существование*. Это фразеологическая калька английского выражения *struggle for life*, восходящего к заключительным словам заглавия книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859). Соответствующий фразеологизм был переведен по своим частям: сущ. *struggle* словом *борьба*, предлог *for* — предлогом *за*, сущ. *life* словом *существование*.

В разговорной речи очень употребительно фразеологическое сращение *иметь зуб (против)*. Своим происхождением оно обязано французскому обороту *avoir une dent (contre)* и представляет его буквальный дословный перевод: *avoir* значит *иметь*, *une dent* (ср. *дантист*) — *зуб*, *contre* (ср. *контрудар*) — *против*. Соединенные вместе, эти слова и образуют фразеологическую кальку с французского выражения *иметь зуб (против)*. Простой перевод этого французского выражения в том или ином контексте может быть осуществлен употреблением его русского семантического эквивалента *злиться (на кого-нибудь)*.

Фразеологический оборот *разбить на голову* возник в результате калькирования немецкого выражения *auf's Haupt schlagen*: предлог *auf* был переведен предлогом *на*, сущ. *Haupt* — сущ. *голова* (в вин. пад. — *голову*) и глагол *schlagen* — глаголом *разбить*, и т. д.

§ 62. Точные и неточные фразеологические кальки

Пословный перевод иноязычного фразеологического оборота, каким является фразеологическая калька, может быть как абсолютно точным, так и в известной сте-

пени приблизительным. Последнее в объективном плане объясняется прежде всего тем, что лексико-грамматические нормы языка, оборот которого калькируется, в известной степени отличаются от лексико-грамматических норм русского языка.

В силу этого фразеологические кальки могут быть точные и неточные.

Точные фразеологические кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чуждого фразеологизма без каких-либо отступлений (ср. *задняя мысль*, передающее франц. *arrière pensée*; *иметь место*, передающее франц. *avoir lieu*; *синий чулок*, передающее англ. *blue stocking*; *бумага не краснеет*, калькирующее лат. *epistola non erubescit* и т. д.). Неточные фразеологические кальки — пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его отдельных компонентов. Например, тот факт, что в русском языке в качестве определения более обычны препозитивные прилагательные, нежели родительный падеж постпозитивного существительного, привел к тому, что в нем появились такие неточные кальки, как *железная дорога* (< франц. *chemin de fer*, буквально — «дорога железа»), *дневное светило* — «солнце»¹ (франц. *flambeau de jour*, буквально — «светило дня»), *с птичьего полета* (франц. *à vol d'oiseau*, буквально — «с полета птицы») ² и т. д. В качестве неточных фразеологических калек можно указать такие обороты, как *от всего сердца* (франц. *de tout mon cœur*, во французском обороте слово *сердце* имеет определение *mon* — «мой»), *аппетит приходит во время еды* (франц. *l'appétit vient en mangeant*; французское *en mangeant*, буквально — «в едении», передано сочетанием трех слов: *во время еды*), *быть как на иголках* (франц. *être sur des épines*; во французском обороте отсутствует сравнительный союз *как*) и т. д.

К неточным фразеологическим калькам примыкают фразеологизмы, возникшие в русском языке в результате неточного калькирования иноязычных сложных слов.

¹ Ср.: *Погасло дневное светило*. (Пушкин.)

² В польском языке соответствующий французский фразеологизм дал точную фразеологическую кальку — *z lotu ptaka*.

Как известно, в результате калькирования слов (поскольку оно является поморфемным переводом чужого слова с помощью соответствующих морфем, свойственных русскому языку) возникают слова (ср. *плотность* < франц. *solidité*¹, небоскреб < англ. *skyscraper*, *сверхчеловек* < немецк. *Übermensch* и т. д.). Однако это наблюдается не всегда. В ряде случаев на месте слова при калькировании появляется фразеологический оборот. Это явление наблюдается тогда, когда калькируются иноязычные сложные слова, составные части которых могут быть переданы не только морфемами (см. выше), но и целыми лексическими единицами.

Здесь (как и, например, при калькировании нем. *Übermensch*, давшего в русском языке сущ. *сверхчеловек*) перевод чужого слова осуществляется по морфемам, однако заменяются при этом они не аналогичными русскими морфемами, а соответствующими по своей семантике словами. Так возникли, например, в русском языке фразеологические обороты *детский сад*, *соломенная вдова*, *порядок дня*, *прибавочная стоимость*, *адамово яблоко* и т. п., передающие соответственно немецкие слова *Kindergarten*, *Strohwitwe*, *Tagesordnung*, *Mehrwert*, *Adamsapfel* и др.

§ 63. Источники фразеологических калек в русском языке

Среди бытующих в настоящее время фразеологических калек наблюдаются как обороты, семантически эквивалентные слову (см. § 37, 38), так и обороты, смысл которых складывается из значения составляющих их компонентов.

Подавляющее большинство фразеологических калек, представляющих собой единства и сращения и равнозначных словам, является буквальным переводом соответствующих французских выражений, влившихся в русский язык в конце XVIII — начале XIX в. Значительно меньше в русском языке пословных переводов таких фразеологических единиц из других языков (латинского, греческого, немецкого, английского, итальянского). Что

¹ Существительное *плотность* как лексическая калька франц. *solidité* является неологизмом А. Д. Кантемира.

касается фразеологических калек, являющихся фразеологическими сочетаниями и фразеологическими выражениями, то здесь их преобладающий язык-источник назвать довольно трудно.

Основная масса фразеологических калек представляет собой обороты, иноязычность структуры которых совершенно не чувствуется. Это объясняется тем, что по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они никак не отличаются от тех оборотов, которые являются исконно русскими. В качестве примеров фразеологических калек, употребляющихся в современном русском литературном языке, кроме отмеченных в § 61, 62, можно привести следующие:

1. Кальки французских выражений: *бросить тень* (на) (*jeter les ombres (sur)*), *носить отпечаток* (*porter l'empreint*), *ломиться в открытую дверь* (*enfoncer une porte ouverte*), *убить время* (*tuer le temps*), *сломать лед* (*rompre la glace*), *с первого взгляда* (*au premier aspect*), *начало конца* (*commencement de fin*), *лучше поздно, чем никогда* (*mieux vaut tard que jamais*), *башня из слоновой кости* (*tour d'ivoire*¹), *быть в числе* (*être dans le nombre*), *иметь немножко терпения* (*avoir un peu patience*), *игра не стоит свеч* (*le jeu n'en vaut pas la chandelle*), *видеть все в черном свете* (*voir tout en noir*)², *работать как вол* (*travailler comme un bœuf*), *вопрос жизни и смерти* (*une question de vie et de mort*), *медовый месяц* (*la lune de miel*³) и т. д.⁴

2. Кальки фразеологических оборотов из других языков: *состояние войны* (лат. *status belli*), *синий чулок* (англ. *blue stocking*), *железный занавес* (англ. *iron curtain*), *порочный круг* (лат. *circulus vitiosus*), *вот где собака зарыта* (немецк. *Da ist der Hund begraben*), *крылатые слова* (немецк. *geflügelte Worte*), *жизненный*

¹ Выражение Сент-Бёва из его стихотворного послания «А. М. Villemain» для характеристики А. де Виньи.

² Ср. художественный образ, созданный на базе этого оборота А. С. Пушкиным: *Но от друзей спаси нас, боже! Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я. А что? Да так. Я усыпляю пустые, черные мечты* (мечты здесь значит «виденья»).

³ Выражение Вольтера из его философского романа «Задиг, или Судьба».

⁴ Другие примеры см. в кн.: В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, М., 1938, стр. 163—168.

уровень (англ. standard of life), *холодная война* (англ. cold war), *лебединая песня* (греч. kúkneion asma), *невзирая на лица* (немецк. ohne Ansehen der Person) и т. п. Многие из такого рода фразеологических калек представляют собой дословный перевод так называемых крылатых слов, т. е. афоризмов, авторы которых известны говорящим до сих пор: *быть или не быть* (Шекспир); *о святая простота* (Ян Гус); *что и требовалось доказать* (Эвклид); *и ты, Брут* (Шекспир); *блистать своим отсутствием* (Мари Жозеф Шенье); *король-то голый* (Андерсен); *слуга двух господ* (Гольдони); *стиль — это человек* (Бюффон); *золотая середина* (Гораций); *люди, будьте бдительны* (Фучик) и др.

§ 64. Фразеологические полукальки

Кроме фразеологических калек, в фразеологической системе современного русского литературного языка имеется также группа фразеологических полукалек. Фразеологической полукалькой является полуперевод, полузаимствование чуждого фразеологического оборота. Она появляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода.

Так, французский фразеологизм *battre en brèche* подвергся в русском языке неполному калькированию, при котором слова *battre en* были переведены глаголом *пробить*, а слово *brèche* заимствовано. В результате возникла фразеологическая полукалька *пробить брешь*.

В качестве фразеологических полукалек (ср. лексические полукальки типа *гуманность*, *телевидение*, *адмиралтейство* и т. д.) можно указать обороты *бравурная ария* (франц. air de bravoure), *трен жизни* (франц. train de vie), *сделать сцену* (франц. faire une scène), *принять резолюцию* (франц. prendre une résolution)¹, *смешать карты* (франц. brouiller les cartes), *артезианский колодец* (франц. puits artésien), *дядя Сэм* (англ. uncle Sam), *желтая пресса* (англ. yellow press) и т. д. Фразеологической полукалькой французского выражения *faire la cour*

¹ Кроме полукальки, этот французский фразеологизм дал уже в русском языке XVIII в. и фразеологическую кальку — *принять решение*.

(правда, особой, в силу отложившейся в ней ложной или так называемой «народной» этимологии) является и фразеологическое сращение *строить курь* — «ухаживать»¹. Оно появилось в русском языке в результате перевода слова *faire* глаголом *строить* (первоначально — *делать*)² и заимствования существительного *cour* (двор) с переоформлением его затем в *курь* под влиянием существительного *курь* (ср. исконно русское *петушиться*).

§ 65. Фразеологическое калькирование и степень семантической слитности фразеологических оборотов языка-источника

Анализ калек и полукалек иноязычных фразеологизмов, наблюдающихся в современном русском литературном языке, показывает, что между степенью семантической слитности фразеологического оборота и способностью его калькироваться существует тесная и определенная связь и соотношение.

Совершенно свободно калькируются фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Среди имеющихся в русском языке фразеологических калек и полукалек больше всего именно оборотов этого рода.

В значительно меньшей степени способны калькироваться фразеологические единства, представляющие собой, как уже указывалось (см. § 38), обороты образного характера. Это объясняется тем, что во многих иноязычных фразеологических единствах содержится специфически национальная и в силу этого чуждая русскому языку мотивировка названия, выступают в качестве компонентов слова, характеризующие быт и специфические национальные черты того или иного народа, наблюдается непереводимая игра слов и т. д. Именно поэтому иноязычные обороты подобного типа чаще всего передаются

¹ Ср. также сращение этого оборота без перевода в слово *ферлакур* — «волокита»; «Да уже не говорите, такой *ферлакур*, что просто беда» (Григорович, Лотерейный бал).

² Ср. у Сумарокова:

Однако знанием хотела поблистать
И ставила слова французские некстати,
Сказала между тем: «Я еду *делать курь*,
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор, кур делают наседки».

при переводе эквивалентными по смыслу и стилистической окраске фразеологизмами и словами русского языка.

Способностью легко калькироваться среди иноязычных фразеологических единств обладают лишь те, пословный перевод которых сохраняет всю лингво-стилистическую специфику оригинала (ср. при наличии буквы *i* в дореволюционной орфографии кальку французского оборота *mettre les points sur les i* — *ставить точки над и*). Почти не калькируются — в связи с их условностью и немотивированностью, а также особенностями в лексико-грамматическом составе — иноязычные фразеологические сращения (ср. франц. *entre chien et loup* — в сумерки, буквально «между собакой и волком»¹; немецк. *auf der Palme sitzen* — быть вне себя, буквально «на пальме сидеть»; франц. *se mettre sur son trente et un* — разодеться в пух и прах, буквально «пуститьсь в свои тридцать одно»; англ. *to cut off with a shilling* — лишиться наследства, буквально «отрезать с шиллингом» и т. д.). В тех редких случаях, когда калькируется фразеологическое сращение, получившийся фразеологизм обязательно подвергается воздействию «народной» этимологии (ср. оборот *строить куры*).

§ 66. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления

Как в учебных пособиях, так и в специальных статьях при рассмотрении фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их происхождения собственно генетический аспект неправомерно смешивается с другими аспектами.

Особенно часто классификация фразеологизмов русского языка с точки зрения их происхождения без ка-

¹ В индивидуально-авторском употреблении соответствующее французское фразеологическое сращение в виде кальки известно, однако оборот в этих случаях сознательно писателями разлагается, в определенных стилистических целях они пользуются им, как если бы этот оборот был свободным сочетанием слов. Ср.: *Люблю я дружеские враки и дружеский бокал вина порою той, что названа порамеж волка и собаки, а почему, не вижу я* (Пушкин). Ср. также: *Между волком и собакой забежал он ко мне — выпивал галон пива, ел что попало, и, когда волк брал верх над собакой, Мюллер уже сидел в райке какого-нибудь театра, заливаясь громким гуттуральным смехом и потом, струившимся со всего его лица* (Герцен).

ких-либо логических оснований «перебивается» классификацией с точки зрения первоначальной сферы их употребления как устойчивых сочетаний слов. Вследствие этого совершенно неправильно в один ряд ставятся ряды, однородными не являющиеся (например, идиомы, русские пословицы и поговорки, профессиональные выражения, библейские выражения, переводы иноязычных пословиц и поговорок, иноязычная фразеология в оригинале, меткие слова выдающихся людей, цитаты из русских литературных произведений и т. д.¹).

Выше (§ 54—65) уже говорилось, на какие группы распадаются фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения. Ясно, что эти группы совершенно не совпадают с теми, которые можно выделить в современной русской фразеологии с точки зрения сферы первоначального употребления фразеологизмов как целостных значимых единиц языка, т. е. с точки зрения того, где соответствующие фразеологические обороты стали фразеологизмами. Так, профессиональные выражения могут быть как исконно русскими, так и кальками и полукальками, меткие слова выдающихся людей также могут быть заимствованными и т. д.

Поэтому классификация фразеологических оборотов с точки зрения первоначальной сферы их употребления носит подчиненный характер, уточняя и детализируя генетическую классификацию фразеологизмов в целом.

Имея в виду сферу первоначального употребления, фразеологические обороты исконно русского характера можно разделить на следующие группы:

1. Выражения из разговорно-бытовой речи, включая сюда и ходячие обороты, и пословицы, и поговорки (*потерять голову; на босу ногу; в сорочке родился; на безрыбье и рак рыба; терпенье и труд все перетрут; мал золотник, да дорог; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; не все то золото, что блестит; цыплят по осени считают; зубы заговаривать; сказка про белого бычка; скатертью дорога; за тридевять земель; сума переметная; хоть кол на голове теши; красная девица; чудеса в решете* и т. д.).

¹ См. подобную классификацию, например, в кн.: А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Современный русский литературный язык, «Радянська школа», 1960, стр. 97 и сл.

2. Выражения из профессиональных диалектов и арго (*разделать под орех, топорная работа, без сучка, без задоринки* — из речи столяров; *ставить в тупик, зеленая улица* — из словоупотребления железнодорожников; *играть первую скрипку, задавать тон* — из профессионального диалекта музыкантов; *ни в зуб ногой* — из школьного аргю; *втирать очки, карта бита, идти в гору* — из аргю картежников; *на всех парусах, закусить удила, тянуть канитель* и т. д.).

3. Выражения из книжно-литературной речи, включая:

а) отсложения научной терминологии, например: *отрицательная величина, центр тяжести, довести до белого каления, катиться по наклонной плоскости, привести к общему знаменателю* и т. д.;

б) устойчивые обороты из художественной литературы и публицистики, которые обычно называются крылатыми словами: *всерьез и надолго; лучше меньше, да лучше; социализм — это учет* (В. И. Ленин); *а ларчик просто открывался; слона-то я и не заметил; Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку; наделала синица шуму, а моря не зажгла; медвежья услуга* (Крылов); *с чувством, с толком, с расстановкой; свежо предание, да верится с трудом; служить бы рад — прислуживаться тошно; и дым отечества нам сладок и приятен* (Грибоедов); *мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь; жалок тот, в ком совесть нечиста; не мудрствуя лукаво; окно в Европу; а счастье было так возможно; глаголом жги сердца людей* (Пушкин); *большому кораблю — большое плаванье; унтер-офицерская вдова сама себя высекла; мертвые души; есть еще порох в пороховницах* (Гоголь); *суждены нам благие порывы; вот приедет барин, барин нас рассудит; рыцарь на час; кому на Руси жить хорошо* (Некрасов); *чего изволите; применительно к подлости; административный восторг; мягкотелый интеллигент* (Салтыков-Щедрин); *живой труп; чем люди живы* (Л. Толстой); *человек в футляре; двадцать два несчастья; как бы чего не вышло* (Чехов); *дворянское гнездо; отцы и дети; друг Аркадий, не говори красиво; дважды два — стеариновая свечка; лишние люди* (Тургенев); *в карете прошлого далеко не уедешь; человек — это звучит гордо; рожденный ползать — летать не*

может; если враг не сдается — его уничтожают (Горький); *кисейная барышня; мещанское счастье* (Помяловский); *ничто не ново под луной* (Карамзин); *во всех ты, душенька, нарядах хороша* (Богданович); *во весь голос* (Маяковский); *и кончен бал* (Баратынский); *жалкие слова; обыкновенная история* (Гончаров); *маг и волшебник* (Сухово-Кобылин); *муки слова* (Надсон); *мы пахали* (Дмитриев); *на заре туманной юности* (Кольцов); *смотри в корень* (Прутков); *что делать* (Чернышевский) и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

§ 67. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств

Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств принципиально ничем не отличается от классификации с этой же точки зрения отдельных слов. Поэтому вопрос о стилистической дифференциации фразеологических оборотов (как и единичных лексических единиц) «выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются ими вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения»¹.

Различия фразеологических оборотов по стилистической принадлежности и экспрессивной окраске объясняются тем, что язык выступает как совокупность нескольких стилей, каждому из которых присущи особые языковые средства и приемы, привлекаемые говорящими из общенародного речевого запаса для выражения определенного содержания.

Закрепленность или преимущественное употребление того или иного устойчивого сочетания слов в каком-либо

¹ О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957, стр. 242.

стиле языка и связанные с этим его различные экспрессивные свойства составляют сущность этих различий.

С одной стороны, многие фразеологические обороты выступают перед нами как значимые единицы, употребление которых, в отличие от других устойчивых сочетаний слов, в большей или меньшей степени ограничено рамками определенного стиля языка. Так, обороты *ни к селу ни к городу; отпустить душу на покаяние; казанский сирота; за юбку держаться; топтаться на месте* являются принадлежностью разговорно-бытовой речи, фразеологизмы *глухие звуки, деепричастный оборот, вопросительный знак, часть речи, производная основа и вешние воды, светило дня, уснуть вечным сном* будут принадлежать уже книжной речи, соответственно входя в терминологическую и поэтическую фразеологию, и т. д.

С другой стороны, многие фразеологические обороты не только называют то или иное явление объективной действительности, но и содержат в себе указание на определенное отношение говорящего к этому явлению. Фразеологическими оборотами, в которых название сопровождается оценочным «обертоном» (неодобрения, иронии, ласки, риторичности и т. д.), являются, например, устойчивые сочетания слов *прожужжать все уши* (ср. *надоесть*), *ворон считать* (ср. *быть невнимательным*), *пустить слезу* (ср. *заплакать*), *хранить в памяти* (ср. *помнить*), *кануть в вечность* (ср. *исчезнуть*), *курить фимиам* (ср. *восхвалять*) и т. д.

Особенно наглядно и ярко различие фразеологических оборотов с экспрессивно-стилистической точки зрения, позволяющее дифференцировать их в этом отношении на несколько разрядов, выявляется при сопоставлении между собой таких устойчивых сочетаний слов, которые входят в один синонимический ряд (ср. *сложить свою голову* (кн.) и *сломать себе шею* (разг.), *заснуть вечным сном* (кн.) и *сыграть в ящик* (разг.), *вводить в заблуждение* (кн.) и *водить за нос* (разг.) и т. д.).

Исходя из сферы их употребления и присущих им экспрессивных особенностей, фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на три больших разряда: межстилевая фразеология, разговорно-бытовая фразеология и фразеология книжная.

Классифицируя таким образом фразеологизмы, следует учитывать, конечно, что стилистическая дифференциация устойчивых сочетаний слов, равно как и принадлежность конкретного фразеологизма к тому, а не другому разряду, представляют собой явление историческое: все большее число фразеологических оборотов становится в процессе развития нашей речи межстилевыми, интенсивно возникают новые группы и модели среди фразеологии разговорно-бытовой и книжной, постоянно происходит экспрессивно-стилистическая переоценка отдельных фразеологизмов и т. д.

Первый из отмеченных процессов является для современного состояния русского литературного языка особенно характерным (см. о расширении первоначальной сферы употребления фразеологизмов в § 66).

§ 68. Межстилевые фразеологические обороты

Под межстилевыми фразеологическими оборотами понимаются устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка и представляющие в силу этого фразеологизмы с «нулевой» стилистической характеристикой¹ (*сдержать слово, от всего сердца, тайное голосование, во всяком случае, игра слов, по свежим следам, под открытым небом, между тем как, время от времени* и т. д.).

Межстилевые фразеологизмы, как и межстилевые слова, являются, таким образом, простыми наименованиями явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они экспрессивно не окрашены и общеупотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные (ср. *сошел с ума* и *не все дома; сошел с ума* и *повредился в уме, винтика не хватает; поднять голову* и *задрать нос; сидеть сложа руки* и *лодыря корчить, бить баклуши; Черное море* и *Понт Эвксинский* и т. д.).

Число фразеологических оборотов межстилевого характера является большим и, как уже отмечалось, в настоящее время постоянно растет. Однако — в отличие от

Используется термин О. С. Ахмановой («Очерки по общей и русской лексикологии», Учпедгиз, М., 1957, стр. 243).

межстилевых слов, составляющих основу лексики в целом, — их все же меньше, нежели фразеологизмов, ограниченных в своем употреблении определенной сферой общения. Это обстоятельство объясняется тем, что подавляющее большинство фразеологизмов, эквивалентных по семантике слову, функционирует в русском языке в качестве образных синонимов слов и имеет какую-либо «сниженную» или «повышенную» экспрессивно-стилистическую окраску.

§ 69. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера

Фразеологизмы разговорно-бытового характера отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления (это фразеологические обороты, преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи), а с другой стороны, своей специфической «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласки, бранности, иронии, презрения, шуток, фамильярности и т. д.).

Эти специфические свойства фразеологических оборотов разговорно-бытового характера особенно ярко видны при сравнении их с общеупотребительными синонимическими словами (ср. *убежать — навести лыжи, говорить — точить ляды, нестерпимо — мочи нет, пьяный — под мухой, разбогатеть — набить карман, насквозь — до последней нитки, вылечить — поднять на ноги, встревожить — поднять на ноги, выдумать — высосать из пальца, трудиться — гнуть спину, вмешиваться — совать нос, смелый — о двух головах, шататься — писать мыслете¹, быстро — со всех ног, враждовать — быть на ножах, отругать — разделать под орех, поглупеть — выжить из ума; точно, равно — ни много ни мало).*

Почти все разговорно-бытовые фразеологизмы имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты и, более того, даже некоторой «вольности»: *заморить червячка; свинью подложить; ни за понюшку табаку; танцевать от печки; как сельди в бочке; сколько лет, сколько зим; собачья старость; последняя спица в колеснице; потряхнуть стариной; может*

¹ «Мыслете» — старое название буквы *ж*.

статья; по всем статьям; шутки в сторону; теплая компания; веревки вить; раз и навсегда¹; и не подумаю; в некотором роде; пушкой не прошибешь; талия рюмочкой; ездить в Ригу; юмор висельника²; стрелять из пушек по воробьям; медный лоб³; сидеть на бобах; каши не сваришь; маменькин сынок; подлить масла в огонь; грязь месить; мелкая сошка; мягко выражаясь; первый блин комом; вбить в голову и т. д.

Отмеченные свойства разговорно-бытовой фразеологии обуславливают ее большую роль в художественных произведениях: «при ее помощи писатель добивается яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения»⁴.

§ 70. Фразеологические обороты книжного характера

Фразеологизмы книжного характера отличаются от разговорно-бытовых фразеологических оборотов, с одной стороны, совершенно иной сферой употребления (это фразеологизмы, преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи), а с другой стороны, своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д.).

Тем самым, подобно книжной лексике, книжная фразеология выступает как разряд устойчивых сочетаний слов, основной сферой употребления которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, язык художественных произведений и т. д.

Именно поэтому наиболее яркие группы среди книжной фразеологии образуют фразеологические обороты терминологического, поэтического и публицистического характера.

Как это отмечалось по отношению к фразеологизмам разговорно-бытового характера, особые качества

¹ Оборот представляет собой фразеологическую кальку франц. *une fois pour toujours*.

² Оборот является калькой немецк. *Galgenhumor*.

³ Оборот является фразеологической калькой франц. *front d'airain*.

⁴ А. И. Ефимов, *Стилистика художественной речи*, изд. МГУ, 1957, стр. 280.

книжных фразеологизмов также легче и яснее всего ощущаются тогда, когда они сравниваются с общеупотребительными лексическими синонимами (ср. *происходить — вести начало, сдаться — сложить оружие, деньги — золотой телец, женищины — женский пол, случай — игра судьбы, похороны — последний путь, уничтожить — стереть с лица земли, мгновенно — в мгновение ока, умереть — сойти в могилу, жизнь — житейское море, старость — вечер жизни, воздух — воздушный океан, армия — вооруженные силы* т. д.).

§ 71. Фразеологические архаизмы и историзмы

Особое место среди фразеологических оборотов книжного характера занимают устаревшие фразеологизмы, так же, как и слова, распадающиеся на две категории: фразеологические историзмы и фразеологические архаизмы.

Под фразеологическими историзмами следует понимать фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности. В качестве примеров фразеологических историзмов можно указать: *частный пристав, требовать удовлетворения, божьей милостью, временно обязанный, статский советник, мировой судья, держать стол, столбовые дворяне, суконное рыло, боярский сын, черта оседлости* и т. д.

Под фразеологическими архаизмами следует понимать фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями слов или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий. В качестве примеров фразеологических архаизмов можно назвать: *биться об заклад — спорить, держать пари; блуждающие звезды — планеты; Новый Свет — Америка; камень горючий — сера; обладать собой — владеть собой; сырная неделя — масленица; трен жизни — образ жизни; турецкие бобы — фасоль; Христови невеста — монахиня; оставшаяся в девицах, не вышедшая замуж.*

Степень устарелости фразеологических оборотов может быть разной: одни фразеологизмы в настоящее время вообще вышли из употребления и без специаль-

ных справок рядовому носителю современного русского литературного языка совершенно непонятны (ср. *рать держать* — «воевать»¹, *сидя на санях* — «на старости лет»², *биллионный человек* — «тринадцатый, лишний человек»³, *елисейские поля* — «рай» и т. д.), другие фразеологизмы, четко осознаваясь как устаревшие, известны говорящим на современном русском языке и в определенных стилистических целях могут быть использованы и сейчас (ср. *братъ в жены, третье отделение, Христа ради, царство небесное ему, чай да сахар, иметь честь, голубая кровь, черная сотня, воздушный океан, как птица небесная, великий немой*⁴ и т. д.).

Употребление устаревших фразеологизмов с определенной художественно-выразительной и изобразительной установкой в известной степени аналогично употреблению устаревших слов. Наряду с лексическими единицами они могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи и того или иного комического эффекта. Однако в силу их лексического состава и структуры стилистическое использование фразеологических архаизмов и историзмов иногда может быть подобным тому, какое характерно для фразеологических оборотов, входящих в активный словарный запас языка. В таком случае они подвергаются индивидуально-авторской обработке и выступают в соответствующем контексте уже как фразеологические неологизмы.

§ 72. Стилистическое использование фразеологических оборотов в художественной литературе и публицистике

Фразеологические обороты — яркое стилистическое средство сделать речь эмоциональной и красочной, образной и убедительной.

¹ Ср.: *Почя Всеславъ рать дръжати* — «начал Всеслав воевать» (I Новгородская летопись).

² Ср.: *На санехъ сѣдя, безлѣпцю си молвилъ* — «на старости лет глупость эту сказал» («Поучение Владимира Мономаха»). Этот фразеологический оборот в своем возникновении связан с тем, что *сани* употреблялись для перевозки покойников (И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 3, стр. 258).

³ Намек на биллион (1 000 000 000 000), состоящий из тринадцати цифр.

⁴ Название кино дозвукового периода.

Меткое крылатое слово, полная народной мудрости пословица, выразительная идиома оживляют язык, при помощи их он становится более сочным и эмоциональным. Эти специфические качества фразеологических оборотов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-изобразительных целей говорящими не ставится.

Однако особенно ясно отмеченные свойства фразеологических средств русского языка видны в произведениях художественной литературы и публицистики. В умелых руках художников слова — писателей и публицистов — фразеологические обороты становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, для обрисовки речевого портрета героев, острой расцветки авторской речи и т. д.

Стилистическое использование фразеологических оборотов писателями и публицистами всегда является творческим, а приемы их употребления могут быть самыми различными.

Фразеологические обороты могут использоваться в определенных стилистических целях как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным смысловым значением, обновленной структурой или новыми экспрессивно-стилистическими качествами.

Трудно сказать, какой из этих двух способов в художественной и публицистической литературе является преобладающим.

Важно отметить, что оба они представляют способы активные и продуктивные, в отличие от того, что наблюдается в разговорно-бытовой речи, для которой характерно использование фразеологических оборотов лишь как готовых и целостных смысловых единиц языка, т. е. в том виде, как они есть.

При использовании в определенных художественных целях фразеологических оборотов без изменения они выступают в авторской речи как одно из средств, делающих речь более разнообразной, живописной, выразительной, а в речи персонажей — как одно из средств их языково-стилистической характеристики.

Фразеологический оборот при таком употреблении не несет на себе никаких дополнительных экспрессивно-стилистических свойств, кроме тех, которые свойственны

ему самому по себе. В качестве такого употребления фразеологических оборотов можно привести следующие примеры: «Твой отец *добрый малый*, — промолвил Базаров: — Но он человек отставной, его *песенка спета*» (Тургенев); «Но чтоб одни материалы собирать — как это у вас говорится — у *ученых мужей... слуга покорный*» (Салтыков-Щедрин); «Куда, куда вы удалились, *Весны моей златые дни*» (Пушкин) и т. д.

Здесь фразеологические обороты *добрый малый*, *песенка спета*, *слуга покорный*, *весны моей златые дни*¹, привлекаясь по разным причинам в художественный контекст, употребляются во всех указанных случаях обычно, без каких-либо изменений.

Все они имеют здесь семантику, структуру и стилистические свойства, присущие им в общеязыковом употреблении.

Иное наблюдается тогда, когда фразеологические обороты употребляются писателями и публицистами в измененном, переоформленном или обновленном виде, с иной семантикой или структурой.

В этих случаях фразеологический оборот получает, помимо заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые эстетические и художественные качества, т. е. становится фразеологическим неологизмом. Такое использование фразеологических оборотов чаще всего наблюдается (и в авторской речи, и в речи персонажей) как средство для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов (каламбуров, словесной игры, красочного образа и т. д.).

Если использование фразеологизма таким, какой он есть, не требует особых комментариев, то приемы употребления фразеологизмов в стилистических целях в трансформированном виде в силу их многообразия приходится разбирать довольно детально.

Исследование писательской и публицистической практики XIX—XX вв. позволяет выделить следующие основные приемы индивидуально-художественной

¹ Выражение *весны моей златые дни*, так же как *дневное светило*, *дева красоты* и т. п., идет из французской поэзии. В таком виде мы встречаем его уже в переводе элегии Мильвуа Милоновым: «Как призрак легкий улетели Весны моей златые дни» (ср. у Шенье: *O jour de mon printemps*).

обработки и употребления общенародного фразеологического фонда:

1. Очень часто наблюдается наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности.

Примером такого употребления фразеологических оборотов может служить использование Тургеневым мятлевского оборота «Как хороши, как свежи были розы»¹ в его стихотворении в прозе, озаглавленном этим оборотом. Цитируя этот оборот, Тургенев говорит читателю о милых и дорогих днях юности, о ставшей далеким прошлым любви и о горькой и одинокой старости.

Новыми оттенками в семантике наполняется грибоедовское выражение во фразе Чехова «Весь декабрь не работал у Суворина и теперь не знаю, где оскорбленному есть чувству уголок».

Такой прием использования фразеологического оборота ведет лишь к обновлению семантики, не затрагивая лексико-грамматической целостности.

2. Не менее частым является обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его семантики и основных черт структуры.

Обновление фразеологического оборота заключается в такого рода случаях или в замене одного из его компонентов синонимом, или в расширении его состава новым словом. В качестве примеров можно привести следующие: «Поднимает площадь шум, экипажи движутся. Я хожу, стихи пишу в *записную книжицу*» (М а я к о в с к и й); «*Первый дачный блин* вышел, кажется, *комом*» (Ч е х о в); «Цензура привыкла *совать свой смрадный нос* в самое святилище мысли писателя» (С а л т ы к о в - Щ е д р и н).

В обороте *записная книжица* слово *книжка* заменено синонимом *книжица*, а в обороты *первый блин комом*, *совать свой нос* включены соответственно слова *дачный*, *смрадный*.

¹ Выражение является первой строкой стихотворения Мятлева «Розы»:

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!..*

3. Очень эффективным представляется использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов. Такой стилистический прием использования фразеологизмов часто связан и с изменением их значения и грамматических свойств.

Таким, например, является использование Маяковским оборотов *свои люди — сочтемся* и *работать не покладая рук*: «Сочтемся славою, ведь мы свои же люди»; «А работает как! Не покладает рук. Может заработать до смерти. Вертит пальцем большим большого вокруг, то быстрее, то медленнее вертит».

4. Не менее выразительным приемом использования фразеологического богатства русского языка является образование по модели фразеологизмов, существующих в общелитературном употреблении, новых, индивидуально-художественных оборотов. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеязыкового оборота, так и с использованием одной лишь его структуры.

По модели существующих фразеологизмов и с использованием отдельных их членов созданы, например, такие новообразования: *ваше местоимение* (Чехов; по образцу *ваше благородие*); «Капитал — *его препохабие*» (Маяковский; по образцу *его преподобие*); *его сивушество* (Салтыков-Щедрин; по образцу *его сиятельство*); «Но в ответ коварная она: — Как-нибудь один живи и грейся. Я теперь *по мачты* влюблена в серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер» (Маяковский; по образцу *влюблен по уши*); «Во всю ивановскую трачу деньги, которые получил за своего «Иванова» (Чехов; по образцу (*кричать*) *во всю ивановскую*).

Только с использованием структуры общеупотребительных фразеологизмов созданы такие обороты, как *йоркширом йоркшир* (Маяковский; «посмотришь в ширь — йоркширом йоркшир», по модели *дурак дураком* или *темным-темно*); *сочинения сочиняешь* (Чехов; «Нешто музыка без барабана может существовать? И того не понимаешь, а еще *сочинения сочиняешь*»; по модели *шутки шутить, думу думать, дело делать*) и т. д.

И то и другое сразу можно наблюдать, например, в отрывке: «Пользы от него, что *молока от черта, что от пшенной каши золотой руды*» (Маяковский). Оба выражения возникли на базе фразеологического оборота

как от козла молока, но второе с использованием лишь структуры, а первое также с использованием компонента молока.

5. Оригинальным и ярким приемом использования фразеологического оборота для создания определенного стилистического эффекта является употребление фразеологического оборота, который надо понимать одновременно и как фразеологическое и как свободное сочетание слов.

В качестве примеров такой игры на омонимичности, возможности восприятия группы слов и как фразеологического оборота и как свободного словосочетания можно привести: «Сматывай удочки сейчас же, — обратился Сухарько к Павке. — Ну, быстрее, быстрее, — говорил он, видя, что Павка спокойно продолжает удить» (Н. Островский); «— А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома куда глаза глядят. Подумала Светлана и спрашивает: — А куда твои глаза глядят?» (Гайдар); «— В этой части он собаку съел». — «Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива» (Чехов); «На предложение лечь на пол и глядеть на эти прекрасные вещи мать отвечала с досадой: — Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того руки отваливаются. Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал — когда у нее начнут отваливаться руки» (А. Н. Толстой).

6. Пожалуй наиболее часто встречающимся приемом является употребление с целью особой художественной выразительности не фразеологического оборота, как такового, а его общего образа или содержания. Фразеологического оборота как целостной языковой единицы в контексте нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду фразеологизм, как таковой, т. е. в том виде, в каком он употребляется в языковой системе.

Например, для того чтобы верно понять следующие далее восемь строк из стихотворения Некрасова «Балет» и оценить мастерство поэта в создании иронии, необходимо иметь в виду как различные значения слова *звезда*: 1) небесное тело, светящееся собственным светом,

2) орден в форме звезды, так и фразеологический оборот *звезд с неба не хватает*:

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба.
Звезды неба не ярки у нас.

(Н е к р а с о в.)

Приведем несколько примеров аналогичного характера: «Самое последнее выведенное яйцо гораздо дороже и ценней вкуса, предлагаемого аскетизмом» (С а л т ы - к о в - Щ е д р и н; используется оборот *выведенного яйца не стоит*); «Сани здесь — подобной дряни Не видал я на веку. Стыдно сесть в чужие сани Коренному русаку» (В я з е м с к и й; используется оборот *Не в свои сани не садись*); «Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов» (Ч е х о в; используется оборот *Слона-то я и не приметил*). «Все собираюсь написать Вам, да, видно, моя повивальная бабка имела дело сначала с ленью, а потом уж со мной» (Ч е х о в; используется оборот *Лень вперед тебя родилась*); «Всех младенцев перебили по приказу Ирода, а молодость ничего — живет» (М а я к о в с к и й; используется оборот *избиение младенцев*); «В этой теме, и личной, и мелкой, перепетой не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и хочу кружиться опять» (М а я к о в с к и й; используется оборот *кружиться как белка в колесе*); «Что будет — радуюсь тому, Пою о том, что есть, Пылать здесь сердцу моему И разрываться здесь» (М. Д у д и н; используется оборот *разрыв сердца*).

7. Встречается также (правда, значительно реже, нежели отмеченные выше приемы) контаминация двух фразеологизмов. Такое использование фразеологических оборотов может быть двоякого рода: или «сливаются» воедино два фразеологических оборота, имеющих в качестве компонента одни и те же или омонимические слова, или объединению подвергаются фразеологизмы с синонимами и антонимами.

Например, в фельетоне Г Рыклина «Тысяча глупостей» контаминируются обороты *и никаких гвоздей* и

гвоздь сезона (калька франц. *clou de saison*): «Солдаты требовали, чтобы им показывали иностранные фильмы... даешь Фербенкса и Мэри Пикфорд, и никаких других «гвоздей сезона»!»

В его же фельетоне «Чертов палец» объединяются в одно целое фразеологизмы *чертов палец* и *перст божий*: «Автор статьи раскаляется и продолжает: «Камни раскололись, дали трещины, горы осели. Упал «Монах»... сломался даже «Чертов палец»... И газета радостно живописует: «В этом крымском землетрясении символ. И люди и камни вопиют о возмездии». Словом, это не чертов палец, а перст божий...».

8. Довольно свободно писатели и публицисты для создания определенного художественного эффекта используют рядом с фразеологическим оборотом одно из образующих его слов (естественно, уже в качестве лексической единицы свободного употребления).

В качестве примеров намеренного сталкивания в пределах одной фразы фразеологизма в целом и его «части» можно указать следующие:

На его палитре были все краски, кроме краски стыда. (Э. Кроткий.)

Нередко трон занимали цари без царя в голове. (И. Рябов.)

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

(Сурков.)

Стилистическое использование фразеологических средств общенародного характера всегда носит у авторов оригинальный характер и тесно связано с теми художественно-изобразительными задачами, которые писателем или публицистом в данный момент ставятся. Поэтому трансформация какого-либо фразеологического оборота в разных литературных контекстах может быть различной даже у одного и того же художника слова.

Разберем в качестве примера стилистическую переработку фразеологического оборота *за тридевять земель*, являющегося своеобразным усилительным синонимом наречия *далеко*. В стихотворении Л. Ошанина «Друг» этот фразеологизм встречается дважды.

В начальном четверостишии авторская переработка общенародного оборота выразилась в замене опорного слова *земель* словами *гор* и *рек*:

Есть друг у меня. Чудак человек.
Он часто неуловим.
За тридевять гор и тридевять рек
Мы вечно бываем с ним.

Далее поэт деформирует также и первоначальную структуру фразеологизма. Из последнего берется (в качестве обозначения понятия «далеко») одно лишь количественное слово *тридевять*, которое Л. Ошанин сознательно связывает с синонимичным словом *далеко*:

Пришлет телеграмму он раз в году —
Писать не доходит рука.
Но если он скажет: «Приди», — приду
Из тридевять далека.

Поскольку им берется структура с предлогом *из* (ср. *издалека* и *из прекрасного далека*¹), постольку *тридевять* (чтобы сохранить структуру и характер словосочетания, надо было бы *из тридевяти далека*) выступает в сущности как часть слова *тридевять далеко* со значением «сверх, очень».

Третий вид творческой переделки фразеологического оборота *за тридевять земель* может иллюстрировать другое стихотворение Л. Ошанина — «Кто придумал, что мир очень тесен». В нем поэт использует одну лишь модель с предлогом *за*, создавая тем самым фразеологическое новообразование, семантически эквивалентное общенародному фразеологизму:

Кто придумал, что мир очень тесен?
Побывайте в таежной глуши, —
За пять выстрелов, за десять песен
Здесь живая душа от души.

При анализе стилистического использования фразеологических оборотов художниками слова следует всегда исходить из наличной фразеологической системы, строго и четко дифференцируя от авторской трансформации

¹ Крылатое слово, представляющее собой выражение из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя: *Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу* (ч. I, гл. XI).

факты свободного употребления слов. Особенно важно — в силу возможности принять одно за другое — учитывать это при анализе речевой практики писателей и публицистов прошлого. Несколько примеров.

В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» встречаются контексты, которые можно понять (рассматривая их с точки зрения современного языкового сознания) как целые, содержащие в себе переделку фразеологизма *кануть в Лету*:

И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной. (Гл. 2, строфа 40.)

И память юного поэта
Поглотит медленная Лета. (Гл. 6, строфа 22.)

Однако если мы объясним это именно так, то совершим серьезную ошибку, выдав за факты первой трети XIX в. то, что характерным является лишь для современного языка. В действительности контексты, кажущиеся нам трансформацией устойчивого сочетания слов, таковыми не являются, так как в первой трети XIX в. употребление существительного *Лета* фразеологически связанным еще не было.

Индивидуально-авторским «разложением» слова на фразеологический неологизм может показаться (в связи с наличием в современном языке только целого слова *кривотолки*) словосочетание *кривые толки* (ср.: «Иди же к невским берегам, новорожденное творенье, и заслужи мне славы дань — *кривые толки*, шум и брань» (А. С. Пушкин), если мы не будем знать, что в фразеологической системе первой трети XIX в. оборот *кривые толки* был очень обычной воспроизводимой и целостной единицей разговорно-бытовой речи.

Напротив, если не учитывать данных фразеологии первой трети XIX в., можно не заметить яркого и оригинального фразеологического новаторства А. С. Пушкина; например, в таких отрывках, как: «Вы, украшенные проворно Толстого кистью *чудотворной*» («Евгений Онегин», гл. 4, строфа 30), «И Страсбурга *пирог нетленный*» (там же, гл. 1, строфа 16).

Поэтическую смелость, своеобразную прелесть фразеологической находки великого поэта можно хорошо

представить себе и оценить лишь в том случае, если будет известно, что прилагательные *чудотворная* и *нетленный* в его время были фразеологически ограниченными в своем употреблении и реализовались лишь в религиозных по содержанию и характеру сочетаниях *чудотворная икона*, *нетленные мощи* и т. д.

Таким образом, анализируя фразеологические обороты с точки зрения их стилистического использования, необходимо так же строго разграничивать факты разных эпох и систем, а также факты общенародного употребления от индивидуально-авторского использования, как и при их анализе с точки зрения семантической слитности.

Из литературы по фразеологии см.: Ю. Ю. А в а л и а н и, К вопросу о сложных лексикализованных словосочетаниях в русском языке. В сб.: «Краткие сообщения кафедры русского языка Узбекского университета», Самарканд, 1959; Н. Н. А м о с о в а, О целостном значении идиомы. В сб.: «Исследования по английской филологии», сб. 2, изд. ЛГУ, 1961; И. В. А р н о л ь д, Лексикология современного английского языка, гл. 9, изд. ИЛ, М., 1957; В. А. А р т е м о в, Восприятие и понимание идиом, «Ученые записки МГПИИЯ», т. 18, 1960; В. Л. А р х а н г е л ь с к и й, Заметки о синтаксическом аспекте в изучении русской фразеологии, «Ученые записки Таганрогского пединститута», вып. 6, 1958; В. Л. А р х а н г е л ь с к и й, Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения, «Ученые записки Ростовского-на-Дону пединститута», вып. 4, 1955; О. С. А х м а н о в а, Эквиваленты слов и их классификация в современном английском языке. В сб.: «Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ», вып. 6, 1948; О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957; А. М. Б а б к и н, Русская фразеология. Ее развитие и источники, «Наука», Л., 1970; Ш. Б а л л и, Французская стилистика, изд. ИЛ, М., 1961, стр. 87—111; Т. А. Б е р т а г а е в, В. И. З и м и н, О синонимии фразеологических сочетаний в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1960, № 3; А. С. Б р о в к о, К вопросу о семантико-структурной классификации фразеологических единиц русского языка, «Ученые записки Запорожского пединститута», т. IV, 1957; Р. А. Б у д а г о в, Введение в науку о языке, «Просвещение», М., 1965, стр. 110—119; В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, § 4; В. В. В и н о г р а д о в, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: «А. А. Шахматов», изд. АН СССР, 1947; В. В. В и н о г р а д о в, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В сб.: «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», 1946; В. В. В и н о г р а д о в, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5; В. В. В и н о г р а д о в, Вопросы изучения словосочетаний, «Вопросы языкознания», 1954, № 3; П. А. В о в ч о к, К вопросу о природе идиом, «Ученые записки Уральского университета», вып. 20, Свердловск, 1958; И. М. В у л ь ф и у с, В вопросе о классификации идиом, «Русский язык в советской школе», 1929, № 6; С. Г. Г а в р и н, О связи син-

таксических функций фразеологизмов с грамматической формой опорного слова, «Ученые записки Пермского пединститута», вып. 28, Пермь, 1961; Ю. Р. Гепнер, Фразеологизмы в системе русского литературного языка, «Научные записки Харьковского пединститута», вып. 20, 1957; М. Д. Городкова, Устойчивые словосочетания, соотносительные с глаголом в современном русском языке, «Ученые записки МОПИ», т. 36, вып. 2, М., 1956; Г. Я. Дементьева, Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке, Алма-Ата, 1955 (автореферат канд. дисс. — Алма-Атинский пединститут); Н. А. Донец, Фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого, «Ученые записки Латвийского университета», т. 48, Рига, 1961; З. В. Донскова, К вопросу о выражении подлежащего фразеологическими единицами, «Ученые записки Ростовского университета», т. 14, вып. 5. Ростов-на-Дону, 1957; И. В. Дубинский, Наблюдения над лексикой фразеологических единиц. В сб.: «Вопросы русского языкознания», изд. Саратовского университета, 1961; А. И. Ефимов, Стилетика художественной речи, изд. МГУ, 1957, стр. 272—302; А. И. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, изд. МГУ, 1953; А. И. Ефимов, О фразеологических контекстах слова *путь*, «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 56, вып. 2, М., 1948; В. П. Жуков, О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом, «Русский язык в школе», 1969, № 3; В. П. Жуков, Видовременная характеристика устойчивых сочетаний слов, «Ученые записки Гурьевского пединститута», вып. 1, Гурьев, 1959; В. П. Жуков, О соотношении фразеологизмов с переносным значением слов, «Ученые записки Новгородского пединститута», т. 6, вып. 2, 1962; В. Замкова, Фразеологизмы как часть словарного состава языка, «Русский язык в национальной школе», 1959, № 5; Г. А. Золотова, О лексическом и грамматическом свойствах устойчивых словосочетаний в русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1950, № 6; Н. А. Кирсанова, К вопросу о соотношении фразеологической единицы и слова. В сб.: «Вопросы русского языкознания», изд. Саратовского университета, 1961; В. Н. Ключева, Прилагательные, обозначающие цвет, во фразеологических единицах, «Ученые записки 1-го МГПИИЯ», т. X, М., 1956; А. Н. Кожин, Некоторые вопросы русской фразеологии, «Русский язык в школе», 1969, № 3; И. С. Козырев, Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке, Л., 1953 (автореферат канд. дисс.); Б. Г. Колкер, Французские фразеологические кальки в русском языке, «Русский язык в школе», 1968, № 3; Л. И. Коломиец, О фразеологических сочетаниях языка украинских актов XIV—XVI вв. В сб.: «Начальный этап формирования русского национального языка», изд. ЛГУ, 1961; А. К. Кочетков, Устойчивые словосочетания с глаголом в функции сказуемого, «Ученые записки Сызранского пединститута», вып. 1, 1956; Ф. А. Краснов, Некоторые вопросы синтаксического употребления фразеологических единиц. В сб.: «VIII научная конференция, Секция русской филологии», Фрунзе, 1959; А. В. Кумачева, Фразеологические сочетания как часть словарного состава, «Иностранные языки в школе», 1953, № 6; А. В. Кунин, Некоторые вопросы английской фразеологии. В кн.: «Англо-русский фразеологический словарь», ГИС, М., 1956, стр. 1433—1445; И. И. Лавров, Устойчивые сочетания в современном русском литературном языке, «Ученые записки МГПИ

им. В. И. Ленина», т. 17, вып. 6, М., 1959; Б. А. Л а р и н, Очерки по фразеологии, «Ученые записки ЛГУ», № 198, серия филолог. наук, вып. 24, 1956; Б. О. Л а р и н, Про народну фразеологію. В кн.: «Праці 10 республіканської діалектологічної наради». Київ, 1961; К. А. Л е в к о в с к а я, Лексикология немецкого языка, Учпедгиз, М., 1956, стр. 207—226; Б. М. Л е й к и н а, Программа анализа фразеологических комплексов. В сб.: «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текстов», вып. 8, изд. АН СССР, М., 1961; И. А. М е л ь ч у к, О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», «Вопросы языкознания», 1960, № 4; А. И. М о р д в и л к о, Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний, «Русский язык в школе», 1961, № 4; О. И. М о с к а л ь с к а я, Устойчивые сочетания с грамматической направленностью, «Вопросы языкознания», 1961, № 5; В. М. Н и к и т е в и ч, О лексико-грамматической структуре несвободных определительных сочетаний в современном русском языке. В сб.: «Вопросы фразеологии», изд. Самаркандского университета, 1961; Л. В. Н и к о л е н к о, Фразеологические обороты, выполняющие функцию наречия, «Русский язык в школе», 1955, № 5; С. И. О ж е г о в, О структуре фразеологии. В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 2, изд. АН СССР, М., 1957; Р. Н. П о п о в, Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами, Северо-западное книжное изд-во, 1967; «Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка». Тезисы докладов, изд. ЛГУ, 1961; Н. П. Р о г о в а, Проблема фразеологического оборота как эквивалента слов. В сб.: «Некоторые вопросы изучения словарного состава языка», М., 1954; А. Я. Р о ж а н с к и й, Фразеологизмы с числительными, «Русский язык в школе», 1957, № 1; А. Я. Р о ж а н с к и й, Идиомы и их перевод, «Иностранные языки в школе», 1948, № 3; Л. И. Р о й з е н з о н, Некоторые вопросы теории фразеологии. В сб.: «Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава», изд. Самаркандского университета, 1957; Л. И. Р о й з е н з о н, Фразеология как лингвистическое явление, «Труды Самаркандского университета», № 113, 1961; Л. И. Р о й з е н з о н, Ю. Ю. А в а л и а н и, Заметки по теории фразеологии, «Труды Узбекского университета», серия 95, Самарканд, 1959; Л. И. Р о й з е н з о н, И. В. А б р а м е ц, О фразеологической контаминации в русском языке, «Русский язык в школе», 1969, № 3; Л. И. Р о й з е н з о н, А. А. Э м и р о в а, Фразеологическая и лексическая омонимия. В сб.: «Вопросы фразеологии», III, Самарканд, 1970; А. Г. Р у д н е в, Проблемы фразеологии, изд. ЛГУ, 1960; В. Ф. Р у д о в, К вопросу о сущности фразеологических выражений, «Ученые записки Таганрогского пединститута», вып. 5, 1958; В. Ф. Р у д о в, О некоторых взаимоотношениях фразеологии со словарным составом языка, «Ученые записки Таганрогского пединститута», вып. 3, 1957; Т. С е л и в а н о в, Тавтологические словосочетания как самобытные русские фразеологизмы, «Русский язык в школе», 1955, № 3; М. И. С и д о р е н к о, О фразеологических антонимах русского языка, «Русский язык в школе», 1969, № 3; А. И. С м и р н и ц к и й, Лексикология английского языка, Изд. литературы на иностранных языках, М., 1956, гл. 6; И. И. С р е з н е в с к и й, Замечания об образовании слов из выражений. «Известия ОРЯС», т. X, Спб., 1873; А. Н. Т и х о н о в, К вопросу о видовой

парности глаголов в составе фразеологических единиц, «Труды Самаркандского университета», вып. 106, 1961; П. В. Ткаченко, Вопрос о поговорах как материале фразеологии, «Ученые записки Саратовского пединститута», вып. 30, 1958; Г. Р. Тукумцев, Устойчивые глагольные словосочетания в русском языке, «Ученые записки Таллинского пединститута», т. 1, серия общественных наук, вып. 1, 1957; В. П. Уткина, Перифрастический оборот в русской художественной литературе, «Известия Крымского пединститута», т. 33, вып. 1, Симферополь, 1959; А. А. Цой, Структурно-семантические особенности некоторых видов устойчивых предложно-падежных сочетаний в современном русском языке. В сб.: «Вопросы фразеологии», серия 106, Самарканд, 1961; В. И. Чернышев, Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях. В сб.: «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 1, изд. АН СССР, М., 1948; И. И. Чернышева, Семантические процессы в фразеологии и фразеологическая деривация. В сб.: «Законы семантического развития в языке», М., 1961; Н. М. Шанский, Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке, «Русский язык в школе», 1957, № 3; Н. М. Шанский, Деривация слов и фразеологических оборотов (к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования). В сб.: «Вопросы фразеологии», III, Самарканд, 1970; Н. Ю. Шведова, О некоторых типах фразеологизованных конструкций в строе русской разговорной речи, «Вопросы языкознания», 1958, № 2; Д. Н. Шмелев, О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи, «Русский язык в национальной школе», 1959, № 6; Д. Н. Шмелев, Экспрессивно-ироническое выражение отрицания в современном русском языке, «Вопросы языкознания», 1958, № 6; А. В. Яковлевская, Факторы возникновения фразеологических единиц, «Ученые записки Волгоградского пединститута», вып. 14, 1961.

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

§ 73. Важнейшие процессы в развитии лексики и фразеологии русского языка в советскую эпоху

Словарный состав языка является наиболее чувствительным к изменениям в жизни народа — носителя и творца языка. Непосредственно связанный с разнообразной деятельностью человека в обществе, он изменяется почти непрерывно.

Естественно поэтому, что те коренные сдвиги, которые произошли в общественно-политической, экономической и культурной жизни нашей Родины после Великой Октябрьской социалистической революции, привели к серьезному обновлению лексической системы русского

языка. Это обновление современной словарной системы нашло особенно яркое отражение: 1) в появлении в активном словарном запасе новых слов и фразеологических оборотов; 2) в закреплении за целым рядом слов и оборотов новых значений; 3) в уходе некоторых устаревших слов и оборотов в пассивный словарный запас; 4) в утрате отдельными словами некоторых старых значений и 5) в расширении состава общенародной и межстилевой, т. е. общеупотребительной, лексики и фразеологии за счет отдельных, ранее стилистически ограниченных групп слов и оборотов.

Самым заметным и в то же время важным процессом, происходящим в словарном составе современного русского литературного языка, является процесс пополнения лексики и фразеологии новыми словами и фразеологическими оборотами, процесс возникновения и укрепления в общелитературном употреблении новых слов и выражений. Вызванные к жизни появлением в нашей советской действительности новых явлений, вещей и понятий, эти лексико-фразеологические новшества отражают те огромные общественно-политические, экономические и культурные изменения, которые произошли в жизни нашей страны после Октября.

По своему происхождению и характерным особенностям они делятся на две большие группы. Первую группу составляют новообразования советской эпохи, возникшие в русском языке (на базе существовавших в нем или появившихся извне слов) по действующим законам и моделям словообразования и возникновения фразеологизмов. Они образуют подавляющее количество лексико-фразеологического материала, вошедшего в русский язык в советскую эпоху. Среди них наблюдаются как слова, так и устойчивые выражения. Большая часть их представляет собой факт общелитературного употребления.

Весьма значительный пласт среди них составляют советизмы, т. е. такие слова и фразеологические обороты, которые являются выражением и наименованием понятий, явлений и предметов, представляющих собой специфическую особенность нашей социалистической действительности (*колхоз, СССР, комсомол, плановость, перевыполнить, воскресник, подшефный, по-советски, марксистско-ленинский, культурно-бытовой, секретарь*

райкома, депутат Верховного Совета, лампочка Ильича, кандидат филологических наук, художественная самодеятельность, новатор производства, поделиться опытом, подхватить инициативу и т. п.).

Вторую группу образуют заимствования советской эпохи из других языков. В количественном отношении они немногочисленны. За вычетом единичных фразеологических калек, это отдельные слова. В подавляющем большинстве они представляют собой научно-технические термины.

Среди них нет совершенно слов, выражающих понятия и называющих предметы, являющиеся специфической особенностью нашей советской жизни, и, напротив, есть такие, которые характерны для капиталистического строя (*босс, вермахт, фашизм, реваншист* и т. д.).

В группе новообразований советской эпохи наблюдаются самые разнообразные по своему типу и структуре слова и фразеологические обороты. Среди новых слов, появившихся в русском языке после Октября, подавляющее большинство составляют образованные при помощи таких морфологических способов словообразования, по таким словообразовательным моделям, которые были продуктивными и до революции. В качестве такого рода слов можно указать: *атомоход, спецовка, телевизионный, самокритично, эстрадник, болельщик, орденноносец, новостройка, предпусковой, рельсоукладчик, экранизировать, снегование, нестандартный, бесперебойный, краснознаменный, самообслуживание, отставание, самоотвод, экскаваторщик, льготник, передовик, средне-суточная, ударник, отгрузить, перерасходовать, спаянность, заготовитель, тепловоз, грузовик, месячник, домоуправление, высокотоварный, суворовец, высотник, левацкий, лифтерша, досрочный, спецовка, боеприпасы, напарник, газоснабжение, шефствовать, сухофрукты, заочник, переподготовка, сработаться, электричка* и др. Особенно много новых слов, образованных при помощи продуктивных и раньше способов словопроизводства, появилось с суффиксами *-ние (-ение), -ость, -ик, -чик, -щик* и путем сложения слов или основ.

Однако есть в этой группе и такие слова, словообразовательная модель которых могла существовать и ранее, но лишь в качестве малопродуктивной.

Сюда относятся прежде всего:

1. Сложносокращенные существительные: КПСС, горсовет, ~~парторг~~, юннат, завхоз, агитпункт, компартия, технорук, техред, вуз, завком, кожимит, партбюро, автобаза, сельпо, стенгазета, метизы, жилфонд, детсад, стройматериалы, авиапочта, сельхозартель, автозавод, аэродром, телецентр, леспромхоз, профсоюз, ОТК, МГУ, санбат, дот и др.

2. Сложносоединенные прилагательные: трамвайно-троллейбусный, идейно-теоретическая, отчетно-выборное, хозяйственно-политический, научно-исследовательский, инженерно-технический, жилищно-бытовая, плано-экономический и т. д.

3. Сложносоединенные существительные: вагон-ресторан, мать-героиня, кресло-кровать, фабрика-кухня, платье-костюм, город-герой, пистолет-пулемет, закусочная-автомат и т. д.

4. Существительные, возникшие при помощи суффикса -ка на базе словосочетания из существительного и прилагательного: зенитка — зенитное орудие, фугаска — фугасная бомба, семилетка — семилетний план, тушенка — тушеное мясо, врубовка — врубовая машина, десятилетка — десятилетняя школа, многотиражка — многотиражная газета и т. д.

Помимо появления собственно новых лексических единиц в результате того или иного морфологического способа словопроизводства, в советское время в целом ряде старых, существовавших и ранее слов появились новые значения и эмоционально-стилистические оттенки. Этот процесс развития в некоторых словах новой, до этого неизвестной им семантики приводил или к возникновению у слова более разветвленной и многообразной гаммы значений, или к возникновению из одного слова двух слов-омонимов. Так, например, слово *кустарный* до революции было относительным прилагательным к слову *кустарь* и обозначало «производимый домашним, не фабричным способом» (ср. *кустарная мастерская, кустарные изделия* и т. д.). В наше время оно, сохранив старое значение, приобрело новое — «примитивный, не искусный, бессистемный», став в этом значении качественным прилагательным (ср.: *кустарнее, чрезвычайно кустарные*).

Слово *пионер*, ранее обозначавшее солдата военно-инженерных войск и человека, прокладывающего новые

пути в какой-либо области деятельности или знания, стало после революции названием члена детской коммунистической организации.

Среди семантических новообразований советской эпохи можно отметить, например, слова: *спутник*, *призывы* (в значении «лозунги»), *пол* (в значении «половина» в выражениях: *полпятого*, *полвторого*), *бригадир* (в значении «руководитель бригады как определенного коллектива»), *актив* (партийный актив, профсоюзный актив), *Октябрь* (в значении «Великая Октябрьская социалистическая революция»); *плитка* (в значении «электрическая плитка»), *вожатый* (в значении «руководитель в пионерском отряде»), *либеральный* (в значении «нетребовательный»), *нагрузить* (в значении «дать поручение»), *зарядка* (комплекс физкультурных упражнений), *шефствовать* (осуществлять шефство над кем-нибудь), *ясли* (детские ясли), *участок* (область, сфера, отрасль какой-либо общественной деятельности), *перекрыть* (в значении «перевыполнить»), *титан* (в значении «кипятильник»), *сигнал* (в значении «предупреждение»), *самотеком* (в значении «стихийно») и т. д.

Данные слова в своих новых значениях нередко становятся базой для образования новых слов при помощи морфологического способа словообразования. Так, от слова *кустарный* в значении «примитивный, неискusstный, бессистемный» в советскую эпоху было образовано слово *кустарно*; от слова *Октябрь* в значении «Великая Октябрьская социалистическая революция» появились слова *послеоктябрьский*, *октябренок*; от слова *пионер* в значении «член детской коммунистической организации» возникли слова *пионерский*, *пионерия*, *пионервожатый*, *пионерка*; от слова *актив* в его новом значении были произведены слова *активизировать*, *активист* и т. п.

После Октября немало вошло в русский язык и устойчивых сочетаний слов различной смысловой спаянности, семантики и стилистического употребления.

В качестве новых, советского времени фразеологических оборотов можно отметить выражения: *зеленая улица*, *торговая сеть*, *трудовые успехи*, *подъемный кран*, *звездный пробег*, *шагающий экскаватор*, *почетная грамота*, *педагогическая практика*, *запасные части*, *главный агроном*, *старший преподаватель*, *самоходный комбайн*; *проводить беседу*, *проводить в жизнь*, *сдать в эксплуа-*

тацию, развязать войну, держать курс на что-нибудь, снять с работы; режим экономии, председатель колхоза, чувство нового, поджигатели войны, проверка исполнения; на все сто, крупным планом, высшее учебное заведение, страны социализма, целиком и полностью и т. д.

Как уже отмечалось, значительно меньше новых слов в русском языке советской эпохи появилось в результате заимствования. Основную часть их составляют слова ограниченного в стилистическом отношении употребления, именно разнообразные научные, технические и тому подобные термины (обычно термины международного языкового фонда, не являющиеся специфической принадлежностью какого-либо одного языка). Вот несколько примеров: *конвейер, комбинат, агрессор, телевизор, конференс, трактор, метро, аккордеон, штапель, элеватор, стрептоцид, саботаж, эскимо, авитаминоз, донор, капрон, радиолокация, фашизм, буги-вуги* и т. д.

Значительно в меньшей степени, нежели процесс появления новых слов и фразеологических оборотов, повлиял на изменение словарного состава русского языка в советское время процесс противоположный, процесс ухода некоторых слов и фразеологизмов из активного употребления в пассивный словарный запас, процесс перехода их в разряд устаревшей лексики и фразеологии. В своей подавляющей массе это было превращение фактов активного словарного запаса в историзмы, т. е. выход из активного употребления того или иного слова или оборота в результате исчезновения из нашей советской действительности соответствующих предметов, вещей, явлений и т. п. (исчезновение старой бюрократической государственной машины, старых общественных отношений, старого быта и т. д.). Сюда относятся слова: *царь, граф, урядник, городской, лавочник, фрейлина, столоначальник, сиделец, трактир, гимназия, гувернер, институтка, бонна, будуар, половой (в трактире), дума (городская), земство, сенат, казначейство, консистория, пóдать, соха, кредитка; реальное училище, постоялый двор, питейное заведение, титулярный советник, классная дама, ваше благородие, милостивый государь* и т. п.

Несравненно меньше отмечается случаев вытеснения из активного словарного запаса одних слов и фра-

зеологических оборотов другими, т. е. появления архаизмов. В качестве примеров можно привести слово *аэроплан*, вытесненное из активного словарного употребления словом *самолет*; слово *авиатор*, на смену которому в активном словарном запасе пришло слово *летчик*; слово *манкировать*, оттесненное в пассивное употребление словом *пренебрегать*; слово *провинция*, ставшее малоупотребительным после укрепления в активном словарном запасе слова *периферия*; слово *бомбовоз*, отошедшее в пассивный словарный запас благодаря появлению слова *бомбардировщик*; слово *чернорабочий*, уходящее из языка в силу укрепления в активном употреблении слова *разнорабочий* и т. д.

Особый разряд лексических архаизмов возникает в сфере топонимики в связи с переименованием ряда областей, городов, деревень, улиц и т. д. В эту группу входят слова типа *Петербург* и *Петроград* (ныне *Ленинград*), *Тверь* (ныне *Калинин*), *Козлов* (ныне *Мичуринск*), *Раненбург* (ныне *Чаплыгин*), *Полторацк* (ныне *Ашхабад*), *Триумфальная площадь* (ныне *площадь Маяковского*), *Тверская улица* (ныне *улица Горького*), *Гокча* (ныне *Севан*) и т. д.

Процессы появления новых слов и фразеологизмов, а также новых их значений, с одной стороны, и архаизация ряда слов и фразеологических оборотов — с другой, не являются в языке единственными.

Очень важными являются также и те изменения, которые касаются не самого состава лексико-фразеологического материала, а его стилистического распределения, употребительности в более или менее широкой сфере языкового общения.

Основным процессом в данном случае является резкое увеличение (по сравнению с тем, что было до революции) в общей системе словарного состава пласта общенародной лексики и фразеологии. В связи с ликвидацией неграмотности, с невиданным подъемом культуры русского народа в советское время в общенародную лексику и фразеологию вошли многие слова и выражения, являющиеся по происхождению общественно-политическими, научными и техническими терминами и ранее представлявшие стилистически ограниченные факты.

Из литературы об изменениях в лексике и фразеологии русского языка советской эпохи см.: Ю. А. Б е л ь ч и к о в, О развитии русской лексики в советскую эпоху, «Русский язык в школе», 1965, № 6; Г. С. З е н к о в, О словообразовательных процессах советской эпохи, «Ученые записки филолог. ф-та Киргизского университета», вып. 5, Фрунзе, 1958; А. Н. К о ж и н, Обогащение словарного состава русского языка в советскую эпоху, «Русский язык в школе», 1957, № 5; А. Н. К о ж и н, Русский язык в дни Великой Отечественной войны, «Ученые записки МОПИ», вып. 7, 1961; А. Н. К о ж и н, Из истории изучения развития словарного состава в советском обществе, «Ученые записки МОПИ», т. 138, вып. 8, 1963 г.; «Мысли о современном русском языке». Сборник статей под ред. В. В. Виноградова, «Просвещение», М., 1969 (статьи А. Н. Кожина, Н. Н. Прокоповича, Н. М. Шанского); С. И. О ж е г о в, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху, «Известия АН СССР, отд. языка и литературы», т. X, вып. 1, 1951; С. И. О ж е г о в, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, «Вопросы языкознания», 1953, № 2; «Развитие лексики современного русского языка», «Наука», М., 1965; «Русский язык и советское общество». Сборник статей, изд. АН СССР, 1963; А. М. С е л и щ е в, О языке современной деревни. В кн. «Избранные труды», «Просвещение», М., 1968; С. А. Ф е с с а л о н и ц к и й, Обогащение фразеологического состава русского языка в советскую эпоху, «Ученые записки Владимирского пединститута», вып. 4, 1958; Н. М. Ш а н с к и й, Слова, рожденные Октябрем, «Русский язык в школе», 1967, № 5; Д. Н. Ш м е л е в, Лексико-семантические изменения в современном русском языке, «Русский язык в национальной школе», 1966, № 3.

ВАЖНЕЙШИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 74. Основные типы словарей

Работа по собиранию и систематизации слов и фразеологических оборотов называется лексикографией. Ее основное содержание — составление лингвистических словарей, т. е. словарей, в которых представлена и объясняется лексика и фразеология какого-либо языка.

Разнообразным лингвистическим словарям противостоят специальные словари справочного характера (например, Большая Советская Энциклопедия, Краткий технический словарь, Сельскохозяйственный словарь-справочник, Словарь псевдонимов и т. д.), в которых объясняются не слова, а предметы и лица, явления и понятия, обозначаемые теми или иными словами.

Ясное представление о различии между лингвистическим словарем и специальным словарем справочного характера может дать простое сопоставление соответствующих по заглавному слову объяснительных статей¹.

¹ Так, в «Энциклопедическом словаре» (т. 1, 1953) под словом *боа* находим: «*Боа*, змея, сем. удавов, до 4 м дл. Распространена в тропич. Америке и на Мадагаскаре; питается мелкими млекопитающими и птицами. *Боа*, женский шарф из меха или перьев». Если же обратимся к «Словарю современного русского литературного языка» (т. 1, изд. АН СССР), то в нем под словом *боа* будет значиться уже следующее: «*Боа*, нескл., м. и ср. 1. Ср. и (устар.) м. Женский шарф из меха или перьев. *У самого подъезда он встретился с высокой, тощей брюнеткой, укутанной в длинное боа*. Чех. 75 000. *Посидим здесь на кушетке, мы с холода, — говорила Клавдия, снимая с шеи меховое боа*. Бобор., Ходок, ч. II, гл. 23. *Он счастлив, если ей накинёт Боа пушистый на плечо*. Пушкин, Е. О., VIII, 30, 2. *Боа*, м. Зоол. Род громадных змей (водится в тропических странах).

— Экслекс. 1836: *боа* (род змей); Толль, Слов. 1863: *боа* (в 1-м знач.). — Новолат. *boa constrictor* — змея».

В «Энциклопедическом словаре» мы не наблюдаем ни грамматической характеристики слова, ни указаний на его употребляемость и происхождение, ни иллюстраций использования его в контексте: в центре внимания явления, обозначаемые словом. В «Словаре современного русского литературного языка», напротив, энциклопедическое объяснение значений слова дается очень кратко. Основное внимание обращено на само слово: отмечается род слова, принадлежность его к несклоняемому существительному, специальный характер в качестве названия змеи (ср. помету «Зоол.»), указывается на новолатинское происхождение, приводятся первые случаи фиксации в словарях и иллюстрации на употребление в речи и т. д.

Лингвистические словари в зависимости от своих целей и объясняемого языкового материала делятся на несколько категорий.

Словари, в которых средствами родного языка объясняются слова чужого языка (и наоборот), называются переводными. Они могут быть как двуязычными, так и многоязычными.

Помимо таких словарей (например, русско-английский словарь, чешско-русский словарь и т. д.), чрезвычайно распространены и такие, в которых объясняются слова, бытующие в родном языке.

Наиболее известными и употребительными среди них являются толковые словари, дающие характеристику слова как определенной языковой единицы как с лексико-грамматической стороны, так и со стороны написания и произношения. В них указывается значение слова, его основные грамматические свойства, употребляемость, экспрессивно-стилистическая окраска, произношение и написание, а иногда и происхождение. Они могут строиться и как словари, охватывающие всю лексику общенационального языка, и как словари, охватывающие лишь ту или иную ее часть (словари литературного языка, диалектные словари, словари писателей¹, словари терминов, сокращений и т. д.).

Особым видом толковых словарей являются словари иностранных слов, в которых дается

¹ В качестве примера словаря такого типа следует назвать «Словарь языка Пушкина», т. 1—4, изд. АН СССР, М., 1956—1961 (отв. редактор акад. В. В. Виноградов).

характеристика лишь таких слов, которые, будучи заимствованы, в силу узкой сферы употребления осознаются как «иностранные».

Иноязычные слова широкого употребления, прочно вошедшие в плоть и кровь русского языка (вроде *комната, суп, кровать, базар, изюм* и т. п.), в таких словарях не толкуются.

Близко к словарям иностранных слов стоят специальные, или отраслевые, словари, назначением которых является истолкование тех или иных профессиональных слов и терминов, являющихся также ограниченными по сфере своего употребления.

Кроме толковых словарей, к словарям, объясняющим слова, употребляющиеся в лексике родного языка, относятся также и словари синонимов, словари исторические, словари этимологические и словари словообразовательные, в которых дается характеристика лишь одной какой-либо стороны слова.

В словарях синонимов при помощи одних слов объясняются значение и экспрессивно-стилистические свойства других, являющихся синонимическими.

Исторические словари содержат лишь указания о том, как звучало слово, какие значения и грамматические свойства оно имело в прошлом.

Этимологические словари дают ответ на вопрос, каково происхождение слова.

Словообразовательные словари знакомят читателя со словообразовательной структурой слова.

Чисто практическими являются орфографические словари, в которых указывается правописание слова, словари орфоэпические, сообщающие одновременно и свойственное слову произношение и ударение, и словари правильностей, дающие справки о литературных нормах грамматики и словоупотребления (по отношению к наиболее частым и трудным случаям).

Объектом описания и характеристики фразеологических словарей являются уже не отдельные слова, а целостные фразеологические обороты. В этих словарях объясняются значения фразеологических оборотов, их происхождение и экспрессивно-выразительные свойства.

Обратные словари представляют собой алфавитное собрание существующих в языке слов, расположенных по азбучному порядку не слева направо, а, наоборот, справа налево.

Ниже приводятся краткие сведения о важнейших словарях русского языка.

§ 75. Толковые словари

Наиболее важными из существующих видов словарей являются словари толковые, в которых слова объясняются как с семантической и грамматической точек зрения, так и с точки зрения экспрессивно-стилистической. Дается в них также правописание и произношение слова, а иногда и указания этимологического характера.

Помимо слов, толковые словари включают в свой объяснительный материал и фразеологические обороты. Фразеологические обороты в них не образуют особых статей, а включаются в словарную статью тех слов, которые являются их основными составными элементами.

Подавляющее большинство толковых словарей русского языка является нормативными словарями, отражающими правила и законы русского литературного языка.

Первым толковым словарем русского языка был «Словарь Академии Российской» (1789—1794). Составляя этот словарь, его авторы опирались на лексикографические традиции, которые выработались к концу XVIII в. в результате длительной работы сначала по составлению небольших азбуковников, глоссариев, лексисов (Глоссарий Новгородской кормчей 1282 г., Лексис Лаврентия Зизания Тустановского 1596 г., Лексикон славеноросский Памвы Берынды 1627 г., рукописная «Синонима славеноросская» XVII в. и т. д.), а затем и словарей (Лексикон треязычный Ф. Поликарпова 1704 г., Российский целлариус Ф. Гелтергофа 1771 г., Церковный словарь П. А. Алексеева 1773—1776 гг. и т. п.).

Начало работы над «Словарем Академии Российской» было положено лексикографической деятельностью М. В. Ломоносова, К. Кондратовича и Тауберта. Ими, в частности, был выработан и новый принцип расположения слов не по алфавиту, а по гнездам. При гнездовом

расположении материала в алфавитном порядке следуют друг за другом не слова, а корни, рядом с которыми располагаются все их производные.

В первом издании «Словаря Академии Российской» было 43 257 слов, выбранных как из современных составителям произведений, так и отчасти из древнерусских памятников.

Подавляющее большинство слов, помещенных в словаре, представляют собой старославянизмы и исконно русские слова, образованные на базе или по модели старославянских.

Слов, взятых из живой народной речи, профессиональных и территориальных диалектов, было немного. Еще меньше в нем было слов иноязычного происхождения (341 греческое, 107 латинских, 92 французских и 74 немецких).

Стилистические пометы при словах («просто», «слово низкое», «низкий слог», «простое употребление», «в просторечии», «словенское», «по-славенски» и т. д.) были выработаны на основе учения Ломоносова о трех стилях литературного языка.

При переиздании в 1806—1822 гг. (I—VI части) «Словарь Академии Российской» подвергся серьезной переработке: было добавлено 1131 слово, уточнены некоторые определения значений, расширена фразеология и, наконец, заменено этимологическое расположение слов алфавитным.

Несмотря на серьезные недостатки (особенно в составе словника, в котором очень слабо были представлены лексика живой народной речи, научная и техническая терминология, иноязычные слова), значение «Словаря Академии Российской» трудно переоценить: он, по существу, начал историю толковых словарей русского литературного языка.

Не утратил до сих пор большого научного значения и «Словарь церковнославянского и русского языка», изданный вторым отделением Академии наук в 1847 г.

По своим целям и характеру, осуществляя более полно замысел, который еще в 1834 г. хотел осуществить П. Соколов в «Общем церковнославянско-русском словаре», «Словарь церковнославянского и русского языка» второго отделения Академии наук резко противопоставляется «Словарю Академии Российской».

Если «Словарь Академии Российской» строится как нормативный словарь на основе тщательной фильтрации и отбора языкового материала в соответствии с теорией трех стилей Ломоносова, то словарь второго отделения Академии наук 1847 г. строится как «полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа», задуман как сокровищница «русского языка на протяжении многих веков, от первых памятников письменных до позднейших произведений нашей словесности». В связи с такой установкой в словаре богато представлена не только книжная лексика, но и разговорная. Были включены в него также и общеупотребительные слова иноязычного происхождения и термины. Всего в словаре второго отделения Академии наук 1847 г. — 114 749 слов.

Ориентировка на полный охват лексики русского языка сказалась и на принятой системе стилистических помет, которая была освобождена от устаревших оценок, связанных с ломоносовской теорией трех стилей, и построена на новых принципах (ср. пометы «разг.», «простореч.», «риторич.», «стихотворческое» и т. д.). Следует особо отметить тщательное разграничение различных категорий научно-технических и профессиональных слов.

Значительно лучше, чем раньше, кратко и логично в словаре второго отделения Академии наук 1847 г. дается грамматическая характеристика слова и определение лексических значений. Более разнообразны и показательны иллюстрации, среди которых немало примеров из художественных произведений Крылова, Карамзина, Жуковского, Пушкина и других писателей первой четверти XIX в.

Ценным лексикографическим пособием для каждого интересующегося русской лексикой и фразеологией является вышедший первым изданием в 1863—1866 гг. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля.

Словарь В. Даля, возникший в результате многолетней работы замечательного русского этнографа, включает около 200 тысяч слов. В нем не только содержится лексика русской письменной речи XIX в., но и удивительно полно и широко представлены слова и фразеологические обороты живой, разговорной речи.

Как и словарь второго отделения Академии наук 1847 г., словарь В. Даля не является нормативным, а претендует на отражение всего лексического богатства русского языка, как того, что соответствует нормам литературного употребления, так и того, что литературным не является.

Однако этим их сходство и ограничивается.

Состав, принципы расположения материала, приемы объяснения значений слов и их грамматическая характеристика, построение статей и иллюстраций коренным образом отличаются от всего того, что характеризует словарь 1847 г.

В словаре В. Даля без каких-либо ограничений рядом с общенародной по употреблению лексикой дана разнообразная диалектная лексика.

Несмотря на резко отрицательное отношение В. Даля к заимствованным словам, довольно полно представлены в его словаре также и иноязычные слова.

Материал располагается не по алфавиту, а по гнездам, в соответствии со словообразовательными и семантическими (а иногда и этимологическими) связями родственных слов друг с другом. Такой «средний между голословным и корнесловным» принцип подачи материала, по мнению автора, позволяет вскрыть действующие правила и законы русского словообразования.

В. Даль отходит от хорошей практики словаря второго отделения Академии наук 1847 г. в объяснении значений слова («определения значений слов должны быть составлены со всей логической точностью и краткостью»). Слово с его значениями определяется у него путем подбора к нему синонимов, не всегда точных.

Поверхностными и недостаточно четкими очень часто оказываются у В. Даля и грамматические указания.

Зато очень богатыми и разнообразными выступают в его словаре иллюстрации, в числе которых первое место занимают русские пословицы и поговорки (их свыше 30 тыс.). Широко представлены также и фразеологические обороты.

Много дает «Словарь живого великорусского языка» и для познания быта и этнографии русского народа.

Один пример построения словарной статьи:

Прыть, ж., быстрота, скорость. Въ этомъ конѣ болѣе прыти, чѣмъ въ томъ. Прыть соколиная. Хлещи по конямъ, прибавь

прыти! Прытью а́жа не ізойдешь || Вообще проворство, живость, удалство, хватские приемы, молодечество. *Какъ суетится! что за прыть!* Грибоѣд. *Безъ прыти не быти. Прытью людей не удивишь. Прытью не удивишь, а себя истомишь. Прѣткій, быстрый, скорый, проворный, бойкій; удалой, рѣзвый. Прытокъ больно, погоди! Прытче зайца не будешь, а и того ловятъ. Прѣтокъ на ногахъ. Прытокъ в работе, прыткій умомъ. Нынѣ снѣгъ прытко таетъ. Прытко болень, мск. очень сильно. Гов. также пруткій, прутко. Прибытки не прытки. Прытко бѣгаютъ, такъ часто падаютъ. Поѣшь рыбки, будутъ ноги прытки. Съ рыбки глаза прытки. Прѣточный кстр. то же. Прѣткость, ж., свойство, качество по прлгт. Прытчатъ, становиться прытче. Прѣтный, прытно зап. крутой, круто; отвѣсный, обрывомъ.*

Словарь В. Даля выдержал несколько изданий (2-е изд. — 1880—1882 гг., 3-е изд. — 1903 г., 4-е изд. — 1912 г., 5-е изд. — 1935 г., 6-е изд. — 1955 г.).

Третье и четвертое издания были заново отредактированы проф. И. А. Бодуэном де Куртенэ, который подверг его серьезной научной обработке.

Он дополнил словарь 20 тысячами новых слов, исправил и уточнил грамматическую характеристику слова, внес коррективы в гнездовое расположение материала.

Советские издания словаря В. Даля представляют собой точное воспроизведение второго издания (изд. 1935 г. — фотомеханическим способом, изд. 1955 г. — с набора).

Несмотря на включение в словарь отсутствующих в общем употреблении собственных неологизмов, на ошибки в гнездовании, неточности и недостатки в грамматической характеристике слов и объяснении их значений и т. д., словарь Даля до сих пор (в силу богатства представленного в нем лексико-фразеологического материала разговорного русского языка) является интереснейшим справочником для всех любящих русский язык.

Замечательным научным трудом, отражающим лексику русского литературного языка, «как он образовался со времен Ломоносова», является неоконченный словарь отделения русского языка и словесности Академии наук, первые выпуски которого под ред. Я. К. Грота появились в 1891—1895 гг.

Этот словарь выходил (после смерти Я. К. Грота — под ред. А. А. Шахматова, а затем — В. И. Чернышева, Л. В. Щербы и других) вплоть до 1937 г., последний выпуск включал в себя слова от *ободраться* до *обратность*.

По тщательности обработки материала этот словарь является лучшим из всех существующих толковых словарей русского языка.

Словарь отделения языка и словесности Академии наук (в выпусках под ред. акад. Я. К. Грота) до сих пор является непревзойденным образцом по определению значений слова, его грамматической характеристики и тонкой и разветвленной системе стилистических помет.

В нем очень подробно дается фразеология и впервые широко и свободно используются для иллюстрации цитаты из русской художественной литературы XIX в.

Среди объясняемых словарем слов наблюдаются все их разряды — от общенародной исконно русской лексики устной и письменной речи до новых заимствованных и разнообразных областных слов, количество которых особенно увеличивается после того, как редактирование (со смертью Я. К. Грота в 1893 г.) перешло к акад. А. А. Шахматову.

Характер словаря (по замыслу Я. К. Грота он должен быть нормативным) впоследствии изменился: в выпусках под ред. акад. А. А. Шахматова он стал своеобразным толково-историческим словарем, стремящимся дать лишь «по возможности полное описание существующего словоупотребления». Представление об этом словаре могут дать словарные статьи о словах *мали́на* и *ма́линя*:

1. Малина, *ы, ж.* (Малор, мали́на; бѣлор. малины и малина; польск. *malina*; чешск. *malina*; болг. мали́на; серб. ма́лина). 1. Бот. Кустарниковое растение *Rubus* L. изъ семейства розоцвѣтных, *Rosa-ceae* (Анненк. 302). || Обыкновенная мали́на, *Rubus idaeus* L. (Анненк. 304). Обл. Земляника. Макар. (прогр. № 56). || Высокій бурьянъ въ поляхъ. Холмог. (Грандилевск.).

Мали́на арктическая, галочья, глухая, голубая, дикая, земляная и т. д. — см. подѣ соответствующими именами прилагат. || Кусты малины, малинникъ.

Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной...

Лерм. Сашка.

Заберешься, бывало, въ самую середину высокой, заросшей, густой малины. Л. Толст. Дѣтство, ч. III, гл. XXIII. Выросла малина, да не въ нашемъ саду. Курск. г. (Робушь). Въ народных пѣсняхъ часто въ соединеніи съ калиной.

Въ рощѣ дѣвки гуляли,
Калина ли моя, малина ли моя.

Сумар. Пѣсня и хоры, VIII (VIII, 189).

На горѣ-то малина...
под горой-то калина.

Углич. (Шляпковъ).

2. Ягоды обыкновенной малины, *Rubus idaeus* L. *Потомъ покормили малиной со сливками.* Чех. Приданое.

Какъ заманимъ молодца...
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною.

Пушк. Е. О. III, 39.

Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздь, душистая малина.

Гог. Юнош. опыты (V, 16).

Какъ клонилася калина
Къ сладкой ягодѣ малинѣ.

Чулковъ. Собр. пѣсень, I, 576

|| Въ пословицн. выраженияхъ. *Подумай-ко, это, право, не малина и не опадетъ, и приѣхать къ арміи всегда еще успѣть ты можешь.* Болот. Записки, II, 53. *Бѣда, что ли если подождете (замужъ выдавать): дѣвушка не малина, не опадетъ.* М. Вовчокъ, Глухой городокъ. *Спустя лѣто, въ лѣсѣ по малинѣ не ходятъ. Въ одной рукѣ малина, а въ другой смерти половина. (Въ лѣвой рукѣ силы меньше, а въ правой больше.)* Кем. (Дуровъ).

3. Напитокъ изъ заваренной кипяткомъ сушеной малины (ягодъ) *Ты бы напился малины... Это тебѣ со вчерашнего дождя нездоровится.* Маминъ-Сибир. Искушеніе о. Спиридона, с. 156.

4. Въ переносномъ смыслѣ: прелесть, что-либо весьма пріятное. *Правду сказать, вѣдь и ему не малина была: сидячей частью объ сундукъ, головой объ плетеную будку простучался, сердечной, всю дорогу.* Гриб. Студ., д. I, явл. 2. *Мнѣ житье теперь — малина!* Остр. Горячее сердце, д. IV, сц. II, явл. 3. *Дѣло было первый сортъ, — таков, братецъ, дѣло, одно слово — малина!* Златовр. Скиталецъ (II, 155). *Нижынатая — малина, а жынатая — дубина (объ отношеніяхъ женщинъ къ мужчинамъ).* (Пам. ки. Ворон. г. на 1892 г.). *Не генералъ, а малина, Буланже!* Чех. Свадьба. *Эхъ ты... малина! онъ прижался къ ней и впился толстыми губами въ ея румяную щеку.* Горькій, Мальва. Въ выраженіи: *разлюли-малина.* *Житье тамъ (въ скитахъ) разлюли-малина, вѣкъ бы оттолѣ не вышелъ.* Печерск. На горахъ, III, 132. *Будь наши пріиски въ Америкѣ, такую бы дорогу построили, что разлюли-малина.* Латкинъ, На сиб. золот. пріискахъ, с. 142. Укоризненно. *А ты не будь дуракомъ. Эхъ, голова-малина!* Маминъ-Сибир. Хлѣбъ, с. 554. Въ игрѣ въ карты: онъ въ малинѣ — въ выигрышѣ (Арх. II. Отд.).

5. На воровскомъ языкѣ: стариха — соучастница хипесницы; квартира, гдѣ совершается хипесь; мѣсто, гдѣ можно скрыться. Квартира, гдѣ обыгрывается жертва (у шуллеров). Мѣсто нахождения лошадей (у конокрадовъ). (Поповъ, Слов. воровск.). — Съ

инымъ произнош.: мали́ня. Тверск. и Тульск. гг. (Макаровъ, Сель-хоз. слов.).

— Во множ. числѣ: мали́ны. *Пойду за малинами.* Ельнин (Добров.) *Среди малинъ существует не мало низкорослыхъ многолѣтниковъ.* Миръ растений, с. 455.

2. Мали́на, ѣ, и ма́лина, ы, ж. Стар. и обл. 1. Малость (Слов. Акад.). О по ч. (Оп. обл. слов.). 2. Ж. и м. Малорослый мужчина или малорослая женщина. О по ч. (Оп. обл. слов.).

Среди толковых словарей русского языка советской эпохи видное место по заслугам принадлежит «Толковому словарю русского языка» (1935—1940 гг., т. I—IV) под ред. проф. Д. Н. Ушакова, составленному проф. В. В. Виноградовым, проф. Г. О. Винокуром, проф. Б. А. Лариним, доц. С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским.

Этот словарь по типу и задачам представляет собой тот словарь «*настоящего* русского языка», «словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»¹, о необходимости создания которого В. И. Ленин говорил еще в 1920 г.

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова является нормативным словарем современного русского литературного языка. Его нормативность ясно сказывается не только в указаниях о семантике слова, его грамматических свойствах, экспрессивно-стилистических качествах, орфографии и литературном произношении, но и в самом отборе языкового материала.

В словаре объясняются лишь слова современного русского литературного языка (в том числе и общеупотребительные новообразования советской эпохи).

Областные слова и специальные термины узкого употребления в словарь, как правило, не включаются. Всего в словаре 85 289 слов.

Словарные статьи в «Толковом словаре русского языка» 1935—1940 гг. строятся таким образом: дается объясняемое слово, затем грамматические указания и отдельно (1; 2; 3 и т. д.) его значения.

Каждое значение иллюстрируется примерами. После этого за знаком ♦ следует фразеология.

Если необходимо, в статье даются также указания на происхождение слова и его орфоэпическое произношение.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 122.

Вот два примера построения словарной статьи в словаре под ред. Д. Н. Ушакова:

МОЛОДЕЖЬ (мóлодежь неправ.), и, мн. пет, ж. 1. Молодое, подрастающее поколение. *Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Учащаяся м. 2. собир.* Молодые люди, юноши и девушки. *Собралась м. потанцевать.*

ШУМОК, мкá м. (разг. фам.). Небольшой, еле слышный шум.
◇ *под шумок* (разг.) — втихомолку, неприметно для других.
Под шумок мальчик съел все конфеты.

В настоящее время словарь под ред. Д. Н. Ушакова во многом устарел.

На базе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова создан С. И. Ожеговым однотомный «Словарь русского языка» (первое издание вышло в 1949 г.).

Словарь включает около 53 тыс. наиболее употребительных слов современного русского литературного языка. Во всем основном (в отборе материала, его обработке, построении статьи и т. д.) словарь С. И. Ожегова следует словарю под ред. Д. Н. Ушакова.

Ср. хотя бы словарные статьи по слову *новинка*:

НОВИ́НКА, -и, ж. (разг.). 1. То же, что новость, новшество и обновка. *Новинке всякий рад.* Нкрсв. 2. Товар нового сорта, новая вещь, недавно поступившая на рынок. *В витрине выставлены модные новинки. Книжные новинки* (новые книги). ◇ *В новинку кому-чему что* или *с инф.* (разг.) — о чем-н. новом, ранее не испытанном кем-н. *Вам уж это надоело, а мне в новинку.* («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.)

НОВИ́НКА, -и, ж. То же, что новость (в 1 знач.). *Книжные новинки.* ◇ *В новинку кому-чему что* или *с неопр.* — о чём-н. новом, испытываемом впервые. (Словарь С. И. Ожегова.)

Исключение составляют указания по правописанию и орфоэпии, которые даны С. И. Ожеговым более определенно и нормативно.

Несмотря на целый ряд недостатков (большое количество вульгаризмов и устаревших слов, не всегда правильное объяснение значения и стилистических свойств слова, спорность отдельных орфоэпических рекомендаций и т. д.), словарь С. И. Ожегова является, несомненно, полезным пособием по лексике современного русского языка.

С 1950 по 1956⁶⁵ год вышло в свет 17 томов «Словаря современного русского литературного языка» Академии

наук СССР. Этот словарь нормативный и толково-исторический одновременно. Он содержит «все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней».

В этом словаре есть неточности, особенно в грамматической характеристике слов и обработке лексикофразеологического материала. Тем не менее этот словарь может дать каждому, кто интересуется лексикой и фразеологией русского литературного языка, много того, чего он не найдет ни в словаре С. И. Ожегова, ни в словаре под ред. Д. Н. Ушакова. Особенно следует в этой связи отметить указания о первой фиксации слова в лексикографических трудах и богатый иллюстративный материал (пример словарной статьи из этого словаря см. выше, на стр. 276).

На основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР был создан краткий академический «Словарь русского языка» в четырех томах (ГИС, М., 1957—1960 гг.).

Он представляет собой нормативный словарь современного русского литературного языка, очень близкий по своему профилю и объему к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, естественно, с соответствующими коррективами в словнике, в связи с происшедшими изменениями в словарном составе.

Приведем два примера словарных статей.

Молодёжь, -и, ж., собир. молодое, подрастающее поколение. Советская молодежь. Демократическая молодежь мира. || Молодые люди; юноши, девушки. В конце узкого зала..., где тесно стояла молодежь с курсов и университета, раздался смех и хлопки. А. Н. Толстой, Сестры. [На похоронах] была молодежь самых разных возрастов, от мальчиков до юношей в солдатских шинелях или в полинялых студенческих фуражках. Ф е д и н, Необыкновенное лето.

◆ **Золотая молодежь** см. золотой.

Ова́ция, и, ж. Выражение одобрения и восторга бурными продолжительными рукоплесканиями. Устроить ова́цию артисту.

□ В зале его [Корчагина] встретили радостными возгласами и бурными ова́циями. Н. Островский. Как закалялась сталь. [Лат. ovalio.]

§ 76. Диалектные словари

Особой разновидностью толковых словарей являются диалектные словари.

Диалектные словари могут строиться либо как сло-

вари, дающие характеристику всего словарного состава того или иного говора, диалекта, наречия, либо как словари, являющиеся собранием диалектной лексики в отличие от общенародной.

Наиболее важным из словарей второго типа является «Опыт областного великорусского словаря» второго отделения Академии наук, появившийся в 1852 г.¹

В этом словаре составители попытались описать и объяснить диалектную лексику русского языка в целом, в той мере, конечно, в какой она была изучена в середине XIX в.

Наряду с толкованием значения слова в нем давались также и пометы, указывающие на его распространённость в том или ином диалекте.

Несмотря на серьёзные недостатки, которые этот словарь имеет (недостаточное количество материала; несовершенная передача звучания слова, случаи отнесения к диалектизмам общенародных слов, не всегда правильная характеристика диалектной принадлежности слова и т. д.), он как единственный пока полный диалектный словарь обобщающего характера не потерял научного значения до сих пор.

Среди словарей, отражающих специфику лексики отдельных диалектов (правда, с теми же недостатками, что и «Опыт» и «Дополнение» к нему), заслуживают внимания словари В. Богораза («Областной словарь Коломского русского наречия», 1901), Н. Васнецова («Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора, 1908), В. Добровольского («Смоленский областной словарь», 1914), Г. Куликовского («Словарь областного олонёцкого наречия», 1898), А. Подвысоцкого («Словарь областного архангельского наречия», 1885), А. Миртова («Донской словарь», 1929).

В 1961 г. в Ярославле вышел «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко, объединяющий материалы ранее составленных словарей ярославской диалектной лексики (с 1820 по 1956 г. включительно).

После толкования слова в этом словаре делаются ссылки на источник (всех их 24), в котором или в которых это слово фиксируется.

¹ В 1858 г. к этому словарю было выпущено большое «Дополнение».

Чтобы дать представление о лексикографическом характере областных словарей, приведем из этого словаря небольшой отрывок, в котором объясняются начальные слова на букву *п*:

ПАВИТЬЕ. Самые мелкие веточки на дереве. 9.

ПАВОДОК. ▲ Вешняя полая вода, наводнение. 11.

● ПАВУТ. Овод (см. Слепыш 17).

ПАГЛЯНКИ. То же, что паголенки. 14.

ПАГОЛЕНКИ. Чулки без ступни. 14, 15.

● ПАГОЛИЦА. То же, что паголовка. 11, 14.

ПАГОЛОВКА. Головастик, благовица. 8-а, 11.

● ПАГУВЕННИК. То же, что гумежник во 2 значении. 17.

ПАДАНЕЦ. ▲ Упавший с дерева плод. 10.

● ПАДЕРА. То же, что падина. 17.

ПАДИНА. 1. Пададь. 17. 2. Ругательство. 17.

ПАДКИЙ. ▲ Весьма склонный к чему-либо. 12.

ПАДМЫЛЬЕ. Слизь на дне посуды от мыльной воды. 7, 10.

ПАДОГ(К). 1. Палка, посох. 10, 17. 2. Часть ткацкого станка (см. стан 15). 3. Палка у молотила, приузи. 17. 4. Короткая палка цепа. 22—92.

В 1965 г. началось издание многотомного «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина (вышло уже несколько выпусков). Эта работа представляет собой исчерпывающее собрание диалектных слов, зафиксированных во всех ранее вышедших областных словарях, словариках и списках (не только печатных, но и рукописных). Словарная статья состоит из толкуемого слова, грамматических помет, объяснения значения, иллюстраций употребления и указания на ту или иную диалектную принадлежность слова. Помимо этого указывается источник, из которого берется слово и приводимые контексты. Две иллюстрации:

Воробѣц, бцá, м. Воробей. Дон., 1929. — В детской считалке. *Сйточки, Улыточки, Ворона на кўточке. Синѣц, Воробѣц, Поди вон наконѣц.* Руза. Моск., Брехов. — Ср. Г о р о б е ц.

Бахмўриться. 1. Делаться пасмурной, хмуриться (о погоде). *Второй вот день погода что-то бахмўрится.* Буйск. Костром., 1849.

2. Становиться печальным, сердитым. *Что ты больно бахмўришь-ся? Али нездоровится?* Буйск. Костром., 1897. Костром., Тамб., Арх.

Создание этого обобщающего лексикографического труда по диалектологии сопровождается активной работой наших лингвистов по составлению самых различных диалектных словарей регионального и монографического характера. Среди последних особенно следует отметить «Словарь современного русского народного говора

(д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», выпущенный в 1969 г. издательством «Наука» под редакцией И. А. Оссовецкого.

§ 77. Словари синонимов

Словари синонимов представляют собой собрания синонимических рядов со стержневым словом ряда в качестве заглавного.

Научного словаря синонимов русского литературного языка, охватывающего все основные синонимические ряды, пока еще нет.

Небольшие по размеру словари Д. Фонвизина («Опыт российского сословника», 1783) и П. Калайдовича («Опыт словаря русских синонимов», 1818) в настоящее время представляют интерес лишь для истории русской лексикографии.

Не удовлетворяют требованиям настоящего научного словаря синонимов и появившиеся в первой трети XX в. словари Абрамова («Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений», 1900 г.) и В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского («Учебный словарь синонимов русского литературного языка», изд. 1, 1930 г., изд. 2, 1931 г.).

Оба словаря содержат серьезные ошибки как лингвистического, так и политического характера. Особенно часто в них наблюдаются неверные определения значений слов и сферы их употребления и неправильно составленные синонимические ряды.

Полезна, хотя и не свободна от ряда серьезных недостатков, книга В. Н. Ключевой «Краткий словарь синонимов русского языка» (первое издание вышло в 1956 г., второе — в 1961 г.¹).

Словник словаря во втором издании составляет около 3 тыс. слов, в конце книги в качестве приложения даны алфавитный индекс синонимов (с выделением доминант) и индекс синонимических рядов. Словарная статья в «Кратком словаре синонимов русского языка» состоит из указания синонимического ряда, объяснения разницы, существующей между синонимами, и иллюстраций.

¹ Критическая оценка второго издания этого словаря содержится в рецензии М. Ф. Палевской, помещенной в журнале «Русский язык в школе», 1962, № 3.

Вот два примера словарных статей из этого пособия:

ШУМ

гам

гомон

Эти слова объединяются значением — «сливающиеся в одно целое какие-нибудь звуки». *Шум* — слово наиболее употребительное и широкое по значению. *Гам* и близкое к нему по значению *гомон* (оба разговорные) — нестройный шум голосов.

Примеры.

Миновав малинник, крыжовник, шалаш сторожа, она через огород идет к пруду, бледная, вздрагивающая от малейшего *шума*. (Ч.)

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий *гам*,
И *гам* лесной, и *шум* нагорный —
Все вторит весело громам. (Тютч.)

...Долго брел за скрипучими возами *чумаков*, кочевал в степи у огней, слушал *гомон* ярмарок и базаров. (Кор.)

ВОРЧАТЬ

брюзжать

бурчать

Общее значение этого ряда — выражать недовольство словами. *Бурчать* — просторечное слово, имеющее оттенок — «говорить очень невнятно». *Ворчать* и *брюзжать* — говорить не обязательно невнятно, но обычно монотонным, недовольным голосом. *Брюзжать* более сильно, чем *ворчать*, и означает «быть постоянно недовольным и выражать это».

Примеры.

У столяра одна избенка,
Казны — ни гроша, мать — бабенка
Сварливая, всегда *ворчит*,
Ей и святой не угодит. (Ник.)

Она [Одинцова]... немедленно выписала к себе сестру своей матери... злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы в доме, забрала себе все лучшие комнаты, *ворчала* и *брюзжала* целый день. (Т.)

Они все что-то перекладывали и *бурчали*, причем старик употреблял букву «ш» вместо «с» и «ж» вместо «з». (Леск.)

В 1968 г. издательство «Советская энциклопедия» выпустило «Словарь синонимов русского языка», составленный З. Е. Александровой под ред. П. А. Чешко. В словаре содержится около 9 тысяч синонимических рядов. По своему построению и характеру он принципиально противоположен работе В. Н. Ключевой, в которой дается семантико-стилистическое объяснение каж-

дого синонима. Словарь З. Е. Александровой продолжает традицию синонимических словарей Н. Абрамова, В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского, что на данном этапе развития лексикографии вряд ли следует признать предпочтительным. Словарная статья в этом словаре содержит только цепочку синонимов или близкозначных слов, сопровождаемых стилистическими пометами. Синонимы толкуются очень широко, в силу чего за доминантой синонимического ряда нередко следуют слова, ей не синонимичные. Тем не менее при критическом использовании работа З. Е. Александровой является полезной.

В 1970—1971 гг. вышел двухтомный «Словарь синонимов русского языка» Академии наук СССР под редакцией А. П. Евгеньевой. Словарь снабжен введением, излагающим точку зрения авторов на проблему синонима, а также объясняющим особенности построения словаря. В словаре дается подробное семантико-стилистическое объяснение всех слов синонимического ряда, иллюстрируемое затем примерами.

Для образца приведем статью на синонимическую пару *азбука, алфавит*:

Азбука, алфавит.

Совокупность букв какой-либо письменности, расположенных в установленном порядке. В современном языке в литературной речи чаще употребляется слово *алфавит*, в разговорной речи — *азбука*, но когда перечень букв употребляется в качестве организующего момента, употребляется *алфавит* (*записать фамилии учеников по алфавиту*).

Преимущество русской азбуки состоит в том, что всякий звук в ней произносится, — и произносится, как он есть. Л. Толстой. О методах обучения грамоте. Нет таких слов, которыми можно было бы передать все, — и слов нет, и даже букв в алфавите недостает. Мамин-Сибиряк, Без особенных прав, VII.

— Азбучный, алфавитный.

— См. Букварь, Начала.

§ 78. Словари иностранных слов

Предметом объяснения словарей иностранных слов являются иноязычные по своему происхождению слова стилистически ограниченного употребления, осознающиеся как явно заимствованные.

В соответствии с этим в словарях иностранных слов толкуются обычно самые разнообразные термины.

Бытовые названия, в силу общеупотребительности, как правило, прочно вошедшие в русский язык и не осознающиеся как чужие, в них не включаются.

Словари иностранных слов совмещают две задачи: 1) они объясняют значение того или иного иноязычного слова; 2) они указывают происхождение его в русском языке, в связи с чем отмечаются язык-источник и исходное слово. Даются в словаре иностранных слов иногда также указания относительно их грамматических свойств и произношения.

Наиболее известным в настоящее время среди словарей иностранных слов является словарь под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. В алфавитном порядке в нем объясняются 20 тыс. иностранных слов, наиболее распространенных в научной, публицистической и художественной речи.

Словарная статья построена очень экономно: за объясняемым словом в скобках указывается язык-источник и заимствованное слово в латинской транскрипции, далее следует объяснение значения. Если слово пришло в русский язык через посредство какого-либо языка, то в скобках вместе с заимствованным словом указывается как язык-источник, так и язык-передатчик.

Пользуясь словарем иностранных слов, следует иметь в виду, что в ряде случаев в нем этимологический состав слова отождествляется с реальным возникновением слова в том или ином языке. Особенно часто это наблюдается относительно слов, этимологически состоящих из греческих и латинских корней.

Приведем в качестве примеров объяснения в указанном выше словаре слов *бюст*, *колет* и *сфероид*:

БЮСТ (фр. *buste*) — 1) скульптурное изображение человека по пояс; 2) женская грудь.

КОЛЁТ [фр. *collet* воротник < лат. *collum* шея] — 1) короткий мундир из белого сукна в кирасирских полках некоторых армий; 2) воротник.

СФЕРОИД (гр. *sphaira* — шар + *eidos* — вид) — сплюснутый шар; тело, образуемое вращением *эллипса* вокруг его малой оси.

§ 79. Фразеологические словари

В 1967 г. был издан «Фразеологический словарь русского языка», составленный Л. А. Войновой, В. И. Жуковым, А. И. Молотковым и А. И. Федоровым и вышед-

ший под редакцией А. И. Молоткова. В этом словаре читателю предлагаются объяснения значений и контексты употребления более 4 тысяч фразеологических оборотов русского языка. Как пишет в предисловии редактор словаря, «основная проблема, которая ставится и решается в словаре, — это проблема отдельности фразеологизма. Она включает, с одной стороны, отграничение данного фразеологизма во всех его модификациях и во всех формах употребления от других фразеологизмов, с другой — сведение целого ряда форм употребления, в которых фразеологизм бытует в речи, к одному фразеологизму».

Фразеологизмы помещаются в данном словаре в алфавитном порядке составляющих их компонентов, причем каждый из объясняемых оборотов указывается столько раз, сколько в нем компонентов, включая их «видовые и лексические варианты».

Так, например, фразеологическое единство *бить ключом* в словаре под ред. А. И. Молоткова помещается дважды: на компонент *бить* в букве *Б* и на компонент *ключом* в букве *К*; фразеологизм *секрет полишинеля* дается в двух местах: на компонент *секрет* в букве *С* и на компонент *полишинеля* в букве *П* и т. д.

В словарной статье за стилистической пометой (если фразеологизм не является межстилевым) обычно сообщается значение фразеологического оборота и указываются его формы. Затем идут примеры, подтверждающие указанные значения и формы. Далее даются (правда, далеко не всегда) синонимы и антонимы объясняемого оборота. В отдельных (очень редких) случаях и весьма непоследовательно словарная статья заканчивается сведениями о происхождении толкуемого оборота.

«Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова является, несомненно, полезной работой, хотя и не лишен целого ряда существенных недостатков (авторы очень суженно понимают фразеологию, не разграничивают вариантные и дублетные обороты, не всегда точно определяют состав фразеологизма, в отдельных случаях неверно характеризуют «морфологию» фразеологических оборотов и т. д.)¹.

¹ См. рецензию на него Л. И. Ройзензона и И. В. Абрамца («Русский язык в школе», № 2, 1968, стр. 108—114).

За пределами фразеологического словаря оказались пословицы и поговорки и устойчивые сочетания слов типа 1) *египетская работа*, 2) *одержать победу*, 3) *впадать в истерику*, 4) *из года в год*, 5) *анютины глазки* и т. д. Представленный в словаре под редакцией А. И. Молоткова фразеологический материал в результате этого значительно уступает тому, который мы находим в толковых словарях (см. выше).

Характер разработки фразеологических оборотов в разбираемой работе можно проиллюстрировать на следующих двух словарных статьях.

На своих ⟨на⟩ двоих. Пешком (приходить, прибывать, идти и т. п.). Из создавшегося положения нам оставался единственный выход — возвращаться на своих на двоих в обход Бухты Тихой. Соколов-Микитов, Пути кораблей. — Продвигаться будете от участка к участку. Где позволит дорога — на машине, где — на своих двоих. В. Ажаев, Далеко от Москвы. — Первонач.: на двоих ногах. От старой формы собирательного числительного «двои, двоих» в знач. пара, чета.

Садиться на своего ⟨любимого⟩ конька. Сесть на своего ⟨любимого⟩ конька. Начинать говорить, рассуждать, распространяться на излюбленную тему. Ср. оседлать своего ⟨любимого⟩ конька. [Галя:] Вот эти складки придают ей легкость, свободу и потом цвет пуговиц играет большую роль... [Вадим:] Галина Георгиевна, не садитесь на своего любимого конька, нам некогда. В. Розов, В добрый час! Слушать басистый ровный голос Полунина было приятно. Пров Яковлевич сел на своего любимого конька — говорил о настоящем человеке, не злился, любовался. Ю. Герман, Дело, которому ты служишь. **Усесться на любимого конька** Усевшись на любимого конька, он не покинул его до тех пор, пока не выложил всего, что знал. Н. Вирта, Вечерний звон.

Годом раньше, в 1966 г., вышел из печати «Словарь русских пословиц и поговорок», составленный В. П. Жуковым. Этот словарь не является фразеологическим словарем в полном смысле этого слова, однако содержит в себе большой и интересный материал, посвященный фразеологизмам коммуникативного характера, структурно равным предложениям. Словарная статья состоит из пословицы или поговорки, за которой, как правило, следует объяснение значений или, как называет их автор, смысловые (логические) характеристики. Далее даются примеры и справочная часть, включающая указания историко-этимологического характера, а также перечень форм пословиц и поговорок, содержащихся в наиболее авторитетных сборниках фразеологизмов этого

типа. При пословицах и поговорках архаического характера дается помета *устар.* В подавляющем большинстве случаев указывается не только основная форма пословицы и поговорки, но и их различные варианты. Всего в словаре толкуется около 1000 пословиц и поговорок.

Две иллюстрации:

На тебе, боже, что нам не гоже. Говорится тогда, когда охотно освобождаются от ненужного под видом благодеяния. *Das ist eine alte Geschichte* дамских коловращений, разрешаемых в смысле народной пословицы: «на тебе, боже, что нам не гоже». Лесков, Карикатурный идеал. — *Вот чем удружил, значит, Горчаков! Завалю! Гнилью! На тебе, боже, что нам не гоже! А мы за это благодарили!.. И вот этой гнилью, значит, должны мы кормить солдат?* Сергеев-Ценский, Севастопольская страда.

— Первоначально: На тебе, небоже, что нам не гоже.

Небогий (устар.) — то же, что убогий бедняк, нищий.

— Снегирев: На тебе, небоже, что мне не гоже; Даль: Вот тебе, боже, что нам не гоже, что нам не мило, то попу в кадило (искажена из малорусской: от тоби, небоже, що нам не гоже);

Михельсон: На тебе небоже, что мне не гоже.

Упустишь огонь — не потушишь. Не досмотришь, пропустишь момент, не заметишь вовремя что-л., грозящее неприятностями, опасностью, будет поздно принимать меры предосторожности. *Одними лекарствами эпидемию не поборешь, а если ее не заглушишь в начале, то после с ней не справишься. Упустишь огонь — не потушишь.* А. Перегудов, Солнечный клад.

— Рыбникова: Упустишь огонь — не потушишь.

Из старых справочников по русской фразеологии наиболее известным и содержательным является словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (т. I—II, 1903—1904). По замыслу автора, эта книга должна «знакомить своих читателей с фразеологией родного языка, как простой словарь знакомит их с словами, вообще входящими в состав того или иного языка».

Несмотря на большие недостатки (недифференцированное толкование как фразеологических оборотов, так и слов, отсутствие стилистических помет и разъяснений конкретных форм фразеологизмов, неразграничение активной и пассивной по своему употреблению фразеологии и т. д.), словарь М. И. Михельсона до сих пор не потерял определенного научного значения. Это объясня-

ется как богатством собранного в нем фразеологического материала и разнообразными иллюстрациями из русской художественной литературы, так и большим количеством верных этимологических справок.

В «Опыте русской фразеологии» по алфавиту располагаются исконно русские и заимствованные фразеологические обороты, цитаты русских и иностранных писателей, а также и отдельные образные слова. Если приводятся фразеологический оборот или образное слово, которые заимствованы русским языком из какого-либо другого, указывается язык-источник.

Словарная статья обычно включает фиксацию фразеологического оборота или образного слова, объяснение его значения, примеры использования в литературе (для заимствованных оборотов — указание языка-источника) и, наконец, многочисленные параллели одноструктурных или синонимических фразеологизмов и слов других языков (в основном западноевропейских и классических).

В конце второго тома дается алфавитный указатель соответствующих фразеологических оборотов и слов русского и других языков.

Как разрабатывается фразеологический материал в этом словаре, можно получить представление из следующей словарной статьи.

619. Положа руку на сердце (по правде, по совести). Ср. Скажите мне, *положа руку на сердце*, всю истинную правду, что это за девушка.

Гр. Л. Н. Толстой, Война и мир. 2, 5, 4.

Ср. После месячного испытания могу, *положа руку на сердце*, свидетельствовать, что вы... удовлетворили всем моим требованиям...

Салтыков, Убежище Монрепо. 2.

Ср. Я полагаю с своей стороны, *положа руку на сердце*, по восьми гривен за душу — это самая красная цена.

Гоголь, Мертвые души, 1, 5. Чичиков.

Ср. Die Hand aufs Herz!

Ср. La main sur la conscience.

(Обыкновенное положение руки при уверениях, при подтверждении истины.)

Кроме словаря М. И. Михельсона, среди работ, посвященных русской фразеологии, следует прежде всего отметить одноименные сборники «Крылатые слова» С. В. Максимова (изд. 1-е — 1890 г.) и Н. С. и М. Г. Ашукиных (изд. 1-е — 1955 г., изд. 3-е — 1966 г.). Несмотря на то что эти работы составлены неспециалистами и в силу этого имеют очень существенные недостатки как в

классификации материала, так и в его объяснении, они полезны, одна (Максимова) — для объяснения некоторых оборотов разговорной фразеологии, другая (Ашукиных) — для объяснения некоторых оборотов книжной фразеологии, появившихся в XX в.

При использовании этих сборников читателю следует знать, что в понятие крылатых слов их авторы включали также и такие языковые факты, которые в собственном смысле крылатыми словами, т. е. выражениями из художественной литературы и публицистики, имеющими автора, не являются.

Для С. В. Максимова крылатыми словами оказываются все фразеологические обороты образного характера, для Н. С. и М. Г. Ашукиных — все «ходячие выражения, которые возникли из литературных источников или исторических документов» (стр. 3). Более того, указанные книги (как и работа М. И. Михельсона) включают не только фразеологический материал, но и однословные «крылатые слова», представляющие собой отдельные слова переносно-метафорического характера и поэтому никакого отношения к фразеологии не имеющие. Так, в «Крылатых словах» Максимова рядом с фразеологическими оборотами объясняются также слова *слоняться, опростоволоситься, подкузьмить, беспутный, покамест, пустозвон, затрапезный, накануне, халдей, щелкопер* и т. д.

В «Крылатых словах» Ашукиных наряду с фразеологизмами толкуются также слова *Ирод, благоглупости, буревестник, Буцефал, гидра, головотяпы, голгофа, Диана, Нарцисс, Чичиков, эврика* и т. п.

Представление о полубеллетристической книжке С. В. Максимова, посвященной им «летучим и крылатым словам и ходячим выражениям, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок», можно получить из объяснения в ней фразеологического оборота *выдать головой*:

Выдать головой

Этот обычай известен был еще в XII веке, когда с князя за вину бралась волость, а прочих людей отдавали головой, причем последняя выражала понятие о личности. Отданный головою за долг поступал к займодавцу с женою и детьми в полное рабство

и в работу, которую и отбывал до тех пор, пока не покрывал весь долг. Во время местничества оскорбитель был бит батогами и потом обязан был просить униженно прощения у обиженного и жалобщика: кланяться в землю и лежать ничком до тех пор, пока оскорбленный не утишится и не поднимет со словами: «Повинную голову и меч не сечет». Словом, в старину это означало предание суду за преступление с лишением гражданской свободы, а также во временное рабство за долги. Тогда «брат брату (шел) головой в уплату», а теперь нечаянно, без умыслу выговорить в неуказанное время неподлежащему человеку условленную тайну значит то же, что «выдать головой».

Характер объяснения фразеологизмов в «Крылатых словах» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной хорошо иллюстрируют словарные статьи, посвященные фразеологическим оборотам *злоба дня* и *чудаки украшают мир*.

28. Злоба дня

Выражение употребляется в значении: интерес данного дня и вообще — данного времени, волнующий общество. Возникло из евангелия (см. «Довлеет днєви злоба єго»).

«Моя деятельность почти исключительно посвящена злобам дня». (М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма к тетеньке, 14.)

«Когда у нас злобой дня бывает, например, отставка ректора или декана, то я слышу, как он, разговаривая с молодыми сторожами, называет кандидатов». (А. П. Чехов, Скучная история, 1.)

49. Чудаки украшают мир

Афоризм М. Горького из «Рассказа о безответной любви» (1923).

«Штерн вычитал в какой-то книге, что чудаки украшают жизнь, однако чудака, появившийся у него на пароходе, никому не понравился». (К. Паустовский, Рассказы, М., 1940, стр. 98.)

Полезна также книжка Эд. Вартаньяна «Из жизни слов», изданная с предисловием и под редакцией Л. В. Успенского (М., Детгиз, 1963), в форме маленьких рассказов он знакомит читателя с некоторыми фразеологизмами книжной и разговорной речи. Вот два наиболее типичных примера:

Горе луковое

Если человек плачет, это плохо. Но причина, вызывающая на глаза слезы, не всегда бывает достойна внимания и уважения. Попробуйте почистить или потереть на кухне луковку: слезы у вас польются ручьем... От горя? От лукового горя!

Немцы знают другое выражение: «луковые слезы». Это те слезы, которые льются по пустякам. И в переносном смысле под «луковым горем» мы понимаем мелкие печали, ничтожные огорчения, не заслуживающие слез.

Прежде всего не следует думать, что слово «миром» тут есть творительный падеж от слова «мир». Нет, это тоже творительный падеж, но от слова «мíро». «Мíро» — искусственно приготовляемое благовонное вещество, употребляющееся при церковных обрядах. В старину выражение «мы одним миром мазаны» означало: мы одной веры. Потом стало значить другое: «они одним миром мазаны» — одного поля ягоды, одинаково подозрительные люди.

От этого же обычая (миром мазали и царей при их коронации) произошло выражение «помазанник божий» — то есть царь.

В качестве небесполезных фразеологических сборников (правда, ставших сейчас библиографической редкостью) можно указать также работы В. З. Овсянникова («Литературная речь», М., 1933) и С. Г. Займовского («Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма», М., 1930).

Кроме специальных справочников по фразеологии, фразеологический материал в известной степени освещается и в толковых словарях русского языка. Особенно богато он представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР. В толковых словарях фразеологические обороты даются после основной части словарной статьи, объясняющей то или иное слово. Фразеологизмам предшествуют значки ◇ и ~.

Так, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова под словом **колокол** после ◇ следует:

«Колокола льют (устар.) — поговорка, означающая, что данный слух неверен, является сплетней, ложью [объясняют существовавшим в старину суеверным обычаем распространять всякие небылицы во время отливки нового колокола, чтобы он громче звучал]»; под словом грешный после ◇ — «Грешным делом, вводное слово (разг.) — к сожалению; хотя это и не хорошо. Я, грешным делом, люблю выпить рюмочку перед обедом. Грешный человек (разг.) — в значении вводного слова: виноват, каюсь. И я, грешный человек, изредка пописывал передовые статьи. Слтков-Шдрн»; под словом барабанщик после ◇ — «Отставной козы барабанщик (разг. ирон.) — незначительный человек, потерявший общественное положение [от старинной забавы: коза, т. е. наряженный козой, и барабанщик сопровождали вожака с медведем]»; под словом трамвай после ◇ — «Речной трамвай (нов.) — небольшой пассажирский пароход или катер, совершающий рейсы по рекам в черте и окрестностях города»; под словом тварь после ◇ — «Всякой твари по паре (разг. шутл.) — о смешанном, пестром составе какой-н. людской группы, толпы, общества [от библейского сказания о Ноевом ковчеге, в который Ной

взял с собой по одному самцу и одной самке от всех животных для сохранения жизни на земле после потопа]. *Вагон битком набит: тут и дамы, и военные, и студенты, и курсистки — всякой твари по паре.* Чехов» и т. д.

§ 80. Исторические словари

Настоящего исторического словаря русского языка, в котором бы давалась история слова (т. е. время возникновения в качестве языковой единицы, изменение и развитие его значений, модификация его словообразовательной структуры и звучания и т. д.), пока еще нет.

Русский лексикограф располагает в настоящее время небольшими по материалу словарями А. Дювернуа («Материалы для словаря древнерусского языка», 1894) и Г. Кочина («Материалы для терминологического словаря древней Руси», 1937) и словарем И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (в трех томах и одном дополнительном, 1893—1912; фототипически переиздан в 1958 г.).

Словарь И. И. Срезневского представляет собой большое собрание словарного материала (около 120 тыс. слов) из древнерусских памятников XI—XVI вв. самых разнообразных жанров и содержания. Несмотря на ряд недостатков (недостаточно удовлетворительная классификация значений слов и их толкование, отсутствие стилистических помет при словах и исторической перспективы в определении значения, неразграниченность древнерусских и старославянских фактов и т. д.), труд И. И. Срезневского является пока незаменимым при чтении древнерусских памятников и изучении древнерусского языка.

В этом словаре в алфавитном порядке даны все без исключения слова и случаи их употребления из памятников до XV в. и почти все — из памятников XV в.

Словарная статья строится обычно таким образом: указывается слово, затем дается его перевод на современный русский язык и употребление в том или ином контексте, в отдельных случаях приводятся словесные параллели из греческого и латинского языков и указания этимологического характера.

Приведем три примера небольших словарных статей и этого словаря:

ЛѢВИЦА — manus sinistra, левая рука: — И не познаша десница своя, ни лѣвица и. *Ион IV (Упыр.)*. Да не вѣсть лѣвица твою, что творить десница твою. *Никон. Панд. сл. 27*.

ГЛАЗЪКЪ — шарик: — Егда будетъ туча велика и находятъ дѣти наши глазки стеклянии и малыи и велики, повертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ еже выполаскиваетъ вода. *Ип. л. 1622 г.*

КЕРАМИДА — глиняна обожженная плита (*Ак.*): — Кюрамида (*кѣрамоѡ*) *Ю. Злат. XV в. (Оп. II. 1. 50)*. — Ср.: Обрѣсти имаши кюрамиду написану. *Отеч. 24*. — См. **КЕРЕМИДА**.

Историческим словарем, содержащим, правда, уже не нарицательные, а собственные (причем, лишь антропонимические) имена, является также и «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (Спб., 1903 г.).

С отсылкой к соответствующему памятнику письменности в нем в алфавитном порядке указаны древнерусские имена и отчества (со всеми наблюдавшимися в древнерусском и среднерусском языке вариантами. Следует отметить, что подобного словаря по отношению к современному русскому языку пока еще нет).

Краткий словарь-справочник, даваемый А. Угрюмовым в качестве приложения к его книжке «Русские имена» (Вологда, 1962), ни в какое сравнение со словарем Тупикова идти, конечно, не может (ни по объему, ни по научной разработанности и документации).

§ 81. Этимологические словари

Задачей этимологического словаря является разъяснение происхождения слов того или иного языка или языковой семьи. В такого рода словарях даются указания относительно исконного или заимствованного характера слова, указывается, от какого слова оно образовано, в ряде случаев — при помощи какого способа образования возникло, каково его наиболее древнее значение и какой признак был положен в основу названия.

В этимологическом словаре читатель получает ответ на вопрос, откуда именно заимствованы иноязычные слова, прочно вошедшие в лексику современного русского литературного языка (как указывалось, такие слова словарем иностранных слов не объясняются). Наиболее известным этимологическим словарем русского языка является «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского (от *а* до *суля* в выпусках 1910—1914 гг., от *тело* до *ящур* в «Трудах института

русского языка», т. 1, 1949; в 1960 г. словарь фотомеханическим способом был издан полностью).

Материал в словаре обычно подается «гнездами», т. е. группами родственных слов вокруг основного, послужившего базой для остальных.

Вслед за заглавным словом даются производные, затем — параллели из родственных языков (если слово исконно русское) или указания на язык-источник (если слово заимствованное). В заключение следуют важнейшие ссылки на имеющуюся научную литературу, в которой содержится аргументация принимаемой в словаре точки зрения, или высказывается какая-либо другая точка зрения.

Недостатками этимологического словаря А. Преображенского являются прежде всего не совсем полный словник, во многих случаях некритическое использование предшествующих словарей, не всегда верная обработка словарной статьи и т. д.

Естественно, еще больше неверных этимологий и фактических неточностей наблюдается в более ранних этимологических словарях Н. Горяева («Сравнительный этимологический словарь русского языка», 1896), М. Изюмова («Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими», 1880) и Ф. Шимкевича («Корнеслов русского языка», 1842).

На немецком языке недавно вышел в Германии этимологический словарь русского языка М. Фасмера («Russisches etymologisches Wörterbuch», Heidelberg, 1950—1958).

«Русский этимологический словарь» М. Фасмера состоит из трех томов и является пока самым обширным из соответствующих словарей русского языка. От словаря А. Преображенского он выгодно отличается большим количеством словарных статей, посвященных этимологии внутриславянских дериватов, и широким вводом в словник толкуемых слов всякого рода заимствований (в том числе и сравнительно новых по времени своего появления в русском языке). Кроме нарицательных существительных, в словаре М. Фасмера объясняется происхождение довольно многочисленных собственных имен (как антропонимического, так и топонимического характера), а также устаревших и диалектных слов. Вместе с тем в подборе объясняемых слов

у М. Фасмера немало случайного; максималистский характер словника «Русского этимологического словаря», ведущий к тому, что в него свободно включаются факты различных эпох и систем, не избавил этот этимологический справочник от очень досадных пропусков, и многие из таких слов, «без которых вообще невозможно себе представить современный русский литературный язык»¹, в нем не объясняются. По-иному (более правильно) составив словник словаря, М. Фасмер вносит много нового и в содержание словарных статей, однако в принципиальных вопросах он следует здесь все же за А. Преображенским. Как и в словаре последнего, у М. Фасмера объяснение этимологии исконно русских слов обычно ограничивается либо простым указанием на родственные толкуемому производному слова, либо простой отсылкой к соответствующему корню, а объяснение этимологии заимствований — указанием языка-источника.

Объяснение действительного происхождения толкуемого слова, т. е. того, когда, на базе чего и с помощью какого именно способа словообразования оно возникло, дается М. Фасмером в общем очень редко. Нередко встречаются в нем устаревшие и неточные этимологии, не всегда использована полностью существующая литература. И все же, несмотря на имеющиеся в нем недостатки, «Русский этимологический словарь» М. Фасмера является очень ценным пособием для всякого интересующегося происхождением существующих в русском языке слов². Словарная статья, в которой объясняется

¹ В. Р. К и п а р с к и й (рец. на кн.), М. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

² Подробнее о достоинствах и недостатках словаря М. Фасмера см. статьи: В. Р. К и п а р с к и й (рец. на кн.). М. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, «Вопросы языкознания», 1954, № 5; О. Н. Т р у б а ч е в, Об этимологическом словаре русского языка, «Вопросы языкознания», 1960, № 3; Н. М. Ш а н с к и й, Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера, «Вопросы языкознания», 1959, № 5, его же, О содержании словарных статей, посвященных М. Фасмером этимологическому объяснению внутриславянских дериватов, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 3, 1961; его же, Замечания об этимологизации заимствованных слов в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 4, 1963; E. D i c k e n m a n n [рец. на кн.], М. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, „Rocznik slawistyczny“, t. 21, cz. 1, Wrocław — Kraków — Warszawa, 1960.

происхождение исконно русского слова, в словарях А. Преображенского и М. Фасмера строится следующим образом. Дается толкуемое слово, далее приводятся параллели из других языков, затем дается этимология или — если в литературе имеются различные точки зрения — сводка существующих мнений (у М. Фасмера чаще всего с соответствующей критической оценкой).

Поскольку в словаре А. Преображенского в качестве заглавных объясняются, как правило, слова с непроемводной основой, в нем рядом с толкуемым словом перечисляются соответствующие производные. Словарная статья, посвященная этимологизации заимствованного слова, обычно состоит в разбираемых словарях из указания языка-источника и критико-библиографической справки (в словаре Фасмера иногда указывается также дата первой фиксации слова или время появления его в русском языке и дается ближняя этимология слова в языке-источнике). Естественно, что в словаре М. Фасмера за всяким объясняемым словом идет прежде всего объяснение его значения.

Приведем в качестве иллюстраций по два примера словарных статей (из словаря М. Фасмера в переводе на русский язык).

Из словаря А. Преображенского:

ВОЛОКНО, Р. волокна́: Мн. И. волóкна: волокóнце, волокнѣ-стый. сс. влакѣно, б. влѣкно, с. влáкно *ленъ*, *волокну*. ч. vláknо, п. włokno. — По Миклошичу (MEW. 394) едва ли к *велк- (влѣку, волоку): скорее к волосъ. Горяев относит к *велк- (ГСл. 53). Ср. лит. valaknà. В народн. этимологии связывается с волоку.

АПОРТ — род русских яблок; област. севск. óпорт, опороть. — М.-б., вместо *опортъ* по имени г. Опорто, (АСл. 1, 57).

Из словаря М. Фасмера:

АКВЕДУК «водопровод» семинарск. (Лесков) через нововерхненем. *Aquädukt* или прямо из лат. *aquaeductus*.

ЗОЛА «зола», *подзól*, -а, «зола после выварки из нее поташа», «почва из-под выжженного леса», укр. золá, болг. золá, польск. *zoła* «зола после выварки из нее поташа» || является родственным словам *зелёный*, *зóлото*. Сюда: лит. *žilas* «серый», латыш. *zils* «голубой», далее греч. *χολή* «желчь», см. Zubatý Archiv 16, 420, Trautmann BS1, 365. Другие сравнивают балтославянские слова с греч. *υελετυ* *λαμπειν* и с древневерхненемецк. *kolo* «уголь»; древнеинд. *jvālati* «горит», см. М.-Endz. 4, 720, Младенов 194.

В 1961 г. вышел «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и

Т. В. Шанской (под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова). Второе, исправленное и дополненное, издание этого словаря появилось в 1971 г.

Как пишет в предисловии С. Г. Бархударов, «он назван кратким не столько потому, что в нем охват лексики меньше сравнительно со словарем А. Преображенского и М. Фасмера (отдельные разряды лексики в нем представлены даже шире), сколько потому, что в нем отсутствует чисто научный аппарат: все параллели из славянских и других индоевропейских языков (они приводятся лишь в необходимых случаях), систематическое изложение мнений различных ученых по данному вопросу, библиографические указания и т. п.».

Из слов, требующих этимологического объяснения, в нем толкуются только общеупотребительные слова современного русского литературного языка, входящие в его активный запас, причем в большинстве случаев исконно русские. Из иноязычных слов в этом словаре объясняются (по чисто техническим причинам — ограниченность в листаже) в первую очередь такие, которые вполне освоены русским языком и как чужие сейчас не осознаются.

Иностранные слова толкуются в нем, как правило, только тогда, когда их нет в «Словаре иностранных слов» под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова.

Таким образом, при использовании этого словаря следует иметь в виду, что, если какое-нибудь общеупотребительное иноязычное слово объясняется в указанном «Словаре иностранных слов» (о нем см. § 78), оно отсутствует в «Кратком этимологическом словаре русского языка».

Словарные статьи краткого этимологического словаря по своему содержанию могут быть разными. В том случае, если имеется возможность дать в словарной статье объяснение реального происхождения слова, в ней сообщается, исконно или заимствовано данное слово, когда, на базе чего и как оно возникло. В том случае, если оказывается возможным установить лишь генетические связи слова, в словарной статье указывается только характер слова и родственные ему по корню слова.

Параллели заменены в словаре соответствующими пометами (общеславянское, восточнославянское и т. д.).

Для иноязычных слов всегда даются определенные указания о времени их появления в русском языке и первой фиксации в письменных памятниках.

При объяснении исконно русских слов обычно показывается последовательность словообразовательного процесса. Как правило, дается лишь та этимология, которая принимается авторами. Только тогда, когда существует несколько вероятных решений, в словарной статье сообщаются все наиболее предпочтительные. Сопоставительный материал из других языков приводится лишь в качестве иллюстраций выдвигаемых положений.

Кроме объяснительного текста в «Кратком этимологическом словаре русского языка» имеется также вступительная статья «Как пользоваться словарем», а в дополнительных материалах два приложения («Использованные лингвистические термины» и «Транскрипция») ¹.

В качестве примеров словарных статей можно привести следующие:

«Волна́. Общеславянское. Образовано, подобно словам *сторона*, *борона* и т. д., с помощью суф. *-на* от основы *въл-* (ср. др.-русск. *вълати* «волновать», «приводить в движение»). См. *вал*».

«Лентяй. Собственно русское. Образовано с помощью суф. *-й* от исчезнувшего *лента* «лентяй» (ср. *немта* в *немтовать*, см.), производного посредством суф. *-т(а)* от *лѣнъ* «ленивый» (совр. диал. *леной*). Объяснение *лентяй* как производного с помощью суф. *-тай* от *лень* по словообразовательно-фонетическим причинам не может быть принято» ².

Шика́рный. В русском литературном языке укрепляется в XIX в. Заимствовано из франц. яз. Франц. *chicard* — «шикарный» (суффиксальное производное от *chic* — «шик») в русск. яз. переоформлено с помощью суф. *-н*.

С 1960 г. в этимологическом кабинете МГУ началась работа по составлению многотомного этимологического

¹ Из рецензий на «Краткий этимологический словарь русского языка» в первую очередь следует указать рецензии П. Я. Черных («Русский язык в школе», 1961, № 5); М. Фасмера (*Zeitschrift für slavische Philologie*, В. XXX, Н. 2, Heidelberg, 1962); Л. Киша (*Studia slavica* t. VII, fasc. 4, Budapest, 1961); В. Васченко («*Studii si cercetări lingvistice*», 1962, № 1); Я. Сидорской («*Rocznik slawistyczny*», t. XXII, cz. 1, Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962); В. Витковского («*Język rosyjski*», № 5, 1961).

² Ср. у М. Фасмера: «Лентяй, «лентяй», из старого *lěnytajъ* к *лень*, по Соболевскому РФВ. 64, 140; 66, 338, *Slavia* 5, 448. Ср. подобное *гультай*». Подробнее об этом слове см.: Н. М. Шанский, Этимологические заметки, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 1, 1960, стр. 67—68.

справочника с учетом всех новейших достижений советской и зарубежной этимологии и лексикографии.

В 1963 г. вышел первый выпуск этого «Этимологического словаря русского языка», посвященный объяснению происхождения слов на *а* (автор-составитель Н. М. Шанский). Словарь состоит из введения и этимологического объяснения слов на *а* (в этом выпуске объясняется 718 слов, из которых только 231 этимологизируется также и в словаре Фасмера, в последнем на букву *а* содержится 452 слова).

В 1965 г. вышел второй выпуск этого тома словаря на букву *б*, в 1967 г. — третий, на букву *в*, в 1972 г. появятся выпуски четвертый и пятый (*г — ж*) (под редакцией Н. М. Шанского).

По своему общему словообразовательно-историческому характеру этот словарь примыкает к «Краткому этимологическому словарю русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской.

Его основное отличие от краткого этимологического словаря заключается в размере словника (как максималистский он включает все слова, требующие этимологического толкования) и в наличии соответствующего научного аппарата, состоящего из критико-библиографических данных, параллелей для исконно русских слов и сопоставительного материала для заимствований. Сопоставительным материалом из славянских языков в словарных статьях, посвященных происхождению иноязычных слов, этот словарь отличается не только от краткого этимологического словаря, но и от всех ранее вышедших этимологических словарей русского языка.

Приведем три иллюстрации словарных статей:

Акведук. Заимствовано из франц. яз. в XVIII в. (Гальди, 52). По КСРС впервые фиксируется в «Письмовнике» Курганова 1790 г. (II, 217).

Франц. *aqueduc* < *aqueduct* «водопровод» восходят к лат. *aquaeductus* — тж. (Dauzat, 443), представляющему собой сращение слов *aquae* — «воды» и *ductus* «провод, проведение» (от *ducere* «вести»). Устарел. *акведукт* усвоено в XVII в., вероятно, непосредственно из лат. яз. В переводе с польск. «О основании Царяграда и зданиях его изряднейших», в котором оно по КСРС впервые встречается, словосочетание *виденъ акведуктъ* передает *widzieć aquaeductus* (ср. польск. *akwedukt*) Неверно объясняется слово *акведук* у Фасмера (Vasmer, I, 8), См. *водопровод*.

— Укр. *акведук*, белорусск. *акведук*, польск. *akwedukt*, чешск. *akvadukt*, словацк. *akvadukt*, болг. *акведук(т)*, с.-х. *акведукт*.

Аспирантура. Собственно русское. Образовано в советскую эпоху с помощью суф. *-ура* от *аспирант* (см.). По КССРЛЯ впервые встречается в «Положении об аспирантах при АН СССР» 1929 г. В других яз. — из русск. яз.

— Укр. *аспірантура*, белорусск. *аспірантура*, польск. *aspirantura*, чешск. *aspirantura*, словацк. *aspirantúra*, болг. *аспирантура*, словенск. *aspirantúra*.

Абы́. Общеславянское: укр. *аби́*, белорусск. *абы́*, польск. *aby*, чешск. *aby*, *abuch*, *abys*, *abuchom*, словацк. *aby*, каш. *abœ*, н.-луж. *aby*, диал. *abo*, в.-луж. *abo*, словенск. *àboj*. Возникло в результате лексико-синтаксического способа словообразования, путем сращения союза *a* (см.) и частицы *бы* (см.). Ср. синонимические *дабы*, *чтобы*. В др.-русс. яз. встречается и в более «глагольных» формах: *абыхъ*, *абыхомъ*, *абысте*, *абыша* (Срезневский, I, 4).

Иначе и неверно объясняется происхождение этого слова у Махка (Machek, 15).

В 1970 г. появился словарь научно-популярного характера, специально адресованный учителям. Это работа Г. П. Цыганенко — «Этимологический словарь русского языка» (издательство «Радянська школа», Киев, 1970). Специфической особенностью этого словаря является алфавитно-гнездовой способ расположения слов, а также большое количество корнеотсылочных объяснений, совершенно не дающих реальной этимологии, что является серьезным методическим недостатком данной работы. Подробнее о нем см. рец. Ю. В. Откупщикова («Русский язык в школе», 1971, № 3).

Приведем несколько словарных статей из словаря Г. П. Цыганенко.

Вафля «сухое печенье с клетчатым оттиском». Заимствовано из нем. языка в XVIII в. Нем. *Waffel* «вафля» происходит от *Wabe* «соты, ячейки».

Медведь. См. *мед* и *есть*.

Отвыкать. См. *наука*.

Нос «орган обоняния». Древнее слав. слово, сохраняющее свое первонач. значение. Ему соответствуют лит. *pósis*, лтш. *pāsis*, лат. *nasus* «нос», *posalis* «носовой», от этого последнего франц. глагол *nasaliser* «произносить в нос», а от него в лингвистике термин *назализировать* (> *назализация*) «придавать звуку носовой оттенок».

Под. См. *подошва*.

§ 82. Орфографические словари

Орфографические словари в качестве специальных справочников по правописанию слов начали появляться в конце XIX в. Первым таким словарем, содержащим около 3 тыс. слов, был «справочный указатель», издан-

ный акад. Н. И. Гречем в качестве приложения к его работе «Русское правописание» (1885 г.), которая была первой научно обоснованной попыткой унифицировать русскую орфографию. С учебными целями впоследствии орфографические словари выходили неоднократно и самые разнообразные по объему и адресату. Из дореволюционных справочников по правописанию, как самый основательный, следует указать «Подробный орфографический словарь» В. А. Зелинского (1914 г.). Среди орфографических словарей, появившихся в советское время, особенно известен неоднократно издававшийся «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюкова (первое издание относится к 1933 г.).

После упорядочения русского правописания в 1956 г. важнейшим орфографическим справочником — с учетом сделанных изменений — является «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (первое издание вышло в 1956 г.). Этот словарь содержит 110 тыс. слов. Наряду с правописанием «Орфографический словарь русского языка» отражает также имеющиеся в настоящее время фонетические, акцентологические и грамматические варианты слов, а также содержит сведения морфологического и орфографического характера.

Поэтому в известном смысле он может служить пособием также и по грамматике и фонетике русского языка.

Ср.: *ла́ска, -и, р. мн. ласк* (проявление нежности)
ла́ска -и, р. мн. ла́сок (животное)
о́ба, обо́их, м. и с.; ж., о́бе, обе́их
па-де-де́, нескл., с.
паде́ж, -ежа́, тв. -жо́м (в грамматике)
падёж, ежа́, тв. жо́м (о скоте)
падёжный (от *падёж*).
падёжный (от *падёж*)
ста́рина, -ы (былина)
ста́рина, -ы́
юти́ться, ючу́сь, юти́шься
и т. д.

Большой и полезный орфографический словарь, включающий только «трудные случаи», содержит «Справочная книга корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (1960). От академического «Орфографического словаря русского языка» он отличается, кроме того,

и тем, что включает, помимо нарицательных, также собственные имена (ср.: *Авені́р, -а, Авксéнтий, -я, Аг-гриппі́на, Каллистрáт, -а, Эрэб* и т. д.).

В этом словаре мы находим немало (иногда узких по сфере своего употребления) слов, отсутствующих в словаре под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро.

§ 83. Орфоэпические справочники

Словари, специально посвященные лишь правильно-му произношению слов, появились лишь в последнее время. Здесь заслуживает упоминания в первую очередь словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (он вышел в 1959 г. и содержит около 52 тыс. слов), появившийся как практическое применение теоретических работ чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова по русской орфоэпии.

В словарь-справочник для характеристики произношения включены 1) слова, произношение которых (хотя бы частично) не вытекает из написаний, и 2) слова, произношение которых в речевой практике часто является неверным, для характеристики ударения — все слова, в которых могут быть акцентологические ошибки. В пособии дается не только фонетическая характеристика толкуемого слова, но и необходимые нормативные указания. Ср.:

абза́ц, -а [не а́бзац]
горо́х, -а [или -у]
доце́нт, -а [не до́цент]
изоте́ра, -ы [тэ́]
конéчно [шн]
кора́лл [л], -а
неве́стка, -и [не ск]

перепи́щик, -а [у́щи]
портфе́ль, -я [не фэ́; не по́ртфель]
ста́туя, -и [не стату́я]
хи́щник, -а [не шн]
щёлка́ть, -аю, -аешь [не щелка́ть]
я́чневый [допустимо шн]

Полезным справочником по акцентологии является также «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (составители Ф. Агеенко и М. Зарва), созданный в 1960 г. под руководством К. И. Былинского на основе пособия «В помощь диктору» (1951). В 1967 г. вышло второе, переработанное и дополненное издание этого словаря.

По своему словнику этот справочник отличается от академического. Из существительных в нем широко

представлены не только нарицательные имена с подвижным и вариантным ударением, но и собственные (географические наименования, личные имена и фамилии, названия печатных органов, всевозможных произведений и т. д.). Ср.:

Абуки́р
«Авги́» (Греция)

А́вгуста, -ы (жен. имя)

Борне́о [нэ], неизм.

ватерли́ния [тэ]

ва́хта, -ы (дежурство)

вахта́, -ы́ (растение)

Гу́цков

гуцу́л, р. *мн.* -ов

ту́фля, -и; *мн.* ту́фли, -фель

«Тэ́мпо» (Италия)

Чирчи́к, -а и т. д.

§ 84. Словари правильностей

Пособия, содержащие справки по наиболее трудным и в то же время постоянно встречающимся случаям употребления слов и форм, были и остаются в общем редкими, хотя первый словарь подобного рода — «Справочное место русского языка» появился еще в 1843 г.

Из дореволюционных работ такого профиля, помимо известной работы В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (ч. I и II, Пг., 1914—1915), заслуживает серьезного внимания, пожалуй, лишь «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко (Киев, 1914). До сих пор не определен по существу даже словник и характер такого рода пособий.

Словарь-справочник «Правильность русской речи» под ред. С. И. Ожегова (составители Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов) является первым опытом нормативного пособия, специально посвященного вопросам словоупотребления. В нем «содержится около 400 словарных статей, посвященных наиболее типичным случаям трудностей современного словоупотребления»¹. Как правило, в объяснительной статье указываются причины возникновения того или иного факта, отношение его к литературной норме и существующие ограничения и особенности употребления. Даются в ней обычно и примеры правильного и неправильного употребления².

¹ «Правильность русской речи», изд. АН СССР, М., 1962, стр. 7.

² Подробный критический разбор этого словаря-справочника см. в рецензии В. П. Вомперского и Ю. А. Бельчикова в журнале «Русский язык в школе», 1963, № 5.

Два примера словарных статей (выбраны сознательно одни из самых коротких):

Надёть что на кого — что, например: *надеть очки, надеть шубу* и т. п. В устной и письменной речи глагол *надеть* неправомерно смешивается с однокоренным *одеть* (кого — что во что или чем-нибудь). Правильно, например, *одеть ребенка* в пальто, но ошибочно — *одеть очки* и т. п. См. *одеть*.

Смёлый риск — тавтологическое сочетание, в котором слово *смелый* — лишнее: *риск* — это и есть смелое действие. Поэтому неправильно: «Легкого пути не выбирая (*Смелый риск* у всех у нас в крови!), Так и действуй, Коваленко Рая, так и впредь работай и живи» (С. Островой, «Вечерняя Москва», 9/XII 1958 г.).

§ 85. Обратные словари

Единственным полным обратным словарем современного русского языка является вышедшая в ГДР работа Г. Бильфельдта («*Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart*», Berlin, 1958). Словарь содержит около 80 тыс. слов современного русского литературного языка, извлеченных из наших последних толковых словарей и разобранного выше «Орфографического словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро и расположенных по алфавиту справа налево.

Словарь представляет собой очень полезное и нужное пособие, помогающее изучению словообразования русского языка и фонетики конца слова.

В известной степени, может, работа Г. Бильфельдта служит также и справочником рифм (на базе исходных форм слова). Представление об «Обратном словаре современного русского языка» может дать его начало:

а	1—2 трéба	слúжба
ба	потрéба	метеослúжба
ба́ба	учёба	дру́жба
1—2 жа́ба	политучёба	тяжба́
ла́ба	партучёба	изба́
раба́	божба́	три́ба
амёба	ворожба́	диатри́ба
		ла́йба
		ша́йба

В 1968 г. в Польше появился обратный словарь, созданный на основе «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (составители И. Дулевич, И. Грек-Пабисова и И. Марыняк, под редакцией А. Обрембской-Яблонской): *Index a tergo do materialow*

do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego, Warszawa, 1968. С появлением этого словаря значительно облегчилось диахроническое изучение словообразовательной системы русского языка. Характер и подача материала в нем такие же, как и в словаре Г. Бильфельдта.

§ 86. Словообразовательные словари

Настоящего словообразовательного словаря современного русского литературного языка, в котором сообщалась бы существующая в настоящее время словообразовательная структура наличных в нем слов, пока нет, хотя справочник такого рода с правильным членением слова на морфемы важен как для теории словообразования, так и для практики разбора слов по составу.

Первой попыткой создания такого учебно-методического пособия, как толково-нормативный справочник для учителей, является «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи, во втором издании (Учпедгиз, 1964) под редакцией и с предисловием чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. В своей основной части этот в целом полезный и нужный словарь знакомит читателя с морфемным членением около 25 тыс. слов.

Словарная статья состоит, как правило, из толкуемого слова, данного в расчлененном виде. В отдельных случаях в скобках за объясняемым словом для обоснования указываемого морфологического членения даются родственные слова и наблюдающиеся чередования звуков, а также те или иные этимологические справки. Недостатками словаря являются случайность его словника и неточности в определении морфемного состава слова и его этимологии, а также и то, что в нем указывается лишь морфемный состав слов, лишь его, так сказать, поперечное сечение, тогда как настоящий словообразовательный словарь должен давать справки о внутреннем строении реальной словообразовательной структуры слов, т. е. о связях и соотношениях морфем, образующих словесное целое¹.

Представление о характере «Школьного словообразовательного словаря» может дать следующий отрывок:

¹ Подробный критический разбор первого издания этой работы см. в нашей рецензии («Русский язык в школе», 1963, № 2, стр. 105—109).

печён/к/а	печ/н/йк	пеш/е/хбд (срв. пех/бт/а)
печён/оч/н/ый	печ/н/бй	пеш/е/хбд/н/ый
пéчень	печ/у́рк/а	пéш/ий (срв. пех/бт/а; ш — х)
пéч/к/а	печь	пеш/к/бм

В 1970 г. в США вышел морфемный словарь, также названный словообразовательным: Dean S. Worth, Andrew S. Kozak, Donald B. Gohnson, Russian Derivational Dictionary, New York, 1970 г. В нем так же, как и в словаре З. А. Потихи, дается поперечное сечение русских слов на морфемы, но не их словообразовательная структура. Однако, в отличие от «Школьного словообразовательного словаря», в этой работе членение слов производится без последовательного учета соотношений между производной и производящей основой и четкой дифференциации фактов синхронии и диахронии. Несмотря на эти недостатки, словарь является полезным пособием (особенно если иметь в виду содержащийся в нем большой словарный материал: в нем объясняется более 100 тысяч слов). Представление о словаре может дать следующий отрывок:

волос

		влас	ян	иц	а	
		влас	ян	ич	н	ый
		влас	ян	ой		
крас	о	влас	к	а		
злат	о	влас	ый			
сед	о	влас	ый			
		волос				
ни	на	волос				
		волос	аст	ый		
		волос	ат	е	ть	
		волос	ат	ик		
		волос	ат	ост	ь	
		волос	ат	ый		
		волос	ач			
		волос	ён	к	и	
о прост	о	волос	и	ть		
о прост	о	волос	и	ть	ся	
		волос	ик			
		волос	ик	и		
		волос	ин	к	а	
		волос	ист	ость		
		водос	ист	ый		
		волос	ищ	и		

§ 87. Частотные словари

Основной задачей частотных словарей является ознакомление читателя со степенью употребляемости слов в речи. Являясь результатами того или иного статистического исследования определенного лексического материала, частотные словари включают в свой состав (с указаниями частоты употребления слова и количества текстов, в которых оно встретилось) либо абсолютно все извлеченные из соответствующего материала лексические единицы, либо только те из них, частота употребления которых является не меньше какой-нибудь заданной величины.

Настоящим частотным словарем следует считать, в сущности, лишь такой, в котором частотную квалификацию имеют все встреченные в анализируемом материале слова.

Полным частотным словарем современного русского литературного языка может быть словарь только что указанного типа, причем основанный на статистических исследованиях достаточного количества самых различных в экспрессивно-стилистическом отношении текстов. Такого словаря пока еще нет. Впрочем, немного частотных словарей русского языка и таких, которые построены на ограниченном материале и представляют собой, собственно, частотные словари наиболее частых по своему употреблению слов.

Это в первую очередь работы Г. Г. Йоссельсона и Э. А. Штейнфельдт.

Самым большим и серьезным из существующих частотных словарей русского языка, стоящим ближе всего к полному частотному словарю русского литературного языка, является работа Г. Г. Йоссельсона «The Russian Word Count» (Detroit, 1953). Она построена на самом различном по жанровой принадлежности материале и основана на статистическом анализе употребления около одного миллиона слов. Основным недостатком этого словаря, снижающим в известной степени его статистическую ценность, является недифференцированное использование автором хронологически различных текстов, в частности, даже такого материала, который относится не к современной речи, а к литературному употреблению XIX в.

Словарь Г Г Йоссельсона содержит 5230 слов, расположенных в двух списках: в одном они даются в порядке убывающей частотности употребления (в шести группах от более употребительных к менее употребительным), в другом — в алфавитном порядке (с указанием соответствующей группы, в которой слово находится в первом списке).

«Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963) представляет собой частотный словарь 2500 наиболее употребительных, по мнению автора, слов. Для статистического рассмотрения ею бралось 400 тыс. слов из современных текстов различных жанров.

Кроме всевозможных дополнительных материалов, этот словарь содержит три списка слов: 1) общий список по частоте, 2) список слов по частям речи и 3) общий список слов по алфавиту. В целом работа Э. А. Штейнфельдт является полезной, хотя и имеет определенные недостатки, среди которых следует прежде всего отметить неполноту и недифференцированное толкование слов как единиц свободного, с одной стороны, и фразеологического, с другой, употребления.

Приведем пример подачи материала в общем списке слов по частоте.

Слово	Частота	Количество текстов
<i>угол</i>	103	63
<i>бумага</i>	102	59
<i>длинный</i>	102	82
<i>занятие</i>	102	53
<i>участок</i>	102	43
<i>часто</i>	102	67
<i>шестой</i>	102	54
<i>военный</i>	101	51

Совсем недавно появились у нас и «региональные» частотные словари: «Частотный словарь языка газеты» Г. П. Поляковой и Г. Я. Солганика (изд. МГУ, 1971) и «Частотный словарь общенаучной лексики» под ред. Е. М. Степановой (изд. МГУ, 1970).

Частотные словари не только имеют большое практическое значение (для составления учебников и словарей-минимумов, в работах по машинному переводу и т. д.), но и могут быть использованы для изучения некоторых теоретических вопросов лексикологии.

§ 88. Ономастические словари

В последние годы появились ономастические словари русского языка, в которых объясняются собственные имена. Это «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (издательство «Советская энциклопедия», М., 1966) и «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (издательство «Мысль», М., 1966). Как первые опыты этого рода, они неполны по материалу и не очень совершенны по своему лексикографическому характеру. Тем не менее это работы нужные и полезные. Словарь Н. А. Петровского содержит около 2600 мужских и женских имен, известных русскому языку. Рядом с каждым именем даются его варианты, а также интимные и уменьшительно-ласкательные формы (а от мужских имен и отчества). Основным недостатком словаря является неразграничение активного и пассивного именников и, кроме того, ошибки и непоследовательность в этимологических справках. Вот примеры из этого словаря.

Валёнсия, -и, ж. *Заимств.*

Производные: Ва́ля; Ле́ся.

[От лат. *valens* (род. п. *valentis*) — сильный, здоровый.]

Валéнт, -а, м.

Отч.: Валéнтович, Валéнтовна; *разг.* Валéнтыч.

Производные: Валентíк; Ва́ля; Валю́ня, Валю́ся; Валю́ха.

[От лат. *valens* (род. п. *valentis*) — сильный, здоровый.]

Валентíн, -а, м.

Отч.: Валентíнович, Валентíновна; *разг.* Валентíныч.

Производные: Валентíнка; Ва́ля; Валю́ня; Валю́ся; Валю́ха; Валю́ша; Валя́ха; Валя́ка; Ва́ка; Тíна.

[От лат. *valens* (род. п. *valentis*) — сильный, здоровый.]

Валентíна, -ы, ж.

Производные: Валентíнка; Ва́ля; Валёна; Валю́ня; Валю́ся; Валю́ха; Валю́ша; Ва́ка; Тíна.

[Женск. к Валентин (см.).]

«Краткий топонимический словарь» содержит сведения историко-лингвистического характера приблизительно о четырех тысячах различных географических названий, употребляющихся сейчас в русском языке. В словарной статье толкуется не только топоним, но и соответствующий географический объект, так что справочник В. А. Никонова носит полуэнциклопедический, полужыковедческий характер. Несмотря на спорность и неточность многих этимологий, словарь почти всегда может дать справку об интересующих нас топо-

нимах и гидронимах. Представление о характере этого издания могут дать следующие две статьи:

Братск — г. в Иркутской обл. РСФСР, на р. Ангаре. Русские казаки-землепроходцы, услышав этноним *буряты*, осмыслили его как *браты* (по рус. слову *брат*). Построенное в 1631 г. енисейскими казаками укрепление на Ангаре стало называться *Братский острог* (т. е. «бурятский», острог «крепость»), позже с. *Братское*, с 40-х годов нашего века г. *Братск*. При сооружении ГЭС на Ангаре перенесен на другое место.

Йловля — левый приток Дона. Из рус. ил «осадок, мягкий грунт».

§ 89. Словари паронимов

Одним из видов региональных толковых словарей нормативного характера являются словари паронимов, под которыми понимаются то близкие по своему звучанию, но различные по значению слова в целом (как однокорневые, так и гетерогенные), то одни лишь однокорневые слова разной семантики. В последнем случае лексические единицы сходного звучания, но различного значения относятся к паронимии. Несомненно, что появились современные словари паронимов на основе отбора и сепаратизации соответствующего материала из недифференцированных случаев всякого рода неправильностей, отмечаемых начиная со «справочного листа русского слова» Н. И. Греча 1839 г. (ср. указание на случаи смешения слов типа *горбунья* — *горбушка*, *китаянка* — *китайка* и др.)

В качестве первого опыта словаря паронимов можно назвать словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (изд. «Советская энциклопедия», М., 1968). Работа содержит 180 групп (в большинстве — пар) однокорневых слов, различающихся свойственными им значениями и употреблениями. Паронимы располагаются в алфавитном порядке. В словарной статье дается толкование паронимов, затем их словесные связи и употребление в современном русском литературном языке; включает словарную статью раздел «Ошибочно», в котором «представлены примеры ошибочного или неточного использования однокоренных слов» (стр. 8). Словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой небольшой, словарные ста-

ты, как правило, слишком велики для словаря, есть отдельные ошибки в толкованиях некоторых слов, однако при всем том он является пособием, несомненно, полезным. Приведем в качестве иллюстрации словарную статью, в которой объясняются паронимы *жилищный* — *жилой*:

Жилищный. Относящийся к жилищу (в знач.: помещение для жилья, дом, квартира.) *Жилищные условия. Жилищная кооперация. Жилищная комиссия. Жилищный фонд городов. Сегодня пришлось отложить все дела и заняться жилищным вопросом.* Ю. К р ы м о в, Инженер. *Здесь в залах были выставлены схемы, макеты, чертежи, проекты новых районов жилищного строительства столицы.* «Правда», 27.4.1962.

Жилой. Предназначенный, приспособленный для жилья; обитаемый, такой, в котором живут люди. *Жилая площадь. Окошечки — крохотные, и в жилой половине избы, небось, темнота.* И. Б у н и н, Деревня. *За китайским кварталом следует новая жилая часть европейского города.* А. К р а с н о в, Под тропиками Азии. *Жилой дом станции, построенный в прошлом году, стоит почти на самом берегу бухты.* И. С о к о л о в - М и к и т о в, Пути кораблей.

С р а в н и т е. **Жилищный.** *Жилищный (-ая, -ое) фонд, строительство, отдел, комиссия, кооперация, законодательство, условия, норма, нужда, вопрос, проблема и т. д.*

Жилой. *Жилой (-ая, -ое) дом, здание, массив, сарай, помещение, площадь, место, половина, часть и т. д.*

О б р а т и т е в н и м а н и е. С прилагательным *жилищный* сочетаются обычно существительные, имеющие официально-деловой характер, с прилагательным *жилой* — существительные, обозначающие в основном какое-либо сооружение, помещение, место для жилья.

Паронимические сочетания не образуются.

О ш и б о ч н о. В разговорной речи нередко путают прилагательные *жилищный* и *жилой*. Например: *Жилой (надо: жилищный) фонд города не растет.* Из устного выступления.

Житейский — жизненный. См. *жизненный — житейский.*

Значительно большей по словнику и более словарной по своему характеру является книга Н. П. Колесникова «Словарь паронимов русского языка» (Тбилиси, 1971 г.). Под паронимами автор понимает и факты паронимии, и факты парономазии. Для него паронимы это такие, «в какой-то мере сходно звучащие, но имеющие разное значение» слова, которые «ошибочно употребляются одно вместо другого» (стр. 3). В «Словаре паронимов русского языка» содержится 1432 «гнезда» паронимов, что объединяет более 3000 слов. Паронимические «гнезда» даются в алфавитном порядке. В конце словаря приложен указатель, облегчающий поиски необходимого

«сомнительного» слова. Словарная статья состоит из паронимов и толкования их значения. Вот три примера.

Казнь — кознь.

Казнь — высшая мера наказания — лишение жизни.

Кознь (козни) — тайные, коварные и злые умыслы.

Порóжний — порóжный.

Порожний — пустой, ничем не заполненный.

Порожный — относящийся к порогу (брусу на полу под дверью).

Чернй́ка — чернй́ца.

Черника — мелкий ягодный дикорастущий кустарничек. Темно-синие ягоды этого кустарничка.

Черница — 1. То же, что черника. 2. Монашенка.

§ 90. Словари новых слов и выражений

Пока в нашей лексикографии существует лишь один такой словарь. Это словарь — справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (изд. «Советская энциклопедия», М., 1971). Словарь содержит около 3500 новых слов и значений, не зарегистрированных толковыми словарями русского литературного языка и появившихся после Великой Отечественной войны (особенно в 50—60 годы XX в.). Словарная статья содержит толкование семантики слова, подтверждение этого соответствующими цитатами, в отдельных случаях — стилистическую помету, а также справочный отдел, отражающий частоту употребления того или иного слова в обследованных материалах.

Два примера из работы «Новые слова и значения».

Дискрётно, наречие. Прерывисто, дробно. *Может быть, подтвердятся смелые догадки о том, что есть какие-то «атомы» пространства, что оно вовсе не непрерывно, а дискретно* («Известия», 10 июля 1964).

Мáкси-юбка, -и, ж. Очень длинная юбка (противоп. мини-юбка, см.). *Предложение подхватили за океаном и в цитадели «мини-юбок» — Лондоне. «Макси-юбки», доходящие до середины голени, уже включены в арсенал новинок осенней моды 1967 года* («Известия», 14 мая 1967).

Из литературы по русской лексикографии: С. Г. Бархударов, Русская советская лексикография за 40 лет. «Вопросы языкознания», 1957, № 5; В. В. Виноградов, Семнадцатитомный словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания, «Вопросы языкознания», 1966, № 6;

В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка. В кн.: «Язык газеты», М.—Л., 1943, стр. 353—395; В. В. Виноградов, О некоторых вопросах теории русской лексикографии, «Вопросы языкознания», 1956, № 5; Н. С. Ильинская, Словарь языка Пушкина, «Известия АН СССР, отд. языка и литературы», т. 4, вып. 5, 1945; М. В. Канкава, Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958; Л. С. Ковтун, Русская лексикография эпохи средневековья, М.—Л., изд. АН СССР, 1963; Л. Копецкий, рец. на «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника», «Вопросы языкознания», 1957, № 2; А. С. Львов, Работа И. И. Срезневского над древнерусским словарем, «Лексикографический сборник», вып. 4, 1960; Ю. Марков, Частотный список 3000 слов русского языка по Г. Йоссельсону, «Русский язык в национальной школе», 1960, № 3; С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 2; С. И. Ожегов, О крылатых словах, «Вопросы языкознания», 1957, № 2; Н. А. Семенов, Толковые словари русского языка, изд. КГУ, Киев, 1959; Л. Смирнова, К вопросу о частотности употребления русских слов, «Русский язык в национальной школе», 1958, № 2; Ю. С. Сорокин [рец.], Словарь языка А. С. Пушкина, «Вопросы языкознания», 1957, № 5; А. Е. Супрун, Первый советский частотный словарь русского языка, «Русский язык в национальной школе», 1964, № 2; Ф. П. Филин, Заметки по лексикологии и лексикографии, «Лексикографический сборник», вып. 1, 1957; Р. М. Цейтлин, Краткий очерк истории русской лексикографии, Учпедгиз, М., 1958; Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, отд. языка и литературы», 1940, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение в лексикологию русского языка

- § 1. Предмет и задачи лексикологии русского языка 3

ЛЕКСИКА

Слово в лексической системе русского языка

- § 2. Слово как основная единица русского языка 9
§ 3. Основные типы лексических значений русских слов 33
§ 4. Омонимы 42
§ 5. Синонимы 51
§ 6. Варианты слова 62
§ 7. Антонимы 64
§ 8. Контекстуальные синонимы и антонимы 69

Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения

- § 9. Понятие «исконно русская лексика» 70
§ 10. Общеславянские слова 73
§ 11. Восточнославянская лексика 78
§ 12. Собственно русские слова 81
§ 13. Заимствованные слова в русском языке 86
§ 14. Старославянизмы в лексике русского языка 87
§ 15. Иноязычные элементы в лексике русского языка 95
§ 16. Иноязычные слова 96
§ 17. Лексические кальки 105

Лексика современного русского языка с точки зрения сферы ее употребления

- § 18. Общепонятная и социально или диалектно ограниченная
лексика 115
§ 19. Диалектизмы 117
§ 20. Профессионализмы 124
§ 21. Арготизмы 127

Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической

§ 22. Межстилевая лексика	129
§ 23. Разговорно-бытовая лексика	132
§ 24. Книжная лексика	135

Лексика современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса

§ 25. Активный и пассивный запас	141
§ 26. Устаревшие слова	144
§ 27. Неологизмы	158

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Фразеологический оборот как лингвистическая единица

§ 28. Понятие «фразеологический оборот»	167
§ 29. Структура фразеологического оборота	181
§ 30. Значение фразеологического оборота	182
§ 31. Состав фразеологического оборота	186
§ 32. Фразеологический оборот в его отношении к части речи	187
§ 33. Морфологические свойства фразеологического оборота	189
§ 34. Варианты фразеологического оборота	192
§ 35. Фразеологические обороты синонимического характера	194

Фразеологические обороты с точки зрения их семантической слитности

§ 36. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности	196
§ 37. Фразеологические сращения	198
§ 38. Фразеологические единства	200
§ 39. Фразеологические сочетания	202
§ 40. Фразеологические выражения	203
§ 41. Определение степени семантической слитности фразеологического оборота	205
§ 42. Вопрос о месте фразеологизмов терминологического характера	205

Фразеологические обороты с точки зрения их лексического состава

§ 43. Классификация фразеологизмов русского языка по их лексическому составу	207
§ 44. Фразеологические обороты из слов свободного употребления	208
§ 45. Фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями	210
§ 46. Фразеологические обороты со словами, известными лишь в их составе	210
§ 47. Фразеологические обороты со словами устаревшей или диалектной семантики	213

§ 48. Соотношение семантической слитности фразеологического оборота и его лексического состава	214
--	-----

Фразеологические обороты с точки зрения их структуры

§ 49. Структурные типы фразеологических оборотов в русском языке	215
§ 50. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное»	218
§ 51. Фразеологические обороты модели «существительное + родительный падеж существительного»	220
§ 52. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное (с предлогом и без предлога)»	222
§ 53. Фразеологические обороты с особенностями художественно-поэтического характера	225

Фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения

§ 54. Классификация фразеологических оборотов по их происхождению	226
§ 55. Исконно русский фразеологический оборот как языковая единица	227
§ 56. Причины превращения свободных сочетаний слов в фразеологические обороты	229
§ 57. Исконно русские фразеологические обороты, образованные по модели	232
§ 58. Понятие «заимствованный фразеологический оборот»	234
§ 59. Фразеологические обороты, заимствованные из старославянского языка	235
§ 60. Фразеологические обороты без перевода из западноевропейских языков	237
§ 61. Понятие «фразеологическая калька»	239
§ 62. Точные и неточные фразеологические кальки	240
§ 63. Источники фразеологических калек в русском языке	242
§ 64. Фразеологические полукальки	244
§ 65. Фразеологическое калькирование и степень семантической слитности фразеологических оборотов языка-источника	245
§ 66. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления	246

Фразеологические обороты с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств

§ 67. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств	249
§ 68. Межстилевые фразеологические обороты	251
§ 69. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера	252
§ 70. Фразеологические обороты книжного характера	253
§ 71. Фразеологические архаизмы и историзмы	254
§ 72. Стилистическое использование фразеологических оборотов в художественной литературе и публицистике	255

Развитие лексики и фразеологии русского языка в советскую эпоху

- § 73. Важнейшие процессы в развитии лексики и фразеологии
русского языка в советскую эпоху 268

ВАЖНЕЙШИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

- § 74. Основные типы словарей 276
§ 75. Толковые словари 279
§ 76. Дialectные словари 288
§ 77. Словари синонимов 291
§ 78. Словари иностранных слов 293
§ 79. Фразеологические словари 294
§ 80. Исторические словари 302
§ 81. Этимологические словари 303
§ 82. Орфографические словари 310
§ 83. Орфоэпические справочники 312
§ 84. Словари правильностей 313
§ 85. Обратные словари 314
§ 86. Словообразовательные словари 315
§ 87. Частотные словари 317
§ 88. Ономастические словари 319
§ 89. Словари паронимов 320
§ 90. Словари новых слов и выражений 322
-

Николай Максимович Шанский
**ЛЕКСИКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Редактор *Г. Н. Лебедева.*
Переплет художника *А. И. Суслова*
Художественный редактор *А. В. Сафонов*
Технический редактор
Н. П. Цирульницкий
Корректоры *Г. С. Попкова*
и *К. А. Иванова*

Сдано в набор 19/V 1971 г.
Подписано к печати 5/VII 1972 г. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 10,25. Условн. л. 17,22. Уч.-изд.
л. 17,93. Тираж 95 000 экз. Заказ № 3.
А07290.

Издательство «Просвещение» Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
Измайловский проспект, 29.

Цена без переплета 50 коп.
Переплет 10 коп.

60к.